

A woman wearing a wide-brimmed straw hat and a purple dress with a ruffled skirt is shown from the side, holding a white basket. She is standing in a field of purple lavender flowers. The background is softly blurred, showing more of the field and some greenery. The overall mood is peaceful and scenic.

Мария
Николаи

Шоколадная
вилла

Мария Николаи

Шоколадная вилла

Переведено по изданию:

Nikolai M. Die Schokoladenvilla / Maria Nikolai. – Penguin Verlag: München, 2018. – 656 S.

© Depositphotos.com / nejron, обложка, 2019

© Penguin Verlag, München, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

* * *

Глава 1

Карамельно-шоколадная фабрика «Ротман» в Штутгарте, конец января 1903 года

Колокольчик на входной двери издал хорошо знакомый громкий звон, когда Юдит Ротман переступила порог магазина кондитерской фабрики своего отца. Она аккуратно закрыла за собой дверь и быстро вытерла мокрые сапоги о коврик, предназначенный для этого. Погода и правда была ужасной. Ветер, туман, к тому же еще и дождь – и так уже несколько дней.

Но едва она укрылась от неприветливой погоды, как ее успокоил неповторимый аромат шоколада и кондитерских изделий, буквально пропитавший весь магазин. Настроение у девушки улучшилось. Юдит быстро прошла по комнате, богато украшенной зеркалами, позолоченными багетами и лепниной, и опытным взглядом осмотрела витрины.

На начищенной до блеска стойке и в белых лакированных витринах, расположенных вдоль стен, красовались многочисленные изысканные лакомства. Повсюду стояли пиалы и ярусные вазы, стеклянные конфетницы и искусно оформленные баночки с таким соблазнительным содержимым. Сладости из сухофруктов в шоколаде и марципаны рядом с глазированными карамельными батончиками, различные виды шоколадных плиток рядом со всевозможными сортами леденцов. Роскошный ассортимент лакомств Ротмана, бережно разложенный на светлом кружеве в красиво расписанных деревянных коробочках, рассчитывал на должное внимание.

В тот четверг, во второй половине дня, в магазине было много людей. Осматриваясь вокруг и расставляя некоторые вазочки по-новому, Юдит украдкой съела свою любимую конфету и насладилась терпкой сладостью нежного и тающего во рту темного шоколада с ягодной начинкой. Между делом она незаметно разглядывала покупателей.

Мужчина в добротном костюме, по всей вероятности, искал подходящий подарок для слепополуденного визита. Возможно, он хотел восхитить свою возлюбленную, потому что отдал предпочтение ассорти из изысканного пралине и нескольким красным карамельным розочкам. Рядом с ним стояли две девочки подросткового возраста; посмеиваясь, они наклонились над серебряной вазочкой с разноцветным драже. Немного дальше, у следующего прилавка, три женщины в дорогих шелковых костюмах просили показать им самое лучшее, что только было в магазине. В то же время другой покупательнице, несмотря на активную помощь гувернантки, стоило немалых усилий контролировать непомерные желания своих четверых детей, о которых те громко заявляли.

Летом было бы неплохо продавать мороженое, подумала Юдит, глядя на шумную компанию детей, и решила поговорить об этом с отцом. На днях она приобрела подержанную книгу рецептов Агнес Маршалл и с интересом прочитала об описанной в ней мороженице, с помощью которой молоко, сливки, сахар и ароматические вещества превращались в холодный крем. Многочисленные варианты приготовления, представленные англичанкой, она усовершенствовала в своей голове и уже видела фабрику Вильгельма Ротмана первым производителем айвового, ананасового, ванильного и прежде всего шоколадного мороженого в Штутгарте. А возможно, ее отец мог бы стать поставщиком при дворе?

Юдит гордилась тем, чего достигла ее семья. Это было их исконное ремесло. Каждый раз погружаясь в мир шоколада, она была полна идей и энтузиазма. В глубине души девушка надеялась, что однажды сможет принимать участие в судьбе фабрики «Ротман», хотя отец и воспринимал все ее намеки на этот счет как бессмысленную женскую болтовню. Он придерживался мнения, что место женщин – на втором плане, что им следовало бы вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. Юдит же считала, что с этим можно поспорить. В таких городах, как Мюнхен и Берлин, женщин все чаще и чаще брали на работу в коммерческие предприятия. Так почему же в Штутгарте это невозможно?

Между тем она продолжила свой обход и обратилась к одной из трех продавщиц, одетых в черные платья и накрахмаленные фартуки, которые обслуживали клиентов:

– Госпожа Антония, непременно предлагайте сегодня покупателям свежее мятное печенье. А лучше всего расставьте коробочки с ним прямо на прилавке.

– Конечно, мадмуазель, – ответила девушка и принялась выполнять поручение.

Тем временем мать с гувернанткой и кучей детей закончили делать покупки и собирались выходить из магазина. У входной двери произошла небольшая перепалка: каждый из детей хотел выйти первым. Гувернантку, нагруженную множеством маленьких пакетов, при этом резко толкнули, и, пошатнувшись, она упустила на пол часть из них. Пока она пыталась поднять их, младший из детей споткнулся об одну из коробок, растянулся во весь рост на выложенном плиткой полу и раскричался.

«Да успокойся уже!» – вырвалось из уст гувернантки, в то время как мать всего лишь посмотрела через плечо и спокойно вытолкала оставшуюся часть своей «свиты» на улицу. Плач становился только громче, мальчик все это время лежал на полу; гувернантка сделала ему еще одно замечание, поднялась и начала собирать пакеты.

Чтобы не накалять ситуацию еще больше, Юдит схватила айвовый леденец, протянула его ревущему мальчугану и помогла ему встать. В этот же момент она велела продавщице Труде помочь гувернантке поднять с пола подарочную коробку и с облегчением закрыла дверь, когда все вышли.

Остальные покупатели отнеслись к этой ситуации несколько язвительно, но большей частью с юмором и продолжили заниматься своими делами. Кивком головы попрощавшись с сотрудниками, Юдит вышла через межкомнатную дверь в просторный тамбур, соединявший магазин с фабрикой.

Здесь открывался бушующий внутренний мир предприятия, волшебное царство какао, сахара и пряностей, которое Юдит полюбила, когда еще в детстве с удивлением и восторгом впервые переступила порог шоколадной фабрики. Сразу же она почувствовала непривычный дискомфорт в области желудка.

Еще за завтраком отец сказал, что должен обсудить с ней нечто важное, и Юдит с тех пор не переставала задаваться вопросом, о чем же может идти речь. Подобного рода неопределенные намеки были нетипичны для него, и, поскольку растущее любопытство не давало ей покоя, она решила разыскать отца на предприятии. Хоть Юдит и знала, что он не любит личные визиты в рабочее время, но все же надеялась, что отец посвятит ее в суть дела.

Не обращая внимания на предостерегающий внутренний голос, она поднялась по лестнице на верхний этаж здания, где находились служебные помещения предприятия.

Здесь царил деловая тишина. За конторками из лакированного дуба работали более десяти человек в костюмах и галстуках. Они сосредоточенно вели учет магазинов и продукции шоколадной фабрики. Здесь чувствовался запах чернил и бумаги, политуры, мастики и одеколona сотрудников. Заметив присутствие Юдит, один из работников подошел к ней:

– Чем могу быть вам полезен, госпожа Ротман?

– Мой отец у себя?

– Разумеется. Я сообщу ему.

– Не стоит. Он один?

– В настоящий момент у него никого нет, мадемуазель.

Юдит кивнула. Пока сотрудник возвращался на свое рабочее место, она прошла к отдельному помещению, которое находилось в противоположном углу конторы, постучала в дверь, изящно украшенную разноцветным стеклом, и вошла.

Отец стоял у окна и смотрел вниз, на улицу перед фабрикой. Заметив Юдит, он резко обернулся, как будто она застала его за чем-то запрещенным.

– Юдит! – его голос прозвучал довольно грубо. – Что ты здесь делаешь?

Он быстро вернулся за свой представительный, аккуратно обставленный письменный стол, на котором лежала открытая расчетная книга.

– Твои братья опять что-то натворили?

– Нет, отец, – ответила Юдит, осторожно улыбнувшись. – На этот раз ничего.

– В таком случае было бы неплохо, если бы ты присмотрела за ними, пока что-то не произошло.

– Не беспокойтесь, отец, Роберт присматривает за ними.

Работник отправился выполнять свое поручение с ее неугомонными восьмилетними братьями-близнецами.

– Я пришла, поскольку хотела бы сделать вам предложение, – сказала Юдит. Она надеялась в ходе непринужденного разговора выудить, что же такое важное отец хотел сообщить ей.

– У меня сейчас нет времени, – ответил отец. Взяв в руку карандаш, он добавил: – Тебе лучше сейчас пойти домой. Или ты можешь помочь в подготовке пробного пакета для путешественников. Мы поговорим сегодня

вечером.

– Но это важно для меня. – Юдит не давала так просто проигнорировать себя. – Вы же все еще в поиске новых изделий для продажи, не так ли?

– И ты снова решила внести свой вклад?

Девушка пропустила мимо ушей нотку раздражения в голосе отца.

– Да, если вы позволите. Хотя сейчас еще слишком рано, но ведь некоторые вещи необходимо хорошо планировать. Вы же постоянно нам об этом говорите, отец. И поэтому я подумала, что было бы неплохо летом предложить покупателям мороженое.

Отец иронично рассмеялся.

– И ты считаешь, что это важно? Будь добра, Юдит, позволь мне спокойно поработать. Здесь все идет кувырком. Я не могу сейчас думать о мороженом.

– Некоторые идеи нельзя откладывать, – настаивала Юдит. – Вот только что в магазине были дети, им бы это понравилось. Много, конечно, нужно обдумать: как поддерживать низкую температуру, вопросы транспортировки, но...

– Ах, помолчи, пожалуйста. – Отец начал терять терпение. – Возможно, это дельная идея, но я сейчас в отчаянном положении. Отправляйся домой. А лучше всего я вызову Тео, он отвезет тебя. Летом у тебя, так или иначе, будет много других дел, кроме как думать о производстве мороженого.

Юдит насторожилась:

– Как мне вас понимать, отец?

– Здесь нечего понимать. – Он постучал кончиками пальцев по столу. – Ты же и сама прекрасно знаешь, что может ожидать отец от своей взрослой дочери. Поэтому вскоре ты будешь занята пополнением своего приданого.

На какое-то мгновение в кабинете повисла напряженная тишина, и Юдит попыталась осознать сказанное. Наконец она услышала свой лепет:

– Это значит, что я должна...

– Ты выйдешь замуж. Это значит именно это. В двадцать один год действительно пора. Собственно, это я и хотел тебе сказать сегодня вечером. Теперь ты все знаешь.

Он вернулся к работе.

– Но за кого мне нужно выйти замуж? – спросила Юдит в ужасе. Она не могла поверить в то, что ей только что объявили, хотя давно уже об этом догадывалась. – Никого же нет на примете, не так ли?

– Пока нет, но это ненадолго, – сказал отец и начал делать пометки в учетной книге. – Я вовремя проинформирую тебя. Тебе следовало бы мне хоть немного доверять.

У Юдит задрожали колени. Нехорошее предчувствие ее не подвело. Так вот что он хотел ей сообщить. Ей нужно выйти замуж, и это без какого-либо права голоса.

Сделав над собой усилие, она сдержала порыв сказать что-то неуместное. Колкий ответ только усугубил бы ситуацию. Так что она сжала руки в кулаки, развернулась и опрометью бросилась к выходу. Громко стуча каблуками, Юдит сбежала вниз по лестнице; по ее лицу текли слезы, хотя она совсем не хотела плакать.

Неужели она требовала невозможное – просто немного подождать с замужеством? Пока она сама кого-нибудь не выберет? Мужчину, который бы ей нравился. И который бы уважал, а возможно, и ценил то, что она любит работу на шоколадной фабрике и не хочет увядать дома, как ее мать.

Юдит затянула пояс пальто потуже и вышла на улицу, где было довольно сыро. Девушка не ощущала ни дождя, ни холода, пока бесцельно бродила по улицам Штутгарта. Наконец, она оказалась перед станцией горной железной дороги на Мариенплатц. Юдит села в один из вагонов поезда, направлявшегося в Дегерлох, расположенный недалеко от резиденции климатический курорт, где она жила с семьей в усадьбе среди новых вилл. По дороге домой отчаяние сменилось хорошо знакомым боевым духом. Никому не было позволено так просто принимать решение относительно ее жизни и ее будущего. Даже ее отцу.

Глава 2

Прусская крепость Эренбрайтштайн возле Кобленца, конец февраля 1903 года

С пасмурного утреннего неба падал тусклый луч, даже не касаясь земли. Ему не под силу было рассеять темень прошлой ночи, не говоря уже о холоде. В туманном воздухе, наполненном дымом многочисленных вытяжных труб, терялись краски и голоса, расплывались очертания крепости; казалось, что утихла даже большая река, которая с незапамятных времен соединялась с водами реки Мозель у подножия круто возвышающейся скалы.

Хорошо знакомый щелчок поперечного ригеля двери камеры нарушил утреннюю тишину. Виктор, стоявший у решетчатого окна, сквозь которое в убогое помещение проникал дневной свет, повернулся и кивнул входившему надзирателю.

Время пришло.

В последний раз он окинул взглядом комнату, обставленную скромной деревянной мебелью, посмотрел на железный каркас кровати, которую он тщательно застелил покрывалом в сине-белую клетку. Затем он накинул изношенное пальто, поднял потертый чемодан, взял шляпу и пошел вслед за надзирателем из бастиона навстречу утреннему холоду. Они прошли через верхний двор и оказались у высокого восточного фронтона. На мгновение они остановились перед одной из четырех колонн портика, и Виктор еще раз ощутил, какое воздействие со всех сторон на него оказывают светло-желтые фасады зданий. Они были выполнены в классическом архитектурном стиле, что создавало потрясающий контраст на фоне воинственного образа остальной части крепости. Наконец его привели в служебное помещение коменданта крепости на втором этаже над гауптвахтой.

Когда спустя полчаса он опять вышел на свежий воздух, то попросил надзирателя дать ему пару минут. Тот кивнул и остановился. Виктор прошел мимо марширующих солдат через длинный двор и ступил на невысокую наружную стену. Поставив свой багаж, он склонился над массивным ограждением.

Едва ли можно было разглядеть величественный вид, который в ясные дни открывался отсюда сверху на Кобленц и на обе реки, отправлявшиеся как раз в этом месте в длинной излучине в совместное путешествие на север. Вырисовывались разве что силуэты домов, лугов и полей. А расположенные вдали вершины вулкана Айфель с их застывшими озерами

и темными лесами и вовсе не были видны.

Виктор вздохнул.

Он иначе представлял себе первые минуты после освобождения из-под ареста. Множество раз он представлял себе, как становится на эту стену, как птица, расправляющая свои крылья. Он хотел впитать в себя этот чистый простор, с высокой наблюдательной башни рассмотреть мир, прежде чем овладеет этим миром, а мир овладеет им.

Туманная немилость промозглых февральских дней несколько умерила наслаждение этим моментом, однако у него и в мыслях не было роптать на судьбу. После горьких уроков последних лет можно было и примириться с отсутствующим видом. Все было позади, и это единственное, что следовало принимать в расчет. Он быстро повернулся, взял свой чемодан и прошел последние метры в сопровождении надзирателя.

Путь к свободе лежал мимо караула у ворот к близлежащему форту Гельфенштейн, а оттуда вниз мимо многих караульных постов и ворот к населенному пункту Эренбрайтштайн.

С каждым шагом вдоль обрывистой, заросшей скалы Виктор сокращал дистанцию от этой дальней, считавшейся неприступной крепости.

Тонкие подошвы его ботинок утопали в слякотной почве. Но тот факт, что ему каждый раз удавалось удержаться, заставлял его чрезмерно гордиться собой. Единичные порывы ветра обдавали холодной сыростью затылок и заставляли его зябнуть. Когда Виктор наконец добрался в город-резиденцию, у него дрожали колени от напряжения.

У понтонного моста ему пришлось подождать, пока поднятые пролеты снова опустят, после того как проплывет небольшой пароход, затем он перебрался через Рейн, заплатил два пфеннига мостового сбора и, в конце концов, оказался на территории Кобленца.

Облачный покров рассеялся.

Виктор замешкался.

В последний раз он бросил взгляд на своенравный монумент на вершине скалы, грубые, неоштукатуренные стены которого с приходом дня постепенно обретали очертания.

В течение двух лет Эренбрайтштайн был для него тюрьмой; это окантованное свидетельство прусской власти на западе империи с длинными лабиринтами из коридоров, мостов, путей снабжения, казарм, жилых помещений, мастерских и оружейных казематов, стен шириной в метр, траншей и ворот. Там он отбывал наказание за дуэль, которой хотел бы избежать и, более того, злополучный исход которой и возвел его в ранг осужденного преступника. По крайней мере, он получил привилегии

отбывать наказание в крепости возле Кобленца, вдали от Берлина и угнетающих воспоминаний, которые Виктор связывал со своим родным городом.

Он услышал крики и смех, гудок корабля, лай собаки. Мир снова обрел для него свой язык, даже по-зимнему холодный воздух был для него оживляющим.

Виктор пошел уверенной походкой. Казалось, что ноги несут его все быстрее, и внезапное ощущение счастья разлилось в голове и во всем теле. Однако, несмотря на эту зарождавшуюся эйфорию, Виктор прекрасно понимал, что вновь обретенная свобода таит в себе не только бесконечные возможности, но и определенную опасность. И с таким же волевым настроем, с которым он собирался начать свое будущее, он должен был примириться со своим прошлым.

Виктор дошел до двухэтажного массивного каменного здания вокзала в Кобленце. От быстрой ходьбы он согрелся, несмотря на то, что с каждым выдохом изо рта вылетало туманное облачко. Виктор купил билет и присел на лавочку в зале ожидания. До отправления поезда оставался целый час.

В углу большого здания он заметил автомат, у которого возились двое детей, по всей вероятности брат и сестра. Заметно скуцавшая гувернантка сидела рядом, углубившись в чтение. Казалось, что между детьми завязалась настоящая битва за содержимое автомата, причем девочка ничем не уступала брату. Наконец, она, ликуя, получила в руки плитку. Виктор с интересом отметил, что это был шоколад. С трофеем в руке девочка начала убежать от мальчишки, который сперва очень удивился, а потом стал ее преследовать.

Виктор не мог сдержать любопытства. Его всегда интересовали автоматы, и этот был достаточно новый. Он встал и как бы невзначай начал рассматривать аппарат. Кельнское предприятие «Штольверк» уже много лет славилось своим шоколадом и новейшими технологиями, к тому же поставляло автоматы собственного производства по всему миру. В них, среди прочего, продавалось мыло, а также железнодорожные билеты на вокзалах.

Чугунный аппарат, окрашенный в серо-голубой цвет, с дорогостоящей золотистой отделкой был Виктору примерно по подбородок. За окаймленным окошком в виде аркады были видны лотки с шоколадными плитками. Над ними была прорезь для монет, а на эмалированной табличке был расписан механизм действий. Одна плитка стоила 10 пфеннигов. Виктор быстро рассчитал стоимость находящихся внутри шоколадных плиток и понял, насколько выгодной является такая торговля для фабрики

«Штольверк». Хотя он и не стал покупать шоколадку, его талант изобретателя получил импульс. Возвращаясь на свое место, он уже отшлифовывал в уме подобную конструкцию.

Как только он обоснуется на своей новой родине и найдет себе пристанище, то сразу приступит к проекту. С этими мыслями он достал из кармана брюк скомканный листок бумаги, на котором был написан адрес: Эдгар Нольд, Зильбербургштрассе, Штутгарт.

Виктору и в голову бы не пришло сразу после освобождения попытать счастья в Штутгарте, но с тех пор как его сокамерник всерьез порекомендовал ему южно-немецкую резиденцию, она не выходила у него из головы. Штутгарт производил впечатление развивающегося города и, следовательно, открывал предположительно хорошие возможности на рынке труда, к тому же он находился достаточно далеко от Берлина, что обещало необременительное начало. В любом случае никто бы и подумать не мог, что он туда отправится.

Несколько дней назад сокамерник дал ему адрес своего дальнего родственника, Эдгара Нольда, с которым он мог связаться по прибытии. Так что ему было бы не так сложно стать на ноги в чужом городе.

Наконец поезд прибыл, дав громкий сигнал, и остановился под пронзительный звук тормозов – стальной гигант в окружении пара и клубов дыма. Пассажиры выходили из купе первого класса. Женщины закутывались в теплые платки и длинные пальто, мужчины надвигали шляпы на лоб. Некоторые дамы были одеты в дорогие меха; они прятали руки в пушистые муфты, пока служащие занимались их багажом и открывали зонты, чтобы укрыть своих господ от непогоды. Из остальных вагонов выходили менее обеспеченные пассажиры, которые сами несли свои сумки и чемоданы онемевшими от холода руками. Люди быстро направлялись к выходу.

Виктор вышел из здания вокзала и стал на перрон. Он терпеливо ждал, пока толпа пассажиров распределится по вагонам. Разместив свой багаж в купе третьего класса, он присел на деревянную скамью и сквозь запотевшее окно наблюдал за движением на перроне.

Наконец двери закрылись. Издав громкий свист, поезд медленно отправился в путь.

У Виктора началась новая жизнь.

Глава 3

Штутгарт, особняк семьи фон Браун, однажды вечером в марте 1903 года

Зеленая жидкость соблазнительно светилась. В каждом из трех чашеобразных хрустальных бокалов, стоявших на столе, отражался абсент, и при сумеречном свете догорающих свечей создавалась неповторимая атмосфера французского *heure verte*^[1].

Таким же непринужденным было и настроение троих молодых мужчин, собравшихся этим вечером, чтобы соблюсти довольно недешевый ритуал, который уже много лет объединял их.

Первую бутылку вермута привез Эдгар Нольд из поездки в Париж, находясь под впечатлением от той холеной небрежности, с которой французы проводят свою церемонию под названием «Зеленый час». С тех пор его чувственная натура сдалась перед шармом травяного напитка, наслаждение от которого обещало не только наличие приличной доли хмеля. Каждый раз его охватывало ощущение некоего парения над предметами, уносившее прочь гнев и огорчения. А их было немало: все его мысли и переживания были только о том, что его живопись не пользовалась успехом. Если бы только ему не было так сложно переносить на полотно естественные пейзажи или писать портреты. И то и другое пользовалось спросом и хорошо оплачивалось среди уважаемых семей Штутгарта, однако его талант заключался не в банальном изображении действительности и не в создании зеркальных изображений самовлюбленной элиты, которые бы выгодно смотрелись. Вместо этого он уже некоторое время занимался изысканными узорами и замысловатыми цветочными мотивами, которые выглядели жизнерадостно и легко, а не громоздко и напыщенно. Разумеется, что деньги таким образом ему не удавалось заработать, однако Эдгар верил в свой талант. Несколько раз он бывал в Мюнхене, где как раз сформировалось новое поколение художников, там он встретил единомышленников и попытался устроиться в «Югенд» иллюстратором. Этот журнал появился еще семь лет назад и стал достаточно популярным. Эдгара очень задел тот факт, что ему вежливо, однако недвусмысленно отказали: его картины слишком старомодны. Нольд больше ничего не понимал: для Штутгарта он был слишком современен, для Мюнхена – слишком консервативен.

Затем несколько месяцев назад его вновь занесло во французскую столицу. Его отец очень неохотно оплатил ему билеты и оскорбительно упрекнул Эдгара в том, что тот в свои почти двадцать восемь лет зависит

от его пособий. Однако именно эта поездка стала тем самым решающим пазлом, Эдгар наконец отчетливо увидел свое будущее. Во время многочисленных прогулок по Парижу он изучал рекламные плакаты, которые повсюду были развешены на стенах и на столбах для объявлений и рекламировали все, что угодно, – сигары или ликер, специальные магазины товаров для мужчин, книжные магазины, оперу, театры или развлекательные заведения, такие как «Мулен Руж». В магазинах художественных изделий он увидел плакаты прошлых лет и был очарован упрощенным языком форм Анри де Тулуз-Лотрека и красочными эскизами Жюля Шере.

Когда спустя несколько напряженных дней Эдгар вернулся домой, то принял решение: он будет заниматься плакатной живописью и оформлением упаковок. Между тем к нему в руки попал экземпляр книги Бруно Фольгера «Учебник современной предпринимательской пропаганды». С тех пор он пытался копировать иллюстрации из этой книги и развивать свой собственный стиль, в надежде стать на ноги в области рекламы и, наконец, покончить с финансовыми трудностями. Рано или поздно должен был случиться прорыв.

Тихое дребезжание прервало грустные мысли Эдгара и вернуло его к действительности.

Он быстро провел рукой по светло-коричневым локонам и посмотрел на Макса, сидящего рядом с ним. Тот как раз положил серебряную ложечку с прорезью на один из бокалов и разместил на ней кусочек сахара.

Они знали друг друга с пеленок – сыновья состоятельных предпринимателей, чьи семьи с давних лет были дружны. Макс – наследник успешного хозяина машиностроительной фабрики Эбингера, Альбрехт фон Браун – потомок влиятельного в то время банкира в Штутгарте, и он сам – художник и представитель богемы, чей отец, с унижительным непониманием относившийся к художественным амбициям своего сына, владел переживавшим с недавних пор не лучшие времена мыловаренным заводом.

Макс подмигнул ему.

Эдгар также подвинул к себе бокал и ложку для абсента и взял кусочек сахара. Самое время для мужчин поподтрунивать друг над другом, чтобы снять напряжение.

– Ну что, Эбингер, я слышал, ты скоро сможешь получить наследство своего старика? – спросил он своего друга и поставил серебряную ложку таким же образом, как и тот прежде.

– Разве что лет через сто!

– Да ладно. Может, через пятьдесят?

– Довольно уже, Нольд, – обратился добряк Альбрехт, который так же, как и все, занимался своим реквизитом для абсента. – Мы же все знаем, что Макс ничего не смыслит в вязальных машинах. И что старик, так или иначе, покинет фабрику не раньше, чем уйдет в могилу.

– Ты мог бы хорошо устроиться, Эбингер, – сказал Эдгар. – Поставь себе письменный стол и продолжай дело своего старика. А ты тем временем не устаешь резвиться со служанками Штутгарта.

– Да он не в себе, – сказал Альбрехт и подвинул свой приготовленный бокал под один из четырех металлических кранов стеклянного абсентного фонтана, стоявшего в центре стола.

– И уже давно! – иронично ответил Макс.

– Тогда тебе следует подумать о том, чтобы попытаться счастья в Берлине или в Мюнхене. Там сочные, дерзкие и безотказные девушки.

– Я поеду в Италию, – сказал Макс.

– Ради девочек? – переспросил Альбрехт, действительно удивившись.

– Разумеется, ради девочек! – с ноткой сарказма парировал Макс.

– Это и правда уже интересно, Эбингер, – воскликнул Эдгар. – Италия. Твой старик тебя отпустит?

– Это мое решение, не его.

– И как долго ты будешь путешествовать?

– Еще не знаю. Несколько недель, может быть, несколько месяцев.

Эдгар одобрительно присвистнул.

– Смотри-ка, а я и не знал. Твой отец как раз всем рассказывает, что ты займешься делами предприятия. Ни о какой длительной поездке и речи не было.

– Он еще ничего об этом не знает.

Альбрехт удивленно хмыкнул, пока Макс пододвигал свой бокал под абсентный фонтан и аккуратно открывал один из маленьких краников.

Ледяная вода медленно капала на кусочек сахара и стекала сквозь отверстия серебряной ложечки в стоящий внизу бокал с высокопроцентным абсентом. Затем в бокал вставлялась ложка, которая и превращала исходный зеленоватый цвет травяного напитка в молочно-белую жидкость.

– Зеленая фея просыпается! – восторженно выкрикнул Альбрехт. – Она определенно очень красивая, и она точно женщина, Эбингер. Это уж точно твоя стихия!

В этот момент он открыл краник над своим бокалом и с наслаждением наблюдал, как там оживает Зеленая фея.

– Однако не думайте, что я разочаровался в женщинах, – добавил Альбрехт весьма многозначительно. – Совсем наоборот.

Он посмотрел на друзей.

– Ну же, рассказывай! – подбодрил его Эдгар, закручивая свой краник.

– Мы ее знаем? – спросил Макс, в глазах которого читалось облегчение, что разговор был уже не только о его планах на будущее.

– Дочь Ротмана. – В голосе Альбрехта отчетливо была слышна нотка триумфа.

– Юдит Ротман? Ты серьезно? – Макс удивленно посмотрел на Альбрехта и недоверчиво покачал головой. – Кто бы мог подумать?

Альбрехт довольно пил маленькими глотками из своего бокала.

– Хорошенькая крошка, – констатировал Эдгар. – Золотистые локоны и синие глаза. Смесь кобальта и ультрамарина. А фигура просто удивительная...

Он сделал волнистое движение рукой, обрисовывая ее фигуру, в то время как Макс не мог удержаться, чтобы не сделать едкого намека в отношении малопривлекательного Альбрехта:

– Когда речь идет о деньгах, женщины не очень переборчивы.

– Ее отец и сам довольно состоятельный, не в этом дело, – обиженно ответил Альбрехт.

– Дело всегда в этом, – возразил Макс.

– Не обращай внимания на Эбингера, – примирительно сказал Эдгар и поднял бокал. – Давайте выпьем абсент за эту новость!

– Абсент мы пьем за нашу мужскую компанию, друзья, – настаивал Макс.

– Да, Эбингер, женитьба не для тебя, – возразил Альбрехт все еще немного обиженно. – Одной девушки тебе хватило бы максимум на неделю.

– Ну, если речь о малышке Ротман, то, может, и на две, – насмешливо ответил Макс.

Альбрехт фыркнул.

– Может, хватит уже? – поинтересовался Эдгар, стараясь сгладить ситуацию.

– Это еще не решено. – Альбрехт выпил залпом содержимое своего бокала.

– Но ты же уже попросил ее руки, не так ли? – переспросил Эдгар.

– Не лично. Мой отец разговаривал с ее отцом. Они все и решили.

– Ну, тогда уже ничего не может поменяться. Мы с тобой! – Эдгар искренне радовался за друга.

– Разве невеста в таких делах не имеет права выбора? – В голосе Макса послышались едкие нотки.

– Да ты ревнуешь, Эбингер? – с удивлением спросил Эдгар. Он смотрел то на темноволосого, атлетически сложенного Макса, то на бледного, пышнотелого Альбрехта.

Макс в ответ лишь приподнял бровь.

– Знаете, что, – констатировал Альбрехт, – такие важные дела решают мужчины. И так было во все времена. Женщина решения не принимает, ее разум не создан для... для настолько важных решений.

– Я бы так не сказал, – возразил Макс.

– Говорят, что Юдит Ротман довольно своенравна и требовательна. Поэтому вполне возможно, что последнее слово еще не сказано, – отметил Эдгар.

Альбрехт, которому второй бокал абсента постепенно стал ударять в голову, неожиданно рассмеялся:

– Эх, ребята. В этот раз моя очередь, даже если вы и сомневаетесь, привести в свой дом малышку Ротман! Ее старик уже обучил дочь всем необходимым манерам. А в вашем распоряжении остальные девушки Штутгарта. А в твоём, Макс, и вовсе темпераментные итальянки, если из твоих планов по поводу поездки что-то выйдет.

Макс что-то помешивал в своем бокале и сделал вид, что не услышал это замечание.

– Ладно, Альбрехт. Макс равнодушен к Юдит Ротман, у него есть другие варианты... – Эдгар попытался направить разговор в мирное русло. – Он же не такой глупый, чтобы связываться с девственницей. В таком случае он мог бы в мгновение ока оказаться женатым. А это же для тебя преддверие ада, не так ли, Эбингер?

– Разумеется, – лаконично ответил Макс, стряхивая капли с ложки и откладывая ее в сторону.

– Кстати, с недавних пор у меня есть жилец, – поведал Эдгар, чтобы сменить тему. – Бывший заключенный из Эренбraitштайна.

– А где это? – спросил Альбрехт, с любопытством подхватывая новую тему разговора.

– Возле Кобленца на Рейне, – ответил Эдгар. – Его заключили под стражу из-за дуэли, но деталей я не знаю. Он много не рассказывал.

– Если его арестовали из-за дуэли, значит, он, по всей видимости, был военным, – сказал Макс. – Больше нигде не может быть дуэлей, во всяком случае, насколько мне известно.

– Возможно. Он откуда-то с прусской территории, как он сказал, –

задумчиво произнес Эдгар. – Мой адрес ему дал один мой дядя, который одновременно с ним отбывал свой срок в Эренбрайтштайне. Это мог сделать только сумасшедший поэт, один из братьев моей матери из Кобленца. Ему всегда приходилось расплачиваться головой за свои стихи. Моя мать, как мне кажется, единственная, кто время от времени пишет ему.

– Так значит, ты принял у себя бывшего заключенного, – подытожил Альбрехт. – Ты смелый.

– Он показался мне благонадежным. Кроме того, он уже нашел работу в пивоварне «Динкелакер». Я не думаю, что он долго у меня пробудет, – ответил Эдгар.

– Как бы там ни было, – терпеливо сказал Альбрехт, – что касается меня, то я проголодался. Давайте поедим в Дегерлох и перекусим в «Им Лёвен»?

– И заедем к Ротманам? – пошутил Эдгар.

Альбрехт улыбнулся.

Макс допил из своего бокала, заметив:

– Мы могли бы и здесь поесть.

– Да, давайте останемся здесь внизу. Однако прогуляться на свежем воздухе нам не помешает. Как насчет «Адлера»? – предложил Эдгар.

– Я не против. – Макс поднялся.

– За ужин, за дуэль и за женщин, – ухмыльнулся Эдгар, когда они закрыли виллу и отправились в путь.

Глава 4

Вилла семьи Ротман в Дегерлохе под Штутгартом, начало июля 1903 года

В город пришло теплое лето. Собственно говоря, Юдит очень любила это время года, однако вместе с длинными днями вернулись и ее опасения относительно того, что отец сможет воплотить в жизнь свое намерение и выдать дочь замуж. Причиной переживаний стал тот факт, что после того как эта тема несколько последних месяцев не обсуждалась, недавно за ужином отец в деталях рассказывал о свадьбе одного из дальних родственников и многозначительно при этом смотрел на Юдит.

– Почему мы, женщины, вообще обязательно должны выходить замуж? – Она вздохнула, внимательно следя в зеркале туалетного столика за движениями рук своей горничной, которая в это воскресное утро, как и обычно, занималась ее прической. Солнечные лучи, льющиеся сквозь окно, щекотали ей нос. Юдит с трудом удалось сдержать желание чихнуть, чтобы не повредить творение, которое создавалось у нее на голове.

– В замужестве вообще-то нет ничего плохого, мадам, – ответила Дора и достала из печи раскаленные щипцы для завивки. – Многие из нас, служанок, мечтают о том, чтобы однажды обзавестись семьей.

– Многие из вас? Ты тоже, Дора? – спросила Юдит, играя баночкой с кремом, которая стояла перед ней на полочке.

– Я на самом деле не знаю, о чем мечтать, мадам Юдит. Все так непросто с этими мечтами. Чаще всего они не осуществляются.

Дора осторожно отделила прядь длинных, до талии, волос Юдит, зажала кончик пряди между круглыми деталями щипцов и намотала ее. Таким образом она уже уложила равномерными волнами половину волос Юдит, процедура довольно небыстрая и, к счастью, не ежедневная. Однако каждый раз, когда Юдит накануне мыла голову мылом и раствором уксуса, необходимо было щипцами для завивки восстанавливать утерянный блеск. Абсолютно ровными ее волосы никогда не были. Если дать волю природе, то ее волосы распускались довольно своенравными локонами.

– Ну, допустим, они осуществились бы. О чем бы ты мечтала, Дора?

– Я бы хотела отправиться в путешествие, мадам.

Этот ответ очень удивил Юдит.

– Тебе разве не нравится у нас?

– Да нет, конечно же, мне здесь нравится. Но ведь было бы замечательно увидеть что-то другое.

Задумавшись, Юдит на мгновение приставила указательный палец к

нижней губе – привычка из детства.

– Да, я могу тебя понять! Я бы тоже с удовольствием навестила свою мать на озере Гарда. Судя по тому, что она оттуда пишет, там просто очаровательно. Огромное озеро и горы, я бы очень хотела увидеть однажды всю эту красоту собственными глазами.

Юдит закрыла на мгновение глаза.

– Но больше всего мне хотелось бы увидеть маму. – В ее голосе проскользнула нотка печали.

– Да, там должно быть очень красиво, – сказала Дора, стараясь утешить ее. – И мадам точно скоро вернется в Штутгарт после хорошего отдыха.

– Надеюсь, – сказала Юдит. – Она там уже так долго.

Дора попросила госпожу немного повернуть голову и вновь взялась за щипцы.

– Ей нужно хорошо отдохнуть. Врачу лучше знать, когда отпустить ее домой.

Юдит решила сменить тему:

– Сколько лет ты уже в нашем доме, Дора?

– Четыре, мадам.

– А до этого? Где ты была?

Дора замешкалась.

– Ох, было несколько мест, но мне же тогда нужно было еще учиться, – наконец неопределенно ответила она.

Вдруг Юдит поняла, насколько мало знает о прислуге в доме, хотя со многими из них живет под одной крышей.

– Сколько тебе было лет, когда ты уехала из дома? – Юдит осторожно продолжала задавать вопросы, хотя чувствовала, что Доре не нравилась эта тема.

– Мне было пятнадцать. То есть не такая уж и маленькая. Бабетта вынуждена была пойти работать в двенадцать.

Дора закончила завивать волосы Юдит и принялась делать незамысловатую прическу для прогулки. Она собрала несколько прядей на затылке в косу, начесала остальные волосы наверх и свободно вплела их – теперь лицо Юдит обрамляли нежные волны волос. Наконец служанка заплела косу в узел и зафиксировала шпильками.

Рассматривая свое отражение в зеркале, Юдит была довольна результатом:

– Ты, как всегда, все замечательно сделала, Дора.

– Благодарю, мадам! – Дора довольно улыбнулась. По выражению ее лица было видно, что она задумалась. – Можно мне задать вопрос, почему

вы так против замужества, мадам Ротман? Я считаю, что это хорошо, когда у женщины есть мужчина, который о ней заботится.

– Ах, как тебе объяснить? Я думаю, самое главное, что меня не устраивает, – это то, что нас, женщин, никто не спрашивает. Кто-то за нас решает, что нам нужно выходить замуж именно сейчас и, самое главное, за кого.

– Но ведь, – возразила Дора, – возможно, если речь идет о молодых девушках вашего круга, то отцы действительно лучше знают, кто лучше подходит семье и кто сможет обеспечить вам ту жизнь, к которой вы привыкли.

– Возможно, в какой-то мере это так, Дора. Все же мне бы самой хотелось решать, выходить ли мне замуж, и если да, то когда, а самое главное – за кого. В конце концов, это касается не только семьи и денег, но и меня. Кроме того, я ничего так не боюсь, как мужа, который будет указывать, что мне можно делать, а что нет.

– Должно быть, все совсем не так, – сказала Дора. – У мужчины есть своя компетенция, там он имеет право голоса. Но что касается дома, то это ваша задача, как женщины. В этой сфере вы все можете устраивать так, как вам захочется.

– Ну, с твоей точки зрения, Дора, это, может быть, и правильно. И для многих женщин – это именно то, к чему стоит стремиться. Но я же, наоборот, считаю, что не так уж привлекательно изо дня в день заботиться о доме и о детях. Во всяком случае, не только. Я считаю, что...

В этот момент в дверь постучали.

Юдит и Дора переглянулись.

– Да, войдите! – крикнула Юдит, и в комнату вошла Маргарет, экономка.

Юдит заметила, что она чем-то обеспокоена.

– Прошу прощения, мадам. Дора должна пойти со мной. Хозяин велел нам всем собраться в холле.

Ничего хорошего это не означало. Если самым обычным воскресным утром всех слуг собирали в холле еще до похода в церковь, то определенно что-то произошло.

– Разумеется, – ответила Юдит и кивнула Доре, которая наспех сделала книксен и вышла из комнаты вместе с экономкой.

Эта ситуация не давала Юдит покоя. Любопытство – порок. Она прекрасно это знала, однако быстро усмирила угрызения совести необходимостью заботиться о благополучии своей горничной. А для этого ей нужно было быть в курсе того, что происходит в доме.

Накинув халат, Юдит тихонько прокралась в коридор, чтобы понаблюдать сквозь лестничный пролет за тем, что происходило в холле. Обычно здесь, наверху, было не очень хорошо слышно, о чем говорили внизу, но звонкий голос ее отца был таким высоким, что воспринимался как пронзительный звук. Его слова доносились до нее через два этажа.

– Кража – это серьезный проступок, – возмущенно говорил он. – Возможно, некоторые из вас думают, что речь идет не о бедных людях. Что денег достаточно, чтобы без проблем возместить ущерб.

Юдит осторожно спустилась на пару ступенек, откуда было удобнее наблюдать. Ее отец стоял перед слугами, его взгляд был направлен на Роберта, парня на побегушках. Это значит, что у него уже были конкретные подозрения.

– Однако имейте в виду, – продолжил он, не отводя глаз от Роберта, – такой недостойный поступок в доме Ротмана не потерпят, и за него придется отвечать по всей строгости. В таком случае не будет никаких оправданий ни со стороны права, ни со стороны морали!

Обычно уличение в краже означало немедленное увольнение виновника без рекомендаций, Юдит это точно знала, ведь подобное время от времени случалось.

Часто пострадавшие хозяева даже подавали заявление. И при всей критике жесткого нрава своего отца в этой ситуации Юдит полностью была на его стороне, понимая его ярость и суровую реакцию. Брать то, что тебе не принадлежит, абсолютно запрещено. Даже если соблазн так велик.

Но кто же был способен на кражу? Ей в голову также приходил только Роберт. Дора так точно не поступила бы. Ее водитель Тео и кухарка Герти уже много лет работали у них, так что Юдит и подумать не могла, с чего бы это им вдруг воровать. Служанка Бабетта хоть и недолго у них проработала, однако, учитывая ее скромный характер, Юдит было сложно ее подозревать.

– Это не я! – сказал в свое оправдание Роберт так же громко, как и ее отец к нему обращался.

– Ах вот как? – переспросил хозяин дома с насмешкой в голосе. – Тогда мы для начала осмотрим все ваши вещи на предмет пропавших запонок, Роберт. Кто первый вызвался, с того и начнем. – Он схватил юношу за воротник.

Юдит узнала достаточно и собиралась вернуться в свою комнату, как вдруг услышала взволнованный шепот. Она повернулась, быстро поднялась по ступенькам и прогнала с лестницы своих братьев-близнецов.

– Это не для ваших ушей! – напористо прошептала она. – Немедленно

отправляйтесь в свою комнату!

– Но Юдит, – прошептал Карл, старший из них. – Нам нужно что-то сказать тебе.

– Да, нам нужно, – повторил Антон, второй блондин. – Это важно! Смотри!

Антон держал у нее под носом сжатый кулак.

– Что у тебя там, Антон?

Вместо ответа Антон разжал кулак.

– Антон! – Юдит старалась говорить тихо. – Что ты себе думаешь?

– Это не я... – начал оправдываться мальчик, и Юдит быстро затолкала их обоих к себе в комнату, пока никто не заметил, что они подслушивали.

– Итак, – строго сказала она, закрыв за собой дверь. – Что здесь происходит?

– Итак, Карлу... – начал говорить Антон, но брат сразу же его перебил.

– Итак, Антону захотелось поиграть в солдат, – напыщенно объяснил Карл. – И так как солдаты всегда получают ордена...

– ...Карлу захотелось поискать что-то, что выглядело бы как орден, – перебил его Антон.

И оба замолчали.

– То есть, – подытожила Юдит, – вы играли в солдат и искали что-то, похожее на орден. Но скажите, ради Бога, как вы добрались до запонок отца?

– Ну, он был в своем кабинете. Мы подумали, что если у кого-то и есть орден, то точно у него, – сказал Антон.

– Да, так и было, – продолжил Карл, рассматривая дрозда, который летал туда-сюда перед окном Юдит, – но в его кабинет мы не могли попасть, так как он там был, поэтому мы пошли в его спальню. Запонки так красиво сверкали... – Он посмотрел на Юдит и, указав на украшения из золота и перламутра в руке у Антона, смущенно добавил: – Мы подумали, что они тоже подойдут.

– Это ты так подумал, – уточнил Антон.

– Они хорошо пролезли в петлицы солдат и держались там. Вот поэтому! – Карл стал говорить довольно дерзко.

– Вы понимаете, что там, внизу, сейчас необоснованно обвиняют людей? – убедительно спросила Юдит.

Оба брата озадаченно уставились в пол.

– Сейчас сделаем следующее: я отнесу запонки обратно в спальню. А вы тем временем будете наблюдать за холлом. Если собрание будет расходиться, то, Антон, ты сразу же придешь и скажешь мне. Я положу

запонки туда, где отец их обязательно увидит, когда будет брать пиджак, чтобы идти в церковь. То есть не туда, где запонки лежат всегда. И если нам повезет, то он подумает, что сам их переложил.

Оба мальчика кивнули в знак благодарности, и Юдит отправила их на пост. А сама выполнила задуманное. «Надо бы наказать их», – думала она при этом. Но Юдит так не хотелось портить это воскресенье с самого утра, поэтому она предпочла остаться снисходительной.

Спустя час, одевшись для посещения церкви, она стояла в холле вместе с Карлом и Антоном. Когда отец подошел к ним, они втроем посмотрели на белые манжеты, которые были видны из-под рукавов пиджака.

И, действительно, пропавшие запонки сверкали на предназначенном для них месте. Лицо отца было мрачным, и Юдит понимала, что вся эта ситуация очень неприятна для него.

– Юдит! – он резко обратился к ней.

– Да, отец?

– Сегодня утром, – он откашлялся, – произошел инцидент. Я хотел бы, чтобы после службы в церкви ты подошла к госпоже Маргарет и сказала, что проблема решена.

– Разумеется, – послушно ответила Юдит, однако не смогла удержаться, чтобы не спросить: – Что-нибудь еще передать?

Глава 5

В тот же день, после обеда, в саду виллы Ротманов последовала реализация очередного тщеславного плана ребят.

– У тебя есть спички?

– Ой, нет, я забыл взять их!

– Ну, Антон, ты такой болван.

– Сейчас принесу.

Антон повернулся и через дверь, ведущую в подвал, прокрался в дом. Спустя некоторое время он снова был на месте и показывал брату-близнецу прямоугольную коробку.

– Дай сюда!

Карл выхватил у него из рук коробку и засунул ее себе в карман.

– Но ведь я же ее принес! – возразил Антон.

На Карла это не произвело никакого впечатления.

– Я старший! А ты точно где-нибудь уронишь коробку, и мы ее больше не найдем!

– Нет же. И, вообще, ты всего на десять минут раньше родился! – ворчал Антон.

– На двенадцать! – Карл поднял льняной мешок, в котором он спрятал несколько поленьев. – А сейчас пойдем, Антон! Иначе ничего сегодня не получится с костром! Оружие у тебя?

– Разумеется.

Антон демонстративно закинул на плечо два деревянных ружья – отцовский подарок ко дню рождения, отпразднованному месяц назад, – которые значительно дополняли их обмундирование. Снарядившись как следует, они отправились в деревню.

Оба брата были достаточно высокого роста и крепкого телосложения для своих лет. Они редко болели, а если это и случалось, то быстро поправлялись. Из привычных потасовок с соседскими мальчишками они чаще всего выходили победителями. Единственное, что беспокоило отца, – это отсутствие успехов в школе и плохое поведение. При этом он всеми силами пытался улучшить положение. Близнецам устраивали выговоры, они получали пощечины, их лишали ужина или отправляли в детскую (а в более серьезных случаях – и в подвал) – в общем, мальчуганам были знакомы любые виды наказания. Однако санкции отца не оказывали ни малейшего воздействия, впрочем, точно так же, как наказания и предупреждения школьного учителя.

Отчаявшись, отец недавно решил применить новый, революционный метод и приобрел для них книгу писателя Карла Мая. Он лелеял надежду,

что очарование этой историей приведет к тому, что сыновья будут как минимум больше читать. Однако он не смог предугадать, что Виннету, «краснокожий джентльмен», не только побудил их к тому, что они стали больше читать, но и оказался неисчерпаемой сокровищницей всевозможных идей для приключений.

Сегодня Карл как раз решил разыграть сцену, изображенную на обложке, и разжечь костер, который как минимум соответствовал бы рисунку, а может, был бы еще выше. Антон, который был более осторожным, но чаще всего все же увлекался идеями брата, отвечал за провиант, так что по дороге они лакомились хлебом с хрустящей корочкой, щедро намазанным маслом. И хлеб, и масло попали в рюкзак не совсем честным путем, однако это абсолютно их не волновало. Для чего же еще в семье кухарка?

Это был теплый воскресный день. Братья шли по улице вдоль железнодорожного вокзала и дошли до пересадочной станции зубчатой железной дороги, до широкого здания, которое обычно непочтительно называли будкой.

– У нас с собой нет воды, – констатировал Антон, когда они подошли к железнодорожным путям. – А я хочу пить.

– Сам виноват. Сразу было ясно, что ты что-то забудешь, – ответил Карл и опустил связку с поленьями на землю. Антон поставил на землю оружие и рюкзак, которые он нес. Они осмотрелись.

– Я думаю, нам лучше пройти немного за будку, – предложил Карл, поразмыслив. – Здесь все-таки ходят люди.

– Ты хочешь разжечь костер здесь? Нам лучше пойти к лазу, – сказал Антон. – Не хватало еще, чтобы кто-то вызвал пожарных и наш костер сразу потушили.

– Да ну, там скучно. Кроме того, там всегда крутятся ребята Бёппле, а у меня сегодня нет никакого желания с ними встречаться.

У Антона также не было никакого желания встречаться с драчливыми ребятами Бёппле, поэтому он быстро перестал спорить.

– Сейчас прибудет поезд из Штутгарта, – сказал Карл. – Поторопись!

Они собрали свои вещи и зашагали вокруг вестибюля вокзала, пока не скрылись из поля зрения пассажиров и других прохожих. Немного в стороне, возле уборной, они принялись за дело.

Виктор сел на вокзале на Фильдерштрассе в Цаке^[2] и был рад выбраться из наполненной дымом долины Штутгарта наверх, в Дегерлох. Климатический курорт был у всех на устах, поэтому он решил провести там воскресный день и собственными глазами увидеть просторы равнины.

Он с воодушевлением наблюдал, как меняются ландшафты, пока паровоз тяжело тянул вверх два открытых вагона. Деревья вдоль крутых трасс переливались сочной зеленью. Воздух внутри вагона, несмотря на отсутствие оконных стекол, был душным, да и тот факт, что внутри было довольно много пассажиров, вовсе не улучшал ситуацию. Виктор с большим удовольствием отправился бы на открытой платформе, но там не осталось ни единого местечка. Слишком многие жители Штутгарта хотели в воскресенье после обеда ускользнуть из тепличного климата города и немного подышать горным воздухом в лесу Дегерлоха. Он как раз славился своими «бальзамическими» свойствами и способностью облегчить всякие недуги или вообще их вылечить, что очень бы его удивило.

Несколько одинаково одетых молодых людей – очевидно, они были членами одного клуба – запели летнюю песню. Вероятно, не последнюю сегодня, подумал Виктор. Он был наслышан, что в районе Дегерлоха находится огромное количество кафе, которые любят посещать экскурсанты. Если верить слухам, последние кутили лишь поздно вечером, изрядно навеселе, отправляются домой в Штутгарт.

Виктор расстегнул воротник. Они проехали мост через канал у Пфаффенвега^[3] и повернули в Старый Вайнштайге^[4], и с каждым метром он все больше восхищался видами, которые перед ним открывались. Он был в городе уже целых четыре месяца и постепенно, удивительным образом начал чувствовать себя тут как дома. Решающее значение при этом имело лучшее понимание швабского диалекта. Если поначалу диалект казался ему не только непонятным, но еще и примитивным, то со временем он понял, что назальные звуки в сочетании с высокопарными оборотами речи идеально подходят к менталитету местных людей. Людей дисциплинированных, сдержанных и религиозных. Однако одновременно с этим создавалось впечатление, что таким образом компенсировалась их недостаточная умудренность жизненным опытом, также подсознательно ощущалась изобретательность, которая никак не соответствовала замкнутым лицам прохожих на улицах. Несомненно, Штутгарт был в силах наверстать упущенное и встать в один ряд с другими метрополиями империи. Всеми виной, прежде всего, было неблагоприятное расположение города, что усложняло транзитные привязки к сети дорог и железнодорожных путей. Также не хватало судоходной реки, использовалась Неккар, расположенная на расстоянии нескольких километров от города, что также создавало дополнительное препятствие при отправках и доставках. Однако если швабы и впредь будут так упрямо и целеустремленно действовать, они займут одно из главных мест в

промышленном производстве, Виктор был в этом уверен.

Он снял шляпу и провел рукой по коротким темным волосам. Если бы ему в начале года кто-либо сказал, что летом он окажется в резиденции Вюртемберга, он бы рассмеялся. Однако сейчас, когда это произошло, ему нравилось здесь с каждым днем все больше и больше.

Прямо перед ресторацией «Виландсхёэ» открылся особенно прекрасный вид на Штутгарт и его многочисленные башни. Локомотив издал свист, и Виктор почувствовал огромное уважение к той работе, которую проделали конструкторы и строительные предприятия. По крайней мере, по дороге от вокзала в долине до вокзала наверху на равнине преодолевалось почти двести метров разницы в высоте, и крутой путь вдоль роскошных фруктовых садов и виноградников был довольно непростой – с наклоном примерно в пятнадцать градусов. Электрификация была явно подготовлена, но переключение на современный привод еще не осуществлен.

В конце концов, гора была практически преодолена, и они грохотали по мосту с железнодорожными решетками. Виктору на глаза попадались роскошные виллы, среди которых возвышалась тонкая филигранная смотровая башня из обожженного кирпича. Многие пассажиры вышли из вагона на следующей станции. Виктор остался, так же, как и члены клуба, которые со смехом и шутками продолжали свое музыкальное выступление. Вскоре после этого кондуктор профессиональным голосом объявил о прибытии на конечную станцию. Виктор поднялся и вышел из вагона вслед за парнями, которые, как и предполагалось, отправились в близлежащее кафе.

Он с интересом осмотрелся. Однако первое, что он почувствовал, вопреки ожиданиям, был не чистый горный воздух, а сильный запах дыма. Казалось, что кроме него это никто не заметил. Но ощущения Виктора со времен заключения значительно обострились, и он остановился, чтобы найти источник дыма. Пока люди быстро расходились, он медленно сошел с пересадочной станции и внимательно осмотрел местность. Сначала он не заметил ничего необычного. Виктор обошел фахверковое здание с плоской двускатной крышей, мимоходом поздоровался с прогуливающимися празднично одетыми людьми и осмотрел при этом окружающую территорию.

Звонкий детский голос привлек его внимание.

– Ну же, Карл! Давай быстрее!

Второй мальчик ответил с явным раздражением:

– Эй, Антон, ты здесь ничего не сделаешь!

– Туши! Давай же, иначе все сгорит!

– Ерунда, так быстро сарай не сгорит. Помоги же мне!

Виктор ускорил шаг.

– Ну же, Карл! Он горит! Он так горит, он же из дерева!

В звонком голосе была отчетливо слышна паника, и когда Виктор обошел вагонный гараж и оказался с тыльной стороны здания, то увидел там двух мальчиков, которые добросовестно старались потушить вышедший из-под контроля костер. Пока один из них сбивал рюкзаком пламя, второй пытался погасить его платком. Несмотря на все их усилия, огонь просачивался дальше, к деревянной цели.

– Отойдите, оба! – крикнул Виктор мальчишкам, смущенно глядевшим на него.

Он выхватил из рук одного из них платок и с силой сбил пламя, а несколько маленьких воспламенений погасил ногами. Затем Виктор бросил рюкзак на очаг возгорания, чтобы и его потушить.

– И что вы здесь устроили? – резко спросил Виктор, когда опасность миновала.

Оба озорника стояли в ужасном смятении друг возле друга, и, невзирая на гнев, Виктор невольно улыбнулся. Предприимчивая парочка близнецов. Когда Виктор внимательнее к ним присмотрелся, то сразу же определил разные характеры за одинаковой внешностью. Один смотрел на него вызывающе, с выдвинутой вперед нижней губой, а на лице второго читались облегчение и благодарность.

– Мы делали костер... – неохотно начал объяснение более наглый.

– Это я заметил, – сказал Виктор немного дружелюбнее. – Вы считаете, что это разумно? Дерево горит очень быстро!

– Да, м-м... нет, конечно же, нет, это... – пробормотал его брат.

– Закрой рот, Антон, – резко оборвал его брат. – В прерии повсюду трава, а индейцы все же разводят костры!

Чтобы немного разрядить обстановку, Виктор решил пошутить:

– Ага. Вы играли в индейцев. А здесь прерия Штутгарта.

– Точно!

Этому сорванцу палец в рот не клади.

– Как вы думаете, что бы сделал с вами шериф этой местности, если бы вагонный гараж сгорел?

Виктор пытался звать к благоразумию, и казалось, что Антон, тот, который поспокойнее, был готов к разговору.

– Он бы нас арестовал как бандитов, – пробормотал он.

– И он все донес бы нашему отцу, – проворчал второй.

– А что было бы хуже? – спросил Виктор.

– Отец! – выпалили оба.

– Но ведь ничего же не сгорело, – сразу же начал настаивать упрямец.

Виктор ничего на это не ответил.

– Как вас зовут?

Карл толкнул Антона в бок, чтобы тот молчал, но брат в ту же минуту ответил:

– Карл и Антон Ротманы.

– Ротманы? Ваш отец – владелец шоколадной фабрики Ротман?

– Да, верно.

Это было интересно. Виктору было известно о шоколаде «Ротман» еще до того, как он переехал в Штутгарт.

– Вы живете здесь поблизости?

– Да, здесь... – сказал Антон.

– Не совсем, – вмешался Карл.

– Что значит не совсем?

– Ну, нужно пройтись.

– Я думаю, вы возьмете свои вещи, и мы вместе пойдем к вам домой. Возможно, я смогу замолвить за вас словечко перед отцом. В детстве я тоже иногда делал глупости, – сказал Виктор.

Мальчики озадаченно уставились на него и, на удивление, ничего не сказали.

Виктор еще раз осмотрел стену сарая. Ничего страшного не произошло. Однако, вне всякого сомнения, необходимо было сообщить об ущербе. Для Ротмана эти расходы будут не существенны, говорят, что владелец фабрики состоятельный человек. Ну а ребятам, вероятно, предстояло получить наказание.

Близнецы робко собрали свои вещи и пошли.

Когда они все вместе вышли со станции и пошли по улице, Виктор внезапно услышал крики и сильный шум. Он осторожно оглянулся, шум усиливался – взволнованные крики смешались в громкий ор, треск и грохот.

Спустя доли секунды Виктор увидел, что на них с огромной скоростью неслась повозка. Кучер с трудом держался на лошади и изо всех сил натягивал узду, пытаясь остановить двух лошадей. Инстинктивно Виктор расставил руки перед близнецами, чтобы их защитить. Но если Антон отскочил в сторону, то Карл споткнулся на дороге. Не задумываясь Виктор бросился за ним и успел схватить ребенка как раз в тот момент, когда повозка пронеслась мимо них. Он оттащил Карла, но ему не удалось

предотвратить ситуацию, когда одна из испуганных лошадей наступила мальчику на ногу.

Хруст кости и резкий крик Карла заставили Виктора вздрогнуть. Мгновение спустя Карл упал к нему на руки как подкошенный. Одним рывком Виктор забрал мальчика из опасной зоны. Повозка начала останавливаться только через несколько метров.

Воцарилась гробовая тишина.

Антон стоял растерянный на обочине, закрывая рот руками. Вокруг мальчиков и Виктора собирались отдыхающие, на лицах которых читалось что-то среднее между ужасом и любопытством. До нитки вспотевший кучер старался усмирить фыркающих лошадей и обеспокоенно поглядывал на ребят.

Виктор смотрел на мальчика, которого держал на руках. Он побелел и не двигался, его голень была вывернута под неестественным углом, а в открытой ране была видна кость.

Постепенно шоковое ошеломление прошло. Кто-то звал врача, кто-то – повозку, после чего один из соседей принес тележку. Виктор осторожно положил на нее раненого мальчика, который тем временем пришел в себя и начал кричать. Виктор снял свою курточку, положил под поврежденную ногу мальчика и постарался успокоить его.

Толпа зевак расступилась, когда Виктор взял поводок тележки.

– Подождите, пока доктор придет! – с упреком крикнул кто-то из толпы.

Виктор не обратил на него внимания.

– Ты должен мне показать, где вы живете, – шепнул он Антону.

Тот посмотрел на брата, кивнул и медленно пошел. Виктор последовал за ним. Хотя он вез тележку очень аккуратно и насколько возможно старался не трясти ее, боль, должно быть, была невыносимой для жалобно стонущего Карла. Однако было просто невозможно оставить бедного ребенка на обочине пыльной дороги среди толпы глазееющих, пока к ним не доберется врач. К тому же, по всей вероятности, дом мальчиков был совсем рядом.

И действительно, пройдя немного по тротуару, засаженному деревьями, они дошли до поселка экстравагантных, облаченных в пышную зелень резиденций. У одного относительно нового двухэтажного здания с высоким кирпичным фундаментом Антон остановился, повернулся к Виктору, жестом показав, что они достигли цели, и поднялся вверх по небольшой лестнице к входной двери.

Виктор осторожно взял Карла на руки и пошел за ним.

Глава 6

Юдит не могла сделать выбор.

Собственно говоря, она уже выбрала платье для сегодняшнего вечера, но теперь сомневалась относительно своего решения. Возможно, это красивое платье было слишком изящно для воскресного домашнего музыкального вечера. Дора критично на нее посмотрела, когда она попросила достать его. Но оно было абсолютно новое, и Юдит не могла дождаться, когда сможет его надеть.

Она вздохнула.

Нетерпение, как и любопытство, – плохое качество, по этому поводу ей часто читали морали. Она быстро прокрутила в голове все общественные события предстоящих недель, чтобы решить, для какого мероприятия этот наряд был бы более уместен. На ум ей пришло лишь одно – летний бал у семьи фон Браун, – и в воображении появилась картинка, как она элегантно спускается по дугообразной мраморной лестнице, которая ведет из парадного зала на верхнем партерном этаже в сад семьи банкира. В хорошую погоду там встречали гостей, и все смогли бы взглянуть на нее.

Будет ли там Макс Эбингер?

При мысли о привлекательном сыне уважаемого машиностроительного предпринимателя сердце Юдит забилося быстрее. Высокий черноволосый молодой человек нравился ей. Очень нравился. Она часто думала о том, как было бы здорово, если бы отец рассматривал его в качестве кандидата в мужа для нее. Стал бы он тем мужчиной, который соответствовал ее требованиям?

Юдит была наслышана о репутации Макса: о нем говорили, что он безответственный и легкомысленный, постоянно крутит романы с женщинами и предпочитает развлекаться с друзьями в гостевом доме, чем заниматься серьезной работой. Однако, будучи единственным наследником своего успешного отца, он не слишком обременен делами. Его путь уже и так определен.

Чем дольше она думала о нем, тем больше ей приходилось признавать, что она ничего не знает о Максе. Ни о его интересах и предпочтениях, ни о его взглядах. Он был привлекателен для нее, но ведь одной приятной внешности недостаточно. И до настоящего времени он не проявлял к ней особого интереса. Возможно, удачный выход в очаровательном платье смог бы все изменить?

Все же Юдит пришлось включить здравый смысл. Эта партия была для нее исключена, поскольку ее отец на протяжении нескольких десятилетий испытывал неприязнь к старику Эбингеру, причина которой была никому

неизвестна. Они оба просто не выносили друг друга. Поэтому летний бал не сыграет никакой роли.

Юдит вздохнула и осмотрела свою комнату. На туалетном столике лежало свежее издание *Illustrierte Frauenzeitung*^[5], а рядом с ним – рекламный проспект универмага «Бройнингер». Она взяла их и бросила на кровать. Вероятно, здесь можно найти что-то вдохновляющее, что подошло бы для сегодняшнего вечера?

Девушка отбросила мысли о Максе и углубилась в мир фасонов и тканей. Последнее время ей особенно нравились фантазийные и цветочные узоры. Выбирала она недолго и вскоре пришла к выводу, что темно-синее платье с цветочным декором идеально подойдет для сегодняшнего случая. Воодушевленная, она поднялась, быстро бросила журналы на прикроватный столик и собралась было позвать Дору, как вдруг вспомнила, что у горничной сегодня во второй половине дня выходной. Значит, нужно потерпеть со сменой платья.

Взглянув на каминные часы, она вспомнила, что нужно было совершить обход по дому. С момента отъезда мамы Юдит выполняла обязанности хозяйки дома, и к своей задаче она относилась очень ответственно – в надежде, что таким образом сможет помешать планам отца относительно ее замужества или хотя бы отложить их. В конце концов, она была ему нужна в настоящее время. Кто же будет находить общий язык с экономкой Маргарет, кто будет следить за близнецами или принимать гостей? Между тем она надеялась, что отец действительно отложил свои планы. Так как, за исключением своего многозначительного замечания недавно за обедом, он больше о них не говорил.

Юдит не могла не вспомнить свою мать Хелену. Ей никогда не нравилось заботиться о доме и о семье. Чаще всего она была уставшая и обессиленная, а временами и раздраженная, ее постоянно мучила головная боль. Юдит практически не могла припомнить радостные моменты. После рождения близнецов ее болезнь лишь усугубилась. Они постоянно искали и вызывали врачей, пока, наконец, один из них не поставил ей диагноз невращения, или нервная болезнь. Это типично для женщин хрупкого телосложения.

Она перепробовала разные виды лечения, но улучшения не наблюдалось. Отец принял во внимание советы относительно смены климата и недавно построил виллу в районе Дегерлох. Однако вместо того, чтобы почувствовать себя лучше, мама еще больше заболела, так что зашла речь о радикальной смене климата. Тогда было принято решение в пользу акратотермы в Шварцвальде, и, действительно, спустя три месяца

пребывания там мама вернулась отдохнувшей, а в последующие недели снова погрузилась в меланхолию и крайнее раздражение.

Дальше было время постоянных скандалов родителей. Они и раньше ругались, но в одночасье их ссоры показались Юдит куда серьезнее. Речь шла о новейшем виде лечения, которое мама хотела попробовать, какой-то вид естественного лечения, во всяком случае, Юдит так поняла. Для отца же это была необоснованная прихоть его жены. А когда он узнал, во сколько ему это обойдется, то все решил для себя.

Однако мама не сдавалась.

Неделями она обсуждала эту тему с поразительным для ее душевного состояния упорством, просила со слезами, надувала губы и переходила к различным угрозам, что поначалу приводило отца в ярость, но спустя время он все же согласился.

Наконец в мае она отправилась на озеро Гарда на лечение по новейшему методу, и дома все вздохнули с облегчением. Юдит очень скучала по маме, однако не хотела повторения тяжелых испытаний прошлых лет.

Пронзительный звук латунного колокольчика у входной двери прервал ее мысли. Казалось, кто-то постоянно его теребит, так что он звонил без остановки. Взмолвленная Юдит вышла в коридор. Громкий звук прекратился только тогда, когда металлический треск оповестил о том, что дверь открывают. Она услышала тихий возглас, вслед за ним мужской голос и детский плач. Встревожившись, Юдит ускорила шаг.

По широкой лестнице, ведущей из комнат домочадцев сначала в бельэтаж, а затем вниз, на первый этаж и в вестибюль, ей навстречу неслась Бабетта. На ее лице был неподдельный ужас.

– Мадам! – прокричала она, задыхаясь.

– Не так быстро, Бабетта, – попросила Юдит. – Говори, что случилось?

– Мадам, – с трудом переводя дыхание, сказала Бабетта, – мальчики. Карл ранен! – Она указала вниз.

Ничего не ответив, Юдит подобрала платье и поспешила вниз по лестнице.

Когда она вышла в просторный вестибюль, к ней бросился Антон и расплакался. Она рассеянно гладила его по светловолосой кудрявой голове, с удивлением взирая на незнакомца, который медленно шел ей навстречу с Карлом на руках.

– О Господи! – произнесла она. – Это ужасно! Как это могло произойти?

При виде глубокой рваной раны ее охватил приступ тошноты. Еще и

отца нет дома!

Бабетта, подоспевшая вслед за ней, обняла Антона, у которого все еще безудержно бежали слезы по лицу, и увела его на кухню.

– Я могу его где-то положить? Ему нужен врач!

Убедительный низкий голос незнакомца, который держал ее брата, заставил Юдит посмотреть вверх. Она взяла себя в руки.

– Да, конечно. Пойдемте.

Юдит быстро пошла вперед в ближайший зал и указала на стоящий там диван. Пока мужчина укладывал Карла, на пороге появился работник Роберт.

– Бабетта сказала, что мне нужно сходить за доктором Кацом?

– Да, Роберт, – попросила Юдит, – беги за ним, только быстро!

– Речь идет об открытом переломе, скажи это доктору, – добавил незнакомец.

Роберт кивнул. Когда он вышел за дверь, мужчина обратился к Юдит, которая стояла рядом с Карлом на коленях и гладила его по щеке. Мальчик стонал.

– Нам нужны чистые полотенца и кипяченая вода. Я начну обрабатывать рану. – Он взглянул на нее. – Не переживайте так сильно, госпожа Ротман. Он производит впечатление выносливого парня. – Его голос звучал нежно и успокаивающе, и Юдит поняла, насколько взволнованной она выглядит.

– Вода и полотенца, сейчас все принесу, господин, господин... – сказала она, запинаясь, встала и слегка пожала плечами.

– Райнбергер, – кивнул ей незнакомец. – Виктор Райнбергер.

– Господин Райнбергер.

Спустя час врач обрабатывал перелом. Виктор Райнбергер рассказывал, как все произошло, и помогал ему; Юдит также оставалась рядом с Карлом и следила за его дыханием и сердцебиением. Доктор Кац произвел анестезию эфиром. С одной стороны, для обработки перелома ему необходимо было обеспечить неподвижность пациента, с другой – боль была бы невыносима для мальчика.

– Ему нужно как можно меньше двигаться, – сказал врач, когда все было завершено, и он смог снять медицинскую маску. – Лучше всего оставить его пока в этой комнате.

Юдит кивнула:

– Я все сделаю.

– Да, кстати, – продолжил доктор Кац, – скорее всего, ему будет плохо, когда он проснется. Эфир часто вызывает тошноту. Возможно, он будет

немного беспокоен. Дайте ему несколько капель экстракта валерианы и позаботьтесь о том, чтобы кто-то был с ним рядом. Карлу ни в коем случае нельзя вставать!

– Благодарю вас, доктор, – сказала Юдит. – Как вы думаете, как скоро он сможет вставать?

– Ну, такой молодой парень, – подмигнул он ей, – думаю, что где-то через две-три недели он уже сможет ходить на костылях. Разумеется, если не будет осложнений и если он будет беречь ногу. Перелом сам по себе не очень сложный.

– Слава Богу, – вырвалось у Юдит.

– Все выглядит хуже, чем есть на самом деле. На голени не очень много тканей над костью, поэтому рана кажется такой пугающей. Единственное, ни в коем случае нельзя допустить заражения. Поэтому первое время я буду приходить каждый день, чтобы сменить повязку. Когда мы будем уверены, что процесс выздоровления идет хорошо, вы сами сможете выполнять эту работу, госпожа Ротман.

– Вы даже не представляете, как я вам благодарна! – У Юдит будто камень с души упал.

– Он потерял много крови, – добавил доктор. – Позаботьтесь о том, чтобы ему приготовили мясной бульон, как только он сможет есть.

– Я все сделаю.

– А сейчас мне пора идти, госпожа Ротман. Если случится что-либо непредвиденное, сразу же зовите меня. Я живу поблизости.

Юдит хотела еще раз поблагодарить доктора, как вдруг дверь резко распахнулась.

– Как это могло произойти?! – В голосе Вильгельма Ротмана слышались в равной мере беспокойство и ярость. – Юдит! Ты же должна была следить за братьями!

Сделав три больших шага, он подошел к дивану и посмотрел на Карла: мальчик хотя и был бледным, но спокойно спал.

Врач сразу понял, в каком состоянии был отец, поэтому сказал ему:

– Можно вас на пару слов, господин Ротман?

Вильгельм Ротман перевел взгляд с Юдит на Виктора, а затем с Виктора на доктора Каца.

– Пойдемте в мой кабинет, доктор, – сказал он немного спокойнее. – А с вами, – он указал на Виктора, – я хотел бы поговорить минут через двадцать. Юдит, иди к себе в комнату!

– Если вы позволите, я бы осталась с Карлом, – осторожно возразила она.

Врач кивнул:

– Разрешите ей, господин Ротман. За мальчиком нужно присматривать.

– Ну хорошо. – Вильгельм Ротман снова посмотрел на Виктора. – Тогда подождите в вестибюле, пока вас не позовут.

– Конечно, – сказал Виктор, и Юдит заметила на его лице легкую улыбку, что было ему к лицу. Казалось, что он понимает беспокойство отца.

Доктор Кац положил руку на плечо господина Ротмана, и они вместе вышли из комнаты. Виктор Райнбергер поднял свою курточку, которую неосторожно бросил на пол. Когда он хотел ее надеть, Юдит заметила на ней несколько пятен крови.

– Пойдите! – Она подошла ближе, чтобы взять у него из рук испачканную вещь. – Мы позаботимся о том, чтобы очистить вашу курточку. Хотя бы это мы можем для вас сделать? – Она с благодарностью ему улыбнулась.

– Очень мило с вашей стороны, мадам Ротман, – ответил Виктор. – Но я лучше сам все почищу. У меня нет другой курточки.

Юдит не стала спорить и взглянула на крепкого мужчину. Только сейчас она заметила, что его воскресный костюм был изрядно поношен и не очень хорошо на нем сидел. Вероятно, он взял его напрокат или кто-то ему его подарил. Воротник рубашки был потертый, хотя и безупречно чистый, равно как и галстук.

– Я не хотела показаться навязчивой, – пробормотала Юдит. – Извините меня, господин Райнбергер.

Виктор посмотрел на нее, и на его лице снова появилось лукавое выражение. Он быстро провел рукой по темным коротким волосам.

– Не переживайте, мадам Ротман. Моя курточка на сегодняшний день – это наименьшая из проблем. Самое главное, чтобы он, – Виктор указал на Карла, и его лицо на мгновение стало опять серьезным, – скорее поправился.

Юдит кивнула. Она вдруг осознала, что не может отвести взгляд от его лица. Что-то в нем определенно привлекало.

Виктор улыбнулся, и его сине-зеленые глаза заблестели.

– Вы точно уж наилучшим образом позаботитесь о своем брате, госпожа Ротман. А я подожду в вестибюле, пока меня не позовет ваш отец.

Проходя мимо нее к двери, он нечаянно коснулся ее плеча, а потом добавил:

– Иначе у него ко мне будет больше замечаний, чем благодарности.

Глава 7

Именно Бабетта спустя полчаса пришла за Виктором в представительный вестибюль, чтобы отвести его к Вильгельму Ротману. Пока Виктор ждал, он успел рассмотреть деревянную обшивку с изумительной инкрустацией и несколько дорогих картин. Его внимание привлекли также роскошные ковры на светлом мраморном полу и свежие цветочные композиции в фарфоровых вазах. Высокое зеркало из свинцового хрусталя делало зал еще более уютным. Вилла владельца шоколадной фабрики действительно была впечатляюще обставлена. Семья и правда жила в достатке.

В коридоре он столкнулся с доктором Кацем, который как раз надевал шляпу и собирался уходить.

– Вы повели себя как настоящий мужчина, – сказал он с уважением. – Антон был очень взволнован, он описал нам весь ход событий.

– В этом нет ничего особенного, – ответил Виктор. – Это была естественная реакция.

– Для нас с вами – возможно, – сказал доктор Кац. – Но на самом деле не каждый бы бросился на двух несущихся лошадей, чтобы спасти абсолютно чужого мальчика. Карлу очень повезло.

– Я рад, что оказался в нужное время в нужном месте, – сказал Виктор. – К счастью, парень в скором времени поправится.

Доктор Кац улыбнулся.

– Если будет соблюдать правила игры. Ему это не всегда легко удается.

– Да уж, видно, что у него своенравная натура. Я заметил это, несмотря на наше мимолетное знакомство, – с улыбкой добавил Виктор.

– Своенравная натура – это очень мягко сказано. Но вполне возможно, что он извлечет урок из сегодняшнего происшествия. – Доктор Кац слегка коснулся пальцами шляпы в знак прощания. – Хорошего дня!

– Я сейчас провожу вас, – быстро сказала Бабетта.

Но доктор Кац покачал головой:

– Благодарю, я сам справлюсь.

Доктор направился к выходу, а Бабетта и Виктор подошли к двери кабинета Вильгельма Ротмана.

Горничная постучала и, получив ответ Ротмана, позволила Виктору войти, а потом тихо прикрыла за ним дверь.

Вильгельм Ротман сидел за большим письменным столом из лакированной лещины. В мраморной подставке лежало несколько письменных принадлежностей, среди которых толстая ручка с золотым пером, которой он, судя по всему, подписывал важные документы. Сбоку

стояла серебряная чернильница.

– Я сейчас, – сказал предприниматель, сортируя некоторые документы.

– Разумеется, – ответил Виктор и сделал шаг в сторону.

В этом помещении все также было буквально пропитано богатством и элегантностью, начиная от настольной лампы из белого опалового стекла, выпуклая часть которой была украшена золотыми элементами, до встроенной мебели, шкафов, застекленных витрин и книжных полок, которые были расставлены вдоль двух стен. Виктор обратил внимание на новое юбилейное издание энциклопедии Брокгауза из семнадцати томов, наряду с сотнями других научных, исторических и литературных произведений. Эрудицию здесь демонстрировали напоказ. Рассеянный свет, пробивавшийся сквозь обрамляющие высокие окна тяжелые бархатные занавески, усиливал это впечатление.

На заднем фоне громко работал маятник богатых, до блеска отполированных напольных часов, и как раз громко пробил ровно час.

Вильгельм Ротман отложил документы, будто ждал этого сигнала, и присел на свой стул с подлокотниками.

Какое-то мгновение Виктор чувствовал на себе оценивающий взгляд, затем фабрикант поднялся и подошел к нему.

– Я думаю, мне не стоит представляться. Но не могли бы вы назвать мне свое имя?

– Виктор Райнбергер.

– Вы сегодня спасли моему сыну жизнь, господин Райнбергер.

– На самом деле я не сделал ничего особенного.

– Некоторое время назад я спросил Антона, что они делали у вокзала, – заметил Ротман. – Он не смог мне толком ничего объяснить, разумеется, мальчик очень взволнован. Однако он упомянул о маленьком костре, который они с Карлом разожгли и не могли потушить.

– Можно и так сказать. Я помог им тушить костер. Когда мы вышли со станции, на нас понеслась упряжка.

– И вы оттянули Карла от лошадей. Они могли его растоптать.

– Я и сам безумно рад, что трагедии удалось избежать. Но увы, ваш сын еще какое-то время будет помнить о случившемся. Перелом будет болеть.

– В таком случае я ему не очень сочувствую. Он же просто неугомонный. Пусть это станет ему уроком. – Ротман подошел к небольшому буфету. – Разрешите предложить вам коньяк, господин Райнбергер! Или лучше водку? Грушевую? Сливовую? Яблочную?

– Благодарю, не откажусь от грушевой, – ответил Виктор.

Ротман налил две рюмки и протянул одну ему.

– Выражаю вам свою искреннюю благодарность, господин Райнбергер.

Они чокнулись рюмками. Виктор насладился легким жжением алкоголя в гортани и на мгновение закрыл глаза. Только сейчас, когда напряжение спало, он ощутил безумную усталость во всем теле.

– Присаживайтесь же, – предложил Ротман и указал на одно из кожаных кресел, которые вместе с сервировочным столиком стояли в углу кабинета.

Поблагодарив, Виктор присел.

– Вы не здешний? – спросил Вильгельм Ротман и опустился в кресло рядом с гостем.

– Нет, – ответил Виктор.

– Это слышно по интонации, с которой вы говорите. Намного сильнее, чем по отсутствию швабского акцента.

– Я из Пруссии.

– Вы понимаете местных людей?

Виктор рассмеялся:

– Уже да. Но поначалу было непросто.

– В Швабском Альбе вам было бы еще сложнее, – сказал Ротман. – В Штутгарте говорят изысканнее.

– В этом вы абсолютно правы. Но так далеко я еще не ездил.

– Как же вы здесь оказались, господин Райнбергер?

– Я решил попробовать что-то новое.

– В Штутгарте? Неужели Кельн или Гамбург не были бы более интересны в этом плане?

– Не думаю. К тому же у меня есть друг в городе, следовательно, мне было проще принять это решение. – Виктор выбрал путь полуправды. Он ничего не хотел рассказывать о своем прошлом. – Кроме того, Штутгарт хорошо развивается, – добавил он.

– Да, никто и подумать не мог, что швабы на это способны, – ухмыльнулся Ротман. – С виду они спокойные, иногда даже черствые. А затем вдруг открывается дверь какой-нибудь мастерской, и из нее выходит новое изобретение. Вы только вспомните Роберта Боша и его магнето высокого напряжения.

– Или Готтлиба Даймлера и его автомобиль.

– О, да вы неплохо разбираетесь в теме, – любезно заметил Ротман. – Жаль, что он уже ушел из жизни, этот Готтлиб. Однако его компаньон Майбах продолжает дело. Он постоянно что-то создает для этого эксцентричного австрийца Эмиля Еллинека. Вы о нем слышали, господин Райнбергер?

– Нет, еще не слышал.

– В один прекрасный день он появился в мастерской Майбаха и не отставал от него, пока тот не создал для него двухместный гоночный автомобиль, на котором он в 1901 году участвовал в гонках в Ницце. И сразу же выиграл. С тех пор автомобили Майбаха, кстати, и называются «мерседес», в честь дочери Еллинека.

– Позвольте задать вопрос, есть ли у вас такой автомобиль, господин Ротман?

– О да! – Глаза фабриканта заблестели. – Уже два года, «мерседес», тридцать пять лошадиных сил. Один из первых этой серии. Уже выпустили «Симплекс», но он, наверное, и стоит целое состояние.

Виктор воодушевился:

– Все, что касается техники, очень меня интересует. К сожалению, у меня никогда не было возможности получить соответствующие знания.

– Если вы в этом хоть немного разбираетесь, то у нас в городе есть прекрасные возможности, господин Райнбергер.

– Вы из Штутгарта, господин Ротман?

– Да, я здесь вырос. Однако я провел два года в Париже, прежде чем начал работать на шоколадной фабрике своего отца. Каждый, кто хочет производить невероятно хороший шоколад, должен поработать в Париже. Налить вам еще? – спросил он и приподнял свою пустую рюмку.

Виктор кивнул, и Ротман налил ему вторую рюмку водки.

– Господин Райнбергер. Я хотел бы выразить вам свою благодарность, конечно же, не только словами. Я думаю о вознаграждении в размере 400 марок. Вы согласны?

Виктор поперхнулся водкой и закашлялся. Ротман смеясь похлопал его по спине:

– Вы это заслужили.

– Это очень щедро с вашей стороны.

– Ну, значит, решено.

– Однако... – Виктор все еще не мог откашляться. – У меня к вам еще одна просьба.

– Еще одна? 400 марок – это половина годовой зарплаты моего водителя!

– Речь не о размере денежной суммы. Вы очень щедры.

– А что же тогда?

– Я бы хотел у вас работать, господин Ротман.

– У вас не было с собой шляпы, господин Райнбергер? – спросила горничная, когда Виктор спустя два часа снова вышел в вестибюль.

Он отрицательно покачал головой.

– Она потерялась, когда я оттягивал Карла с дороги.

– Хозяин вам все возместит, – заверила она.

Виктор лишь улыбнулся. Шляпа была ему не важна. К тому же она была уже изрядно потрепана; пусть найдет свою судьбу на дорогах Дегерлоха. Или нового хозяина.

Девушка открыла ему дверь, и Виктор медленно пошел, стараясь не упасть, вниз по лестнице. Они не остановились на двух рюмках. А под конец Ротман предложил очень хорошее вино.

Когда Виктор стоял на улице, он еще раз обернулся и посмотрел на виллу Ротмана. В мягком свете летнего вечера достаточно новое здание с разнообразными оконными проемами и осями, многочисленными балконами и выступами, переходами от отштукатуренных фасадов к кирпичной кладке было не таким, как при дневном свете. Весь ансамбль был спроектирован и построен, разумеется, с огромными расходами. Все же Виктору казалось, что оно из прошлой эпохи – грубое, отталкивающее и высокомерное. Но при этом внутри у него не было такого ощущения.

Как бы там ни было, если он не хотел добираться домой в полной темноте, пора было отправляться в путь. Чтобы не тратить 20 пфеннигов на обратный билет на зубчатую железную дорогу, он пошел пешком вниз через лес и виноградники.

Глава 8

Рива на озере Гарда, начало августа 1903 года

Хелена сделала глубокий вдох, задержала воздух и выдохнула, издав при этом тихий шипящий звук. Закрыв глаза, она ощущала свое дыхание и тепло летних дней на своей коже. *Panta rhei*^[6], у нее в голове прозвучало выражение Гераклита. «Все течет...» И правда.

Она зажмурила глаза.

С южной стороны по озеру прошелся сильный ветер. Он привел в движение гладь воды и освежил своим дыханием маленькие беседки на северном берегу, окруженные пробковыми дубами, араукариями и старыми шелковицами.

На просторной парковой зоне санатория «Гартунга», у самого озера Гарда, было расположено примерно двадцать таких беседок, рассчитанных на двоих. Они предусмотрены для пациентов с целью лечения горным воздухом, поэтому в них были большие незастекленные окна. При таком хорошем проветривании здесь легко можно было переносить летнюю жару, в других местах зной приносил духоту и апатию.

Хелена все же, как и сейчас, больше любила проводить время на каменистом берегу озера и наслаждаться глубоким внутренним умиротворением, которое она испытывала при виде переливчатых синих оттенков воды у своих ног. Ей казалось, что течение уносит все ее заботы, чтобы принести взамен безмятежное спокойствие. И могучие суровые горы за ее спиной не были для нее пугающими, а, напротив, создавали впечатляющий и вдохновляющий контраст. Здесь были ворота, ведущие на южную теплую равнину, там – неукротимая природа с убогими отвесными скалами и покрытыми снегом горными вершинами. Хелена не воспринимала горы как опасность, совсем наоборот, она чувствовала себя защищенной. Казалось, что эти горные цепи непреодолимо стоят между настоящим и прошлым, между ее нынешним приютом и цепью жизненных событий с северной стороны Альп, которую она была готова разорвать.

Слишком долго она спорила, жаловалась на судьбу, но тем не менее не пыталась что-либо изменить. Сейчас же она начала смотреть на мир другими, собственными глазами и выражать его посредством живописи. Хелена и не подозревала о такой творческой энергии внутри себя, и с каждым днем эта энергия удивляла ее все сильнее; работа с кистью и красками приносила ей спокойствие и абсолютно новое ощущение жизни. Это она своей рукой творила, улавливала игру света и тени, определяла композицию. Какой дар!

Она развела руки в стороны, откинула голову назад и медленно начала вращаться по кругу.

– Не так быстро, мадам, иначе голова закружится!

Хелена остановилась и улыбнулась.

Георг Бахмайер, гость из Мюнхена, как и обычно, занял беседку поблизости.

Она повернулась к нему.

– В этом же и смысл упражнения, господин Бахмайер! – весело ответила она и еще раз покружилась.

– Тогда кружитесь! Я с удовольствием вас поймаю! – Он подмигнул ей.

За несколько недель пребывания здесь Хелена привыкла к необычному образу жизни в санатории и относительно свободному общению мужчин и женщин. Солнце пробуждало жизненные силы и ощущения, и никто не препятствовал флирту между гостями. Это, очевидно, было связано с тем, что за публика преимущественно здесь отдыхала – писатели, музыканты, художники, поэты и мыслители, то есть элита из сферы искусства и культуры. Складывалось впечатление, что это место для свиданий. Как и Хелена, многие из них боролись с потрепанной нервной системой, и ей удалось найти нескольких товарищей по несчастью. Дома ее болезнь воспринималась как тягостный недуг, никто из родных ее не понимал. Диагноз неврастения, который был ей поставлен, и различные симптомы, от беспокойства до глубокой меланхолии, были, по мнению Хелены, неудачной попыткой объяснить, что с ней происходит. Больным, как ей объяснили, тяжело «найти баланс между производством и использованием нервной энергии». Ну, можно и так выразиться.

– Как вы смотрите на то, мадам, чтобы нам вместе отправиться в Торболе? – Георг Бахмайер продолжал разговор, хотя Хелена и дальше занималась своими дыхательными упражнениями. Ему пришлось некоторое время ждать ее ответ.

– Вы же знаете, что я больше всего люблю проводить время у мольберта, господин Бахмайер, – ответила она. – После поездок мне не по себе.

– Вы заблуждаетесь, мадам! Там останавливался в 1786 году великий Иоганн Вольфганг фон Гёте. Для вас, как для художницы, атмосфера древности, должно быть, так же живительна, как и для него!

Хелене нравился этот гость из Мюнхена, но она догадывалась, к чему может привести ее слабость перед его натиском относительно совместного времяпрепровождения. Георг Бахмайер находился в Риве всего лишь несколько дней и всячески пытался сблизиться с ней. Его интерес нравился

ей, однако заводить роман Хелена была не намерена. Поскольку сама она еще мало где была в окрестностях, ей, разумеется, хотелось отправиться в Торболе, но прежде всего нужно было навести порядок в своей жизни, и для этого ей нужны были покой и дистанция, а отнюдь не любовник.

– Знаете ли, господин тайный советник Гёте выражал свои впечатления словами. Для живописи необходимы другие импульсы, – заметила Хелена, которую уже начал напрягать разговор.

Пока она вновь обретет силы, пройдет еще какое-то время.

– Па-па-па-п-п, – отреагировал на ее возражение Бахмайер. – Искусство есть искусство.

– А с каким искусством знакомы вы, господин Бахмайер, что беретесь так судить? – язвительно спросила Хелена.

– Ну, я не поэт, не художник и не музыкант. Я критик, то есть искусствовед. – С явным удовлетворением от своей игры слов Бахмайер провел рукой по пышным седым бакенбардам, с которыми он немного напоминал австрийского кайзера.

– С моим искусством вы все же не знакомы, – возразила Хелена и испугалась саму себя. Самообладание – это была как раз та добродетель, которую ей с детства вдалбливали в голову, а этот ответ вырвался у нее без раздумий. – Извините, господин Бахмайер. Мне бы хотелось перед ужином вернуться в номер, я уже достаточно времени провела на свежем воздухе.

– Разумеется, мадам, – великодушно сказал Бахмайер, так, будто он простил ребенку его шалость. – А экскурсию в Торболе мы еще обсудим. Посмотрим!

Сказав это, он снял с себя одежду и в чем мать родила бросился в прохладную воду. Хелена ухмыльнулась перед лицом такой безответственности. Насколько сильно он действовал ей на нервы, настолько же вызывал у нее смех. Мужчины и правда вели себя здесь, как дети: с удовольствием плескались обнаженными в озере, плавали и ныряли, брызгались водой. Женщины, которых было значительно меньше, вели себя преимущественно благородно, как и везде: на частном пляже реформаторского санатория действовал неписанный закон, согласно которому дамы должны были беречь целомудрие и благонравие, в то время как мужчины наслаждались абсолютной свободой.

Хелену это устраивало. Она была рада тому, что могла носить реформаторские платья и отказаться от жесткого корсета, впрочем, она могла делать все, что хотела.

– Вода превосходна, – раздался голос из озера, и Хелена повернула голову.

Бахмайер, громко смеясь, брызнул водой в ее сторону.

Если бы ее муж был в курсе здешних нравов – он бы немедленно забрал ее в Штутгарт. Но, поскольку Ротмана не интересовало ничего, кроме его фабрики и собственной персоны, он не догадывался, в какое оживленное место отправилась его жена. Единственное, на что он жаловался, – это расходы. Однако переводы приходили вовремя, а больше в настоящий момент Хелену ничего не интересовало. Она наконец могла по-настоящему вздохнуть.

За ужином она снова встретила Бахмайера. Он сидел вместе с другими гостями за одним столом. Это была общительная и веселая компания, Бахмайер обходительно поднялся, когда Хелена подошла к столу. Он пожелал ей приятного вечера, подвинул для нее стул и присел лишь после того, как она заняла место. Хелена, хорошо отдохнувшая и посвежевшая, поблагодарила его. Помещение наполняло тихое жужжание оживленной беседы, а также скромное дребезжание посуды и приборов; аромат легкого ужина пробуждал аппетит.

Свежий темный хлеб лежал в плетеных корзинках, рядом стояли блюда с различными сортами сыра и со свежим инжиром. Пока разносили полезный ячменный суп, завязался увлекательный разговор.

– Кристл уже рассказывал вам, как он в прошлом году занимался греблей с братьями Манн на озере Гарда? – спросил сидящих за столом мужчина слегка за сорок и поднял свой бокал. Он представился Хелене как Эгон Лейтц; если верить его словам, он владел преуспевающей бумажной фабрикой недалеко от Берлина.

– За ваше здоровье, – сказал Бахмайер несколько пренебрежительно, но сразу же примирительно продолжил: – Я слышал об этом, господин Лейтц. Говорят, они очень повздорили.

– Да, так и было, – поддержал его Лейтц и сделал глоток вкусного «Вин Санто». – Благородное вино, – он тонко ответил на скрытый намек Бахмайера относительно отсутствия тоста.

– Правда? И что же там произошло? – спросил Бахмайер.

Супруги Клок-Зандер – Хелена сидела наискосок от них – тоже внимательно слушали.

Эгон Лейтц заговорщицки наклонился.

– Томас Манн откровенно атаковал своего брата, разумеется, словами, не кулаками. У них были некоторые разногласия по поводу, ну, если я могу так выразиться, особых моральных принципов... и он утверждал, что его брат не брезговал плагиатом. – Затем он откинулся назад и дал возможность обдумать сказанное.

Госпожа Клок-Зандер громко вздохнула, а ее муж наклонил голову, чтобы лучше слышать.

Бахмайер ухмыльнулся.

Когда Лейтц убедился, что все его внимательно слушают, он продолжил, причем говорил он немного тише:

– Он поливал грязью своего брата и его книги. Говорят, что он вел себя так, как не подобает великому писателю, этот Томас Манн.

– Он великий писатель, – сказал господин Клок-Зандер. – «Будденброки» – это шедевр.

– Верно. Но это не дает ему право порочить произведение его брата. Я читал «Богинь», и я в восторге. Это нечто совершенно новое, то, что Генрих Манн подарил миру.

– С этой работой я не знаком, – признался Клок-Зандер. На уровне подсознания Хелена уловила неприязнь. – Впрочем, доктор рекомендует проявлять осторожность при выборе литературы.

– Вам обязательно следует это прочесть, – возразил Лейтц очень дружелюбно. – Он наполнил жизнь страстной женщины тремя сильными мотивами, так сам Генрих Манн писал в газете «Цайт»: свободой, искусством и любовью.

– Звучит неплохо, – подытожил Бахмайер. – Вы согласны, госпожа Ротман?

Хелена, которая ввиду деликатной темы разговора сидела молча, опустила голову. Лейтц заметил ее стеснение и поспешил ей на помощь:

– Вы же читали «Будденброков», не так ли, госпожа Ротман?

Хелена с благодарностью посмотрела на Лейтца.

– Мой муж приобрел это произведение. Но я, к сожалению, так и не прочла его.

– Это определенно произведение века. У вас еще уйма времени, чтобы предаться чтению, – непринужденно заметил Лейтц.

– Насколько я знаю, – продолжил господин Клок-Зандер, – Генрих Манн довольно легкомысленный.

– Романы он крутит, – вмешался Бахмайер, – и немало. Но помилуйте, он же писатель, деятель искусства, у них же другие взгляды.

– Именно будучи деятелем искусства, ему следовало бы быть примером! – возразил Клок-Зандер.

Его жена кивнула.

Бахмайер тихо рассмеялся.

– Говорят, он сейчас в Миттербаде^[7], этот Генрих Манн. Я недавно слышал об этом на озере. Вместе с художницей... Ах, ее имя выпало у

меня из головы... что-то типа Пройсен... – Он потер бороду.

– Гермиона Пройшен, – напомнил ему Лейтц.

– Точно! Так ее зовут, – сказал Бахмайер.

– Такая же безнравственная дама, – презрительно фыркнул Клок-Зандер.

Хелена не вступала в разговор, но в глубине души ей было очень любопытно. Романов в этом санатории, конечно же, хватало, «ночные мероприятия», казалось, были частью здешней терапии. Возмущение Клок-Зандера казалось необоснованным, и она подозревала, что этот благопристойный господин с удовольствием присоединился бы к всеобщей безнравственности – не будь рядом его жены.

Госпожа Клок-Зандер осуждающе покачала головой. Ее муж начал говорить с возмущением:

– Это все дамы полусвета, те, которые вскружили голову Генриху Манну!

Его жена уязвленно посмотрела на него.

– А вам откуда это известно? – с чувством собственного превосходства спросил Бахмайер.

– Это известно каждому, – кивнул Клок-Зандер.

Лейтц посчитал, что самое время сменить тему разговора:

– «Вин Санто» не зря носит свое имя. Что касается меня, то вино действительно способствует выздоровлению. Оно хранится в каштановых бочках и прессуется к Рождеству.

– Какой сорт винограда? – спросил Бахмайер.

– «Треббиано» и «мальвазия».

И пока разговор снова шел о безобидных вещах, Хелена раздумывала над тремя мотивами, которые Генрих Манн, по всей вероятности, и положил в основу своего романа: свобода, искусство и любовь. Именно эти вещи, как правило, и запрещались таким женщинам, как она. Не только их тела вынуждены были тесниться в корсетах – все их естество вынуждено было соответствовать жестким общественным нормам, которые никогда не ставились под сомнение. И Хелена, которая внешне все еще старалась сохранить свое целомудрие, ощущала внутри нарастающее волнующее восхищение этим абсолютно новым для нее миром.

Глава 9

Шоколадная фабрика «Ротман» в Штутгарте, несколько дней спустя

Виктор платком вытер пот со лба, положил его обратно в карман брюк и взял на плечи один из тяжелых мешков с сахаром, в огромном количестве хранившихся на складе. Он обошел несколько недавно доставленных бочек и ящиков с похожим содержимым, прежде чем войти в расположенные в нескольких метрах помещения рафинадного завода, относящегося к фабрике.

Удушающий жар ударил в лицо, когда он принес свой кристаллический груз к одному из больших наполненных водой красных котлов и высыпал его туда. Влажный клейкий пар заставил его опять покрыться потом. Ему еще предстояло несколько часов тяжелого труда, потому что если он сейчас не перенесет мешки к котлам, то ему придется носить уваренный сахарный раствор на выпаривание. Не менее утомительно было поднимать вверх по лестнице в еще более душное помещение тяжелые металлические ящики, чтобы их содержимое могло превратиться в полужидкую коричневатую массу, которая впоследствии в центрифуге меняет свой цвет на белоснежный.

Это была тяжелая работа, а зарплата была все же средней. Несмотря на это, он с честью выполнял свой каторжный труд. Если это было место, с которого начиналось его будущее, то так и должно было быть.

Виктор делал больше, чем другие работники. И он использовал любую возможность, чтобы получить знания, познать процессы рафинирования и изучить оборудование. Он знал, где какой инструмент находится и кто за что отвечает. Между тем его все чаще привлекали, если нужно было что-то починить. Его технические идеи всегда находили отклик, они проверялись и частично воплощались в жизнь. Постепенно, пусть и маленькими шажками, но он становился незаменимым.

– Райнбергер! – Один из старших работников подошел к нему, активно жестикулируя. – Райнбергер, тебя вызывают в контору. Срочно!

Виктор в недоумении посмотрел на мужчину.

– Я тоже не знаю, что они от тебя хотят, – сказал работник и указал ему на дверь, ведущую к лестнице. – Просто иди.

Виктор бросил в угол пустой мешок, провел рукой по влажным волосам и поправил подтяжки.

Старший работник рассмеялся:

– Тебе не нужно прихорашиваться, там одни мужчины.

– Но штанам я все равно не дам упасть, – смеясь, ответил Виктор и пошел к двери.

По пути от промышленных залов к конторе, который проходил через торговые залы и главное здание, Виктора сопровождал знакомый шум: шипение в паропроводных и охлаждающих трубах, треск подъемников, жужжание ременно-приводных передач и шум котельного помещения с его огромной вытяжной трубой. Повсюду ощущалась тонкая вибрация и сила, с которой паровые машины вырабатывали необходимую для производственных процессов энергию.

«А что, если привести все в движение с помощью электричества?» – подумал он, войдя через боковую дверь в главное здание и поднимаясь по ступенькам на второй этаж. Собственно говоря, его очень удивлял тот факт, что Ротман, в отличие от многих других предпринимателей Штутгарта, еще не инвестировал средства в эту технологию. Электрификация безудержно развивалась, завоевывала не только фабрики, но и жилые помещения. По крайней мере, в зажиточных семьях лампочки заменили газовое освещение и керосиновые лампы. По мнению Виктора, это была основа будущего развития, и каждый дальновидный предприниматель должен был бы учитывать этот факт.

Он все больше сожалел о том, что не сделал карьеру инженера. Еще маленьким мальчиком он увлекался станками и механикой. Ему не составляло особого труда разобраться в сложной структуре и усовершенствовать ее. Техническая деятельность была его стремлением, но вместо этого он по приказу отца пошел учиться в военную академию и там пробивал себе дорогу. Во всяком случае, до дня той самой дуэли, от которой он не отказался и печальный исход которой и привел его за решетку.

Виктор отбросил эти мысли. Прошное никому не под силу изменить. Намного важнее смотреть в будущее.

Тем временем он уже подошел к двери конторы. Он собрался, выпрямил плечи и постучал.

Один из сотрудников открыл ему дверь.

– Вы к господину Ротману, он за вами посылал? Вам придется немного подождать. У него посетитель.

Вот опять Виктору нужно ждать. Так было почти каждый раз, когда Ротман вызывал его к себе.

Контора была уже ему знакома, она представляла собой большое помещение, стены которого были уставлены множеством маленьких коробочек с образцами всех сладостей фабрики. У каждого образца был

свой номер.

За письменными столами работали мужчины, которые проверяли наличие товара, составляли список заказов или выписывали счета. Двое из них тихо обсуждали что-то, пока посыльный ждал, чтобы получить и доставить письма и документы.

Виктору нравилась спокойная атмосфера конторы. Сюда, наверх, практически не доносился фабричный шум.

Спустя несколько минут дверь в кабинет Ротмана открылась. Коренастый элегантно одетый пожилой мужчина с тростью остановился в дверном проеме, надел черную фетровую шляпу, посмотрел на золотые карманные часы и быстро вышел из конторы.

Тихие разговоры работников с появлением этого мужчины прекратились. Не успел он выйти за дверь, как почувствовалось некое облегчение за столами.

Наконец из кабинета вышел сам Вильгельм Ротман и позвал Виктора.

– Присаживайтесь, Райнбергер, – сказал он, и Виктор присел на один из четырех обтянутых кожей деревянных стульев, стоявших за столом для переговоров.

Ротман подошел к своему письменному столу и, по всей видимости, на некоторое время погрузился в свои мысли. Он явно был чем-то обеспокоен. Затем он покачал головой, будто хотел прогнать обременительный образ, взял некоторые схемы и подошел к Виктору.

– Мне сообщили о вашей работе, господин Райнбергер. Все очень довольны тем, как вы работаете.

– Благодарю, господин Ротман. Работа на сахарном складе не очень-то и сложная. Я имею в виду, что физически, разумеется, это сложно. Но процессы одни и те же.

– А я не имел в виду работу на сахарном складе. Хотя это и большой плюс, если человек не понаслышке знаком с подобной работой. Я сам начинал именно на сахарном складе. И моим сыновьям этого не избежать.

– Кстати, как дела у Карла? – спросил Виктор.

– Уже слишком хорошо, как мне кажется, – с улыбкой ответил Ротман. – Рана достаточно быстро зажила. Сейчас он еще хромотает немного, но врач уверен, что скоро это пройдет. Очередная неприятность не заставит себя долго ждать.

Виктор рассмеялся:

– Этого следует ожидать. Но я рад, что этот несчастный случай не повлек за собой тяжелых последствий.

– Благодаря вам, господин Райнбергер. И я хочу обсудить, собственно,

причину, по которой я вас вызвал. Видите ли, ваш технический талант, о котором вы говорили мне в первую нашу встречу, действительно достоин внимания. Мне срочно нужен хороший механик.

– И вы подумали обо мне?

– Именно. Я буду честным с вами. Сначала мне было необходимо составить собственное впечатление о вас. Я имею в виду, что вы относительно новый человек в городе. Вы говорили о том, что получили образование в прусской армии и что не хотели там оставаться. И мне казалось разумным немного подождать, прежде чем брать вас на более ответственную должность.

Ротман положил схемы на стол.

– Вот чертежи нашего самого важного оборудования. Обжарочный аппарат, пресс для отжима какао-масла, дробильный валок и так далее. Я хотел бы, чтобы вы с ними детально ознакомились. И с этого дня вы – ответственный механик по всем аппаратам, которые задействованы в производстве сладостей и шоколада. За исключением пока что паровых машин.

Виктор на какое-то мгновение потерял дар речи. Затем он взял чертежи и пролистал их.

– Это как раз та работа, о которой я всегда мечтал. Теперь моя очередь вас благодарить, господин Ротман.

– Я возлагаю на вас большие надежды, Райнбергер, – сказал Ротман. – У вас в подчинении два человека, работой которых вы будете управлять. Если вы хорошо себя зарекомендуете, перед вами откроются большие возможности. Не упустите свой шанс.

– Не упущу, – ответил Виктор воодушевленно. – И еще раз благодарю вас за ваше доверие!

Он встал, поклонился и направился к двери.

– И еще, господин Райнбергер.

– Да?

– Во время своей работы подумайте, пожалуйста, о том, где мы во всем нашем производстве могли бы сэкономить. Записывайте все варианты, которые вы посчитаете достойными обсуждения, и излагайте мне их при любом удобном случае.

– Договорились, господин Ротман.

Глава 10

Шоколадная фабрика «Ротман», середина августа 1903 года

На улице было еще светло. Тео, кучер и водитель Ротмана, в этот четверг в виде исключения вез Юдит и ее отца на «мерседесе» вниз из Дегерлоха в Штутгарт. Такое случалось нечасто, так как автомобиль берегли и использовали в основном для коротких поездок на возвышенность Фильдер. Почему они поехали на автомобиле именно сегодня, Юдит не знала. Со склонами Вайнштайге он, однако, справился хорошо, хотя Тео и приходилось прикладывать усилия, чтобы управлять автомобилем и тормозить. Следовало ожидать, что так же без проблем он затем вернется наверх. Тео не понаслышке был знаком с авариями в пути, но все же это не уменьшало восторг ее отца своим автомобилем.

Вероятно, он хотел произвести на кого-то особое впечатление. Он вышел из автомобиля у банкирского дома фон Брауна, и оставшийся путь до Кальверштрассе Юдит ехала одна на заднем сидении открытого дорожного автомобиля. Как и прежде, автомобиль привлекал к себе внимание прохожих, и девушка чувствовала себя неловко, когда ехала на нем. Когда Тео остановился перед шоколадной фабрикой и помог ей выйти, у Юдит появилось ощущение, что она идет на шатающихся ходулях, настолько она была напряжена.

Вскоре после этого она вошла в женский зал предприятия. Как и все девушки, она надела чепчик и фартук: чистота была безусловно необходима при обращении с таким капризным, но очень вкусным продуктом, которым повсюду славилось предприятие Ротмана.

Юдит нравилось находиться в этом зале фабрики. Здесь множество работников кропотливо создавали и оформляли лакомства. Над концентрированным спокойствием этого помещения витал внушительный треск закрывающихся и открывающихся жестяных форм, в которых мягкая шоколадная масса превращалась в шоколадные сигары, бутылочки или курительные трубки.

Гораздо тише было за другими нагретыми паром столами, где карамельные палочки покрывали шоколадной глазурью. Рядом молодые работницы поливали полужидким шоколадом ароматизированные карамельные шарики. Тихий шелест юбок сопровождал их путь к холодильным камерам, в которых на подносах охлаждались и образовывали хрустящую оболочку выложенные рядами шоколадные конфеты.

И сегодня Юдит нашла время, чтобы подойти к девушкам и

понаблюдать за их работой. Она делала это регулярно и заметила, что девушки благодаря ее интересу чувствуют свою значимость и таким образом воодушевляются. Кроме того, она не только получала представление о тех или иных проблемах, но и узнавала о важных деталях, которые касались процесса изготовления. Постепенно она приобретала необходимые навыки кондитерского производства.

Начальница отдела, сделав знак рукой, обратила на себя внимание.

– Госпожа Ротман!

– Минуту, Марта.

Юдит стояла рядом с двумя девушками, которые умело моделировали сахарные розы, очень популярные среди клиентов. Она и сама уже пару раз пробовала их сделать, однако ее результат не шел ни в какое сравнение с изящными произведениями, которые сейчас создавались у нее на глазах. Поэтому Юдит очередной раз внимательно наблюдала за тем, как девушки аккуратно наносили красную карамельную массу из бумажного пакета на металлическую палочку с плоской головкой и так ловко ее при этом крутили, что лепестки укладывались ряд за рядом, превращаясь в розу.

– Замечательно, – похвалила их Юдит. – Ими сразу же хочется полакомиться.

– Сегодня после обеда мы будем делать фиалки, – бойко сказала одна из девушек. – На них поступил дополнительный заказ.

– Этому мне тоже хотелось бы научиться, – произнесла Юдит и выпрямилась. – Как только найду для этого время.

Она обернулась в поисках начальницы отдела, которая, очевидно, наблюдала за ней, так как сразу же подошла.

– Госпожа Ротман, кажется, одна из двух охлаждающих систем не в порядке, – сказала она.

– Тогда сообщите об этом в мастерскую, Марта. Механики точно смогут помочь.

– Я уже отправила Паулину, но подумала, что вы тоже должны быть в курсе.

– Спасибо. Пока пользуйтесь одной работающей холодильной камерой. И уберите все из неисправного аппарата.

– Хорошо, госпожа Ротман.

Марта подошла к одной из холодильных камер, которые размером были ей по пояс. Юдит на какое-то мгновение остановилась, а затем последовала за ней, ведь она не смогла бы убрать все сама. Необходимо временно разместить изделия в прохладном помещении, иначе они испортятся на жаре в летние дни.

Юдит с Мартой положили подносы с глазированной карамелью на два плоских жестяных листа. Они не успели еще все убрать, когда вернулась Паулина. К удивлению Юдит, она пришла в сопровождении знакомого ей Виктора Райнбергера, который тогда принес Карла домой. Она знала, что отец в знак благодарности взял его к себе на работу и Виктор Райнбергер с тех пор работал на сахарном складе, однако не видела его с момента того несчастья с Карлом.

Как только Виктор узнал девушку, на его лице появилась улыбка. Казалось даже, что он рад видеть ее. У Юдит в ту же минуту появилось легкое тянущее ощущение в области желудка, которое она не могла ни с чем сравнить и которое усиливалось, как только Виктор смотрел прямо на нее.

– Доброе утро, мадам.

Еще при первой их встрече Юдит обратила внимание на какой-то особенный блеск его глаз, сопровождавший приветствие мужчины. Как и в день несчастного случая, Виктор был полон спокойной решительности и положительной энергии.

– Добрый день, господин Райнбергер, – сказала она немного смущенно. – Как неожиданно вас здесь видеть. Я думала, Марта велела позвать механика.

Виктор Райнбергер радостно посмотрел на нее.

– Так и есть. Абсолютно случайно на днях ваш отец предложил мне именно эту должность.

– Правда? – Юдит с уважением улыбнулась. – Значит, он весьма доволен вашей работой. Очень рада за вас.

Она показала ему неисправную холодильную камеру.

– Взгляните, пожалуйста, на этот аппарат. Он не вырабатывает холод.

Она повернулась к Марте, которая в это время переставляла подносы.

– Вам с Паулиной лучше сразу же отнести все продукты в подвал, Марта. Я останусь здесь.

Пока Марта и Паулина брали металлические листы, Виктор присел перед открытой холодильной камерой. Он проверил температуру, потрогал обшивку внутренней камеры и встал, чтобы посмотреть на два охладительных отделения, обшитых изнутри цинковой жстью.

– Внутри мало льда, – сказал он. – Когда его последний раз наполняли?

– Насколько я знаю, лед добавляют ежедневно, – ответила Юдит. – А в такие жаркие дни – даже чаще. Возможно, сегодня утром еще не было для этого времени. Мне нужно спросить Марту.

Виктор открыл маленький кран, который был установлен на нижней

границы спереди камеры. Сразу же полилась вода в стоявшую внизу чашу.

– Итак, – сказал он наконец, – я подозреваю, что где-то в обшивке появились трещины.

– Ага, – сказала Юдит, явно не имея ни малейшего представления об этом, что заставило Виктора снова улыбнуться.

– Чтобы поддерживать холод во внутреннем отделе, стенки холодильной камеры укрепляются деревом и корковым материалом, – объяснил он ей. – В каком-то месте с этим слоем что-то случилось. Возможно, это связано с одной из двух дверей, такой вариант напрашивается сам собой.

Юдит было очень приятно, что он потрудился все ей объяснить. Несмотря на то, что она была женщиной и ничего не понимала в технике, и, по мнению многих людей, ничего и не должна была в ней понимать.

Виктор Райнбергер тщательно закрыл как обе крышки морозильной камеры, так и дверцы холодильного отделения.

– Я найду кого-нибудь, кто мне поможет отнести аппарат в мастерскую, – сказал он. – Он слишком тяжелый и неудобный, чтобы нести его самому, а здесь я не смогу работать. Иначе клиенты будут покупать не шоколад, а опилки Ротмана.

Юдит засмеялась, а Виктор широко улыбнулся.

Пока он искал себе помощника, Юдит вышла через широкую межкомнатную дверь в соседнее помещение для отгрузки. Здесь комплектовались образцы и оснащались чемоданы с образцами для рабочих командировок фирмы Ротмана.

За двумя длинными деревянными столами работницы занимались тем, что прикрепляли к различным упаковкам соответствующую информацию о получателе. Юдит ходила вдоль столов и осматривала различные комплектации. Снова и снова она внимательно присматривалась, брала одну из коробочек со стола, открывала и проверяла отделенные кружевной бумагой ряды ванильного шоколада, айвовых и ананасовых леденцов или глазированной фиалковой карамели. Все было замечательно упаковано, каждое кондитерское изделие было без изъянов и надломов и защищалось ватными рядами.

Одна из девушек подошла к Юдит с красивой шкатулкой в руках.

– Здесь у нас еще миндаль в шоколаде и новые плитки молочного шоколада, мадам.

Юдит взяла у нее коробочку.

– Спасибо, Берта. Очень красиво. Молочный шоколад пользуется большим спросом. Без него нашим коммивояжерам даже не стоит

отправляться в дорогу.

– Да, он очень вкусный, – улыbnулась Берта.

– Ты уже полакомилась?

– Одна плитка поломалась... – смущенно сказала Берта. – Я сразу же ее заменила, – быстро добавила она.

– Хорошо, со мной такое часто случается, – стараясь ее успокоить, сказала Юдит. – А шоколад действительно очень вкусный.

Берта с облегчением сделала реверанс, развернулась и быстро направилась в женский зал.

Юдит смотрела ей вслед.

Много поменялось для молодых девушек с появлением фабрик. Перед ними открылись новые возможности заработка, а ведь еще недавно они могли только наниматься прислужгой или горничными. Ценили ли они работу на фабрике Ротмана? Можно ли было прожить на такую зарплату?

Примерно треть здешнего коллектива составляли девушки. Это значило, что они лучше мужчин умеют обращаться с продуктами питания. Однако Юдит не давал покоя тот факт, что женщин очень редко привлекали к серьезной работе, например в конторе. К тому же они зарабатывали значительно меньше, чем мужчины. На других фабриках работали женщины в качестве торговых ассистентов, Юдит знала это еще со времен учебы в коммерческом колледже Штутгарта.

Низкие голоса и громкий шум в женском зале заставили Юдит насторожиться. Она положила на стол плитку молочного шоколада и пошла посмотреть, что происходило с холодильной камерой.

Марта стояла возле Виктора и молодого парня, эмоционально жестикулируя. Они обвязали плечевым ремнем аппарат, чтобы его можно было нести.

– Нет, прикрепи его дальше, так, как я, – Виктор давал указания своему помощнику. – А теперь... оп!

– Пожалуйста, господа, будьте поаккуратнее с ним! – умоляла их Марта, на ее лице отчетливо читалось беспокойство.

– Господин Райнбергер точно вернет нам холодильную камеру в наилучшем виде, – сказала Юдит. – Он знает, что делает.

Виктор удивленно поднял глаза.

Юдит быстро опустила голову и скрестила руки на переднике. Эта похвала вырвалась у нее случайно и, по всей вероятности, была неуместной. Работницы не могли это не услышать. Но, вопреки всем манерам и назло сомнениям, она не могла удержаться, чтобы не посмотреть на него краешком глаза. Виктор был очень видным мужчиной.

И очень привлекательным. Когда Юдит заметила его довольный взгляд, ее лицо невольно расплылось в теплой улыбке.

Во второй половине дня Юдит отправилась домой. Тео тем временем отвез «мерседес» домой и приехал на повозке. Он как раз привез Дору в город, ей нужно было сделать некоторые покупки для экономки, вернуться в Дегерлох ей следовало на зубчатой железной дороге. Юдит знала, что Дора очень любила ездить за покупками. Все, что происходило в магазинах, было очень занимательно, и чаще всего она встречалась там с другими горничными, чтобы поболтать полчасика.

У банкирского дома к Юдит подсел отец. Хотя она и была удивлена тем, что он провел там полдня, однако для решения финансовых дел необходимо было время. Это был неведомый для нее мир, там, за высокой входной дверью банкирского дома, мир, который был для нее закрыт и который в то же время очень ее увлекал. Ведь тот, кто располагает большими деньгами, может брать свою жизнь в собственные руки. Это же замечательно.

Пока Тео гнал лошадей рысью, Вильгельм Ротман удобно уселся возле Юдит. Казалось, что отец все уладил: когда он к ней повернулся, его лицо выражало самодовольство.

Юдит вопросительно на него посмотрела.

– Ах, детка, – произнес он с такой непривычной добротой в голосе. – Нас с тобой ждет замечательная жизнь.

– Вас со мной? – озадаченно переспросила Юдит.

– Разумеется. Прежде всего, тебя ожидает умопомрачительная свадьба. Во-первых, такая свадьба, которой Штутгарт еще не видел и о которой люди долго будут еще говорить, как о свадьбе герцога Ульриха. А это было... – он задумался. – В 1511 году, насколько я помню.

– Отец?.. – В душе Юдит зародился страх.

– Не беспокойся, – сказал он с ухмылкой. – Твой жених не очень старый! – Он сам посмеялся над своей шуткой.

– Мой жених...

– Да, детка, твой жених. Ближайшие месяцы будут посвящены подготовке к свадьбе. Сегодня же вечером я напишу твоей матери. Разумеется, она не может пропустить самый важный день ее дочери. Так или иначе, пришло уже время ей возвращаться домой. – Он взглянул на нее. – Ну же. Не бойся. Еще есть немного времени.

Глава 11

В доме для прислуги (вилла Ротмана), конец августа 1903 года

– Где Бабетта?

Экономка Маргарет посмотрела на присутствующих и рассерженно указала на пустое место возле Доры.

– Кто не успел, тот опоздал, – сказала кухарка Герти.

На столе стоял ужин – большая миска с кислым молоком, в которую был накрошен хлеб.

– Она пошла в деревню, – сказал Роберт.

– В такое время? – спросила Дора.

– Мне все равно, я голоден, – Роберт демонстративно взял в руку ложку.

– Но она обычно так просто не выходит из дома! Сегодня же не воскресенье! – Герти, качая головой, несла кувшин с морсом на стол. – Она потом поужинает!

– Я не могу и не буду это терпеть, – сказала экономка. – Однако по этому поводу никому из вас не следует ломать голову. Приступим.

Она наклонила голову, соединила ладони и произнесла короткую молитву.

– Но, – начала Дора, когда все опустили ложки в простоквашу и начали ловить там хлеб, – Бабетта в последнее время какая-то странная, витает в облаках. И я думаю, что она время от времени тайком уходит из дома. Временами ее просто по полчаса невозможно найти, а затем она вдруг появляется.

– Возможно, у нее есть парень, который за ней ухаживает, – попытался объяснить Тео. Кучеру было слегка за пятьдесят, и он был самым старшим среди прислуги в доме Ротмана.

– Еще хуже, – вырвалось у экономки.

Герти попыталась ее успокоить:

– Ну, она точно скоро придет.

– Будем надеяться, – пробормотал Роберт недовольно. – Это все, что сегодня есть на ужин?

Кухарка пожала плечами.

– Хозяева все съели. Нам полагается то, что осталось.

– Он становится все жаднее, этот старик, – ругался Роберт, понизив голос.

Экономка укоризненно подняла брови.

– Уймись! – добавил Тео. – Лучше это, чем ничего.

– И не забывай, здесь у нас хотя бы каждое второе воскресенье после обеда выходной, – напомнила Дора.

– Это все благодаря хозяйке, – пробурчал Роберт. – Она позаботилась о том, чтобы у нас был выходной. Хозяин же... с удовольствием отменил бы его, я в этом уверен.

– Ну-ну, – сказала Герти, а Маргарет предостерегающе на него посмотрела.

Роберт больше ничего не сказал, хотя в душе он и был с этим не согласен. Эта постоянная принудительная покорность, которая как нечто само собой разумеющееся ожидалась от прислуги, давалась ему нелегко.

Тем временем Дора переживала за Бабетту:

– Может, она тоже ищет себе другое место. Пару дней назад она говорила о том, как бы ей хотелось побывать в Париже или в Лондоне. Если верить слухам, то одна девушка из ее деревни живет и работает горничной в Копенгагене. Это очень ее впечатлило.

– Некоторые едут за океан, – заметил Тео.

Кухарка добавила:

– Я слышала о Санкт-Петербурге, там они тоже нанимают девушек.

– Я советовала бы быть осторожнее! – перебила их экономка. – Все это очень приукрашено. Никто не знает, что на самом деле там ожидает девушек. Чужой язык! Не говоря уже о чужих обычаях.

– Да, но язык же можно выучить, а обычаи не сильно отличаются, – вырвалось у Доры: ею давно начала овладевать жажда путешествий.

– Завтра придет прачка, – сказала Маргарет, чтобы сменить тему. Она встала, таким образом дав понять всем остальным, что ужин подошел к концу. – Бабетта будет ей помогать.

Кто-то дернул ручку звонка, который давал знать прислуге, что у хозяев есть поручение.

– Мадам, – вздохнула Дора. – Я как раз хотела заняться одеждой, мне нужно срочно подшить платья. Она мне нравится, госпожа Юдит, но иногда работа действует мне на нервы.

– Ну, возможно, тебе стоило сопровождать хозяйку в Италии? – решил съязвить Роберт. – Там, где она находится, знают, что делать в случае проблем с нервами.

Дора окинула его презрительным взглядом.

Пока кухарка убирала со стола, а Дора направлялась к Юдит, Роберт вытер тыльной стороной кисти свой рот и пошел на улицу, чтобы приготовить дрова для топки на следующий день. В летние месяцы он быстро справлялся с этим заданием, зимой же дрова были нужны не только

для плиты, но и для обогрева хозяйских комнат. Однако для стирки, которая продолжалась две недели, необходимо было намного больше дров. Рано утром, еще до того, как все проснутся, ему уже нужно будет разжечь огонь под промывочным чаном, чтобы в шесть часов, когда придет прачка, она смогла начать работу.

Наполняя свою корзину, Роберт не мог не думать о хрупкой Бабетте и о тяжелой работе, которую ей предстояло выполнить на следующий день. Постоянное перемешивание кипящего белья было каторгой, и ему было ее искренне жаль, – хотя он и любил тайком наблюдать, как у нее во время работы из прически выбиваются отдельные светлые пряди волос и под воздействием пара так привлекательно завиваются вокруг ее лица. Он взял дрова и подумал о ее сосредоточенном выражении лица, когда она стирает белье, затем начинает его полоскать, сначала с содой и мылом, затем в чистой кипящей воде. Хотя бы выкручивание выполняется не вручную. А можно было бы все делать проще.

Роберт слышал, что хозяйка подумывала о том, чтобы приобрести новейшие машины, которые практически самостоятельно стирают белье. Потом она заболела, а для этого толстосума такая покупка, конечно же, была слишком дорогим приобретением. Так что Бабетте приходилось в дни стирки губить свои руки. Вечером они всегда были красные, морщинистые и потрескавшиеся, хотя кухарка и пыталась обрабатывать самые ужасные места мазью календулы.

Это было просто несправедливо, что такие люди, как он и Бабетта или Дора и Герти, целыми днями, а часто и по полночи должны были находиться в боевой готовности, чтобы выполнять даже самые незначительные пожелания своих хозяев. За зарплату в несколько марок, еду и проживание. Кто именно разделил мир на тех, кто имел право распоряжаться, и тех, кому приходилось подчиняться? Ему хотелось бы иметь возможность работать вне дома, тогда у него, по крайней мере, был бы фиксированный выходной, как у мужчин и женщин, которые трудились на фабриках. Возможно, ему стоило однажды попытаться счастья и устроиться на одну из них. Крепким ребятам, таким как он, там точно нашлось бы применение.

Размышляя на эту тему, он шагал по дому и складывал поленья. Две вещи заставили его довольно улыбнуться: предвкушение вида Бабетты, когда она завтра после обеда вытянется, чтобы развесить белье на веревке. В определенный момент он тайно будет наблюдать за ее стройной фигурой и красивой грудью, которая прорисовывается под платьем и фартуком. А еще он любил запах свежестыранного белья, которое сохло на улице на

солнце.

Глава 12

Минеральный источник Миттербад в Южном Тироле, начало сентября 1903 года

Хелена пребывала в приподнятом настроении. Уже несколько дней она позировала для Гермiony фон Пройшен, которая сделала несколько рисунков. Хелене стоило некоторых усилий позирование без одежды, даже при условии, что в комнате разноплановой художницы на вилле Вальдруэ они были одни. Однако со временем ее стеснение прошло.

Гермиона хвалила ее прекрасную, стройную фигуру, сияющие голубые глаза, которые создавали такой необычный интригующий контраст со смуглым цветом кожи, и грациозную осанку. Хелена чувствовала себя комфортно в своей наготе.

Уже более недели она находилась в Миттербаде, после того как доктор фон Гартунген порекомендовал ей временное пребывание на красочной вершине, в их филиале, который относился к санаторию Гартунгена. По его мнению, смена обстановки могла еще больше способствовать укреплению организма Хелены.

Георг Бахмайер сразу же выразил свою готовность сопровождать ее, они сели в поезд и отправились через Роверето и Боцен в Мерано. На повозке они доехали до местности Лана, где и остановились на ночь. Заключительная поездка на лошадях в Миттербад следующим утром добавила к без того утомительному путешествию три тяжелых часа, хотя они и были вознаграждены за свои старания грандиозными видами ярко-зеленых лугов, горных хребтов, покрытых лесами, и заснеженных вершин Альп.

В Миттербаде Хелена сразу же почувствовала себя хорошо. Здесь все было сказочнее и проще, чем в Риве.

Гермиона фон Пройшен работала быстро. Карандаш, казалось, сам скользил по бумаге, тихий скрежет сопровождал каждый его штрих.

– Вы часто работаете над портретами? – спросила Хелена.

– Время от времени, – ответила Гермiony. – Преимущественно я пишу натюрморты. Необычные натюрморты, ими я и прославилась.

– Насколько необычные?

Гермиона наклонила голову и прищурила глаза, концентрируясь и переводя взгляд с картины на Хелену и обратно.

– Мои картины ориентированы на исторические модели. Часто я все же выбираю необычный формат, иной раз неординарный фрагмент изображения.

– Это интересно. А вы не планировали заняться новым стилистическим направлением, которое сейчас в моде?

– Вы имеете в виду модерн? О нет, это не истинное искусство. Это детские картинки, – пренебрежительно сказала Гермиона.

– Во Франции это называется арт-нуво. Мне этот новый стиль кажется очень интересным, – возразила Хелена.

Постепенно ее левая стопа начала покалывать. Более получаса она пребывала в одной и той же позе, сидя на табурете, обвязав льняным полотном бедра и скрестив ноги неестественным образом.

– Не шевелитесь! – упрекнула ее Гермиона. – Вы француженка, не так ли? Вас выдает легкий акцент.

– Верно! Я выросла в Париже. У моих родителей там было шоколадное производство.

– А, такая же специализация, как и у вашего мужа, – констатировала Гермиона.

– Да, хотя наше производство было и не такое масштабное, как фирма Ротмана на сегодняшний день, – пояснила Хелена. – И у нас постоянно были финансовые трудности. Мой муж выкупил у нашей семьи особый рецепт приготовления шоколада, избавил ее от проблем, еще и дочь семьи получил в придачу.

– Вы так говорите, будто вы не очень этому рады, моя дорогая, – сочувственно заметила Гермиона.

– Так и есть, – вздохнула Хелена. – Такова судьба у нас, женщин. Мы должны быть благодарны, если у нас есть роскошный дом и здоровые дети.

– Мы не должны, – задумчиво добавила Гермиона. – Не в нашем случае.

Она откинула голову назад и продолжила с довольно своенравной ноткой в голосе:

– Я развелась.

Хелена посмотрела ей в глаза.

– Это так смело! Какой непростой шаг!

– Это несложно, если действительно любишь. А в тот момент я и правда любила. И отнюдь не моего бывшего мужа. – Неожиданно в голосе Гермионы послышалась глубокая печаль. Она вздохнула. – Такова жизнь. С самых вершин – в самые глубокие пропасти. Как же я была рада, когда эта немислимая трагедия под названием «замужество» закончилась. Этот мужчина хотел сделать меня одной из тех постоянно недовольных жен, которые самоотверженно посвящают свою жизнь детям, а особенно мужьям. Он ничего не хотел знать о моем искусстве, я была рисовальной

бабенкой – так он меня назвал. Применяя довольно грубые методы, он пытался сделать из меня приличную даму, которую ему так хотелось иметь в качестве жены. Какой же он мелкодушный.

– Где вы набрались смелости уйти от него?

Гермиона улыбнулась.

– Когда вас манят свобода, страсть и приключения, у вас появляются смелость и сила. И, конечно же, меня ждал настоящий мужчина. К сожалению, нам было уготовано всего несколько лет.

– Он умер?

– Да.

– Мне очень жаль.

– Печаль – это огромное озеро. – Гермиона продолжила работать над картиной. – Но мне совсем не хочется в нем утонуть. Так что я посвятила себя своим детям, письму и рисованию.

– Искусство способно полностью заменить мужчину, – рассудительно подытожила Хелена.

– Не совсем, – возразила Гермиона и посмотрела на Хелену. – Любовь и страсть присущи жизни. Они заставляют нас двигаться вперед. Даже если эти чувства рассматриваются как имеющееся имущество или если они увязают в тюрьме, именуемой моралью и честью. Вряд ли существует более сильный творческий импульс, чем отчаянная преданность чему-либо, глубокое расположение или печаль, когда наше страстное желание не реализуется.

– Тогда я еще никогда не любила, – задумчиво констатировала Хелена. – В неполные семнадцать лет я должна была выйти замуж за мужчину значительно старше себя. Он разложил передо мной пустыню между темной мебелью и мраморными стенами. Со временем он стал мне отвратителен.

– И за все это время вы не встретили никого, кто тронул бы ваше сердце? Или хотя бы пробудил ваши чувства? – недоверчиво спросила Гермиона. – То, что вы равнодушны к своему мужу, не удивительно. Слишком много браков заключается из неверных побуждений. Но есть же и другие знакомства, – многозначительно добавила она.

– К тому времени, когда я переехала в Германию – вынуждена была переехать, – был один мужчина в Париже, который был мне симпатичен. Но это было давно, и тогда я не хотела предаваться мечтаниям, делавшим меня только несчастнее. Я больше о нем не думала. Во всяком случае, старалась думать как можно меньше. – Хелена грустно улыбнулась.

– Вот видите, госпожа Ротман. Вы стали счастливы от того, что

поставили под запрет свои желания?

Хелена немного погрузилась в себя. Гермиона заметила ее реакцию, опустила альбом для зарисовок и с пониманием посмотрела на нее.

– Я думаю, что на сегодня достаточно искусства. Давайте прогуляемся?

– О, дамы, приветствую вас! – Георг Бахмайер сидел на скамейке перед водолечебницей и нежился на послеобеденном солнце. Он встал, чтобы поздороваться с Хеленой и Гермионой, которые возвращались со своей прогулки по небольшому лесу.

– Добрый день, господин Бахмайер. Куда ваш путь привел вас сегодня?

– О, далеко. Через лес. Как и рекомендовал доктор. – Он лукаво указал на туристическую обувь. – Вы видите следы?

Хелена посмотрела на прочные ботинки, к которым прилипла землистая еловая хвоя. Бахмайер с улыбкой следил за ее взглядом.

– Сегодня рано поутру я ходил в воде. Это было очень холодно. И как будто этого было недостаточно, я принял душ под водопадом. Вам нужно это попробовать, мадам, за всю свою жизнь я не был так бодр.

– Охотно верю вам, господин Бахмайер. Доктор Гартунген и мне делал такие назначения. Небольшая простуда все же удерживает меня.

– Сегодня вечером в кафе будут танцы, господин Бахмайер, – вмешалась в разговор Гермиона. – Вы же не откажетесь сопровождать нас? – Она кокетливо подмигнула ему, и Хелена подивилась тому, как беспечно почти пятидесятилетняя хорошо выглядящая художница флиртует с Георгом Бахмайером.

– Разумеется, дамы!

Георгу Бахмайеру определенно понравилась эта роль, и он широко улыбнулся. Его взгляд был все же направлен на Хелену, и ей показалось, что она уловила в нем подспудный вопрос. Однако прежде чем она почувствовала себя неловко, Бахмайер поднялся.

– Тогда я должен принять представительный вид. К счастью, Генрих Манн уже уехал, иначе у меня была бы жесткая конкуренция. До вечера! – Он поклонился.

– Ну что, моя дорогая. Этот мужчина загорелся симпатией к вам, – весело сказала Гермиона, когда Бахмайер ушел в дом, где он снимал комнату. – Наслаждайтесь его восхищением.

Хелена возмущенно посмотрела на нее.

– Наслаждаться?

Гермиона присела на освободившуюся скамейку и пригласила Хелену присесть рядом с ней.

– Ах, госпожа Ротман, вам нужно научиться наслаждаться жизнью.

Наслаждаться своей женственностью. Нам, женщинам, не следует стесняться своей природы. Совсем наоборот! – Она поправила свою юбку. – Поверьте мне, я уже несколько десятилетий плыву против течения. Хотя это тяжело и требует много сил. Но я не могу иначе.

– И вам это приносит счастье? Все время плыть против течения?

Гермиона вздохнула.

– Это приносит мне свободу. Счастье – не всегда, – задумчиво добавила она. – И я более довольна такой жизнью, чем той, которая для нас, женщин, предписана.

– Вы всегда были такой... – Хелена старалась подобрать правильную формулировку, – необычной?

Гермиона посмотрела на свои руки и убрала с них прилипшую краску.

– Что-то всегда двигало меня вперед. Обычной, если вы так задаете вопрос, я никогда не была. Мое искусство становилось причиной скандалов и сделало меня аутсайдером. Одновременно с этим оно открыло для меня множество возможностей. Я сломала запреты. Я шокировала и ранила людей. – Она улыбнулась. – Но я проживаю свою жизнь страстно. Я ощущаю величественную радость и глубочайшую печаль. Я не создана, по всей вероятности, для обыденности.

– Иногда я спрашиваю себя... – Хелена погрузилась в раздумья и поправила выбившуюся прядь темных волос. – Для чего я создана? Моя жизнь принесла мне несчастья и болезнь.

Она откинула голову назад и указала на нежные облака на небе, которые легкий бриз нес на восток.

– Я ощущаю себя сейчас, как эти облака. Легкой и беззаботной. Но одна только мысль о том, что мне придется возвращаться в Штутгарт, не дает мне дышать.

– Значит, не возвращайтесь туда больше.

Хелена повернула голову.

– Как же я могу не возвращаться туда? Мой муж меня заставит.

– Это ваше решение, госпожа Ротман. Мы все обладаем свободной волей. Разумеется, это будет нелегкий путь. Но если вы его выберете, это будет ваш путь. Подумайте об этом.

– А мои дети... – возразила Хелена.

– Замечательно справятся без вас. Ваша дочь уже молодая женщина. Наверняка она будет в восторге от такого решения.

– Мои сыновья еще маленькие, – убедительно произнесла Хелена.

– Сколько им лет?

– Восемь. Они близнецы.

– Они тоже уже не привязаны к маминой юбке. Им нужно становиться молодыми мужчинами. Примером для них будет отец. Или какой-нибудь пострел по соседству, – в шутку сказала Гермиона. – Госпожа Ротман, в конце концов, никто не сможет принять решение за вас. Однако хорошо подумайте о своих возможностях.

– Мой муж оплачивает мое пребывание здесь, – просила учесть Хелена.

– Ну и что? То, что вы не сможете остаться в санатории, это понятно, – сказала Гермиона. – Но вам ведь будет достаточно маленькой светлой комнаты. Сохраните немного денег вашего мужа, чтобы перезимовать, и используйте время, чтобы рисовать. У вас действительно талант, и когда летом из Германии и Австрии приедет много людей, продавайте свои картины.

– Полученной от продажи суммы мне никогда не хватит!

– Если вы будете скромничать, тогда точно не хватит. А если вы еще дополнительно захотите заработать, то сможете проводить экскурсии. Показывайте людям достопримечательности этой местности!

Хелена рассеянно кивнула.

Гермиона натолкнула ее на мысли, которые казались ей чудовищными. Это было опасно. И в то же время в этом был роковой соблазн. Может, это и было начало для нее? А может, это была ее гибель? А если она, нищая и больная, вернется в Штутгарт? А если скандал разрушит предприятие Ротмана, а заодно и будущее ее детей?

Гермиона аккуратно взяла ее под руку.

– Вы почувствуете, какое решение будет для вас правильным. А пока наслаждайтесь сентябрьскими днями, госпожа Ротман. А решение придет само.

Глава 13

Зоопарк Нила в Штутгарте, во второе воскресенье сентября 1903 года

В наилучшем расположении духа три молодые девушки шли по Видерхольдштрассе на востоке Штутгарта. Теплый и солнечный день был словно предназначен для прогулки.

Юдит шла под руку со своими подругами Доротеа фон Браун и Шарлоттой Веннингер.

– Что мы посмотрим вначале? – спросила Юдит, пребывая в хорошем настроении.

– Обезьян! – ответила Шарлотта. – Они не очень далеко от входа.

А Доротеа добавила:

– Можно и самого Нила посмотреть, он как раз с ними живет!

Юдит и Шарлотта засмеялись. Адольф Нил, владелец зоопарка, жил над теплицей, в которой размещались человекообразные обезьяны.

Подруги продолжали смеяться у касс зоопарка, каждая из них заплатила пятьдесят пфеннигов за входной билет.

Примерно час назад Тео привез Юдит к вилле семьи Веннингер, где она по официальному соглашению собиралась провести вторую половину дня. Ее отец придерживался мнения, что она с подругами будет сидеть там в тенистом саду и благовоспитанно вести беседу, прерываясь время от времени на ту или иную игру с мячом.

Посещение зоопарка он считал досугом для обычных людей, для детей, однако это было недопустимо для трех молодых девушек из приличных семей.

Отец Шарлотты был уважаемым в городе архитектором, Доротеа – дочь банкира фон Брауна. Родители Шарлотты не были такими строгими и не увидели ничего плохого в планах девушек. Семья банкира фон Брауна, напротив же, разделяла мнение отца Юдит, и Доротеа вынуждена была также прибегать к множеству уловок, чтобы скрыть посещение зоопарка.

И вот они были на месте и стояли у палатки, в которой можно было купить лакомство для животных. Там были лесные орешки, белый хлеб, инжир, фрукты. Все угощения лежали на прилавке в бумажных пакетах, и ими можно было кормить животных.

Юдит с подругами заплатили по несколько пфеннигов и набрали достаточно, ведь лакомства приходились по вкусу не только животным.

Направляясь к вольеру с обезьянами, по дороге они проходили мимо коз, белочек и мимо тюленя. Возле медведей они на некоторое время

остановились.

– Добрая Маша, – объяснила Шарлотта. – Она настоящая бурая медведица. И произвела на свет пятьдесят маленьких медвежат. При этом была даже помесь с белым медведем.

– Пятьдесят? – выкрикнула Юдит. – Этого не может быть!

– Может! Это так и есть, – заверила Шарлотта.

– Слава Богу, я не бурая медведица, – пробормотала Юдит.

Доротеа засмеялась.

– Да, тебе и правда повезло! Пятьдесят малышей – это не для тебя.

Смеясь, они пошли дальше.

– К счастью, сегодня не одно из «дешевых воскресений», – заметила Шарлотта, когда они наконец подошли к клетке с обезьянами. – Иначе здесь было бы полно народу. Тогда приезжают не только жители Штутгарта, а просто все, что может ходить, отовсюду.

– В такие воскресенья вход же стоит двадцать пфеннигов, – заметила Юдит, скармливая капуцинам очередное угощение. Маленький непоседа схватил вкусный трофей и потащил в укромный уголок, чтобы полакомиться в одиночестве. До этого она только один раз была в зоопарке, много лет назад, еще ребенком, с мамой. Поэтому она особенно наслаждалась этим днем.

– Да, правда. В одно такое воскресенье здесь собралось двадцать тысяч людей! – подтвердила Шарлотта. – Мой корм закончился! – крикнула она, когда одна когтистая мармозетка выхватила у нее из рук через решетку предложенный ей финик.

Доротеа немного обошла вольер с обезьянами и приблизилась к гамадрилу. Большой самец сразу же подошел к решетке.

– Павианы мне не так нравятся, – сказала Доротеа. – Маленькие обезьянки намного милее. Но им всем нужно что-то есть.

Некоторое время они наблюдали за тем, как играли обезьяны, как они лазали без помощи ног, как ссорились. Затем они пошли дальше, посмотрели на певчих птиц, на аквариум, на больших хищных кошек, увидели, как кормят страусов, и вернулись к человекоподобным обезьянам.

– Где же Нил? – спросила Шарлотта улыбаясь.

– Да, где же он? У меня как раз осталось немного корма, – добавила Доротеа, и они втроем засмеялись.

Когда девушки вошли в помещение, то увидели только большого орангутанга, дремавшего в углу. За несколько минут он даже не зашевелился, и Доротеа повела подруг дальше.

– Ох, здесь скучно. Давайте лучше посмотрим на слонов.

Напротив теплицы находилось построенное в восточном стиле здание для слонов. Когда подруги подошли поближе, большое серое животное от любопытства зашевелилось у забора вольера.

Юдит протянула ему яблоко.

– Это, кстати, самка, – сказала Доротеа, наблюдая, как слониха осторожно хоботом берет яблоко и изящным движением несет его в рот.

– Да, ее зовут Целла, – рассказала Шарлотта, которая жила недалеко от зоопарка и регулярно сюда ходила. – Еще пару лет назад здесь был Петер, слон-самец. Когда он постарел, то стал довольно диким и однажды ночью поранился о железные прутья вольера. Все было настолько серьезно, что Нил вынужден был его застрелить.

– О, – воскликнула Юдит с сочувствием, – как это печально!

Шарлотта кивнула и повела подруг дальше – к антилопам и маленьким хищникам. Наконец они остановились у большой прямоугольной площадки.

– Это народная лужайка, – сказала Шарлотта. – Здесь проходят скачки пони и устраивается человеческий зоопарк.

Они немного прошли по большому газону.

– Что такое человеческий зоопарк? – спросила Юдит, которая, хотя и слышала, что эту лужайку использовали для человеческого зоопарка, но никогда такого не видела.

– Можно посмотреть на разные народы, – объяснила Шарлотта. – Например, на народ Лапландии. Или Огненной Земли, их я видела. Это действительно впечатляет. Они обустроивают все так, как у себя дома. Они танцуют, поют и показывают, как они живут.

– Действительно? И их не смущает, что все на них смотрят? – поинтересовалась Доротеа.

– Наверное, нет, – ответила Шарлотта и понизила голос. – Некоторые народы даже ходят ночью голые, когда здесь уже никого нет. Но днем им это не разрешается, иначе будет скандал.

Юдит прикрыла рот рукой, а Доротеа сделала большие глаза от удивления.

Шарлотта кивнула.

– Вы можете мне поверить, – заверила она.

– Я даже не знаю, хотела бы я такое увидеть или нет, – рассуждала Юдит. – Это же унизительно.

– Я тоже так думаю, – сказала Доротеа.

Шарлотта пожала плечами:

– Я думаю, все не так ужасно. Они не заперты, к тому же получают за

это деньги. Но еще раз я бы на это не пошла.

Они вернулись к тротуару. Несколько секунд спустя Юдит ощутила страх во всем теле, потому что на другом конце народной лужайки она вдруг увидела Макса Эбингера. Он шел под руку с красивой девушкой, которая оживленно что-то ему рассказывала.

Юдит больше всего хотелось развернуться и уйти. Она так долго его не видела ни на общественных мероприятиях, ни на музыкальных вечерах, даже на летний бал у родителей Доротеа, к ее большому разочарованию, он не пришел. И вот именно здесь и сейчас она чуть в него не врезалась. В него и в его кокетливую спутницу.

– Это же Макс Эбингер! – Доротеа тоже заметила эту пару.

– Симпатичный парень, – сказала Шарлотта.

– Кто же эта девушка? – спросила Доротеа. – Я ее не знаю.

– По всей видимости, не праведница, – выпалила Юдит, которая очень старалась скрыть свое разочарование.

– Да, у Макса всегда кто-то на буксире, – заметила Доротеа. – Это не проблема для такого привлекательного парня. Такие никогда не остаются одни.

Юдит стало ясно, что Доротеа тоже равнодушна к Максусу, и она произвольно дерзко отреагировала:

– Откуда ты вообще знаешь Макса Эбингера?

– Он друг Альбрехта. Иногда он приходит к нам в гости. Но, к сожалению, он даже не смотрит на меня.

Разумеется, Юдит вспомнила. Макс и скучный брат Доротеа были одного возраста, и семьи Эбингер и фон Браун давно дружили.

Когда пара проходила мимо них, Макс Эбингер вежливо приподнял шляпу. Его попутчица проронила «Добрый день», улыбнулась и потянула его дальше.

– Мы торопимся, – сказал Макс в качестве извинения, его белые зубы сверкали, когда он так обаятельно улыбался. – Хорошего дня вам! – На этом они ушли.

– И вам тоже, – тихо ответила Юдит и вдруг заметила, что начала дрожать от волнения.

Доротеа с любопытством посмотрела на нее и отметила:

– Ага!

Шарлотта перевела взгляд с одной подруги на другую.

– Как я вас понимаю, – сказала она, вздохнув.

Какое-то время они молчали.

Затем девушки решили уйти из зоопарка и по дороге к выходу увидели

верблюдов.

Когда они проходили мимо вольера, в котором содержались двое взрослых животных и одна молодая самка, они случайно услышали разговор мамы с маленькой дочкой, которая спросила:

– Как можно у верблюдов отличить мужчину от женщины?

Юдит увидела, как Доротеа улыбнулась и остановилась. Губы Шарлотты тоже подозрительно вздрогнули.

– Смотри, моя маленькая, – ответила мама. – Два больших верблюда стоят как раз друг возле друга. Смотри внимательно.

Девочка кивнула.

– А сейчас скажи мне, – продолжила мама, – что тебе сразу бросается в глаза?

Ребенок указал пальцем на одного из них.

– Что этот намного больше, чем тот.

– Правильно. Это и есть ответ на твой вопрос, – сказала мама довольно. – Тот верблюд, который больше, мужчина.

Такое серьезное объяснение развеселило подруг, и плохое настроение Юдит испарилось. Они давно уже шли по дороге домой, но все никак не могли перестать смеяться.

Глава 14

Ресторация «Цур Шарлоттенхёэ» в Дегерлохе, в тот же день

– Я не знаю, Карл, но я думаю, что это не очень хорошая идея. – Голос Антона звучал очень убедительно. – А что, если они все сразу вылетят?

– Ну же, Антон! И что? – нетерпеливо сказал Карл и достал самодельную стрелу из деревянного колчана, который он положил на землю. – Лучше стань как следует, чтобы лучше прицелиться.

– А они быстрые?

– Я не знаю, во всяком случае, быстрее, чем ты. – Карл натянул лук.

– И уж точно быстрее, чем ты, – обиженно ответил Антон, однако его тщеславие победило страх.

Карл улыбнулся.

Он точно знал, как может бросить вызов своему брату. А это было важно. Потому что эффект, когда две стрелы одновременно попадают в цель, должен быть очень мощным. Что точно должно было произойти, Карл не знал, но его разрывало от любопытства, и он не мог уже думать о возможных последствиях.

Он сконцентрировался и держал в поле зрения не только воронку в земле, но и Антона, контролируя, как тот также натягивает лук.

– На счет три. Стрелы должны попасть точно в цель, – прошептал Карл. Антон вдруг опустил свой лук.

– Что ты делаешь? – прошипел Карл.

– Мы не сможем одновременно туда попасть, – констатировал Антон.

– Почему нет?

– Потому что стрелы отобьются друг от друга, – объяснил Антон.

Карл тоже опустил свой лук и поразмыслил.

– Возможно. Тогда будем стрелять друг за другом. Я дам команду!

Антон кивнул. Каждый снова взял свой лук и направил его в цель – норку в траве, где осы устроили свое гнездо.

Карл наблюдал за жужжанием прилетающих и улетающих насекомых. Антон же немного растерянно снова смотрел на отца, который на некотором расстоянии от них разговаривал с банкиром фон Брауном. Мужчины пили вино и не обращали на них никакого внимания.

Собственно говоря, отец не хотел брать их с собой. И Антону было не совсем понятно, почему он вдруг начал так настаивать, чтобы они пошли с ним. Может, он хотел посмотреть, как хорошо уже Карл ходит? Прошло более чем два месяца после того ужасного случая, и он уже был в довольно хорошей форме. Даже доктор Кац сказал, что Карлу очень повезло и что у

него железное здоровье.

И вот теперь эта воскресная прогулка.

Воскресные прогулки с отцом были еще хуже, чем домашний арест. Потому как он постоянно находил повод, чтобы перечислить все проступки прошедшей недели и назначить соответствующее наказание. Чтобы не получить еще одно наказание, они пошли без возражений. Спорить все равно не было никакого смысла.

Отец в этот день был полностью поглощен своими мыслями.

Он даже не сразу заметил, что они взяли с собой колчан и лук, а увидел это лишь тогда, когда они были уже далеко от дома, и поэтому не стал спорить. Разумеется, он дал понять, что по возвращении лук будет изъят на целую неделю. Без санкций никогда не обходилось.

Таким образом, их смелость не была вознаграждена, ведь пользоваться оружием им было запрещено. Под угрозой очередных штрафных санкций отец запретил им стрелять.

Недовольные, они шагали за отцом, как вдруг к ним направился знатный банкир фон Браун. Он в фетровой шляпе и с тростью с серебряной рукояткой в руке как раз вышел из своей повозки в нескольких метрах от ресторации «Шарлоттенхёэ» и поприветствовал их отца, пожав ему руку. Очевидно, они договаривались о встрече, потому что сразу же заняли места в саду гостевого дома.

И кто бы мог подумать: ему сразу же стало не до сыновей. Махнув рукой, он быстро отпустил их. Так как Антон и Карл не имели ни малейшего понятия, насколько далеко они могут отходить без риска схлопотать очередное наказание, то оставались в саду и бродили по игровой площадке «Шарлоттенхёэ». Братья искали укромное место, чтобы все-таки сделать пару выстрелов из лука. Но поскольку все до единого места были заняты знатными гостями из города, близнецы никак не могли определиться.

Только лишь когда они дошли до газона возле стойла, Карл заметил осиное гнездо, перед которым они сейчас и стояли с натянутым луком.

– Ну же, на счет три, – сказал Карл тихо.

Антон кивнул.

– Раз, два... три!

Погрузившись в свои мысли, Роберт шел по Кирхгеймерштрассе. У него внутри все кипело, и даже две кружки прохладного пива, которые он выпил, не смогли унять его внутреннее возмущение.

Она встречается с парнем, его милая Бабетта. Он видел это, прячась за кустами. Но это было еще не все. Потому что, хотя время уже близилось к

вечеру, она с мужчиной села в Цаке и отправилась в Штутгарт. Шут их знает, что они там собирались делать. Но кокетливая улыбка, с которой она смотрела на своего спутника, пока он помогал ей сесть в вагон, положив при этом ей на спину свою руку, была очень красноречивой.

Роберт уже давно об этом догадывался, но продолжал надеяться, что все не так. Но сейчас было очевидно, что стоит за постоянными исчезновениями и опозданиями Бабетты; стало понятно, почему ее поведение в последнее время так изменилось.

Отсутствие за ужином. Небрежность, с которой она выполняла работу. Ее мечтательность, которую, наверное, заметили все слуги. И, наконец, тот факт, что она таким категоричным отказом реагировала на его осторожные попытки приблизиться к ней.

Роберт был очень расстроен.

Он вообразил себе, что у них что-то получится, у него с Бабеттой. Не сразу, но через пару лет, когда она соберет приданое, а он сам устроится на приличную работу на фабрике. Многие служанки рано или поздно выходили замуж.

Но в этот день все его надежды рухнули. Просто растаяли при виде Бабетты, которая безо всякого стыда вышла на люди с этим весельчаком. Если хозяева об этом узнают, ее уволят.

Чем больше Роберт думал о Бабетте, тем понятнее ему было, что ей нужна помощь. Конечно же, она не понимала, какая опасность может скрываться за этими ухаживаниями. Весь облик этого мужчины, его слишком элегантная одежда, которая абсолютно не сочеталась с неотесанным, слегка отечным от пьянства лицом, не предвещал ничего хорошего. Она была далеко не первой девушкой, которая, приехав в ранней юности из деревни в город, не смогла устоять перед соблазном. Истории о девушках, попавших в плохие компании и в конце концов оказавшихся в водосточной канаве, распространялись с завидной регулярностью среди прислуги Штутгарта.

Бабетта появилась в доме Ротмана в начале года, до этого она уже пару лет работала у других хозяев. Она была родом из бедной рабочей семьи из деревни в окрестностях Штутгарта, и у нее было много братьев и сестер. Так что ее родители были рады, что у них стало одним ртом меньше. Но, оторванная от семьи, девушка, которая попала в узкие рамки работы прислугой и которую эксплуатировали, не была счастлива. Роберт чувствовал это. Рабочий день у Ротмана длился от двенадцати до четырнадцати часов, все дни недели, только каждое второе воскресенье после обеда у них был выходной. А с тех пор как хозяйка уехала,

Вильгельм Ротман часто придумывал какие-то задания для Бабетты поздно вечером. То нужно было отчистить пятно на его костюме, то принести что-то поесть. Отдохнуть Бабетта могла только после полуночи. Она редко спала больше пяти часов, так же, как и он. Только Дора была в значительно лучшем положении, ведь она работала у молодой хозяйки и редко получала поручения от Ротмана.

Злость Роберта относительно легкомысленного поведения Бабетты перерастала в гнев по отношению ко всему убогому существованию прислуги. Накопившийся гнев заставлял его идти быстрее. Именно в тот момент, когда он проходил мимо ресторации «Шарлоттенхёэ», из укромного сада этого заведения начали раздаваться панические крики.

Он резко остановился, повернул голову в сторону, откуда доносились голоса, и секунду спустя из ресторации выбежала небольшая группа взволнованных людей. Особенно дамы, словно будучи не в себе, махали вокруг себя руками и зонтиками, издавали жалобные крики, путались в своих юбках, пока мужчины пытались как-то им помочь.

Роберт озадаченно стоял и наблюдал за тем, как напуганные люди устремились вниз по Кирхгеймерштрассе по направлению к зубчатой железной дороге. Они, наверное, хотели сесть в ближайший вагон Цаке и вернуться в Штутгарт.

Но спокойствие еще долго не восстанавливалось.

Когда Роберт подошел ко входу в «Шарлоттенхёэ», он увидел, как в саду суетятся люди. По всей видимости, оставшиеся дамы и господа столкнулись с конкретной опасностью. Они размахивали газетами, шляпами и пиджаками. Зонтики не очень элегантно витали в воздухе.

Любопытство Роберта развеяло его дурное настроение, и он вошел в сад.

– Где хозяин? – прокричал мужской голос, и Роберт сразу же узнал Вильгельма Ротмана.

– Его укусили! – быстро ответил женский голос.

– О господи... приведите его! Это же его ресторан! – опять голос Вильгельма Ротмана.

Роберт увидел своего хозяина вместе с банкиром, который в последнее время неоднократно бывал у них. Пока Ротман с покрасневшим лицом отдавал приказы, но практически ничего не делал, банкир, как сумасшедший, размахивал руками вокруг себя. Бокалы на столе были перевернуты, осколки винного графина валялись на одном из стульев. Красное вино капало на землю.

Суматоха не прекращалась, а воздух был наполнен агрессивным

жужжанием. Роберт сразу же понял, какая драма разыгрывалась у него на глазах: рой ос летал над столами и атаковал гостей «Шарлоттенхёэ». Он немедленно отошел назад, чтобы не стать жертвой агрессивных насекомых. Только он подумал о том, что нужно как можно быстрее удалиться с места происшествия, как вдруг кто-то дернул его за правый рукав.

Дрожащий детский голос спросил:

– Роберт, вы же пойдете с нами домой?

Он узнал маленького Антона Ротмана и сразу же за ним его брата-близнеца Карла. Перекошенные от боли лица мальчиков были покрыты большими красными волдырями. Роберт начал осознавать, что между присутствием детей и драмой, которая здесь разыгралась, определенно есть связь.

Он не мог не улыбнуться, но в то же время ему было их очень жаль. Укусы ос чертовски болезненные. И то, что они взяли себя в руки, доказывало, что совесть их не чиста и что они боятся разоблачения. Но прежде чем Роберт успел отреагировать, он увидел, как к ним направляется Вильгельм Ротман.

– Карл! Антон!

Глава 15

В одном Вильгельм Ротман был точно уверен. Никогда больше его персонал не получит выходной в воскресенье после обеда, не согласовав с ним предварительно по минуте каждый час. Действующее до настоящего момента правило, согласно которому все работники дома каждые две недели могли располагать временем между двумя и пятью часами дня как им в голову взбредет, отменялось. Конечно же, тот факт, что в доме Ротмана дело дошло до такого извращенного обычая, был связан с новомодным отношением Хелены к потребностям прислуги и привел к таким разрушительным последствиям.

Если бы в этот день в доме был кто-то из ответственного персонала, ему не пришлось бы самому заботиться о близнецах. А то, что Юдит в этот день была приглашена к подругам и поэтому не могла присматривать за братьями, он просто выпустил из вида.

До настоящего момента он не слишком был занят заботой о сыновьях. Чаще всего он вскользь обращал на них внимание, и то лишь когда предстояло наказание. После того несчастного случая с Карлом он все же старался оставлять их под надзором взрослых. И когда он понял, что к моменту его встречи с банкиром фон Брауном никого не будет дома, чтобы присмотреть за мальчиками, ему не оставалось ничего другого, кроме как взять их с собой в «Шарлоттенхёэ».

Он думал, что там они найдут чем заняться, как это делают послушные дети, пока он будет решать с банкиром вопросы относительно жизненно важного объединения их семей. Но, вместо того чтобы качаться на качелях или играть в мяч, Карл и Антон разворошили осиное гнездо и таким образом поставили его в крайне неприятное положение.

Вильгельм Ротман сидел за своим письменным столом и нервно играл серебряной чернильницей, стоявшей перед ним. Когда он вспоминал о разрушительном исходе того дня, у него на лбу выступали капли пота.

Не было такого человека, на которого за короткий промежуток времени свалилось бы столько неприятностей. Непокорные сыновья, у которых в голове одни только выходки, дочь со своенравными планами на будущее, жена, которая отправилась на юг и оставила семью.

И над всем этим нависала угрожающая темная туча возможного банкротства фабрики.

По крайней мере, последняя проблема должна быть решена в ближайшее время, потому что вопрос о свадьбе Юдит и Альбрехта фон Брауна уже урегулирован. Благодаря чему должны потечь денежные средства, которые ему так необходимы.

Он почесал голову.

Конечно же, Ротман не хотел бы прибегать к таким махинациям ради спасения своей фабрики. Но его финансовое положение не оставляло ему выбора. Как часто за последний год он проклинал тот день, когда купил кучу дорогостоящей недвижимости. Ему гарантировали, что таким образом он намертво вкладывает свой капитал под большие проценты. Сделка была заключена через банкирский дом фон Брауна.

Действительно, намертво вложил, цинично подумал Ротман. Эта инвестиция уничтожила большую часть его личных и корпоративных средств.

Почти в последнюю минуту все повернулось в лучшую сторону. Возможно, фон Брауна мучила совесть, кто знает, но он поддержал союз между детьми.

В любом случае Юдит могла бы попасться партия и похуже. Банкирский дом Брауна пользовался большим авторитетом. Она подарит своему мужу двух-трех детей и будет жить хорошо обеспеченной, спокойной и довольной жизнью.

У него не было причин корить себя.

Будущее шоколадной фабрики, а значит и наследство его сыновей, было в безопасности, а Юдит выйдет замуж, попадет в уважаемую семью, без финансовых проблем. С этим не стоило медлить.

Однако оставалась последняя зацепка: его дочь ничего еще не знала об Альбрехте. И при мысли о том, как она отреагирует на эту новость, Вильгельму Ротману становилось не по себе. Судя по тому, как отрицательно она реагировала на все его намеки относительно ее замужества, Ротман опасался категорического отказа. Он был хорошо с этим знаком на примере его жены Хелены.

В этот момент ему на глаза опять попало письмо, которое он вчера получил и отложил в сторону. В качестве отправителя был указан Фридрих Эбингер, именно тот Эбингер, его личный противник, которому деньги рекой текли в кошелек.

Хотя он и сегодня не очень-то спешил открывать письмо, но взял конверт. Несколько раз он нерешительно перевернул его с одной стороны на другую, затем взял нож для бумаги и разрезал конверт.

Он внимательно прочитал информацию, указанную на находящихся внутри карточках. Его лицо прояснилось.

В мгновение ока появился изысканный способ поставить Юдит в известность относительно его решения так, чтобы упрямая дочь не разрушила его планы. И благодарить за это нужно было старика Эбингера.

Все же он до сих пор терпеть его не мог.

В дверь постучали.

– Да! – крикнул он, отложив в сторону приглашения, и принял строгое выражение лица.

Дверь открылась, и Бабетта завела Карла и Антона. Затем она тихо закрыла дверь и остановилась за мальчиками.

– Уважаемый отец... – сокрушительно начал Карл.

– Замолчи!

Молча и потупив взгляд, сыновья стояли перед ним.

Вильгельм Ротман чуть было не начал их жалеть, но быстро взял себя в руки. Наказание было необходимо. Только так они вырастут порядочными и дисциплинированными людьми. И прежде всего ему нужно было выбить из них все эти проделки, чтобы они повзрослели и смогли впоследствии управлять фабрикой.

Он положил первого на колени и начал пороть по заднице.

– Карл ворчал. Антон не проронил ни звука, но у него по лицу бежали слезы, – рассказывала Бабетта, помогая Герти готовить ужин.

Хозяевам на ужин полагались жаркое из свинины со свежее испеченным хлебом и яблочный штрудель. Для прислуги был айнтопф^[8] из чечевицы. К сожалению, без сала. С тех пор как хозяйка уехала в санаторий, Ротман был скуп на мясо.

Дверь в кухню распахнулась.

– Старик... хозяин приказал собраться всем после ужина в вестибюле, – запыхавшись, сказал Роберт.

– Что ему от нас надо? – удивленно спросила кухарка.

– Я догадываюсь, – сказала Бабетта и направилась к выходу.

– Я тоже, – согласился Роберт. – Он хочет лишить нас выходных.

– Я уже слышала. Он говорил это своей дочери, – объяснила Бабетта. – Чтобы не оставлять мальчиков без присмотра.

– Он сам не может справиться со своими сыновьями, – возмутился Роберт.

– Роберт! – предостерегла его кухарка. – Не критикуй хозяев!

Роберт подошел к большой чугунной плите и дернул Бабетту за ленточку фартука.

– Что у вас здесь есть вкусного?

Бабетта оттолкнула его.

– Оставь меня в покое, иначе ничего не получишь!

Роберт засмеялся:

– Я уже унюхал. Вкусно.

Он нежно посмотрел в напряженное лицо Бабетты. Она только искоса окинула его тревожным взглядом.

– Ты же не дашь мне умереть с голоду, Бабетта, – он попытался пошутить. – Иначе у тебя не будет защитника!

Она выпрямилась и посмотрела на него. Ее светло-зеленые глаза заблестели.

– Единственное, что мне не нужно, – это такой защитник, как ты! Ты постоянно за мной шатаешься! – она говорила все громче и пронзительнее. – Ты мне не нужен. Я тебя терпеть не могу. Оставь меня в покое!

Роберт вздрогнул.

Герти громко кашлянула.

– Ну, я не считаю, что Роберт шатается за тобой, – сказала она, поставив корзинку с хлебом на длинный деревянный стол, за которым прислуга собиралась на короткий ужин. – Он просто переживает. Как и я.

Она говорила спокойно, но Бабетта бросила поварешку в чечевицу и вышла из помещения, не сказав ни слова.

Роберт стоял как вкопанный, кухарка вздохнула.

– Я и правда не знаю, к чему приведет вся эта история с Бабеттой.

– В любом случае ни к чему хорошему, – заметил Роберт разочарованно. К его беспокойству добавилась ярость. – Но если нам сейчас запретят выходить из дома, то она, возможно, немного успокоится.

– Что ты имеешь в виду?.. – спросила Герти, но в этот момент в кухне появился Тео со своим «Пахнет вкусно!» в сопровождении Доры.

– Я как раз забрал молодую хозяйку из Штутгарта. Она явно весело провела время! – рассказал он.

– Значит, у нее был хороший день, – проворчала Герти и достала поварешку из чечевицы.

– От нее необычно пахло, – сказал Тео. – Стойлом, что ли...

– Да перестань, это точно не от мадам, а от твоих кляч, – быстро возразила Дора и села за стол. Она знала, что Юдит была в зоопарке, и хотела ее защитить.

– Давайте присаживайтесь, еда готова! – велела кухарка, взяла айнтопф с плиты и принесла на стол.

Тео пожал плечами и сел за стол.

В этот момент пришла экономка.

Она посмотрела на присутствующих.

– Где же опять Бабетта?

На какое-то время все растерянно замолчали, затем Роберт сказал:

– Она плохо себя чувствовала. Наверное, пошла в свою комнату.
Взгляд Маргарет стал очень строгим.

– Это не должно входить в привычку. Есть четкое расписание приема пищи, которого необходимо придерживаться. И еще. Близнецы в ближайшие дни остаются без ужина. Распоряжение хозяина.

– Что? – выкрикнула кухарка. – Но ведь это же дети, им нужно кушать!

– У хозяина есть на то свои причины, которые мы не можем оспаривать! – Экономка поставила Герти на место и села во главе стола.

Во время еды нельзя было громко разговаривать. Роберт действительно был голоден, но есть ему не хотелось. Что он мог сделать для Бабетты? Рассказать Ротману? Но он сразу выставит ее за дверь, и тогда она на самом деле пропадет.

Нет, он, как и прежде, будет наблюдать за Бабеттой, даже если это и приведет к тому, что она перед ним еще больше закроется. Других вариантов не было.

Глава 16

Ветер был неистовый. Он обдувал дом, вырывал кровельную черепицу, сотрясал двери. Раскаты грома предвещали одну из последних гроз этим летом. Молния сверкала всю ночь и через неравные промежутки времени освещала комнату Юдит. Затем упали первые тяжелые капли дождя. Вслед за этим они начали бить по оконным стеклам.

Сначала Юдит не собиралась из-за погоды отказываться от безмятежного сна, однако громкий лязг на улице ее напугал.

Она неохотно откинула мягкое одеяло, подошла к окну, отодвинула тяжелую занавеску, чтобы посмотреть, что же там происходит.

На улице было беспросветно: потоки дождя, льющиеся по окнам, не давали ничего рассмотреть. Было невозможно разглядеть хоть что-то – лишь расплывчатые тени раскачивающихся на ветру деревьев.

Юдит некоторое время стояла в темноте и прислушивалась, может, шум повторится, но, если не учитывать гул ветра, все было спокойно. Разочарованно вздохнув, она задернула занавеску и легла в кровать. Возможно, это разбилось стекло уличного фонаря. Или ей просто послышалось.

Как только она снова задремала, ее разбудили. На этот раз знакомый скрип входной двери ее комнаты.

– Антон? – Юдит села в кровати.

Она услышала пару быстрых тихих шагов, и вот один из братьев уже стоял перед ее кроватью.

– Юдит? – прошептал он.

Юдит протянула к нему руки.

– Иди сюда, садись ко мне, Антон. Ты испугался? Это ведь просто гроза.

– Нет, – тихо сказал Антон. – Карл так голоден. – Он взял ее руки и сильно сжал. – И я тоже!

Юдит не смогла сдержать улыбку, и одновременно с этим она была очень зла на своего отца. Всякий раз, когда ее братьев в качестве наказания лишали ужина, они не могли спокойно спать.

– Я сделаю вам горячий шоколад, – сказала она и снова встала с кровати.

– О да, – прошептал Антон. – Карл будет очень рад!

– Ну и ты, разумеется, тоже, – заботливо сказала Юдит. – А пока возвращайся в кровать, Антон. – Раздался громкий раскат грома, и Юдит инстинктивно обняла брата. Она почувствовала, как он дрожит. – Тебе страшно!

– Нет, мне не страшно!

– Веди сюда Карла, и мы вместе пойдем на кухню.

– А если отец нас заметит? Сегодня же такая беспокойная ночь!

– Это и хорошо. Чем громче снаружи, тем хуже ему будет нас слышно.

Давай же, быстрее. И тихо!

Антон пошел за братом.

Тем временем Юдит надела халат на ночную рубашку и зажгла свечу, которая стояла в покрытом эмалью подсвечнике, украшенном яркими цветами. Услышав шепот и шлепки босых ног, она быстро закрыла защитным стеклом пламя свечи и вышла в коридор.

– Юдит! Положи мне побольше сахара в шоколад! – Карл чуть не врезался в нее.

– Эй, тише, Карл! – предупредил его Антон. – Иначе отец заметит нас и опять накажет!

– Антон прав, – сказала Юдит. – А сейчас давайте осторожно проберемся на кухню. Как индейцы по тропе войны. Никто не должен ее найти, иначе их сразу схватят.

Как можно тише друг за другом они спустились в вестибюль, пока на улице бушевала гроза. В тусклом свете молнии в доме виделось что-то тревожное, и Юдит охватило странное чувство, что-то среднее между приглушенным страхом и жадной приключений, с которой ее братья следовали за ней. Ее свеча мерцала.

Юдит, которая так же, как и ее братья, с удовольствием ходила босиком, было приятно идти босыми ногами по мягкому ковру, затем по бархатно-прохладной поверхности мраморного пола, которая сменилась холодной керамической плиткой в помещении для прислуги.

Она открыла дверь в царство кухарки. Близнецы зашли за ней.

– Может, где-нибудь есть еще и кексы, – вслух подумал Антон и быстро начал обыскивать полки.

– Да, точно, – прошептал Карл и принялся помогать брату.

– Вы там точно ничего не найдете, – объяснила Юдит, отставляя свечу на большом деревянном столе, за которым изо дня в день работала кухарка со своими помощниками. – Кексы хорошо спрятаны. Кроме того, Герти не любит, когда вы здесь лазите и переворачиваете все вверх дном.

Юдит и сама была частым гостем на кухне, поэтому знала, что кухарка не любила внезапные налеты на ее суверенную территорию. Кладовая со своим соблазнительным содержимым была всегда закрыта.

Юдит ловко залезла за висящую на стене форму для выпечки и достала оттуда ключи. Именно в тот момент, когда она собиралась открыть царство

лакомств, стукнула дверь в кухню. Не громко, но достаточно шумно, чтобы Юдит сразу же обернулась, а мальчики от страха уронили металлический кувшин для молока, который со стуком упал на пол.

Узкий силуэт остановился на пороге, держа свечу в руке, которая и освещала помещение.

– Кто здесь? – прошептал голос.

– Это мы. – Юдит вышла в видимость огня свечи.

– А, мадам! И близнецы! Гроза привела вас в кухню?

Юдит тихо засмеялась.

– Нет, Дора. Я хотела приготовить двум голодающим горячий шоколад. – Она указала на детей, которые тихо решали вопрос, кто будет поднимать кувшин с пола. Карл настаивал на том, что Антон его упустил и, соответственно, ему и поднимать его. Антон же отрицал свое причастие к произошедшему.

– Это хорошая идея, – сказала Дора, многозначительно посмотрев на мальчиков. – На голодный желудок не уснешь.

– А ты, Дора, тоже голодна?

– Нет, собственно говоря, нет. Я услышала шум и проснулась. И решила пройтись по дому, чтобы посмотреть, все ли в порядке.

– Да, я тоже что-то слышала. Я думала, это с улицы, – сказала Юдит. – А вы двое немедленно успокойтесь! – прошипела она своим братьям, которые как раз начали настоящую потасовку из-за все еще лежащего на полу кувшина.

– Возможно, вы правы, госпожа Юдит. Но на улицу сейчас нельзя, там такой ветер, такой дождь. Я тогда вернусь наверх.

Комнаты Доры и других слуг были расположены на мансарде просторной виллы.

– Оставайся и выпей с нами шоколад, Дора, – предложила Юдит.

Дора уже несколько лет работала в доме Ротмана и в основном выполняла задания горничной Юдит. И задания ее матери, когда та была дома.

– Шоколад, да, с удовольствием, госпожа Юдит. Благодарю.

Пока Дора ставила свою свечу на стол рядом со свечой госпожи, Юдит подошла к ссорящимся детям и взяла их за воротники.

– Сейчас же успокойтесь! Вы разбудите весь дом. Гром не может так громко греметь, чтобы заглушить вас!

Карл и Антон повернулись и успокоились. Антон поднял кувшин и поставил его на полку.

– Вот видите, – довольно произнесла Юдит. – У вас все получается.

Собственно говоря, отец прав. Вам действительно следовало бы поголодать ночью. Без наказаний вы не поумнеете. – Она вздохнула. – Карл, возьми кувшин и принеси молоко!

Она опять подошла к двери кладовой.

– Может, окно разбилось, – размышлял Карл. – Я имею в виду, когда на улице что-то зазвенело.

– Что зазвенело? – спросил вдруг мужской голос, и Дора, испугавшись, обернулась.

– Роберт! Дружище, ты меня напугал!

Молодой парень засмеялся:

– В это время тебе следовало бы быть не на кухне, Дора.

Юдит ответила вместо Доры:

– Вам тоже, Роберт!

Роберт насторожился и внимательно взгляделся в сумрачный свет свечи вокруг Доры.

– Добрый вечер, мадам, Антон и Карл. Простите мне мою дерзость, – сказал он отчасти в шутку.

– Ладно, – примирительно сказала Юдит, так как Роберт ей был симпатичен, хотя ее отец и считал, что он потенциальный возмутитель спокойствия в доме.

– Я тоже слышал шум, дребезжание или что-то в этом роде, – объяснил Роберт. – Я лучше проверю. В такую погоду что-то может сломаться.

– Да, мы с Дорой это тоже слышали. Будет хорошо, если вы посмотрите, – ответила Юдит и повернула ключ кладовой.

– Подождите, мадам, я сварю шоколад! – Дора тотчас же подошла к Юдит.

– Нет-нет, Дора. Я сама! – Юдит зашла в кладовую.

– Подождите, госпожа Ротман, там же непроглядная тьма! Вы ничего не увидите! – сказал Роберт, взял керосиновую лампу с полки и зажег ее. Когда на кухне стало светло, он отдал ее Доре. – Вот, посвети ей. А я пока схожу на улицу. А когда вернусь, мне тоже хотелось бы получить горячий шоколад! Так сказать, в качестве благодарности. – Он подмигнул Доре.

Дора смеясь покачала головой.

– Какой же ты наглец, Роберт!

Она взяла лампу и поставила ее так, чтобы кухня и кладовая были освещены. Пока Роберт застегивал свою курточку и направлялся к двери, она подошла к большой украшенной плиткой печи. Она была еще горячеей, из-за чего в летние месяцы в кухне постоянно было невыносимо душно. Зато в зимний период помещение становилось особенно уютным, а тепла

печи в любое время было достаточно, чтобы разогреть шоколад.

Дора поставила эмалированную кастрюлю на большую темную поверхность, в это время Юдит вышла из кладовой с двумя консервными банками из белой жести. На одной из них была нарисована молодая танцовщица среди цветочных орнаментов, на другой на белом фоне черным росчерком с завитками было написано слово «сахар».

Карл принес из подвала свежее молоко, и Дора осторожно налила его в кастрюлю.

– Сделай пряный шоколад, Юдит! – попросил сестру Антон.

Юдит взяла венчик со стены возле плиты, на которой висело много всякой утвари, и посмотрела на братьев.

– У нас же сейчас не Рождество!

– Но пряный шоколад намного вкуснее, чем обычный, – доказывал Антон.

Карл пришел ему на помощь:

– Точно, обычный на вкус очень скучный!

Юдит посмотрела на Дору.

– Я тоже люблю пряный шоколад, – сказала она и подмигнула мальчишкам.

– Ну хорошо. Принесешь приправы, Дора?

Юдит тем временем взяла ложку, тщательно отмерила какао-порошок, затем сахар и насыпала и то и другое в нагретое молоко. В конце она все взбила венчиком, чтобы порошок и сахар растаяли.

Дора добавила щепотку корицы, кардамона и аниса, и сразу же кухня наполнилась необыкновенным ароматом экзотических приправ и шоколада. Юдит словно парила в воздухе вслед за деликатным ароматом, но от звонкого голоса брата быстро спустилась на землю.

– Не хватает ванили! – возразил Карл.

– Я не нашла ни одного стручка, – ответила Дора. – Мы же не можем перевернуть Герти всю кухню.

– Будет вкусно и без ванили, – решила Юдит и передала Карлу венчик. – Теперь ты взбивай, пока не образуется пена.

Карл взбивал изо всех сил, пока шоколад не начал испускать пар.

– Принесешь чашки, Антон? – спросила Юдит.

– И не забудь одну для Роберта! – напомнила Дора.

Под присмотром Юдит Карл осторожно разлил горячий шоколад в пять кружек из фаянса. Близнецы устроились на полу у плиты, Юдит и Дора сели за большой деревянный стол в соседнем помещении, который прислуга использовала в качестве обеденного.

– Они все еще не наигрались в индейцев, – сказала Юдит, глядя на братьев. – Я уже и не знаю, когда это закончится.

– Мои братья в таком возрасте уже должны были помогать во дворе, – сказала Дора и сделала маленький глоток шоколада. – Работать на поле, ухаживать за животными, рубить дрова. Только зимой было легче, так как было меньше работы. Тогда они могли ходить в школу.

– У тебя много братьев? – спросила Юдит.

– Четыре брата. Но они все сводные. Моя мать умерла рано, поэтому отец женился во второй раз.

– Ты родом из Альба, не так ли?

Дора кивнула.

– Да, из маленькой деревни. Но я уже давно там не живу. Мачеха не очень хорошо ко мне относилась, так всем лучше.

– Да, для меня тоже. Кто бы укладывал мне волосы? – ободряюще сказала Юдит и посмотрела на дверь. – Я думаю, Роберт возвращается.

В этот момент он вошел, и сразу в помещении стало влажно.

– Ну? Что ты нашел? – сразу спросила Дора.

Роберт засмеялся и достал из-под курточки клубочек в рыжую полоску.

– Вот что я нашел.

– Владимир! – Юдит вскочила и взяла у него котенка. – Он был на улице?

– По-видимому, да.

– Это он устроил шум? – спросила Дора.

– Нет, он забился в павильон в саду и почти запрыгнул мне на руки, как только увидел меня. Шум был от двух высоких амфор в саду. Вероятно, они упали и разбились. Это просто безобразие. Я завтра все уберу, когда ветер утихнет. А сейчас мне не помешает горячий шоколад. – С этими словами Роберт присел на лавку у длинного стола.

Дора принесла ему кружку, и Юдит присела рядом с котом на руках.

– Странно. Амфоры такие тяжелые. До настоящего момента никакому урагану не удавалось их опрокинуть, – сказала она.

– Я еще раз посмотрю, когда будет светло. Но ветер на этот раз был очень сильный.

– Как бы там ни было, здесь внизу с вами мне намного уютнее, – объяснила Юдит и погладила кота. – И горячий шоколад намного вкуснее, если его пить не с отставленным пальцем и не из дорогой фарфоровой чашки с золотым ободком.

Роберт и Дора удивленно посмотрели друг на друга и рассмеялись.

Вдруг Дора приставила палец к губам:

– Тш-ш. Мне кажется, сюда кто-то идет!

Все прислушались. Карл и Антон прервали свою игру. Вдали слышались отзвуки уходящей грозы.

– Это отец, – прошептал Антон в ужасе. – И мамзель с ним!

– Быстро, в кладовую! – приказал Роберт близнецам. – И кружки возьмите с собой! – Он повернулся к Юдит. – Вам тоже нужно с ними, госпожа Ротман.

Юдит кивнула, посадила кота на пол и прошла за братьями в кладовую.

– Быстро здесь все убери. И иди в свою комнату, – тихо сказал он Доре.

Затем Роберт вышел из кухни, чтобы встретить хозяина и экономку.

Он решил, что проводит их в вестибюль, подробно расскажет о необычном шуме, о разбитых амфорах и таким образом сможет их отвлечь. До рассвета оставалось недолго. И молодой хозяйке с братьями нужно вернуться в свои комнаты.

Глава 17

Штутгарт, несколько дней спустя

Юдит стояла во внутреннем помещении с верхним освещением в универмаге «Бройнингер» и снова и снова восхищалась изяществом здания с его большим, красиво оформленным многогранным стеклянным куполом.

Только в этом году было достроено большое здание универмага на Мюнцштрассе, которое и предложило клиентам невиданный до сих пор ассортимент. Еще снаружи впечатляли высокие витрины, перемежающиеся многогранными колоннами, с заманчивыми декорациями. Над ними в два ряда располагались симметрично установленные окна, в первом ряду они были в виде аркады, во втором – классические прямоугольные. Чем выше Юдит поднимала взгляд, тем более дорогим становилось оформление фасадов в виде изысканных орнаментов из лепнины. Вдоль четырехскатной крыши в ряд на одинаковом расстоянии были размещены слуховые окна и замысловатые башенки. И над всем этим возвышалась башня, верхушку которой украшала изящная статуя.

В большом вестибюле был роскошный свод, который привлекал внимание к блистательному внутреннему миру универмага.

Здесь все было выдержано в светлых тонах, атмосфера была открытая и гостеприимная. Проникающий свет подчеркивал стильную обстановку и выгодно выделял представленные товары. На столбах, расположенных на этаже, большими буквами были написаны названия отделов универмага.

Одна дугообразная лестница вела на второй этаж, другая двойная лестница, словно балдахин, размещалась над первой и соединяла третий и четвертый этажи. У кованых перил, расположенных по периметру торгового зала, было много людей, они наблюдали за активной торговлей в зале на верхнем этаже.

Больше всего Юдит хотелось закинуть голову и так долго кружиться вокруг своей оси, пока вся эта прекрасная эксклюзивность не превратится в светский калейдоскоп, однако она ограничилась лишь взглядом вверх, где пробивались солнечные лучи в утонченном глянце оконных стекол.

Возле нее стояла Дора и скромно указывала на отдел с дамскими платьями. Юдит хотела найти новое платье, потому что абсолютно неожиданно и совсем не заблаговременно она получила приглашение на танцевальный вечер от машинного предпринимателя Эбингера. Это было достаточно волнительно, так как, собственно говоря, летний бал семьи фон Браун в июле был кульминацией всех общественных событий. Как и

обычно, стояли самые жаркие дни в разгаре лета, некоторые семьи отправились к Боденскому озеру или в Шварцвальд, многие собирались вернуться в Штутгарт лишь в последнюю неделю августа.

Ну а самые расточительные семьи – только в конце сентября. Даже родственники покойного фон Зименса, которые расположились в летней резиденции в Дегерлохе, собирались принять участие в этом мероприятии.

Юдит не видела никакой конкретной причины в этом приглашении. В самом худшем случае старик Эбингер собирался объявить о помолвке Макса с какой-нибудь баронессой. Это беспокоило Юдит с момента той встречи с Максом и его спутницей в зоопарке Нила. Старший Эбингер был способен устроить такое. Вероятно, романы Макса были для него бельмом на глазу. Кроме того, всем было известно, что он искал способ попасть в аристократическое общество. Выгодной женитьбой сына он смог бы решить этот вопрос быстро, элегантно и навсегда. А если он попадет на крючок обычной молодой девушки, планы его отца быстро растворятся в воздухе.

Юдит был несимпатичен старик Эбингер. Возможно, это было связано с тем, что он не ладил с ее отцом и не рассматривал ее как достойную партию для своего сына. Мать Макса, напротив же, была очень обходительной, всегда улыбалась и для каждого могла найти доброе слово. Юдит была в восторге от ее деятельности в швабском женском клубе, который поддерживал молодых девушек в изучении профессии. Она сама посещала коммерческий колледж при содействии этого клуба и овладела там важными основами экономики на тот случай, если однажды ей все-таки будет позволено найти свое место на шоколадной фабрике.

Ее отцу это, как и следовало ожидать, не нравилось, но мать долго настаивала, пока ему не пришлось согласиться. Юдит была ей за это очень благодарна, вместе с тем она очень сожалела, что давно не получала известий от матери, хотя и отправила недавно два письма в Риву, в которых излила свою душу. О том, что отец поставил ее перед фактом и при этом ничего не говорит о потенциальном женихе. О своей злости и о страхе, связанных с этим замужеством.

Она пыталась освободиться от безутешных чувств и переключилась на мысли о Максе Эбингере.

От своей матери он унаследовал темные волосы и привлекательные черты лица. В отличие от ее веселого нрава, Макс всегда вел себя отстраненно, практически надменно. Причем такое впечатление всегда исчезало, когда он иронично улыбался. В такие моменты сердце Юдит пело. И тогда она испытывала непреодолимое желание заполнить этого

мужчину.

Она тихо вздохнула.

Что бы ни было поводом для этого мероприятия – она покажет себя с самой лучшей и с самой красивой стороны. А вдруг появится самая немыслимая последняя возможность избежать планов ее отца.

– Мадам!

Дора легонько дернула ее за рукав, и Юдит повернулась к изысканным вещам, которые универмаг «Бройнингер» представлял на столах и вешалках, в застекленных витринах и на полках.

Они прошли через весь зал с множеством шелковых тканей, столового белья, красиво разложенных перчаток, богато украшенных платков и сотен других товаров, которые в искусном оформлении ждали покупателей. Затем они поднялись на второй этаж. На манекенах были представлены различные женские костюмы, они демонстрировали моду сезона.

Юдит уже неоднократно изучала каталог мод универмага «Вертхайм» в Берлине, который доставляли ей домой, и была поражена платьями. На этот раз ей нужно было роскошное платье. Разрешение на покупку у своего обычно экономного отца она получила удивительно легко. Девушка надеялась, что с этой необычной щедростью ничего не связано.

В любом случае он согласился на ее просьбу, махнув рукой с отсутствующим взглядом, и Юдит решила не рассуждать о возможных мотивах его такого поведения.

Дора с улыбкой сказала ей:

– Мы точно найдем что-то непревзойденное!

Спустя полчаса в отдельном кабинете шла примерка.

– Пожалуйста, повернитесь к зеркалу, мадам.

Юдит тренировала свое терпение, пока две старательные продавщицы носились вокруг нее с рулонами ткани разных расцветок и текстур, обматывали изысканной материей ее плечи и бедра, укладывая ее красивыми складками. Необходимый корсет уже был найден, и для создания модного силуэта Юдит была согласна, чтобы ее талию туго зашнуровали и ее тело получило неестественную S-образную осанку. Главное, чтобы готовое платье сидело идеально и подчеркивало элегантную линию.

Тем временем швея записала все пожелания Юдит, тщательно выбранные из каталога «Вертхайм». Наконец она порекомендовала фасон и ткани, после чего велись утомительные дебаты по поводу модных тенденций и пригодности. В результате удалось договориться о роскошном платье из искусно украшенного вышивкой светло-голубого шелка с чехлом

цвета слоновой кости, оборки которого должны были заманчиво выглядывать из-под богато декорированного шлейфа. Короткие рукава из мерцающего тюля были украшены розочками из шелка.

Юдит была довольна, швея, в конце концов, тоже, особенно принимая во внимание тот факт, что солидная сумма была безоговорочно принята.

Вместе с Дорой Юдит выбрала веер цвета слоновой кости из прозрачной ткани ажурного переплетения, который благодаря вставкам и вшитым блесткам идеально подходил к ее гардеробу. Одна из продавщиц показала им пару элегантных бальных туфель из светло-голубого атласа. Юдит велела упаковать их вместе с перьевой накидкой из кашемира.

– Я уже не могу дождаться, когда надену это бальное платье, – прошептала она Доре, пока та приводила в порядок ее вещи и помогала ей одеться.

– Швея будет работать над ним день и ночь, – ответила Дора.

– Но она же успеет?

– Конечно. – Дора улыбнулась. – Она получит за него достойное вознаграждение!

– Это не имеет никакого значения. Не в этот раз, – сказала Юдит и втянула живот, пока Дора завязывала корсет.

Глава 18

Берлин, ночной клуб на Фридрихштрассе

В приглушенном свете газовых ламп инертный дым изысканных сигар расходился темно-желтыми полосами. Сентиментальная игра пианиста сопровождалась двусмысленными замечаниями и непристойностями, произнесенными шепотом. Смех сопровождал звон шампанских флейт^[9], которыми распутные компании, собирающиеся по вечерам, непрерывно чокались.

Занимающий два этажа, роскошно оборудованный бордель, замаскированный под дворец удовольствий, издавна завлекал мужчин метрополии. Располагая несколькими комнатами, им предлагали различные развлечения и скрытые ниши. Здесь бывали и скрашивали на некоторое время свою повседневность не только деятели искусства и разбогатевшая буржуазия. Некоторые благородные представители кайзерского двора и прусского офицерского корпуса также регулярно здесь появлялись, чтобы расслабиться или предаться своим экстравагантным желаниям.

Одна благородно и в то же время дерзко одетая молодая женщина поднялась и, виляя бедрами, подошла к пианино, поцеловала в щеку пианиста, повернулась к публике и начала петь вибрирующим низким голосом.

Пауль Рокс велел даме с невероятно глубоким декольте, сидящей у него на коленях, еще раз наполнить ему бокал. Как только бокал был полон, он выпил его залпом и оттолкнул девицу с тихим звуком сожаления.

К нему пришли.

– О, уважаемый господин уже собирается уходить? – сердито прошептала девица и схватила его за зад.

Рокс освободился из ее рук, поправил рубашку и воротник и схватил свой пиджак.

– Не собирается, Лора. Но долг зовет. – Он поцеловал ее в обнаженную грудь.

– Ох, этот долг... – Лора попыталась сделать неестественно невинное выражение лица, пока Рокс глазами пробежал по всем людям, находящимся в зале, в поисках человека, который только что был в поле его зрения. Когда Лора еще раз его схватила, он грубо отбил ее руку.

– Ай! – обиженно выкрикнула девица, но Рокс уже повернулся к ней спиной и направился сквозь забитый зал к двухстворчатой двери. Его то и дело касались павлиньи перья, дважды путь ему преградила женская нога в

чулке.

– Берлин, как сладок твой рай! – звучало за пианино, но Рокса, которого не интересовала музыка, раздражал этот непристойный голос.

Он старался не замечать происходящего вокруг и сконцентрировался на человеке, который вошел в танцевальный зал и неуверенно смотрел на все это веселье. Рокс поднял руку, чтобы обратить на себя внимание, но мужчина не заметил его.

Прикосновение к плечу заставило Рокса обернуться.

– Черт возьми!..

– По бокальчику? – промурлыкала одна из девушек легкого поведения постарше и соблазнительно провела своим красным боа по его затылку.

– Успокойся, Элли.

– Ах, Пауль, ты же не откажешься от часика со мной?

Рокс напряженно смотрел в сторону двери и с облегчением отметил, что мужчина все еще на месте.

– Раньше твое лицо было гладко выбрито, а зад был упругим.

Он отодвинул ее в сторону, огрызнувшись:

– Эти времена прошли, а сейчас отстань от меня!

Немолодое, но все еще красивое лицо Элли обиженно скривилось.

– Ну и иди!

Рокс протиснулся вперед и, наконец, оказался перед мужчиной, которого он видел сегодня уже второй раз.

– Лейтенант Райнбергер?

Мужчина обернулся. Рокс указал ему на один из коридоров, которые вели от танцевального зала к нескольким комнатам. Фридрих Райнбергер кивнул и последовал за ним. Рокс открыл дверь маленького будуара.

– После вас, господин старший лейтенант, – сказал он как-то слишком дружелюбно.

Они вошли. Рокс тщательно закрыл дверь от любопытных глаз и ушей.

– Мне нужно знать, где он, – начал Фридрих Райнбергер.

Рокс спокойно достал портсигар из внутреннего кармана своего пиджака.

– Он отбывал наказание в крепости Эренбрайтштайн – это точная информация. Однако нет никаких сведений о его настоящем месте пребывания, – объяснил он.

– Эренбрайтштайн... – Фридрих Райнбергер покачал головой. – Значит, они туда его отправили. И никто не посчитал нужным поставить меня в известность.

– Возможно, он сам попросил о том, чтобы никому не сообщали о его

местонахождении.

– И они оказали ему такую услугу? Я не могу в это поверить.

– Это же дело чести. Кроме того, он студент военной академии. Возможно, у него были помощники, о которых мы и не подозреваем.

– Вероятно, так и было. – Голос Фридриха Райнбергера звучал подавленно. – Мой единственный сын пропал. Просто так. Это уму непостижимо.

– Нам необходимо вести расследование в двух направлениях, – начал Рокс, взял сигару и каттер. – Согласно одному из них, он стал жертвой преступления.

Рокс заметил, как Фридрих Райнбергер на мгновение закрыл глаза. Он обрезал сигару, зажег спичку и закурил.

– Или же... он намеренно скрылся. – Рокс с большим удовольствием сделал затяжку, выпустил дым и посмотрел на раскаленный край сигары. Лишь сейчас он предложил сигару Фридриху Райнбергеру. – Угощайтесь!

– Благодарю, нет. – Фридрих Райнбергер покачал головой и сразу же вернулся к теме разговора. – Студенту военной академии было бы не просто без какого бы то ни было сообщения уклоняться от своих обязательств. Вы же знаете, там учатся самые лучшие, Рокс!

– Разумеется, тогда еще раз пройдемся по событиям того времени, – сказал Рокс. – Возможно, всплывет новый аспект, на основе которого мы сможем продуктивнее вести поиски.

– Ну хорошо, если вы так считаете.

– Ваш сын был вызван на дуэль однокурсником, потому что он якобы домогался его сестры. О чем точно тогда шла речь?

– Его обвинили в том, что он принуждал девушку к непристойным действиям. Какая чушь!

– На чем основывалось обвинение?

– На заявлении девушки. И на заявлении ее брата, который якобы все это видел и в последний момент вмешался.

– А дуэль была единственно возможным решением?

– При сложившихся обстоятельствах – да. Его вызвали, и отказ считался бы признанием вины. Семья девушки известна в высших кругах.

– А вы сначала ничего об этом не знали?

– Нет, я узнал, лишь когда мне сообщили об аресте Виктора.

– Его задержали только спустя несколько дней после дуэли, это вы мне рассказали при нашей первой встрече, лейтенант Райнбергер. Его противник неожиданно умер от раневой инфекции, и его семья настояла на аресте. Правильно?

– Да, так и было. Виктор попал в него, а сам получил касательное ранение. Заранее было оговорено, что запрещено делать смертельные выстрелы. Они этого и придерживались. Тот факт, что это ранение привело к сепсису, был роковой случайностью. Но печаль и ярость могут объединиться в губительный союз.

– Следовательно, существует такая возможность, что и сейчас, годы спустя, кто-то из окружения убитого однокурсника может прибегнуть к мести, не так ли?

– Такое можно допустить, если этот кто-то знает, где Виктор. Но, Рокс... – Фридрих Райнбергер начал ходить по маленькой комнате. – Военная академия требует сведения. Если Виктор жив, он просто так не бросит свою офицерскую карьеру. Это дело его чести. И моей!

Рокс насторожился:

– А какие у вас с сыном отношения?

Фридрих Райнбергер замялся:

– Вы не находите, что это очень личный вопрос, Рокс?

– Чем больше я знаю, тем качественнее смогу вести расследование. Можно было выпустить вашего сына под залог?

– Я пытался. Но дело сейчас не в этом, Рокс. Вам нужно найти и вернуть Виктора в Берлин.

– Первое я сделаю, а вот второе зависит от вашего сына – если он еще жив.

Фридрих Райнбергер фыркнул:

– Я уверен, что он жив. И он узнает, что значит честь семьи.

– Как знаете. – Поразмыслив минуту, Рокс кивнул головой и стряхнул пепел своей сигары в нежную фарфоровую пепельницу, которая стояла на столике. – По вашей просьбе я ускорю расследование. Вы принесли оговоренную сумму?

Фридрих Райнбергер достал толстый конверт из внутреннего кармана своего пиджака.

– Восемьсот марок. Такую же сумму вы получите, если расследование пройдет успешно.

– Как минимум. Подумайте также о бонусе, лейтенант Райнбергер. – Рокс взял деньги. – Адрес для связи остается прежним?

– Да.

– Хорошо. – Рокс положил свою сигару в пепельницу. Затем он подошел к двери и открыл ее. – Я дам о себе знать.

– Телеграфируйте минимум раз в неделю, – распорядился Фридрих Райнбергер, выходя из комнаты. – При любом непредвиденном или

многообещающем развитии событий немедленно информируйте меня.

Рокс проследил, как Фридрих Райнбергер прошел через бордель и вышел наружу. Он взял свой пиджак, вернулся в танцевальный зал, схватил одну из молоденьких девиц и повел ее в отдельную комнату. Позже у него была назначена еще одна очень интересная встреча. Дело Виктора Райнбергера должно было стать для него многократно оплаченным заказом. Ну а пока он мог насладиться предварительным вознаграждением.

Глава 19

Штутгарт, в эти дни

Немного позже в это же утро Виктор вышел из дома на Зильбербургштрассе, где с момента прибытия в Штутгарт он проживал с Эдгаром Нольдом в двухкомнатной квартире. Он давно уже собирался найти свое собственное жилье, но маленькие квартиры в Штутгарте были редкостью и стоили очень дорого. Кроме того, он хорошо ладил с образованным и общительным художником, так что они нашли общий язык и пока решили снимать квартиру вместе. Он уже привык к тому, что дома постоянно пахло краской и обожженной эмалью. Эдгар приобрел подержанную печь для обжига и с ее помощью производил в больших количествах вывески с причудливыми мотивами. Их использовали в рекламных целях, и они хорошо продавались. Эдгар был очень доволен и подыскивал маленькую мастерскую, чтобы расширить производство.

Виктор быстро шел по выложенной камнем улице по направлению к шоколадной фабрике. Обычно дорога к Кальверштрассе занимала у него примерно пятнадцать минут.

Он шел вниз по Зильбербургштрассе, затем повернул на Ротебюльштрассе с ее широкими тротуарами, где постоянно было полно прохожих. Со всех сторон возвышались дома с выразительно оформленными фасадами, трехэтажные, а иногда и пятиэтажные. Практически в каждом здании на первом этаже располагался магазин.

Громкий звон трамвая посередине улицы время от времени заглушал оживленную суету этого приятного летнего утра. Рядом с лакированным трамваем цвета слоновой кости с голубым отливом с грохотом передвигались автомобили, повозки и телеги.

Когда Виктор, наконец, подошел к воротам фабрики, он заметил Юдит Ротман, которая, судя по всему, в полной нерешительности стояла на тротуаре. Она то и дело смотрела на фасад здания, затем куда-то вверх и вниз по улице. Виктор ускорил шаг, но, прежде чем он смог к ней обратиться, она развернулась и пошла в направлении магазина семьи Ротман, вход в который располагался в нескольких метрах от главных ворот фабрики.

Жаль. Ему бы хотелось с ней еще пообщаться. Может, на днях появится такая возможность. Хотя холодильная камера уже давно была отремонтирована и находилась в эксплуатации, но своевременный контроль исправности техники всегда был оправдан.

Немного позже Виктор зашел в мастерскую, и его сразу же вызвали в

котельное помещение – ему давно доверили и контроль за большими паровыми механизмами. Уже не раз возникали сложности с паровым котлом, который находился в эксплуатации больше двадцати лет и в последнее время не регулярно продувался, что привело к повышению содержания солей. Возникшие по этой причине коррозионные повреждения касались не только котла, но и паропровода. Все было покрыто известью. Таким образом, не только значительно ухудшалась теплопроводимость, но и при таких условиях возникала опасность взрыва.

Поэтому несколько дней назад Виктор велел удалить наслоение в котле резцами; довольно трудоемкая работа для опытных работников. Результатом он остался не доволен, поэтому вчера распорядился продолжить работу. К тому же он дал распоряжение следить за подачей достаточного количества свежей воды и, самое главное, постоянно сливать использованную. А заменой некоторых труб он собирался сегодня заняться сам.

Едва он успел составить список необходимых деталей, как пришел начальник отдела и попросил о помощи. Возникли проблемы с одной из очистительно-сортировочных машин, которые отбирали камни и испорченные какао-бобы. Но в этом случае, как установил Виктор, дело было в том, что конвейер залипал, поэтому проблему быстро устранили.

Редко случалось такое, что день проходил без происшествий, и для Виктора было очевидно, что фирма Ротмана столкнулась с серьезными проблемами. Если не считать сортировочную машину, которой была заменена трудоемкая ручная работа, машинное оборудование на фабрике устарело. Виктор начал собирать информацию о других шоколадных фабриках Штутгарта, которых было немало. И именно ввиду большой конкуренции Виктору было непонятно, почему Вильгельм Ротман не делал регулярные инвестиции в новое машинное оборудование. Рано или поздно этот факт приведет к значительным негативным последствиям. Ликвидировать отставание гораздо сложнее, чем попытаться остаться в лидерах. А тем временем развивались не только шоколадные предприятия Штутгарта, но и именитые конкуренты из других городов Германии, Швейцарии и Франции.

Поймав себя на этой мысли, Виктор покачал головой.

Шоколадная фабрика была не его предприятием. Это Ротман нес за нее ответственность, ему следовало обеспечить ей перспективное будущее. Виктору же в целом было все равно, как будут обстоять дела с фабрикой, он мог и уйти. Он все еще мечтал о том, чтобы устроиться на одно из престижных машиностроительных предприятий, которых было много в

регионе.

Однако он вынужден был признать, что производство шоколада его уже очень увлекло.

И если до конца быть честным, то не только производство.

Юдит Ротман привлекала его больше, чем следовало бы, и именно ее образ все чаще стоял у него перед глазами. Овальное лицо с невероятно голубыми глазами, блестящие белые локоны, ее общительность, которую он сразу отметил, наблюдая за ее беседой с молодыми работницами в женском зале. Ее открытый юмор, который был схож с его манерой шутить. И ее жизнерадостность, которую ей с трудом удавалось скрывать за общепринятыми условностями.

Но он не должен был поддаваться соблазну. Это была граница, которую он не имел права преступить, если планировал остаться в Штутгарте. Такой предприниматель, как Ротман, доставит ему немало неприятностей, если он приблизится к его дочери.

Следовательно, он старался держать необходимую дистанцию и пытался концентрироваться на своей работе. Самообладание и дисциплина были именно теми качествами, которые он давно усвоил в военной академии.

Так прошло несколько часов, а Виктор так и не нашел повода, чтобы встретиться с Юдит. Когда он вечером проходил через ворота фабрики, то с удивлением обнаружил, что его ждет Эдгар Нольд.

– Что случилось? – пошутил Виктор. – Ты переживаешь, что я сам не доберусь домой?

– Именно поэтому я здесь, – с улыбкой произнес Эдгар, похлопал его по плечу и сочувственно сказал: – Ты выглядишь уставшим.

– Ну, кто работает, тот испытывает голод и устает, – кратко ответил Виктор.

– У меня для тебя есть сюрприз.

– Да?

Эдгар улыбнулся:

– Ты только подожди, тебе понравится!

– Ты не мог бы выразиться конкретнее? – спросил Виктор, которому после тяжелого рабочего дня хотелось пива, а не сомнительных сюрпризов.

Но Эдгар не сдавался:

– Пойдем. А потом мы отправимся в «Адлер». Но сначала нам нужно зайти в одно место.

Эдгар повел Виктора по улицам, они перешли через Кенихштрассе и через Марктплатц и наконец повернули на Хауптштеттерштрассе.

У одного углового дома Эдгар остановился и указал на вывеску с надписью: «Мастерская точных приборов механики Алоиза Эберле».

В ту же минуту голод и усталость исчезли. На смену им у Виктора пробудилась жажда деятельности.

– Ты что-то задумал, – сказал он и широко улыбнулся Эдгару. – Дай я угадаю!

Эдгар засмеялся:

– Ты уже несколько недель не даешь мне покоя. С того самого дня, как я принял тебя, несмотря на твое крайне сомнительное прошлое.

Улыбка Виктора стала еще шире.

– Так тебе самому это было выгодно. Благодаря мне ты платишь за квартиру в два раза меньше. Кроме того, то, что ты мне собираешься показать, и правда гениально.

– Так и есть, – сказал Эдгар. – Поэтому мы и здесь.

Он дернул ручку звонка.

Несколько минут ничего не происходило, и Виктор уже подумал, что они напрасно пришли, как вдруг, наконец, послышались шаркающие шаги. Вскоре после этого дверь открылась.

– Что угодно?

Виктору показалось, что мужчине, стоявшему на пороге, примерно лет пятьдесят. На нем были рабочие штаны и халат из прочной синей ткани, а за левым ухом у него был карандаш. Седые волосы были коротко пострижены; сквозь круглые стекла очков на вечерних гостей смотрели темные глаза.

– А, Эдгар Нольд! – сказал он. – Ты сегодня привел своего товарища? Хорошо.

Он открыл дверь шире, и Эдгар с Виктором вошли в узкий коридор.

– Добрый вечер, Алоиз, – приветливо сказал Эдгар. – Ты еще в мастерской?

– Ну да. Ты ведь знаешь, что часто допоздна работаю. Проходите.

Очевидно, в этот момент он заметил, что совсем не поздоровался с Виктором.

– Я Алоиз Эберле, – произнес он и протянул руку.

– Виктор Райнбергер. Добрый вечер, господин Эберле.

– Вы же не здешний? – сказал Эберле, не дожидаясь ответа, и пошел вперед в пристройку за домом. Вероятно, коренной шваб не был пустословом.

Наилучшим образом обустроенная мастерская, в которой он вскоре оказался, очень впечатлила Виктора.

Он посмотрел на большой, выступающий из-за угла верстак и висящие над ним инструменты разного размера. Молоток, клещи, пилы, рубанок, плоскогубцы, тиски. Некоторые станки с ременным приводом были распределены по помещению, к которому было подведено электричество. Виктору было сложно по оборудованию определить характер производства, которым занимался хозяин. Здесь от любой профессии что-то было: столяр, слесарь, жестянщик, механик. Но особенно его внимание привлекла механическая дрель.

Эберле, похоже, заметил его интерес:

– Это разработал мой друг Файн.

Он подошел к верстаку, на котором лежала дрель, и взял ее в руки.

– Возьмите, господин Райнбергер. Она весит семь с половиной килограммов. Держать ее нужно двумя руками и собственным весом направлять в металл.

Виктор взял в руки дрель и рассмотрел ее со всех сторон.

– У старика Файна было два помощника, – продолжил Эберле. – И оба они хотели быстрее справляться с бурением дыр. Они просто взяли маленький электромотор, прикрепили патрон для сверла на шпиндель и начали делать дыры в стали. Это увидел мой друг Эмиль, сын старика Файна, и сделал настоящую дрель. Это было восемь лет назад.

Виктор заметил, что, когда Алоиз Эберле говорит о технике, его охватывает радостное возбуждение.

– Старик Файн вскоре умер. Но у Эмиля все еще есть фабрика. Они производят действительно уникальные механизмы.

– Очень интересно. – Виктор вернул ему дрель. – Если это возможно, мне хотелось бы попробовать поработать с ней.

– Разумеется, – сказал Алоиз Эберле и аккуратно положил прибор. – Но сегодня Эдгар запланировал что-то другое. Не так ли?

Эдгар щелкнул пальцами.

– Точно!

Алоиз Эберле улыбнулся и пошел в угол, противоположный от верстака. Там стоял высокий предмет, на который была накинута светлая мешковина.

– Ты готов, Виктор? – спросил Эдгар.

Виктор широко улыбнулся и кивнул.

– Итак, Алоиз, тогда давай посмотрим! – крикнул Эдгар. – Раз, два... три!

Быстрым движением Алоиз Эберле снял мешковину.

Несколько секунд царил тишина. Виктор с удивлением рассматривал

уменьшенный проект аппарата, который отдаленно напоминал шоколадный автомат. Приложив усилия, можно было распознать некий прототип, грубо сколоченный из деревянных досок, украшенных рисунком, который, судя по всему, рисовал Эдгар.

Виктор даже не знал, что сказать.

– Ты же не думал, что мы поставим перед тобой готовый автомат, не так ли? – попытался сострить Эдгар, который, очевидно, был готов к такой реакции Виктора.

Виктор рассмеялся.

– Конечно. С уверенностью могу сказать, что передо мной самый изысканный шоколадный автомат, который я только видел, – сказал он и с наигранно сосредоточенным выражением лица рассмотрел конструкцию. – Особенно рисунок выдает руку мастера.

Эдгар не мог удержаться от смеха.

Алоиз Эберле стал подбоченься и смотрел то на одного, то на другого.

– Думаю, сейчас ты понял, – примирительно произнес Эдгар. – Ты и Алоиз Эберле, вы вместе построите шоколадный автомат. Такой, который доставит хлопот фирме «Штольверк».

Виктор вспомнил шоколадные автоматы на вокзале в Кобленце. Он неоднократно рассказывал Эдгару о своем желании создать подобный. Они вместе даже сделали первые наброски и порассуждали о технических возможностях.

И вот Эдгар действительно нашел одного самоделкина, который ему в этом сможет помочь.

– Эдгар Нольд, ты просто так не отделаешься, – в шутку пригрозил ему Виктор, скрывая таким образом свое умиление. – Ты будешь расписывать вручную все шоколадные автоматы, которые мы будем производить!

Глава 20

Реформаторский санаторий доктора фон Гартунгена, Рива

Хелена долго смотрела на три письма, аккуратно разложенные на столе в ее комнате. Ни одно из них она до сих пор не открыла. Размашистый почерк ее дочери на двух конвертах значительно отличался от узких острых букв ее мужа на третьем. Цвет чернил на бумаге цвета слоновой кости был одинаковым на всех трех конвертах. Хелену охватили ужасные чувства, они ее и удерживали от того, чтобы распечатать и прочитать письма. Когда она думала о Юдит, ее одолевали тоска и угрызения совести. А когда она думала о муже, ею овладевал страх.

На улице было, как обычно, ветрено, но температура в сентябре была еще довольно приятной. Хелена накинула на себя легкое пальто, надела шляпу и вышла из комнаты на вилле Кристофери, это было одно из зданий санатория. Прежде чем она прочтет письма, ей нужно было кое-что уладить.

После энергичной пешей прогулки она оказалась на Виа Санта Мария в центре Ривы. Там, недалеко от церкви Санта-Мария Ассунта, друг возле друга теснились узкие четырехэтажные дома. Хелена какое-то время ходила в поисках по маленьким узким переулкам и вскоре нашла номер 14.

Она постучала старомодным латунным дверным кольцом.

Окно на верхнем этаже распахнулось.

– Добрый день, вы госпожа Ротман? Минуточку, я спущусь!

Спустя некоторое время невысокая пухленькая женщина открыла ей дверь.

– Вас направила Анни, не так ли? – спросила она, широко улыбаясь. – Моя фамилия Лейтнер, проходите, мадам. – Ее тирольская манера речи вызывала симпатию.

Хелена вошла. Госпожа Лейтнер закрыла за ней дверь и провела вверх по узкой лестнице. Домик был старый, но ухоженный. Ощущался запах воска для пола.

– Вам нужна комната? – спросила госпожа Лейтнер, когда они подошли к ее квартире, она старалась изъясняться литературным языком.

– Да, если она еще свободна, – ответила Хелена.

– Пару человек интересовались комнатой, но я им пока отказывала. Поэтому я могу вам ее показать.

– Отлично.

Госпожа Лейтнер прошла через кухню в находящееся за ней помещение.

– Это единственный недостаток, мадам. Проходить нужно через кухню. В остальном комната действительно хорошая.

Хелена осмотрелась. Помещение было побелено; простая, грубоватая деревянная мебель придавала ему деревенский стиль, однако оформлено все было со вкусом. Хелене особенно понравилось то, что оба окна выходили на север. Если она собиралась рисовать, то непрямой дневной свет имел решающее значение.

Хелена подошла к одному из окон, из которого открывался вид на прилегающие крыши.

– Да, это преимущество верхних этажей, – объяснила госпожа Лейтнер. – Из окон открывается вид. Но нужно принимать во внимание лестницы.

– Лестницы меня не пугают, – с улыбкой ответила Хелена.

Госпожа Лейтнер показала ей ванную комнату, которую им предстояло использовать совместно, и туалет, за пределами квартиры.

– Сколько будет стоить комната, госпожа Лейтнер? – спросила Хелена, когда они вернулись в коридор.

– Я беру за нее девять марок в месяц. Если вас это устраивает, то необходимо внести оплату за три месяца вперед. А затем вы сможете платить ежемесячно.

Хелена уже подсчитала, сколько денег ей понадобится для переезда, поэтому долго не раздумывала:

– Хорошо, госпожа Лейтнер. Тогда я с удовольствием возьму эту комнату.

Госпожа Лейтнер немного задумалась.

– Мне вас порекомендовала Анни, – сказала она, скорее обращаясь к самой себе.

Но все же Хелена ответила:

– Да, я познакомилась с Анни в санатории. Она работает у доктора фон Гартунгена.

– Точно. Знаете что? Я сдам вам комнату, мадам. Анни точно знает, кого ко мне направляет.

Хелена заплатила госпоже Лейтнер за три месяца вперед и получила разрешение перевезти свои вещи. Затем они попрощались.

У Хелены словно выросли крылья – так быстро и легко она спускалась с лестницы.

Теперь у нее действительно есть своя комната, и она может готовиться к переезду. Какое облегчение!

Пребывание Хелены в санатории фон Гартунгена через две недели

подходит к концу, и для нее придет время взять свою жизнь в собственные руки. Несколько прошлых месяцев оказались для нее знаменательными и целеполагающими. Благодаря натуральным продуктам питания, тишине, активности на свежем воздухе, а также большому расстоянию, отделяющему ее от мужа, к ней вернулась былая жизнерадостность. И после потрясающих разговоров с Гермией фон Пройшен у нее созрело решение на самом деле остаться в Риве. Пусть даже это решение и означало жизнь вдали от детей и необходимость самой заботиться о своем пропитании.

Погрузившись в свои мысли, она направилась в порт. Там как раз был прогулочный корабль «Цанарделли». Хелена подумывала о том, чтобы устроиться на пароходе экскурсоводом. Тот факт, что она помимо немецкого говорила на своем родном французском, был ей в пользу; кроме того, она уже несколько недель учила итальянский. Потому что, хотя Рива и относилась к Австро-Венгрии, этот город был тесно связан с Италией, и граница была совсем близко. Здесь, в Риве, – так показалось Хелене – Северная и Южная Европа представляли собой уютное место для встреч.

Она дошла до площади Беначенсе у гавани и взглянула на часы известной башни Торре Аппонале, чтобы узнать время.

– О, Хелена, как же я рада вас видеть!

Хелена чуть не врезалась в Гермияну фон Пройшен, которая прогуливалась по площади в сопровождении молодого человека.

Художница выглядела хорошо, просто блистательно, и взгляд Хелены невольно упал на видного мужчину рядом с ней.

Гермияна не могла это не заметить.

– Разрешите представить вам Кристла фон Гартунгена, моя дорогая! Это сын нашего уважаемого доктора.

– Мадам! – Кристл фон Гартунген поклонился и снял соломенную шляпу.

Хелена слегка кивнула головой.

– Кристл, это моя дорогая подруга Хелена Ротман, – представила ее Гермияна и доверительным жестом приобняла Хелену. – Этим летом мы увлекательно провели время в Миттербаде.

– Просто замечательно, – коротко ответил молодой человек, и у Хелены появилось некое чувство, что ситуация складывается как-то неприятно.

– Я не хочу показаться невежливым, – быстро продолжил он, – но у меня еще есть несколько важных дел. Если вы меня, конечно, простите, мадам. – Он кивнул Хелене и посмотрел на Гермияну. – Разрешите мне оставить вас здесь?

– Ну разумеется, – снисходительно сказала Гермиона. – Мы увидимся вечером у ваших уважаемых родителей за ужином, верно?

– Хорошо, – ответил Кристл фон Гартунген с заметным облегчением и ушел в сторону Виа Газзолетти.

Гермиона мечтательно посмотрела ему вслед.

– Это очень мило со стороны молодого человека проводить вас в город, – отметила Хелена.

– О да! – Глаза Гермионы заблестели. – Он великолепен. Как вы смотрите на то, Хелена, если мы насладимся чашечкой кофе в гостинице «Централь»? Здесь, на юге, завтрак еще не закончен!

– С удовольствием!

До популярного отеля оставалось несколько шагов – он располагался у самого причала парохода. Они нашли себе место на солнечной террасе на берегу озера и заказали два капучино – мокко с жидкими сливками.

– Как вкусно, – восхитилась Гермиона, сделав первый глоток. Затем она посмотрела на Хелену и прямо спросила: – Мой спутник вас удивил, верно? Он как раз то удовольствие, которое я могу себе позволить.

Хелена чуть не поперхнулась своим капучино. Художницу и молодого человека разделяли как минимум два десятилетия!

– Я знаю, что вы сейчас думаете. Он значительно моложе меня, примерно лет на тридцать. – Она вздохнула. – Но я уже не хотела этому противиться. Мне с ним так хорошо, после того как великий писатель меня оставил. Мне было так одиноко, я была так разочарована.

– Писатель? Вы имеете в виду Генриха Манна?

– Вы же тоже его однажды видели в Миттербаде.

– Ах, да. Я что-то припоминаю.

– Нас с ним давно уже связывает крепкая дружба. И у нас, женщин, часто при сильной духовной взаимосвязи возникает желание физической близости.

Хелена маленькими глотками пила из своей чашки, пребывая одновременно в восторге и в шоке от того, чем Гермиона с ней так откровенно поделилась.

– А потом он просто уехал. Просто так. Объяснил мне, что его силы предназначены исключительно для творчества, он не может использовать никого из людей, которые с ним близки, это его отвлекает. Какое жалкое оправдание... – Гермиона потерялась в своих мыслях. – Он не человек. Он автомат по изготовлению художественных произведений.

Хелена увидела большую боль, которую испытывала ее до сих пор самоуверенная и сильная подруга.

– А сейчас вы находите утешение рядом с молодым господином фон Гартунгеном? – спросила она осторожно.

Гермиона посмотрела на нее, и в ее глазах опять появился этот блеск.

– О да! Он мне позировал, когда я вернулась в Риву. У него такие удивительные глаза, Хелена, очень темные. Они пленили мое безутешное сердце, пока он принимал такие чудесные позы...

– Вы его рисовали? Эм-м-м, без...

– Разумеется. Его тело божественно. Он завладел моей душой и чувствами. Невозможно было удержаться. – Гермиона снова вздохнула.

– Я искренне за вас рада! – сказала Хелена. – Правда. От всего сердца!

Гермиона удивленно на нее посмотрела и улыбнулась.

– Что касается Кристла, то я прекрасно понимаю, что он будет недолгим счастьем для меня. Я женщина в возрасте, а он еще так молод. Однажды он встретит красивую девушку со свежим телом, которая родит ему детей.

Хелена не знала, что на это ответить, и Гермиона сменила тему:

– А теперь давайте поговорим о вас. Я вижу, дорогая Хелена, что и в вашей душе что-то происходит.

Хелена кивнула.

Гермиона выпила свой капучино.

– Меня это очень радует. У вас уже есть планы на будущее?

– Я сняла комнату, вот только что, как раз перед нашей встречей. В Виа Санта Мария. – Она улыбнулась Гермионе. – На неопределенный срок.

– Очень хорошее решение. Конечно, будет нелегко. За всеми большими шагами скрывается определенный риск. Но если бы вы вернулись к мужу, раздоры вас и дальше разрушали бы. Рассматривайте это как спасение. Вы будете рисовать?

– Да, конечно. Но это меня не обеспечит. Как вы мне и рекомендовали, я собиралась спросить на «Цанарделли», возможно, им требуются экскурсоводы для туристов. Я думала о том, чтобы водить заинтересованных гостей по красивейшим местам озера Гарда, рассказывать им исторические факты, показывать прекрасную природу, предлагать продегустировать замечательное вино или первоклассное оливковое масло... Это то, чем бы мне хотелось заниматься.

– Это звучит прекрасно. Знаете что, дорогая Хелена? До обеда еще есть время. Давайте сядем на следующий пароход и прокатимся. Найдем чем вдохновиться и убедим, прежде всего, капитана в вашей компетентности. Чтобы он вас рекомендовал.

Поздно вечером Хелена наконец-таки вернулась на виллу Кристоферо.

И, в конце концов, набралась смелости, чтобы прочесть письмо. Она взяла нож и открыла письмо мужа.

Дорогая жена,

после нескольких месяцев отдыха, лечения и безделья я считаю, что тебе срочно нужно возвращаться. Ты не можешь больше уклоняться от своих обязательств относительно дома и детей.

К тому же есть замечательные новости: Юдит через несколько месяцев выходит замуж, и для подготовки ей просто необходима материнская рука. Чтобы не навредить твоему здоровью, я совместил твое возвращение с окончанием сезона в Риве. Можешь это воспринимать как любезность с моей стороны.

В конверте ты найдешь билеты на 29 октября. До этой даты я сделал денежный перевод в санаторий и на твои личные нужды. Тео встретит тебя на вокзале.

Жду твоего возвращения – Вильгельм.

Штутгарт, 18 августа 1903 года

Письма Юдит она уже не читала. Не сегодня.

Глава 21

Штутгарт, вилла Эбингера, последний субботний вечер сентября 1903 года

Солнце уже зашло, когда Тео остановил повозку Ротмана перед ярко освещенной усадьбой машиностроительного предпринимателя Эбингера и стал в ряд других транспортных средств, которые в ожидании стояли вдоль Гумбольдтштрассе у подножия возвышенности Карлсхёэ.

– Это займет несколько минут, господин, – сказал он, обращаясь к Вильгельму Ротману.

– Сколько там повозок перед нами?

– Семь.

– Я выйду здесь, Тео. – Вильгельм Ротман открыл маленькую дверцу.

– Но, отец, – смущенно произнесла Юдит, – Вы не хотите со мной...

– Нет, Юдит. Не сердись, но у меня еще одна важная встреча перед балом.

– Мне это не по душе, – вздохнула Юдит, однако отец уже вышел из повозки и пошел пешком.

– Значит, у хозяина есть важная причина, – Тео попытался утешить ее. – Будьте к нему снисходительны, госпожа Юдит.

Спустя четверть часа они уже стояли у округлого, усыпанного светло-серым гравием подъезда к вилле Эбингера.

Тео спрыгнул и помог Юдит выйти. Затем он быстро вернулся, чтобы освободить место для других упряжек.

Таким образом, Юдит самой пришлось идти по каменному аркадному проходу ко входу роскошной виллы. Она вошла в просторный вестибюль здания, по обе стороны которого дугообразные лестницы вели на верхние этажи.

Одна из служанок взяла у нее кашемировую накидку. Затем Юдит приподняла юбку своего длинного, в пол, бального платья с прекрасным шлейфом и как можно элегантнее пошла вверх по ступенькам в бельэтаж. Ее новое платье было окружено тонкой мерцающей аурой, нежно подчеркнутой легкой прической с использованием вплетенных бисерных лент. Она использовала минимум украшений: нежное кольцо из белого золота с жемчугом и подходящие к нему серьги. Юдит знала, что она прекрасно выглядела, она чувствовала на себе взгляды и наслаждалась этим замечательным моментом.

У входа в гостиную прибывающих посетителей встречали супруги Эбингер. Дефиле было в самом разгаре, и Юдит стоило проявить терпение,

пока не подойдет ее очередь. В то время как старик Эбингер лишь сухо поприветствовал ее, его жена приняла ее очень душевно:

– Госпожа Ротман! Как прекрасно, что вы пришли, наслаждайтесь сегодняшним вечером!

Юдит поблагодарила за приглашение, хотя и понимала, что хозяин дома – во всяком случае, по отношению к ее отцу – сделал его скрипя зубами, чтобы соблюсти общественные приличия. А возможно, и чтобы продемонстрировать, что его усадьба значительно превосходит усадьбу Ротмана по лоску.

Как бы там ни было, переступив порог праздничного зала, Юдит отбросила подальше эти мысли: роскошные декорации очень ее увлекли. Такое изобилие даже для высшего общества Штутгарта было необычайным – в этот вечер бал Эбингера действительно можно было сравнить с аристократическим банкетом.

Чтобы разместить множество гостей, двери расположенных друг за другом гостиных открыли, чтобы создать большую анфиладу. Со стороны сада были расположены большие окна в пол, их стекла отражали свет многочисленных ламп, ярко освещавших помещения. У противоположных стен огромные зеркала создавали эффект намного большего помещения. Вместе с тем они улавливали мерцание многочисленных кристаллов, которые каскадом спускались с люстр на потолке, и отражали его вместе с изображениями пышных бальных платьев и блестящих украшений. Большие пальмы в горшках и со вкусом развешенные гирлянды цветов вносили некий оживленный акцент и подчеркивали праздничную атмосферу, которая над всем парила. Заиграл оркестр, тихая музыка Сибелиуса и Моцарта разбавила разговоры и смех гостей, которые, собравшись маленькими группками, что-то увлеченно обсуждали.

Люди знакомились.

И пока мужчины обсуждали деловые вопросы, первый автомобиль некоего Генри Форда из Америки и потрясающие велогонки «Тур де Франс», прошедшие во Франции в июле, дамы делились последними сплетнями, одновременно демонстрируя свои роскошные бальные наряды из шелка, атласа, кружева и других дорогих тканей. В такие вечера наряды и аксессуары, а в связи с этим и вкус некоторых их обладательниц представляли собой неисчерпаемые темы для разговоров.

Среди всего этого мерцающего богатства как можно более незаметно передвигались слуги, многие из которых были наняты специально для этого вечера. Все, как один, одетые во фраки, они носили тяжелые подносы и предлагали прохладительные напитки.

Юдит взяла бокал холодного лимонада. Напиток имел приятный сладковато-кислый вкус и пощипывал язык. Она осматривалась по сторонам и очень обрадовалась, увидев в одном углу свою подругу Доротеа, оживленно беседовавшую с пожилой дамой. Юдит присоединилась к ним.

– Юдит, моя дорогая! – Доротеа засияла. – Как хорошо, что ты наконец приехала! Ты уже видела Шарлотту?

– Нет, я только что пришла. Но на улице повозки стоят коридором, если можно так сказать, вероятно, они еще не доехали.

– Юные дамы, прошу меня извинить, – сказала пожилая собеседница Доротеа. – Я поищу своих подруг. – Она дружелюбно им подмигнула.

– О, госпожа Эбингер, как это невежливо с нашей стороны! – воскликнула Доротеа. – Это Юдит Ротман, одна из моих лучших подруг. Юдит, это бабушка Макса. Ради сегодняшнего вечера она приехала из Людвигсбурга.

– Добрый вечер, госпожа. – Юдит сделала книксен, но госпожа Эбингер махнула рукой.

– Я прекрасно понимаю, что молодые девушки хотят побыть в своей среде. И, разумеется, понаблюдать за парнями. Развлекайтесь как следует!

Когда они остались одни, Доротеа тихо сказала Юдит:

– Сложно поверить, что эта милая женщина могла родить такого сына, как старик Эбингер.

Юдит засмеялась.

Вдруг в помещение вошли трое молодых людей, и колени Юдит подкосились, когда она узнала Макса. Его коротко стриженные черные волосы были не напояжены, а его лицо, вопреки моде на искусно оформленную бороду, было гладко выбрито. Так же как и у Виктора Райнбергера, вдруг пронеслось у Юдит в голове. Одновременно с этим она отметила, что бывали дни, когда господин Райнбергер вообще не брился; и тогда его покрытые щетиной щеки придавали ему немного дерзкий вид.

Юдит смутилась своих же мыслей и попыталась вернуться к здравому рассудку. Виктор Райнбергер был всего лишь служащим ее отца, и ему нечего было делать в ее голове.

Макс же давно был в ее мечтах – и вот он был так близок к ней! Она незаметно рассматривала его темный фрак, нежно-белую рубашку с хорошо подобранным галстуком и пришла к выводу, что в своем вечернем наряде он выглядел просто сногшибательно.

В этот момент Доротеа прошептала ей на ухо «О Господи!», и, когда Юдит посмотрела на нее, она узнала ту искру в глазах. Наверное, не было

женщины в этом помещении, которая бы не была сегодня вечером в восторге от сына хозяина дома.

Рядом с Максом был Эдгар Нольд, художник. Юдит не очень хорошо его знала, но он был ей симпатичен. Он излучал некую небрежность. И очень хорошо она знала Альбрехта фон Брауна, третьего в их компании, чей взгляд сразу был направлен на нее. Юдит охватило неприятное чувство. Он просто уставился на нее, и даже для сына банкира это было довольно дерзко. Она быстро отвела взгляд в сторону и стала за Доротеа – пусть лучше смотрит на свою сестру. Юдит себе даже представить не могла, что есть в мире такая девушка, которой бы понравился Альбрехт. Он, безусловно, был дорого одет, но его лицо напоминало мордочку поросенка, что не могли скрыть ни тонкие ухоженные усы, ни напомаженные светлые волосы.

С облечением Юдит заметила, что приехала Шарлотта со своими родителями. Она подняла руку, но подруга их уже давно заметила.

– О Господи, это скопление повозок сегодня вечером, – простонала Шарлотта, когда, наконец, подошла к ним. – Я уже думала, что мы вовсе не приедем и будем довольствоваться компанией нашего кучера!

– У нас было то же самое, – сказала Юдит. – Но сейчас ты уже здесь.

Втроем они прогуливались по помещениям, кокетливо играли веерами, наблюдали за гостями, время от времени болтали, наслаждались званым ужином и лакомились у изысканно укомплектованного буфета, где предлагали замечательные пирожные на нежной фарфоровой посуде, свежие фрукты в серебряных чашах и превосходные сладости на отшлифованных хрустальных блюдах.

Но особое внимание они уделили танцевальным картам, которые многие дамы и господа этим вечером носили с собой в надежде, что они быстро заполнятся. У Юдит чуть не остановилось сердце, когда Макс вписал в ее карту два венских вальса. Доротеа, покраснев, вписала в его карту польку и вальс. Шарлотту засыпал приглашениями Эдгар, и она с улыбкой согласилась на несколько танцев с ним. Альбрехт фон Браун, слава Богу, держался в стороне, но некоторые другие молодые люди добивались расположения девушек. В предвкушении предстоящих танцев Юдит с Доротеа и Шарлоттой пошли дальше. Между тем они решили освежиться в соседней комнате.

Лишь полчаса спустя она увидела своего отца. Он увлеченно разговаривал с банкиром фон Брауном, но казался каким-то несосредоточенным, так как постоянно смотрел на свои золотые карманные часы. Заметив ее, он мимоходом кивнул. Банкир же, напротив,

казался расслабленным, посмотрел на Юдит с мягкой улыбкой и кивнул своей дочери, когда они проходили мимо. У Юдит в груди появилось легкое беспокойство. Отец в последнее время был так напряжен. И что он, в конце концов, постоянно обсуждает с фон Брауном?

В этот момент она опять посмотрела на Макса, он беседовал с одной симпатичной девушкой, с которой она была отдаленно знакома. Она почувствовала легкий укол ревности, но, когда он ей кивнул с улыбкой на лице, ее сердце забилось быстрее. Она с нетерпением ждала танцев с ним. Возможно, сегодня вечером он посмотрит на нее другими глазами...

Внезапно раздался гул, и старик Эбингер вышел к собравшимся гостям. Все разговоры быстро стихли, и в зале воцарилась тишина.

– Уважаемые гости, – начал машиностроительный предприниматель. – Моя супруга, мой сын и я рады приветствовать вас на этом балу. Я не хочу долго рассуждать и просто пожелаю вам приятного вечера. Но уже сейчас я хотел бы сказать, что немного позже вас ожидает особенное событие. Дождитесь!

Гости начали перешептываться, но Эбингер не намерен был ничего объяснять.

– Уважаемые дамы и господа, – сказал он вместо этого. – Мы объявляем первый танец!

Один из музыкантов выкрикнул: «Вальс!», и вслед за тем зазвучали характерные ритмы популярного танца.

Согласно этикету, Эбингер пригласил на танец свою супругу, а Макс поклонился своей бабушке. Постепенно на паркете стало появляться все больше пар.

Юдит, Доротеа и Шарлотта решили пропустить это вступление и отошли к оконной стороне зала. Оттуда они наблюдали за гостями, особенно за другими молодыми девушками, многие из которых были дочерьми многоуважаемых жителей Штутгарта. Среди них не было таких, кого бы Юдит совершенно не знала, по крайней мере, нет никого из аристократических семей, с облегчением заметила Юдит.

– Как вы думаете, что случится позже? – спросила Доротеа.

– Понятия не имею, – ответила Шарлотта, а Юдит пожала плечами.

– Я думаю, что Макс, возможно, женится, – сказала Доротеа и посмотрела на Юдит. – Ему как раз пора.

– Как и твоему брату, – съязвила Шарлотта.

Доротеа засмеялась:

– Но сначала Альбрехту необходимо обучиться галантности. Пока что он старается зря.

– Но тем не менее он прекрасная партия, – миролюбиво заметила Шарлотта и закрыла тему.

– Я не думаю, что Макс женится, – сказала Юдит. – Я не знаю, на ком бы он мог жениться.

– О, я знаю кое-кого, – многозначительно сказала Доротеа, и Юдит почувствовала, как вопреки здравому смыслу кровь приливает ей к лицу.

– Ну, ладно. Нам нужно немного потерпеть, и мы все узнаем, – прагматично отметила Шарлотта, в бокале которой вместо лимонада уже искрилось шампанское. – Давайте пока будем наслаждаться вечером. У вас есть ваши танцевальные карты?

Первый вальс отзвучал, и вскоре после него был объявлен второй. Юдит увидела, как к ней приближается Макс Эбингер. Ее пульс участился.

– Я думаю, это мой танец, госпожа Ротман? – вежливо спросил он.

Юдит кивнула, протянула бокал Доротеа, которая мечтательно ей улыбнулась. Макс протянул ей руку, и она, взволнованная, слегка пошатываясь, пошла с ним на паркет.

Когда он повел ее в танце в первый поворот, ликующее ощущение счастья охватило ее. Он вел ее уверенно и внимательно, то и дело улыбаясь ей. Юдит расслабилась, уловив свежий аромат его воды для бритья и приятный тембр его голоса, когда он шептал ей на ухо комплименты. Макс был превосходным танцором, и у Юдит сложилось впечатление, что она парит по паркету. Она порхала от счастья.

И в каком же ужасе она была, когда спустя два танца перед ней вдруг появился Альбрехт фон Браун.

– Госпожа Ротман? – спросил он.

– Эм... – Юдит закашлялась. – У меня в карте вас нет, господин фон Браун. – Она достала свою танцевальную карту и показала ему.

Альбрехт усмехнулся.

– А вот же, – он указал ей на несколько букв, которым до этого момента она не придавала особого значения, – вот я!

– Но... – пробормотала Юдит и раздраженно уставилась на аббревиатуру «АфБ».

– Господин Нольд был так любезен и внес меня в вашу карту, – объяснил Альбрехт. – Разрешите вас пригласить?

Юдит не хотела привлекать лишнего внимания и недовольно пошла за ним. Она чувствовала себя обманутой. Конечно, он догадывался, что она никогда не согласится на танец с ним, если он сам к ней обратится. Как же жалко это было с его стороны. И как подло со стороны Эдгара Нольда, что он позволил себя использовать для такого дела. Такого она от него не

ожидала.

На паркете рядом с Максом стояла счастливая Доротеа. Шарлотта танцевала с Эдгаром. После польки и шотландского танца настала очередь венского вальса.

Как только они стали на паркет, Юдит было крайне сложно скрывать свое негодование. И когда они начали танцевать, к ее неприязни добавилось настоящее отвращение. Полнота Альбрехта не позволяла ей держать достаточное расстояние между ними. В непосредственной близости с ним минуты казались вечностью. Вскоре она почувствовала неприятную влагу повсюду, где он к ней прикасался, – на плече, на руке. Она видела пот на его лбу и, что еще хуже, чувствовала его запах. Как только раздался последний аккорд, она, пробормотав извинение, покинула паркет.

– Как же это было прекрасно! – мечтательно произнесла Доротеа, когда спустя некоторое время подруги решили утолить жажду малиновым напитком.

– Ну да, – сердито сказала Юдит.

– Да, Альбрехт не очень умелый танцор, – признала Доротеа. – Но может, все было не так уж и плохо, Юдит. В общем и целом, он хороший парень.

– Он твой брат, – ответила Юдит немного приветливее. – Конечно, он для тебя милый.

Примерно в девять часов музыка стихла. Гости затаили дыхание, когда Эбингер опять появился перед ними. Шампанское было налито, двое слуг вынесли большой мольберт с картиной, накрытой белым блестящим полотном. Один из них остался у мольберта.

В зале стало так тихо, что можно было бы услышать, как падает булавка. Все вытянули шеи, насколько это было возможно, не боясь показаться при этом невежливыми.

Макс и Эдгар равнодушно стояли в проходе. Альбрехт покинул помещение, и Юдит была этому очень рада. «Может, ему срочно нужно было домой, потому что он очень вспотел», – злорадно подумала она. В этот момент она увидела, как госпожа Эбингер обратилась к Максиму, после чего он с явным раздражением подошел к отцу.

Она забеспокоилась. Что здесь происходило? Юдит нервно барабанила веером по руке.

Раздался туш.

– Уважаемые гости! – начал свою речь старик Эбингер, голос его звучал особенно торжественно. – Многие из вас наверняка задаются

вопросом, что послужило поводом для этого бала...

Он выдержал многозначительную паузу, и Юдит охватила паника. Что же он собирался объявить?

– Машиностроительное предприятие Эбингера возникло тридцать лет назад из маленькой мастерской, – продолжил хозяин дома. – Между тем оно превратилось в предприятие внушительных размеров с несколькими тысячами сотрудников. Наши вязальные машины известны далеко за пределами государства. И как основатель я обязан позаботиться о дальнейшем существовании фабрики.

Непродолжительные аплодисменты в знак вежливости прервали его речь, и Юдит с облегчением выдохнула. Речь идет не о помолвке.

– Поэтому, – продолжил он, – я решил официально назначить своего преемника. Возможно, я выбрал для этого не совсем привычный способ, но мне хотелось бы подчеркнуть важность этого события.

Он дал слуге сигнал, и тот выразительным движением снял полотно с картины. Перед всеми предстала картина, на которой был изображен сам Эбингер. Портрет, на котором он был нарисован в полный рост, напоминал изображение из княжеской галереи фамильных портретов, цвета были довольно приглушенные, охотничья собака нашла свое место на этой картине, и все это творческое наследие было в тяжелой золотой раме. Гости опять начали перешептываться.

– Этим портретом основана династия Эбингер, – провозгласил предприниматель и немного закашлялся. Казалось, что он сам был тронут той историей, которую он положил в основу этого момента.

– Следующий, кому будет передана эта честь, это мой сын Макс. И именно тогда, когда он во всех отношениях будет достоин нашей фирмы. А он будет, в этом я не сомневаюсь. Таким образом, я объявляю Макса Эбингера компаньоном и будущим владельцем машиностроительного предприятия «Эбингер».

При его последних словах раздались громкие аплодисменты, и Эбингер засиял.

Юдит заметила удивление на лице Макса, когда он понял, что только что перед собравшейся публикой было провозглашено его будущее. Было видно, что происходящее с ним не обсуждалось. Выражение его лица становилось все более озлобленным, и, когда отец признательно похлопал его по спине, он сжал кулаки и покачал головой. Судя по всему, Макс был абсолютно не рад своей роли в только что образованной династии.

Юдит не могла понять такую явно негативную реакцию Макса. Его отец преподнес ему фирму, но, вместо того чтобы быть благодарным за

это, он мрачно смотрел вдаль. Это был не тот Макс, который совсем недавно беззаботно кружил ее по залу. Таким Макса Юдит видела впервые, он был очень раздражен.

Оркестр снова заиграл туш.

– А теперь, – Эбингер хотел закончить свою речь так, будто все было в порядке, – я приглашаю вас в сад. Там всех нас ждет приуроченный к этому событию фейерверк! Но прежде давайте поднимем бокалы за предприятие Эбингера. И за прекрасных дам в этом зале!

Довольный, он поднял бокал.

Когда бокалы опустели, Юдит вместе с толпой гостей оказалась в сказочном саду, освещенном факелами и фонарями. Высоко в небе был виден месяц, который тоже бросал свой тусклый свет на праздничное общество, с нетерпением ожидавшее, когда же все начнется.

Шарлотта и Доротеа, которых она потеряла по пути, протиснулись к ней и взяли ее под руки.

– Эбингеру это все влетело в копеечку, – сказала Доротеа в хорошем настроении. – Давайте наслаждаться!

В этот момент музыканты заиграли «Музыку фейерверка» Генделя.

Глава 22

Были слышны свист, треск, грохот и жужжание. Над головами трещали, блестели и сверкали пестрые искры. Все новые и новые фигуры фейерверка освещали небо над Штутгартom и приводили публику в восторг. Аплодисменты и ликование гостей свидетельствовали о том, что кульминация удалась.

– Как красиво! – вздохнула Шарлотта, и Доротеа дала волю своему восторгу.

Юдит же, наоборот, следила за происходящим сдержанно. В мире ее чувств была полная неразбериха. То она испытывала приятное волнение, вспоминая внимание и комплименты Макса, то какое-то неопределенное беспокойство относительно того, что затеял ее отец. Весь вечер он был в компании банкира фон Брауна, этому факту даже Доротеа была удивлена.

Когда фейерверк закончился и остался лишь едкий запах сгоревшего черного порошка, гости, погрузившись в разговоры и смех, вернулись в дом.

Оркестр тоже поменял свое местоположение и снова играл в зале вальс. Многие гости направились к буфету, который тем временем пополнился сырными нарезками и вкусной выпечкой.

– А куда же подевался сын хозяина дома? – спросила Шарлотта.

– Перед фейерверком я видела его с двумя бутылками шампанского, – с улыбкой сказала Доротеа. – Я подумала, что он собрался выпить их в саду.

– С двумя бутылками? – Шарлотта отреагировала на веселое замечание. – Тогда меня не удивляет, что его нигде нет. Может, он уютно устроился в саду в павильоне.

– А возможно, и не один, – смеясь предположила Шарлотта.

Шутки подруг не казались Юдит такими смешными. Она осмотрелась в поисках Макса, но тоже нигде его не заметила. В ее карте следующий танец был с ним, и она так его ждала. Но все говорило о том, что ничего из этого не выйдет. У нее не получалось скрыть свое разочарование.

– А твой брат все запасается едой, – сказала она Доротеа, когда, ко всему прочему, заметила Альбрехта у буфета, и сама же уловила сарказм в собственном голосе.

– Ах, да это обычное дело, – добродушно ответила Доротеа. – Как только где-то пахнет едой, Альбрехт тут как тут.

– О, Эдгар с ним, – обрадовалась Шарлотта.

Юдит забеспокоилась. Куда пропал Макс? Он пропустит бал?

Спустя час наметилось еще одно объявление.

– Здесь точно что-то особенное происходит! – восторженно выкрикнула

Шарлотта. – Об этом вечере долго будут говорить!

– Мой отец что-то обсуждает со стариком Эбингером. Может, он тоже собрался сегодня назначить преемника?

Шарлотта улыбнулась.

– Почему нет? Если все отцы уже на месте...

– Альбрехту это в любом случае понравится, – сказала Доротеа. – Он так переживает, что отец обделит его, потому что ему сложно даются расчеты.

– Ну, считать точно уж нужно уметь, если собираешься управлять банком, – уточнила Юдит, однако ей не удалось произнести это с такой же ноткой юмора, как это делали ее подруги.

– А вот и твой отец к ним подходит, Юдит, – удивленно сказала Шарлотта. – Мне не терпится все узнать.

Девушки отошли немного в сторону, чтобы лучше все видеть. Эбингер обсуждал что-то с музыкантами, а банкир фон Браун вел Альбрехта.

– Дорогая Юдит, – вдруг она услышала голос отца. – Пойдем, пожалуйста, со мной!

Юдит застыла.

– Ну, иди же, – ничего не подозревая, сказала Шарлотта. – Может, это какая-то интересная светская игра!

Доротеа же, наоборот, смотрела очень скептически.

Тем временем отец настойчиво взял Юдит под руку и повел вперед. Она вопросительно на него смотрела, но он только успокаивающе ей кивнул.

– Тебе не стоит волноваться, Юдит. Это будет особенный момент для тебя, вот увидишь.

Сердце Юдит выпрыгивало из груди. Что ее отец задумал? Что все это значило? Больше всего ей просто хотелось уйти прочь, но отец не давал ей этого сделать.

Затем все произошло очень быстро.

Туш. Разговоры в зале прекратились.

Банкир фон Браун и отец Юдит сначала похвалили пышный бал и хозяев, поблагодарили Эбингера за щедрость и начали попеременно говорить об особых отношениях семей фон Браун и Ротман.

И пока Юдит думала о том, почему старик Эбингер в такой важный для него самого вечер позволил, чтобы ее отец вместе с банкиром фон Брауном так авторитетно вышли на первый план, они вдруг заговорили о будущем радостном событии.

Вдруг перед ней появился Альбрехт. Словно пребывая в трансе, она

видела, как он безмолвно берет ее руку и надевает ей на палец блестящее кольцо.

Снова раздался гул и аплодисменты.

Юдит вдруг поняла, что это была помолвка. Ее собственная. И женихом был не кто иной, как Альбрехт фон Браун.

Гости в зале начали взволнованно перешептываться, и все взгляды были направлены на нее. У Юдит было такое чувство, что это кошмарный сон. Когда оркестр заиграл медленный вальс, она вырвалась из рук Альбрехта и, приподняв платье согласно приличиям, сломя голову пронеслась по залу.

Бесцельно блуждая по огромному поместью Эбингера, Юдит размышляла о том, как ей выбраться из этой ситуации. Никогда она не выйдет замуж за Альбрехта. Никто не сможет ее заставить это сделать!

Мысли каруселью проносились в ее голове. Больше всего ей хотелось бы поехать к матери и скрыться на озере Гарда. Но, не получив никакого ответа на свои последние два письма, она не знала, как мать отреагирует на ее появление. Лучше всего было взять тайком билет на поезд и отправиться в Гамбург. Оттуда отправлялись эмигрантские суда в Новый Свет. Как известно, в Америке у каждого была возможность жить своей жизнью. Может быть, эта возможность предоставлялась и женщинам. Ей в любом случае нужно узнать об этом. Может, Дора что-то придумает, она постоянно говорила о служанках, которые находят работу за границей. Тогда это и было ее будущее, работы она не боялась. Все было лучше, чем жить с Альбрехтом!

Когда музыка и суматоха праздника начали утихать, Юдит остановилась и вздохнула. Она была в длинном коридоре на первом этаже, который вел в отдаленную часть здания и был скудно освещен. Рядом не было никого, ни ее отца, ни Доротеа, ни Шарлотты или, не дай Бог, Альбрехта. Все произошло очень быстро.

На своей левой руке она ощущала такое ненавистное кольцо, с невероятной яростью Юдит сняла его и презрительно бросила на пол. Затем она одумалась, быстро подняла его и положила в сумочку. Оно определенно было недешевым. А если она решится уехать из Штутгарта, ей понадобятся деньги. Такое украшение можно будет выгодно заложить.

Она медленно шла дальше. Коридор заканчивался белой лакированной дверью. Юдит попробовала нажать на ручку двери и очень удивилась, увидев, что дверь не заперта. Она вошла, закрыла за собой дверь, облокотилась и закрыла глаза.

Побег, хотя бы временный. Здесь она соберется с мыслями и подумает,

как ей выбраться из дома как можно более незаметно.

– Добрый вечер, госпожа Ротман.

Юдит сразу же узнала голос. Ее сердце начало биться быстрее.

– Вам тоже надоел этот цирк приличного общества? – спросил Макс Эбингер.

Только в этот момент Юдит решила открыть глаза.

Она находилась в музыкальной комнате, которая очень редко использовалась. Многие предметы мебели были закрыты льняными полотнами. В центре помещения находился большой черный лакированный рояль. В тусклом свете торшера она увидела клавиши и мужчину, который за ними сидел. Остальная часть комнаты находилась в полной темноте.

Пока Юдит думала, что ответить, Макс начал играть.

Звуки струились в тишине, такие нежные, наполненные проникновенной поэзией – Юдит была очень тронута.

– Это Дебюсси, – прошептала Юдит.

Макс кивнул.

– Как красиво, – тихо сказала она, когда музыка отзвучала, и медленно направилась к инструменту.

– Да, это «Лунный свет», – сказал Макс и посмотрел на нее.

Некоторое время его задумчивый взгляд был прикован к ней. Затем он поднялся, взял два бокала, бутылку шампанского и щедро наполнил сосуды. Макс протянул Юдит один бокал.

– Вы же не откажетесь выпить со мной за мое место в семейной династии? – сказал он с презрением в голосе. – И за этот большой праздник.

Юдит смутилась.

Собственно говоря, она не употребляла алкоголь, но в такой вечер, как сегодня, когда в одно мгновение весь мир пошел наперекосяк, а уже в следующий миг перед ней стоял Макс Эбингер с бокалом шампанского, золотистая мерцающая жидкость показалась ей такой манящей. Почему бы не усыпить свои чувства?

Она взяла бокал и чокнулась с ним.

– Не только для вас этот вечер был таким серым, Макс.

Макс с удивлением посмотрел на нее.

– Мой отец подготовил еще один сюрприз?

– Не ваш отец. Мой. – Она сделала большой глоток. Вкус был непривычный, не такой сладкий, как у лимонада, но такой же приятно пощипывающий.

– Ваш отец тоже основал сегодня вечером династию? – голос Макса струился сарказмом.

– Нет, ну, вернее, не совсем. Он меня обручил.

– В таком случае за ваше счастье!

У Юдит на глазах появились слезы.

– Вы можете себе представить! Я должна выйти замуж за Альбрехта фон Брауна. Лучше умереть!

Неожиданно Макс рассмеялся:

– Так вы ничего не знали?

– Что я должна была знать? – злилась Юдит.

– Альбрехт несколько месяцев назад объявил, что вас ему обещали. Ваши отцы обо всем договорились.

Юдит была потрясена, она неотрывно смотрела на Макса. Затем подняла бокал, залпом все выпила и попросила налить еще.

Он с улыбкой наполнил бокал.

– Вам действительно никто ничего не сказал? Единственное, что меня удивляет, – это тот факт, что мой отец позволил в вечер основания его династии объявить о помолвке Ротману. Но ради хороших отношений с банкирским домом даже Эбингер может ввязаться в нечистую сделку. Вероятно, ваш отец хотел создать все условия, как и мой. Что вы планируете делать?

– А что вы планируете? – бойко ответила Юдит. Шампанское развязало ей язык.

– Я планирую стать архитектором. С согласия моего отца или нет.

– А я бы вступила в наследство. Но об этом мой отец и слышать не хочет. Странно, не так ли? То, что у вас вызывает ужас, для меня было бы исполнением моей мечты. Но я женщина. Для меня действуют другие правила.

– Ну, – сказал Макс. – Я могу понять вашего отца. Мы живем в обществе, которое ожидает определенного поведения. Что мне не понятно, это то, почему вас сегодня вечером обручили, не поставив заранее в известность. Мы же не в Средневековье живем!

Макс поставил свой бокал на рояль, сел и начал играть. «Грезы».

Его пальцы нежно парили над клавишами. Юдит стало жарко. В один миг все вокруг наполнилось чем-то необычным, непонятным, чего она не могла описать.

Когда Макс закрыл крышку рояля и посмотрел на нее, она почувствовала странное ощущение внизу живота. И когда он встал, подошел и обнял ее, она чувствовала себя абсолютно естественно. Его

губы коснулись ее лба, висков, щек. Правой рукой он приподнял ее подбородок и нежно поцеловал в губы. Опытными и нежными движениями его руки скользили по ее спине, как прежде по клавишам из слоновой кости и эбенового дерева. Ее пробирала дрожь, голова кружилась от неуверенности и любопытства, надежды и отчаяния. Она прижималась к нему в поисках понимания и утешения, и вместе с тем осознание того, что ее упование не будет удовлетворено, усиливало ощущение блаженства во всем теле.

Своей нежностью он пробудил в ней неведомые до настоящего момента чувства, увел ее в новый мир – пугающий, подавляющий, полный волшебства и замешательства.

Юдит позволила его ловким рукам раздеть ее, она наслаждалась непривычными реакциями, которые он пробудил в ее теле, и робко сопротивлялась, когда он уложил ее на диван.

Голова ее кружилась, ясные мысли разлетались. Его гибкое тело двигалось в быстром ритме и уносило ее чувства в путешествие, которое закончилось глубоким приятным изнеможением в его объятиях.

Глава 23

Юдит никогда бы не подумала, что голова может так раскалываться. Ее не только мучила боль, ее тошнило; вся комната начинала вращаться, стоило ей сделать в кровати хоть малейшее движение. Чтобы не идти в церковь, в свое оправдание она привела мигрень.

Тем не менее она хорошо помнила события прошлой ночи. Все, что произошло между ней и Максом, отчетливо стояло у нее перед глазами. Странно, но ей не было стыдно. К ее изнеможению добавилось тихое ощущение триумфа.

Только как она добралась домой прошлой ночью, Юдит помнила смутно. Тео сыграл в этом значительную роль, а организовал все Макс, очевидно попытавшийся скрыть позор. Не могла же она в таком состоянии показаться перед отцом или гостями. Может, в этом участвовала и его мать? Ей казалось, что она слышала женский голос, но она могла и ошибаться.

В любом случае кучер привез ее в Дегерлох и через боковой вход завел в кухню, затем он исчез и вернулся с Дорой. Юдит за это время совсем оказалась без чувств и задремала. В какой-то момент она, наконец, оказалась в своей кровати. Доре пришлось ее раздеть и надеть на нее ночную рубашку. Интересно, она при этом заметила, что произошло с Юдит, или упустила это? Как бы там ни было, но сегодня рано утром она уже принесла ей миску мясного бульона, однако Юдит ничего не могла есть и просто уснула.

Когда Юдит, как и ожидалось, после обеда вызвал к себе отец, она все же взяла себя в руки, хотя ей и было плохо. Ей нужно было выдержать этот разговор, и чем быстрее это произойдет, тем быстрее она сможет опять прилечь.

Но сначала ей следовало проявить терпение. Примерно десять минут она стояла перед письменным столом в кабинете, пока отец никак не показывал, что осведомлен о ее присутствии. Юдит прекрасно знала об этой его уловке. Когда речь шла о деле особой важности, он вынуждал своего собеседника перейти к обороне различными методами, иногда неприятным ожиданием. А когда начинался, наконец, разговор, он оказывался в выигрышном положении.

Когда он, в конце концов, посмотрел на нее и откашлялся, Юдит в самом деле уже неуверенно держалась на ногах.

– Что ты можешь сказать?

У Юдит совершенно не было сил начинать тактически продуманные маневры.

– О чем вы хотите меня спросить, отец?

– Господи, Юдит! Ты же прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Вчера вечером ты поставила меня в ужасное положение! То, что ты убежала из зала, я еще мог объяснить твоим удивлением по поводу такого неожиданного счастья. – Вильгельм Ротман встал и начал беспокойно ходить по комнате. – Но то, что тебя никто нигде не мог найти, и то, что я от Тео узнал, что он вынужден был отвезти тебя домой, так как ты перебрала с алкоголем, – это уже слишком.

Юдит поняла, что Тео нужно было привести веский аргумент, почему он без разрешения отвез девушку домой, поэтому ее алкогольное опьянение было в любом случае лучшим объяснением. Юдит была очень благодарна Тео за то, что он не упомянул о Максе. Приступы гнева отца были невероятны и могли коснуться не только ее, но и всего дома.

– Да, я слишком много выпила, – согласилась Юдит. – И ведь по хорошему же поводу.

Отец продолжал стоять непосредственно за ней. По такому его поведению она могла понять, насколько он рассержен.

– И не спорь со своей помолвкой, Юдит. Выбора нет.

– Я не могу выйти замуж за Альбрехта фон Брауна, отец. Это просто невозможно.

– Чушь. Разумеется, ты сможешь. Очень много девушек и женщин отлично себя чувствуют в браках по договоренности. Почему же у тебя не получится?

Он опять начал ходить по комнате, и Юдит вздохнула.

– Свадьба назначена на 29 января. У тебя есть целых четыре месяца не только для того, чтобы пополнить приданое, но и чтобы найти общий язык с твоим будущим мужем. Прежде всего, необходимо загладить свое ужасное поведение вчерашним вечером.

– Если вы заставите меня выйти замуж за Альбрехта фон Брауна, я устрою скандал.

– Не смей мне угрожать, Юдит! У меня есть такие способы, чтобы образумить тебя, о которых ты даже не догадываешься.

Юдит с трудом удалось взять себя в руки. Ей показалось небезопасным продолжать его дразнить. Так как она исходила из того, что в ближайшее время Макс или старик Эбингер появится у них в доме, чтобы обсудить объединение их семей, то помолвка с Альбрехтом фон Брауном должна была быть расторгнута. Ей нужно было всего лишь переждать этот момент.

Юдит была удивлена своему хладнокровию.

Собственно говоря, она должна была бы ощущать стыд и

беспомощность, но, очевидно, не нашла ничего лучше, как без рассуждений идти проторенными путями, теми, которые от нее ожидалось. С каждым днем она все больше отдалялась от образа благовоспитанной девушки из приличного дома, которому просто не могла соответствовать.

– Отец. Прошу вас, давайте продолжим этот разговор в другой раз. Я очень устала.

Отец перестал ходить по комнате и сел за письменный стол. И то, как он подставил руки под голову, привело Юдит в отчаяние.

– Ты даже не представляешь, что ты натворила своими фокусами, Юдит. Надеюсь, что твоя мать скоро будет здесь, и в нашей семье снова воцарится нормальная обстановка. До сих пор она не была для тебя хорошим примером.

Юдит насторожилась:

– Мама возвращается домой?

– Я уже отправил ей билеты. В конце октября она будет дома.

Эта новость очень обрадовала Юдит.

– Мальчики уже знают?

– Нет. И я прошу тебя ничего им пока не говорить. Скажем им непосредственно перед ее возвращением. Иначе они не угомонятся.

Юдит кивнула. Затем она повернулась к двери: ноги совершенно не хотели ее держать.

– Хорошо, Юдит, иди, – сказал Вильгельм Ротман, даже не глядя на нее. – Пусть Дора позаботится о тебе. Мы все обсудим в ближайшее время, когда тебе станет лучше.

Для Юдит этого было достаточно.

– Мне очень жаль, – прошептала она на пороге.

Роберт был очень обеспокоен.

Кроме странных событий прошлой ночью, когда Тео и Дора украдкой затащили мадам в дом, после полуночи исчезла Бабетта.

Его инстинкт защитника не давал ему покоя. Он серьезно начал беспокоиться, что ее отношения с мужчинами будут иметь неприятные последствия не только для нее самой, но и для дома Ротмана. До сих пор ему не удалось выяснить, встречалась ли она с тем самым парнем или речь шла о нескольких мужчинах. К тому же она ничего не сообщала о каких-либо планах на замужество – что было бы единственным объяснением ее регулярных встреч, приемлемым для хозяев и для экономки.

– Роберт, отнесите, пожалуйста, выглаженный костюм хозяину, – раздался голос экономки.

Роберт, который как раз вернулся после выполнения поручения, взял у

Маргарет вешалку с темным костюмом хозяина и отправился на второй этаж.

Тем временем он обдумывал события той грозовой ночи, когда мадам с близнецами были на кухне, а он ночью выходил на улицу, чтобы проверить, все ли в порядке. Обе перевернутые амфоры были достаточно тяжелыми сосудами из песчаника, которые не могли упасть сами по себе и должны были выстоять при любом ветре. Роберт никому не сказал, что недалеко от амфор он увидел несколько следов, оставленных обувью большого размера. Кто-то, по всей вероятности, пытался по ним залезть куда-то.

Комната Бабетты, как и комнаты всей прислуги, находилась на мансарде, и попасть в нее было довольно сложно, хотя выступающие откосы здания виллы Ротмана можно было использовать как маленькие ступеньки, поэтому в принципе реально было взобраться на фасад. Тем более что в грозовую ночь вряд ли можно было опасаться нежелательных свидетелей своего приключения.

Роберт пришел в гардеробную комнату Вильгельма Ротмана и принялся развешивать костюм. Сколько странных секретов появилось в последнее время!

И хозяин вчера очень поздно вернулся, спустя два часа после своей дочери. Роберту очень хотелось узнать, что же произошло прошлой ночью, но ни Тео, ни Дора не проронили ни слова.

В этом доме он был одиночным бойцом.

Только потому, что он время от времени напоминал, что у слуг тоже есть свои права и что они должны за них бороться, все вели себя с ним очень осторожно. Роберту было обидно. Как же что-то могло измениться, если никто не решался раскрыть рот? И тот факт, что Вильгельм Ротман считал его революционером, очень льстил ему. Он не был тихоней, как все остальные. И в один прекрасный день все изменится благодаря ему. Роберт, как и прежде, думал о том, чтобы устроиться на фабрику. Но его в этом доме все еще удерживала Бабетта. Он просто не мог оставить ее одну.

– Маргарет? – сквозь межкомнатную дверь, ведущую в спальню, он услышал грубый голос хозяина. – Зайдите на минуточку.

Роберт наострил уши, а все его тело охватил страх. Если Вильгельм Ротман узнает, что это не экономка, а он принес его одежду, он рассердится. Он был последним человеком, которому следовало бы знать о поручениях Ротмана.

Он убедился, что надлежащим образом выполнил свое задание, и исчез, не привлекая к себе внимания.

Однако Роберт не пошел сразу в часть дома для прислуги, а решил сделать еще один круг вокруг дома.

Улыбаясь он рассуждал о том, почему это хозяин звал экономку Маргарет к себе в спальню.

Глава 24

Шоколадная фабрика Ротмана, четыре дня спустя

Маленькое тихое помещение рядом с залом для декораций было личным укрытием Юдит. Там она, по крайней мере, могла отвлечься от событий минувших дней.

Хотя разговор с отцом в воскресенье прошел относительно благополучно, она ощущала на себе ужасное давление. Ее отец ждал, что она принесет официальное извинение семье фон Браун и выразит при этом свою радость относительно помолвки с Альбрехтом. Юдит же об этом и не думала. В скором времени у двери должен был появиться Макс Эбингер и попросить ее руки, а пока она была намерена тянуть время.

Однако Макс не спешил. Разумеется, ему было нелегко переубедить своего отца позволить ему жениться на Ротман. Но она уже теряла терпение.

Чтобы отвлечься, она экспериментировала с шоколадом. Это было то дело, которое она любила. А что, если у нее получится разработать новое шоколадное лакомство? Возможно, тогда ее отец проявит понимание и поручит своей дочери более серьезные задания?

Этим летом они все-таки стали предлагать клиентам мороженое, и покупатели были в восторге.

На следующий год нужно придумать что-то, чтобы продавать мороженое в больших количествах. Может, вагончик. Ей нужно посоветоваться с Виктором Райнбергером, он точно что-то придумает.

Юдит посмотрела на все ингредиенты, которые перед ней лежали: измельченный жареный миндаль, высушенная смородина, мягкое масло, карамель из карамельной кухни, несколько стручков ванили. На плите, растапливаемой дровами, нагревалась кастрюля с жидким шоколадом, аромат которого распространялся по всему помещению.

Натренированными движениями Юдит умело выскребла ванильный стручок, перемешала сердцевину с миндалем и ягодами, смешала все с карамельной массой и сформировала из нее маленькие шарики. Прежде чем облить шарики шоколадом, она разместила их на некоторое время в холодильной камере в женском зале. В зале опять-таки не было оборудования, чтобы теплочувствительные шедевры, которые там создавались, не плавилась и не разрушались.

Она как раз размещала последний противень, когда вошла Паулина.

– Мадам, – заохала она впопыхах. – Госпожа фон Браун хочет с вами поговорить.

– Доротеа фон Браун? – переспросила Юдит. – Где же она?

– В магазине, – сказала Паулина. – Мне нужно бежать, Марта отпустила меня в качестве исключения.

Юдит кивнула.

– Спасибо, Паулина.

Она вытерла руки полотенцем, сняла фартук и чепчик и отправилась в торговый зал.

– Юдит, моя дорогая! – поприветствовала ее Доротеа как-то слишком восторженно и сразу же обратилась к ней со своей просьбой: – Я ищу особенный подарок для моей тети. Ты точно сможешь посоветовать мне что-то подходящее, не так ли?

Было такое чувство, что она нервничает.

– Разумеется, – ответила Юдит и посмотрела на Доротеа. Такое серьезное волнение было для нее нетипично. Она очень надеялась, что подруга не обижается на нее из-за произошедшего на балу.

– Смотри, – быстро продолжила она, – здесь у меня есть коробочка с маленькими шоколадными плитками, несколькими карамельными конфетами с начинкой и глазированными фиалками.

– М-м-м, – произнесла Доротеа и внимательно посмотрела на подарок. – А есть у вас что-то с мятой? Она очень ее любит.

– Конечно.

С одной из витрин Юдит взяла еще одну белую лакированную коробочку. Когда она ее открыла и показала Доротеа, обе девушки почувствовали сильный аромат шоколада и мяты.

– Это самое лучшее мятное печенье. С одной стороны оно полито шоколадом. Оно невероятно вкусное.

Доротеа внимательно осмотрела содержимое и кивнула.

– Ей точно понравится. Я возьму его.

Юдит принялась упаковывать выбранный подарок.

– Куда же ты, Бога ради, пропала в субботу вечером? – вдруг прошипела Доротеа и осторожно покосилась на продавщиц, обслуживавших за соседними прилавками клиентов.

– Мне нужно было побыть одной, – прошептала Юдит и не смогла ничего сделать с тем, что у нее начали гореть щеки. Она опустила голову, чтобы подруга не заметила ее замешательства.

– Но ты же так и не вернулась!

– Тео отвез меня домой.

– Скажи, Юдит, тебе твой отец действительно ничего не говорил об этом?

– Нет. Он же прекрасно знал, что я в таком случае никуда не поеду с ним.

Доротеа покачала головой.

– Это немыслимо. Отец был так зол и уже чуть не отменил все, но Альбрехт настоял на помолвке. Должно быть, он и правда влюблен в тебя без памяти, и уже давно! И никто об этом не догадывался. Кроме Макса Эбингера и Эдгара Нольда, они обо всем знали. Должно быть, Альбрехт им рассказывал.

Юдит оторопела. Она вспомнила, что о чем-то таком упоминал Макс. Она посмотрела на Доротеа.

– Так, значит, он перед ними этим хвастался, – холодно подытожила она.

– Очевидно, но точно я не знаю. – Доротеа сняла перчатки. – Ах, как же я могла забыть? Макс Эбингер уехал из города.

Юдит замерла и посмотрела на Доротеа. Она почувствовала, как побледнела.

– Нет, Доротеа, этого не может быть, это злые языки. С чего ему уезжать, и самое главное – куда?

– По всей видимости, в Италию. Но точно никто не знает. Альбрехт говорит, что он рассказывал об этом. Но то было давно.

– В Италию?

Юдит нечем было дышать, в голове у нее все закружилось.

– Правда это или нет, я точно не могу тебе сказать. В любом случае его отец так же разъярен, как и мой отец из-за тебя... Юдит? Юдит!

Юдит как подкошенная тихо упала за прилавок.

Холод привел ее в чувство.

– Очнись! – она слышала, как кричит Доротеа. – Юдит, открой глаза!

Веки Юдит дрожали. Она видела размытый силуэт своей подруги, которая водила мокрой салфеткой по ее лицу.

– Она зашевелилась! – закричала одна из продавщиц.

– Позовите хозяина! – приказала Доротеа.

– Нет, не нужно, – прохрипела Юдит. Мысль о том, что отец увидит ее в таком состоянии и использует ее слабость, заставила ее собраться.

– Ага! Боже мой, Юдит! Как же ты меня напугала! Никогда так больше не делай! – с заметным облегчением произнесла Доротеа.

Она отложила платок в сторону и помогла Юдит сесть. Одна из девушек принесла стакан воды и держала его так, чтобы она могла пить.

– Тебе лучше? – спросила Доротеа.

– Да, уже лучше. Доротеа, ты не могла бы меня немного проводить?

– Конечно. Ты поедешь домой?

С помощью Доротеа Юдит встала и относительно уверенно держалась на ногах. Она заметила любопытные взгляды покупателей.

– Нет. Ни в коем случае. Я вернусь к работе, – сказала она громко и четко.

– К работе? Я даже не знала, что ты здесь работаешь. То есть... действительно... – голос Доротеа звучал удивленно и восторженно.

– Я тестирую различные сорта шоколада. И некоторые из них мой отец даже взял в производство.

– Это интересно. Я всегда в твоём распоряжении в качестве дегустатора, – пошутила Доротеа. – Скажи мне, где же это.

Они вместе вышли из магазина, и Юдит представила себе, какие там начались разговоры, как только за ними закрылась дверь. Она старалась не думать об этом. Пусть болтают. Довольно часто дамы теряют сознание из-за узкого корсета – в этом нет ничего подозрительного.

По дороге в отдел декораций они встретили Виктора Райнбергера.

– Мадам Юдит?

– Добрый день, господин Райнбергер. – Увидев его, она непроизвольно выпрямилась и отпустила руку Доротеа.

Она взглянула на Юдит и дружелюбно представилась, после чего Виктор поклонился.

– Добрый день, госпожа фон Браун. – Хотя он и обращался к Доротеа, но не выпускал из виду Юдит. – Могу ли я быть чем-либо полезен дамам?

– Моя подруга меня навестила и уже собирается уходить, не так ли, Доротеа? – сказала Юдит.

– Эм... Да, верно. – Доротеа была несколько удивлена, однако быстро сориентировалась. – Тогда хорошего тебе вечера, моя дорогая. – Она попрощалась с Юдит, кивнула Виктору и вернулась той же дорогой, по которой она сюда пришла.

Виктор посмотрел на нее, и казалось, что он был чем-то обеспокоен.

– Ну что, госпожа Ротман, я принесу вам новые формы, которые вы велели изготовить в литейном цехе.

– О, это будет замечательно, – обрадовалась Юдит. – Благодарю!

– Работники выполнили заказ очень быстро, – сказал он с улыбкой, и Юдит поняла, что он настоял на скором выполнении. Она смотрела на него и чувствовала что-то среднее между доверием и напряжением, собственно, как и всегда, когда он был рядом. Странно, что именно сегодня она это осознала.

– Тогда до скорого, – сказала она и уже собиралась уходить, как у нее

снова закружилась голова. Она прислонилась к стене.

Виктор, заметив ее недомогание, поспешил к ней на помощь и нежно взял за руку.

– Вы себя плохо чувствуете? – обеспокоенно спросил он.

– Все уже хорошо. Спасибо, господин Райнбергер.

Место на локте, к которому он слегка прикоснулся, начало покалывать.

– Вы направляетесь в свой экспериментальный цех, мадам Ротман? Разрешите мне вас проводить? – осторожно спросил Виктор.

– Это было бы очень мило с вашей стороны.

Для Юдит ситуация должна была быть неприятной, но все было совсем наоборот. Виктор шел с ней до женского зала.

– Ну, здесь я могу вас уже отпустить, госпожа Ротман, – сказал он.

– Благодарю вас, господин Райнбергер. Это было очень любезно с вашей стороны.

Юдит заметила, как обеспокоенно он на нее смотрел. Учитывая все неприятности этих дней, его внимание, словно теплое пальто, укутало ее.

Когда она спустя несколько минут забрала карамельные шарики из холодильной камеры и несла их к себе, она осознала все последствия шока, вызванного новостью об отъезде Макса. Ее мысли путались, ее охватывали различные чувства – унижения, стыда, неоправданных надежд и страха.

Иллюзия рухнула.

Хотя она и не хотела это принимать, но вынуждена была признать тот факт, что Макс ее просто использовал. И не собирался нести ответственность за свои поступки. Какой же наивной она была, когда думала, что у него вдруг появятся чувства к ней! Большею частью это были его проблемы, о которых он пытался забыть в ее объятиях.

Она снова повернулась к своим карамельным шарикам. Но работу с пралине она выполняла без особого удовольствия. Юдит механически надевала шарик за шариком на шпажки и опускала их в жидкий шоколад.

Может, ей стоит обратиться к старику Эбингеру? Но он ей точно не поверит. Доказать же она ничего не сможет. А о масштабах возможных последствий той ночи она даже не хотела думать.

Монотонная работа со собственноручно созданными сладостями положительно на нее влияла, и постепенно она успокоилась. У нее начали получаться одинаковые блестящие шоколадные шарики. Последний шарик она положила на картонную подставку для высыхания, как вдруг в дверь постучали и в помещение зашел Виктор Райнбергер с формочками в руках.

– Проходите! – пригласила его Юдит. – Поставьте формы сюда на стол.

– У вас здесь очень вкусно пахнет, – приняв ее, сказал он.

– Это карамельные шарики в шоколадной глазури, – объяснила Юдит. – Хотите попробовать?

– С удовольствием, если, конечно, можно. – Он ей подмигнул.

Юдит протянула ему одну из сладостей. Когда он взял у нее шпажку и едва коснулся ее пальцев, Юдит снова ощутила приятное пощипывание.

Внимательный взгляд Виктора остановился на ней, когда он откусывал шоколад. Юдит снова обратила внимание на необычный цвет его глаз, такой переливающийся сине-зеленый. Она заметила это еще при первой их встрече, тогда, когда он принес Карла домой после несчастного случая.

Она ощутила полное надежд состояние, более того, она почувствовала необъяснимую нежность к этому мужчине, которого едва знала. Юдит сразу же себе возразила, что ее душа, ввиду событий последних дней, сошла с ума.

– Это очень вкусно! – сказал Виктор, полакомившись шариком. – Правда вкусно, мадам Ротман. У карамели масляно-сладкий вкус. Там еще есть орехи, правильно? И ягоды, я так думаю, смородина?

– Все верно! Мы здесь говорим «паричка».

– А вокруг горьковато-нежная оболочка из шоколада. Мое почтение!

На лице Юдит засияла улыбка.

– Благодарю вас! Я очень рада, что вам понравился мой рецепт.

– Понравился – это не то слово, – ответил Виктор, и Юдит почувствовала, что в этом замечании было что-то большее, чем просто похвала за ее шоколадное творение.

– Постойте, – сказала Юдит и не смогла сдержать тихий смех. – Шоколад здесь... Я бы сказала... оставил след. – Она взяла чистый платок и не раздумывая вытерла Виктору уголки рта.

Прежде чем она осознала, что сделала, он взял ее руку и нежно погладил большим пальцем по тыльной стороне ладони.

Теплое чувство разлилось у нее внутри. Она на минуту замерла, насладилась этим моментом, осознавая, что этого не должно было случиться. Затем она осторожно забрала руку.

Виктор откашлялся.

– Я как раз занимаюсь разработкой нового шоколадного автомата. Возможно, вы могли бы создать для него специальные плитки шоколада, госпожа Ротман?

– Новый шоколадный автомат?

– Да. Такой, который отличался бы от существующих.

– Я знаю такие автоматы. Недавно я читала, что они представлены даже в Нью-Йорке. Насколько далеко вы уже продвинулись?

Виктор улыбнулся.

– Мы уже значительно продвинулись. Однако реализовать наши идеи непросто. Некоторые из деталей стоят очень дорого.

– Вы работаете над автоматом не сами?

– Нет. У меня есть помощники. Вы же знаете Эдгара Нольда? Он познакомил меня с одним человеком, который очень хорошо разбирается в механике. В техническом вопросе мы на правильном пути. Чего не хватает, так это зажигательной идеи, чем бы мы могли отличаться от других. Хорошо продуманные автоматы уже существуют. А нам бы хотелось, так сказать, изобрести «мерседес» среди шоколадных автоматов.

Юдит улыбнулась. Он с таким восторгом говорил о собственных планах, что она практически забыла о проблемах. И больше всего ей нравилось, как непринужденно он рассказывал о своих идеях ей, женщине.

– Конечно, я подумаю над особыми плитками для шоколадного автомата, господин Райнбергер. Мы должны обратить внимание на то, чтобы они были очень вкусными, но в то же время не были хрупкими.

– Я полностью доверяю вам в этом вопросе, госпожа Ротман. Я запишу размер плиток, как только мы поймем, будем ли использовать стандартный размер или будет нужен какой-то другой.

Юдит задумалась.

– Я уже время от времени размышляла над тем, – сказала она затем, – что можно было бы сделать из этих автоматов. Может, встроить в них шарманку или маленькую сцену? Или сделать так, чтобы было видно весь путь шоколада, пока он не попадет в окошко для выдачи?

Виктор смотрел на нее с нескрываемым уважением.

– Это очень хорошие идеи, госпожа Ротман. Не могли бы вы по возможности помогать нам? Я имею в виду, не могли бы вы просто записывать все, что приходит вам в голову. Может, сделать пару набросков?

– С удовольствием. Да, правда, я буду очень рада, если смогу поспособствовать успеху вашего дела.

– Это очень меня радует, госпожа Ротман. Я буду к вам чаще заглядывать. И при необходимости пробовать ваши шоколадные творения. Особенно те, которые будут предназначены для шоколадного автомата.

– Разумеется, – засмеялась Юдит. – Вам же нужно будет знать, что вы будете продавать своим клиентам.

Уже наступил вечер, когда Виктор вернулся на свое рабочее место. Юдит осталась в полной эйфории.

Она не могла понять, как это было возможно, чтобы за несколько дней

почувствовать глубочайшее разочарование и наивысшую радость. Ее печаль относительно Макса за последние несколько часов не исчезла, на это нужно было время, но она была очень рада работать с Виктором.

Если бы только не эта неясная ситуация с Альбрехтом фон Брауном. Что же ей делать?

Глава 25

Штутгарт, середина октября 1903 года

– Смотри, Карл! Там сзади идет король!

– Где? – Карл обернулся.

– Да вот же, смотри прямо туда!

Всеобщее оживление в Штутгарте сменилось в одну минуту. Солдаты, которых в городе было много, по команде стали смирно, прохожие на тротуарах остановились. Мужчины сняли шляпы.

Затем мимо проехала внушительная повозка с запряженными в нее двумя роскошными гнедыми лошадьми. Два всадника скакали сзади.

Карл и Антон стояли, разинув рты от удивления.

– Тебе нужно было снять шапку, Антон!

– Тебе тоже, Карл!

Люди вокруг продолжили движение. Вероятно, они не раз видели короля в городе. Спустя некоторое время мальчики вместе с толпой пошли дальше по Ротебюльштрассе. Карл пришел в себя после столь впечатляющей встречи и толкнул брата в бок.

– Ну а теперь давай!

Собственно говоря, они собирались посмотреть зоопарк, о котором Юдит с таким восторгом рассказывала пару недель назад. Но им не удалось его найти. Вместо этого они бродили по переулкам города, долгое время наблюдали за строительными работами у ратуши и, наконец, решили прокатиться на трамвае.

Поскольку им не хотелось покупать билеты, они придумали одну игру. Они вышли на середину улицы, как раз туда, где проезжали трамваи. Близнецы ждали, пока подъедет следующий трамвай, запрыгивали на него, проезжали несколько метров и спрыгивали. Так они прыгали с трамвая на трамвай, вверх и вниз по улице; переместились на Тюбингерштрассе и не прекратили свое развлечение, даже когда начал моросить легкий дождь, который вскоре превратился в проливной. В конце концов, их послеобеденная экскурсия удалась. Братья с таким трудом выбрались из дома, а это значило, что нужно было использовать несколько часов свободы.

– Ауч! – Антон собирался спрыгнуть с платформы трамвая на дорогу и схватился за металлический столб, стоявший там, как вдруг его ударило током.

– Ха, это же не больно! Ты, наверное, просто трусишка, – насмеялся Карл, и вскоре сам выкрикнул: – Ау! Что за черт!

Некоторые взрослые засмеялись.

– Здесь иногда бьет током, когда идет дождь! – сказал один пожилой мужчина.

Карл с трудом сдержал желание показать ему язык.

Они вернулись на тротуар.

– Что они имеют в виду, когда говорят, что здесь иногда бьет током, когда идет дождь? – спросил Карл своего брата.

– Я не знаю, – беспомощно ответил Антон.

Вдруг они услышали смех за спиной.

– Вы вдвоем такие смешные, – сказал неуклюжий парень лет пятнадцати, такой же промокший, как и близнецы. – Даже ребенок знает, что во время дождя от трамвая идет разряд, если дотронуться до металлического стержня. Это все электричество. – При этом он особенно протянул гласные последнего слова, наверное, чтобы показаться очень умным, так подумал Карл.

– Ах вот оно как, – сказал Карл, стараясь скрыть свой интерес.

– Как тебя зовут? – спросил Антон.

– Я Фриц, – ответил парень и с улыбкой посмотрел на них. – А кто вы? В любом случае выглядите вы одинаково.

– Карл.

– Антон. Мы близнецы.

– Да, я так и подумал. Слушайте, Карл и Антон. Если хотите, я могу показать вам что-то действительно интересное.

– Да, и что же? – спросил Карл немного заносчиво.

– Ну, я не знаю, Карл, нам лучше вернуться домой. Мы промокли, и мне уже холодно, – попросил учесть Антон.

– Да, но дождь ведь закончился. И я не очень-то и промок, – сказал Карл, которого манили приключения.

– А если мы подхватим насморк, Юдит будет нас ругать, – сказал Антон.

– Мы не подхватим насморк. Ни один индеец в прерии еще не подхватил насморк только из-за того, что на него упали пару капель дождя, – возразил Карл и обратился к Фрицу. – Мы идем!

Фриц широко улыбнулся:

– За пять пфеннигов я покажу вам пожарную команду!

– А почему нужно платить за то, чтобы посмотреть на пожарную команду? – скептически поинтересовался Антон.

– Это мое вознаграждение за то, что я вам ее покажу!

– Ну, естественно, он должен получить вознаграждение, – объяснил

Карл и достал из кармана деньги. Тон его голоса немного напомнил тон отца.

Они шли за Фрицем по Катариненштрассе, и вдруг Фриц ускорил шаг, не прошло и десяти минут, как они подошли к пожарной бригаде. Перед большим зданием находился пост, ворота гаража были открыты, вокруг бегали мужчины в форме, отдавались команды и запрягались лошади.

– Ребята, вам повезло, – произнес Фриц, – они как раз едут на вызов!

Карл и Антон заворожено наблюдали за подготовкой, Фриц довольно улыбался, и спустя несколько минут мимо них пронеслись экипажи.

– Первый ландо – это штабной экипаж с Бранд-Якобом, – объяснил Фриц.

– А кто этот Бранд-Якоб? – спросил Карл.

– Брандмейстер Якоби, но все зовут его Бранд-Якоб. За ним поехали экипажи с командой, пожарными лестницами и паровым пожарным насосом. – Фриц быстро спрыгнул. – Побежали, мы еще что-то увидим!

И все трое побежали за пожарной командой вверх по Катариненштрассе, через Вильгельмсплатц, и завернули в ворота. При этом они чуть не сбили мотоцикл с коляской.

– О Боже мой! – выкрикнул вдруг Фриц. – Бранд-Якоб выпал!

– Ух ты! – восторженно крикнул Карл. – Он не справился с поворотом.

У Антона от ужаса отняло речь. Штабной экипаж лежал на боку, его пассажир смущенно сидел на земле.

– Ему еще повезло, что его жены сегодня здесь нет, – заметил Фриц.

– Его жены? – спросил Антон.

– Да, иногда он берет с собой свою жену.

Пока близнецы удивленно посматривали друг на друга, они осторожно и с трудом переводя дух приблизились к месту происшествия.

– Да, целая проблема с этими мостовыми, – объяснял Фриц, и в этот момент он очень напоминал Карлу школьного учителя. – У камней есть такие выпуклости в центре. И если кучер не внимателен, то повозка может перевернуться.

Карл с восторгом наблюдал за крепким Бранд-Якобом, который как раз встал на ноги и громко ругался.

– Я бы не хотел оказаться на месте его кучера, – сказал Карл.

– Определенно не хотел бы, – засмеялся Фриц. – Но им нужно еще успеть на вызов. Настоящий скандал будет, когда все вернется.

– Они так быстро едут, – констатировал Антон, и Фриц кивнул. В прошлом году горел театр, но они тогда не очень помогли. Он полностью сгорел. Осталось только две лестницы.

Близнецы молчали, находясь под впечатлением. Им хотелось бы на это посмотреть. Но хотя Карлу и Антону не удалось увидеть большой пожар, они были вне себя от радости. Кто бы мог подумать, что их первая самостоятельная поездка в Штутгарт будет такой насыщенной?

Когда волнение немного утихло, ландо был поднят и Бранд-Якоб занял свое место, чтобы следовать за другими оперативными экипажами. Карл тоже задумался над тем, что им пора собираться домой.

– Где вы живете? – спросил Фриц.

– В Дегерлохе, – ответил Карл.

– И вы сами приехали в Штутгарт?

Мальчики гордо кивнули.

– Тогда вполне возможно, что сегодня вечером неприятности ждут не только кучера Бранд-Якоба, но и вас тоже. Но это уже не мой зад будет болеть. Лучше всего вам поехать на Цаке, – заботливо сказал Фриц. – Я проведу вас до Мариенплатц. У вас хватит денег?

Карл кивнул. Они взяли немного денег из серебряной банки Юдит, в которой у нее всегда хранилось несколько пфеннигов. Или, лучше сказать, одолжили, потому что они действительно собирались при первой же возможности вернуть деньги. Конечно же, незаметно.

Так и получилось, что перед самым наступлением темноты Карл и Антон очень уставшие вернулись домой, где их уже ждали обеспокоенная Юдит и разъяренный отец.

В ходе наказания близнецов сегодня впервые прозвучала угроза относительно того, что они будут отправлены в интернат для мальчиков.

Глава 26

Рива, середина октября 1903 года

– Через несколько минут, мои многоуважаемые туристы, мы увидим потрясающий водопад Понале. Mesdames, Monsieur, dans quelques minutes, nous passerons la cascade de Ponale. Вода здесь падает примерно с высоты тридцати метров – это уникальное явление!

Пароход «Цанарделли» дал пассажирам несколько минут, чтобы они издали насладились этим творением природы, затем развернулся и взял курс на Лимоне.

– Немного информации: послезавтра я предлагаю вам экскурсию к водопаду и в долину Ледро. Если вам это интересно, сообщите мне, пожалуйста, в течение дня. Туда мы отправимся на барках, а возвращаться в Риву будем пешком, поэтому позаботьтесь об удобной обуви.

Макс сидел немного в стороне на верхней палубе и в течение некоторого времени наблюдал за хрупкой женщиной, стоявшей к нему спиной в окружении пассажиров, которым она с энтузиазмом рассказывала о достопримечательностях маршрута экскурсионного корабля. Экскурсовод была одета просто: темная шерстяная юбка и подходящая к ней блуза в полоску, а на темных волосах, которые женщина заколола, – простая соломенная шляпа с черной лентой. В ее образе угадывалась какая-то легкость и естественная элегантность. Но особенно Макса очаровал голос женщины – нежный меццо-сопрано, чистый, негромкий, хотя ей приходилось перекрикивать шум мотора и бриза на палубе.

Она говорила то на немецком, то на французском языке, и чем дольше Макс ее слушал, тем больше крепла его уверенность в том, что она француженка, которая превосходно владела немецким языком.

Ему, к сожалению, не удавалось рассмотреть ее лучше, но для Макса такого рода напряжение было привлекательным.

Максу нравилось наблюдать за ее стройной фигурой и было приятно осознавать, что она не замечает его взгляд. Кроме того, у него было достаточно времени. Сегодняшняя поездка на пароходе продлится целый день.

Вся суета осталась позади.

Терзаемый угрызениями совести, после того как ему пришлось залезть в кошелек отца, он скоропалительно уехал из Штутгарта в условиях особой секретности, быстро простившись с матерью, которая единственная знала о его отъезде. Именно она посоветовала ему отправиться сначала в Риву и ненадолго там остановиться, чтобы спокойно спланировать свое

пребывание в Италии.

Лишь после того как Альпы отделили его от всего негатива, связанного со Штутгартom, он смог свободно вздохнуть. В Риве извозчик отвез его со всем багажом в пансионат «Цур Зонне» – ухоженный дом недалеко от гавани, где говорили по-немецки. Там он провел несколько дней в раздумьях, при этом наблюдая за экскурсионными кораблями, и в конце концов принял решение, что поездка на пароходе будет лучшим и самым удобным способом, чтобы посмотреть местность и озеро Гарда. Сегодняшний день был приветлив и мягок, солнце подсвечивало нежные светло-серые контуры отвесных склонов гор, уходящих в озеро, и заставляло воду сверкать и переливаться голубыми оттенками.

Сначала они подъехали к Торболе, затем к Лимоне, итальянскому городку, известному своими лимонными рощами, благодаря которым он и получил свое название, проплыли мимо водопада и оказались, наконец, у расположенной на возвышенности Тремозины. Благодаря опытному экскурсоводу Макс узнал о том, что западный берег озера представлял собой неприступную местность, и только некоторые дороги, находящиеся не в лучшем состоянии, могли привести к живописным деревням, расположенным вдоль скалистого берега.

Туристы уже некоторое время находились в пути. Крутой отвесной склон горы у Мадерно отступил, и взгляду открылись живописные южные ландшафты.

– За этой местностью, как вы видите, возвышается гора Монте Пиццоколо, – проинформировала восхитительная дама. – Ее высота составляет 1581 метр. В Мадерно есть много достопримечательностей, особое внимание стоит уделить Палаццо Гонзага, бывшей летней резиденции герцогов фон Мантуя. Отсюда вы сможете совершить интересную прогулку.

Некоторые пассажиры сошли с парохода, другие сели и продолжили поездку. Возле местности Сало озеро удивительным образом расширилось, горы, наконец, остались позади и предоставили место для средиземноморской равнины.

Возле гавани Сирмионе туристическая группа собралась сойти с парохода.

Макс не раздумывая присоединился к ним. С одной стороны, он хотел посмотреть на расхваленный всеми полуостров у южного берега озера Гарда, а с другой – не хотел отказываться от объяснений очаровательной француженки-экскурсовода.

Поэтому он со всеми сошел с корабля.

Прежде чем обзорная экскурсия началась, экскурсовод обернулась.

Макса словно током ударило, когда он увидел сияющие голубые глаза на немного загоревшем на солнце лице, на котором была такая же сияющая улыбка. Когда женщина говорила и улыбалась, ее белые, ровные зубы сверкали между полных темно-розовых губ. Устоять было невозможно.

Женщина была уже не очень молода. На первый взгляд ей было немного за тридцать, но у нее было обаяние зрелой женщины и вместе с тем молодой девушки. Инстинкт охотника был разбужен. Вместе с тем Максусу казалось, что он уже где-то видел эту женщину, но так и не смог вспомнить, где именно, поэтому посчитал, что просто ошибся.

Прежде чем они пошли дальше, экскурсовод подошла к нему:

– Вы оплатили экскурсию?

– Эм, нет, пока нет. Я не знал, что здесь будет экскурсия, – заикаясь, начал объяснять Макс, это была прежде незнакомая для него реакция.

– А почему вы тогда остались в нашей группе?

Макс попытался улыбнуться, это всегда оказывало нужный эффект.

– Я спонтанно принял решение присоединиться, после того как на корабле заметил, насколько хорошо вы рассказываете. Сколько стоит ваша экскурсия?

– Вы хотите оплатить в марках или в лирах? Или, может быть, в кронах?

– В марках, если возможно.

– Тогда с вас одна марка и двадцать пфеннигов. Вы с нами будете возвращаться?

– Да, с удовольствием. Это возможно?

Она кивнула, пересчитала деньги и как ни в чем не бывало стала во главе группы.

Макс был удивлен. Никаких проявлений чувств, никаких многозначительных жестов с ее стороны, ничего, что выдавало бы ее тонкий интерес по отношению к нему. Он улыбнулся сам себе. Это все казалось каким-то вызовом для него.

Они вышли из городка и отправились через пряную оливковую рощу, мимо старых курортов, до вершины узкой косы длиной примерно в два метра, которая разделяла южное озеро Гарда на два больших бассейна. По пути они любовались прекрасными видами на озеро и его уникальным цветом.

– Дамы и господа, мы подошли к гротам Катутла, остаткам впечатляющей римской виллы второго века нашей эры.

Взгляд Макса был направлен на бывшую римскую виллу, хоть и

пребывающую в руинах, но довольно впечатляющую, на разноплановые стены, единичные арки ворот и колонны. Само пространство было гигантское.

– В центре этой виллы находился сад, обставленный колоннами. Здания же были трехэтажными, украшенными мозаикой и фресками. Горячий источник брал свое начало из сероводородных минеральных вод, вода подавалась по свинцовым трубам. И как вы можете наблюдать, вид на озеро и на берег здесь с любого места просто потрясающий.

При этих словах она расправила руки и немного отклонила голову назад.

– А кем был этот Катулл? – спросил какой-то мужчина из группы.

– Он был римским поэтом. Катулл описывал в своих стихах Сирмионе, поэтому некоторые исследователи считают, что это могла быть его вилла. Но, на мой взгляд, это недостаточно доказано.

– Взгляд женщины? – насмешливо переспросил он, и некоторые мужчины рассмеялись.

Экскурсовод стала довольно серьезной и посмотрела на группу.

– А сейчас у вас есть полчаса, чтобы осмотреть сооружение, – сказала она, не реагируя на замечание. – Затем мы снова собираемся здесь. Возможно, мужчинам удастся найти более точные указания относительно бывшего владельца этой усадьбы.

«Ага, – подумал Макс. – Ей палец в рот не клади». В душе он улыбнулся, когда увидел несколько смущенных лиц.

– И еще... – добавила она, и голос ее звучал уже не так строго, как прежде. – Пожалуйста, не опаздывайте. Нам нужно вовремя быть на причале, чтобы успеть на корабль, идущий в Риву.

Толпа вокруг нее разошлась, а Макс остался.

– У вас есть еще вопросы? – спросила она немного резко. Она определенно хотела сделать перерыв.

– Да, действительно есть, – сказал Макс. – Во время прогулки я заметил несколько красивых мест у воды. Вы не знаете, как туда можно попасть?

Женщина задумалась, при этом ее лоб немного сморщился.

– Вы, наверное, имеете в виду известковые возвышенности у скал. В солнечные дни, такие как сегодня, вода там переливается яркой бирюзой.

– Точно, именно этот цвет мне и бросился в глаза. Честно говоря, меня это больше интересует, чем старые камни.

Наконец она улыбнулась.

– А вы знаете, что заплатили за историческую экскурсию?

– Нет, – признался Макс. – Я заплатил за красивого экскурсовода. А в

этом случае абсолютно неважно, что она рассказывает.

Он еще раз попытался улыбнуться, и на этот раз его улыбка подействовала. Двусмысленность его замечания никак ее не затронула.

– Если хотите, я вам покажу это место с известковыми породами. Но это будет стоить еще пятьдесят пфеннигов.

Следовало признать, что она была довольно предприимчива. Еще пятьдесят пфеннигов. Недолго думая, он дал ей деньги.

Они вместе вернулись немного назад и спустились по вырубленным в камне ступенькам. Ему нравилось, как ловко она себя вела. Она была не из тех дам, которые при первой же трудности приходили в ужас и падали в обморок. Кроме того, она носила удобную одежду и обувь, скорее всего, это было лучше, чем корсет.

Внизу было просто идеальное местечко. Известковые породы ярко светились под водой, так будто она их отполировала. Вдали был виден восточный берег озера Гарда.

Будь хоть чуть-чуть теплее и будь он один, Макс снял бы с себя одежду и искупался. А так он просто снял обувь и носки и немного прошелся по омываемой морем поверхности.

Его экскурсовод тем временем присела на камень и направила лицо к солнцу, закрыв глаза. И опять Макс показалось, что он где-то ее видел, но никак не мог понять где. Возможно, она просто была на кого-то похожа. Такое иногда случается.

Так и прошло время. Они даже не обменялись и парой слов, но тем не менее казалось, что они каким-то образом связаны.

Поэтому Макс очень испугался, когда посмотрел на свои часы и увидел, что полчаса уже давно прошли.

Макс сказал экскурсоводу об этом, и она быстро пошла к группе, пока он мучился с носками, надевая их на мокрые ноги. Наверное, прошла целая вечность, пока он привел себя в порядок и вышел на дорогу.

Экскурсовод к тому времени уже собрала группу. Когда они отправились назад, создавалось впечатление, что это организованная экскурсия, Макс еле сдержал смех.

Они пришли к пароходу, отправлявшемуся в Риву, в последнюю минуту. Сегодня это был последний корабль. Объехать озеро за один день можно было только при условии, что все тщательно спланировано.

– Итак, когда же мы встречаемся послезавтра? – спросил Макс экскурсовода, когда они опять были на борту, на этот раз во внутренних помещениях. Он сидел напротив нее за столом у окна.

– Мы встречаемся? – раздраженно спросила она.

– Вы же говорили об экскурсии к водопаду, которая состоится послезавтра.

– Ах да, водопад Понале.

– Я бы с удовольствием присоединился.

– Мы встречаемся в девять часов у причала в Риве. Не опаздывайте.

Она встала.

– Мои дамы и господа, Mesdames et Messieurs, наш путь в Риву проходит вдоль восточного берега озера. Пожалуйста, держитесь вместе, чтобы я могла озвучивать вам самые важные станции. Как вы уже могли заметить, возвращаемся мы во внутренних помещениях.

Одобряющее бормотание в ответ свидетельствовало о том, что многие туристы уже устали. Макс также вскользь слышал, что она упоминала Бардолино, который сгорел семь лет назад и был полностью восстановлен, затем старый замок Ладзизе, а когда они зашли в бухту Гарды, она рассказала, какое значение имеет городок, давший название озеру и являющийся исходным пунктом для прогулки на Монте Бальдо.

Все туристы были особенно внимательны, когда корабль проходил мимо Пунта-Сан-Вирджилио.

– Сан-Вирджилио описывается как самое красивое место в мире, – поведала экскурсовод. – На вершине расположена вилла Брендзоне, которую возвел Микеле Санмикели.

Она упомянула еще одну церковь и характерные для ландшафтов полуострова кипарисы и оливковые деревья.

Поскольку женщина понимала, что ее публика уже не так внимательна, то довольствовалась краткой информацией о Мальчезине и Торболе, в конце концов они поздно вечером прибыли в Риву.

После того как пароход, просигналив последний раз, медленно причалил, экскурсовод попрощалась с каждым из пятнадцати участников группы.

Макс сделал так, чтобы замыкал этот круг именно он. Так у него была возможность проявить заботу и проводить ее от корабля.

На площади Беначенсе, недалеко от причала, они остановились.

– Ваши экскурсии очень интересны. Благодарю вас, – сказал Макс и поклонился.

– Благодарю вас за интерес, – ответила она немного резко.

– Знаете, – объяснил он, – я начинающий архитектор и приехал на несколько месяцев в Италию на учебу. Так что эта маленькая экскурсия – идеальное начало.

– Думаю, весной здесь намного лучше.

– О нет, мне больше по душе, когда все вокруг спокойно и не так много людей.

Казалось, что что-то все же не дает ей покоя. Подумав немного, она склонила голову и посмотрела на Макса.

– А почему тогда у грота Катулла в Сирмионе вы мне сказали, что вам не интересны старые камни, если вы хотите стать архитектором и в образовательных целях сюда приехали? Грот Катулла – это римская вилла на севере Италии, которая, наверное, лучше всего сохранилась. Я, в таком случае, не могу понять вашу незаинтересованность.

Макс рассмеялся.

– Вопрос вполне оправдан, но я пока останусь у вас в долгу. Однако, возможно, придет день, когда я смогу отдать долг. Мне бы этого очень хотелось.

Женщина с удивлением на него посмотрела, казалось, она почувствовала многозначность ответа. Экскурсовод смущенно заправила прядь волос, выбившуюся у нее из прически, за ухо.

– Да, наши желания и наша жизнь. Такие сильные и настолько же несовместимые. Желаю вам приятного вечера.

На этом она оставила его и быстро пошла по направлению от центра Ривы. Макс уставился ей вслед как влюбленный школьник.

Она была неповторима. Основательная, с невероятно тонким чувством юмора. И с такой обезоруживающей чувственностью.

Подсознательно она сплела соблазнительную сеть из обаяния и интеллекта. И в течение этого дня Макс беспомощно попал в нее.

Глава 27

Лодочная станция в Риве, два дня спустя

Хелена нервничала. С самого утра все шло не так, как она привыкла. Волосы не хотели укладываться, на удобном для прогулок костюме появилось пятно, которое ей нужно было удалить, и вдобавок ко всему у нее начались месячные. И как ей теперь продержаться весь день, есть она даже прокладку поменять не сможет? Оставалось только надеяться, что сегодня, в первый день, выделения будут не очень сильными.

Она сложила все необходимое в кожаный рюкзак с деревянными планками, также добавила несколько бутербродов, орехи и два яблока. Насколько это было возможно, Хелена старалась и в обычной жизни питаться так, как она привыкла в санатории. На завтрак женщина выпила немного козьего молока.

Затем она отправилась в гавань.

Хелена планировала прийти туда немного раньше тех семи человек, которых она будет сопровождать к водопаду Понале, чтобы не рисковать и быть уверенной, что лодочник подготовил необходимые лодки и что гребцы на месте. К тому же она хотела сразу ему заплатить; цена за лодки была включена в стоимость экскурсии.

Ее туристическое дело развивалось очень медленно. Многие не воспринимали всерьез женщин в этой сфере, а особенно неместных.

Однако зарабатывала она достаточно, чтобы оплачивать аренду и свои основные потребности. Последний перевод своего мужа Хелена отложила и надеялась на поступление еще одной суммы. До настоящего момента он не догадывался, что женщина не воспользуется присланным ей билетом и что она продала его.

В настоящее время ее жизнь была беспокойна, но она никак не могла объяснить свое сегодняшнее внутреннее волнение, его нельзя было сравнить с беспокойством, которое она испытывала в Штутгарте. У нее в животе порхали тысячи бабочек, ее то и дело охватывала необъяснимая эйфория. Она надеялась, что ее настроение связано с ее ежемесячным недомоганием и что через несколько дней все само собой нормализуется.

Первой ступенью на пути к спокойствию был тот факт, что на лодочной станции все было в порядке и арендатор взял оговоренную сумму. Гребцы тоже были готовы. Она осмотрела лодки – они все были в хорошем состоянии. Погода тоже была спокойной и стабильной. Пассажиры должны были прийти.

Ее взгляд коснулся воды, над которой стелился редкий утренний туман,

вблизи она увидела Каstellь ла Рокка и остолбенела, когда заметила идущего вдоль набережной мужчину.

Волнение усилилось, когда он подошел ближе и приветливо поздоровался.

– Вы рано пришли, – заметила Хелена.

– Возможно, но я ни за что не хотел пропустить отправление! Я вчера весь день с нетерпением ждал эту экскурсию.

Он хитро улыбнулся, и уголки рта при этом ушли вверх, эту его характерную особенность она заметила еще позавчера. Ей казалось это довольно обаятельным.

Макс. Так он представился ей позавчера. И она хорошо помнила его попытки пофлиртовать с ней. Хотя внешне она и оставалась сдержанной, ее это тронуло. Он был высоким, видным молодым человеком с темными, практически черными волосами и глазами янтарного цвета, которые как раз вызывающе на нее смотрели.

Она подумала о Гермione, которая отправилась со своим юнцом в Берлин. Она думала, что Максу лет двадцать пять, максимум тридцать. То есть он был значительно младше, чем она. И хотя речь шла не о нескольких десятилетиях, как в случае Гермione и Кристла, но точно уж об одном.

Однако поскольку Хелена не обладала такой уверенностью в себе, которую художница культивировала всю свою жизнь, она запретила себе прикасаться к чему-либо подобному. Она не будет начинать роман, несчастный исход которого очевиден. Разве он не говорил, что планирует длительное путешествие по Италии?

– Нам повезло с погодой, – сказала Хелена непроизвольно, пытаясь пресечь зарождающуюся с самого начала близость. При этом ей нужно было справиться с волнением.

– В этом я и не сомневался, – с улыбкой ответил Макс. – Я молился о хорошей погоде.

– Молились?

– Да. Так делают, когда очень чего-то хотят, не так ли?

Хелена не могла не улыбнуться.

– Можно как минимум попытаться.

– И это сработало. Значит, я буду молиться и дальше. У меня есть еще несколько желаний...

Хелена была рада, что в этот момент подошли другие участники группы и разговор, который снова начал приобретать несерьезное очарование, прервался.

Многочисленно взглянув на нее, Макс отошел в сторону и, пока она

приветствовала прибывших участников группы, завел разговор с одним из гребцов. Через пятнадцать минут группа была в полном составе. Хелена стала так, чтобы все могли ее видеть и слышать.

– Добро пожаловать на сегодняшнюю экскурсию к водопаду Понале. Вас ожидают незабываемые впечатления. Возможно, некоторые из вас уже заглянули в соответствующие путеводители или получили информацию в книжном магазине господина Георги, – начала она свою речь, и среди собравшихся были слышны утвердительные реплики. Кроме нее самой в группе была еще одна женщина, которая сопровождала своего мужа.

– Большую часть пути мы будем идти пешком, – продолжила Хелена. – Я надеюсь, вы позаботились об удобной обуви. А сейчас, – она указала на подготовленные лодки, – распределитесь по лодкам, пожалуйста.

Все быстро заняли места. Мощными махами весел гребцы привели лодки в движение и направили их в юго-западную сторону.

Хелена не очень удивилась тому факту, что Макс сел к ней в лодку вместе с еще одним мужчиной, который тоже путешествовал сам. Женщина пыталась не замечать, что он постоянно на нее смотрел, и ей чаще, чем хотелось бы, приходилось ловить на себе его взгляды.

Деревянные лодки равномерно двигались вдоль крутой скалы Роккетта. Хелена попросила гребцов остановиться рядом друг с другом, и у них прекрасно это получилось.

Еще до того, как открылся вид на водопад Понале, был слышен шум воды. Вскоре после этого в поле зрения появилась просека, которую Понале, полноводный горный ручей, уводил в гору. Впереди между скалами проходила арка моста, образуя живописное обрамление для водопада, который в этом месте распадался в жемчужную пыль.

Гребцы довольно долго продержали лодки перед водопадом, чтобы пассажиры в полной мере могли насладиться его живописным видом, затем пристали к левому берегу, и все смогли сойти на землю.

Макс обходительно помог Хелене выйти из лодки и оставался рядом, когда все собрались на деревянном пешеходном мостике, который вел в ущелье.

– Уважаемые туристы! – Хелене приходилось перекрикивать звук бушующей воды, поэтому она была краткой. – Этот мост расположен очень близко к водопаду. Мы вместе пройдем по нему и в конце концов окажемся наверху, далее мы будем следовать в направлении бывшей вьючной тропы к долине Ледро. По пути нас ожидает нечто очень увлекательное.

– Я с нетерпением жду, что же вы для нас придумали, – с намеком

сказал Макс, когда они вместе пошли дальше. – Мне кажется, я догадываюсь.

Хелена улыбнулась.

– Это место будет особенно интересно для мужчин. Но сначала насладитесь природой.

Когда они, наконец, оказались перед потрясающим явлением природы, их укутал влажный водяной туман. Несколькими каскадами Понале впадал в долину, по правую руку был второй водопад. У их ног бурлила пенящаяся вода, чтобы, собравшись в небольшой поток, проложить последние метры к озеру Гарда.

Далее Хелена повела группу по крутой, со скалистыми уступами, тропе, проходившей слева от водопада Понале, вверх по горе.

Наконец они дошли до примечательного сооружения, которое напоминало бастион.

Хелена остановилась.

– Здесь вы можете увидеть электростанцию города Рива. Мы находимся на высоте двухсот метров над озером Гарда.

Она достала из поясной сумочки карточку и подняла ее.

– Эта карта дает разрешение на посещение станции. Я думаю, это будет интересный пункт нашей прогулки.

Раздались аплодисменты. Хелена невольно посмотрела на Макса.

Он одобряюще кивнул ей и опять вызвал теплое волнение в ее душе. Никогда прежде она не чувствовала такого притяжения к мужчине, которого едва знала.

Они вошли на станцию, туристов встретил работник, который и провел их по зданию.

– Сила воды используется уже столетиями, если только вспомнить лесопильные заводы и мельницы, – объяснял он с заметным итальянским акцентом. – Из водяного колеса были сконструированы современные турбины. – Он указал на три механизма, которые очень шумно выполняли свою работу.

– Часть воды водопада Понале, – продолжил работник, – собирается в водосборную галерею, которая с этой целью и сделана в скале. Высота ее составляет пятьсот двадцать метров. С высоты падения в сто метров вода заставляет турбины генерировать электричество.

Хелена наблюдала за группой и была очень довольна, видя восторг на лицах людей. Макс также был очень увлечен и внимательно рассматривал большие двигатели. Стоя позади него, она обратила внимание на его широкую мускулистую спину.

Спустя полчаса они продолжили свое восхождение. Среди участников группы началось оживленное обсуждение техники, электричества, приобретающего все большее значение, и связанных с этим изменений.

Хелена не принимала участия в разговоре, поскольку следила за дыханием, этому она научилась в санатории. К тому же она чувствовала, что Макс идет прямо за ней, и поэтому старалась направить всю свою энергию вперед.

Вскоре они перешли через водопад по деревянному мосту и оказались на Поналештрассе.

Хелена опять стала во главе группы.

– Возможно, некоторым из вас уже известна эта дорога, – сказала женщина. – Она соединяет Риву с долиной Ледро и была построена в 1850-х годах. А точнее, она была высечена в скалистой нисходящей стене Роккетты. Поэтому на открытых участках дороги постоянно встречаются галереи и тоннели. Но мы, – она указала рукой в противоположную от озера сторону, – пройдем сейчас к долине Ледро и затем к озеру Ледро. Там мы отдохнем. Если у вас есть вопросы или вы хотите получить еще какую-либо информацию, обращайтесь.

Туристы отправились дальше, сначала дорога шла по горной местности, укрытой древесными насаждениями. Как только они дошли до долины Ледро, декорации поменялись. Появились фруктовые сады, луга, пастбища и леса, на заднем фоне величественно возвышались вершины Альп.

Здесь было значительно прохладнее, и Хелена решила надеть шерстяной пиджак.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал Макс и остановился. – И я не думаю, что нам сегодня хватит времени, чтобы все их обсудить.

– И я не знаю, будет ли у меня достаточно времени, чтобы детально удовлетворить ваш интерес, – возразила Хелена. Она быстро осмотрелась, чтобы убедиться, что никто ее не слушает. Но другие участники группы уже отошли в сторону.

Макс не обращал внимания на дистанцию, которую она соблюдала.

– Как вас зовут? – спросил он вместо этого.

Хелена покачала головой. Однако на ее лице появилась улыбка.

– Вы никогда не сдаетесь, – сказала она.

– Нет, – подтвердил Макс. – Никогда, если сражение настолько оправдано.

Молча они пошли дальше. Вокруг царил тишина, слышен был только шум их шагов, чувствовался интенсивный аромат леса, земли и трав; прекрасные виды на каждом шагу способствовали тому, что Хелена начала

терять бдительность.

– Меня зовут Хелена, – внезапно сказала она.

Макс остановился.

– Вы произносите имя по-французски.

– Да, я родом из Франции.

– Хелена и Макс, – сказал он задумчиво. – Прекрасная пара.

Хелена рассмеялась:

– Скорее, безумная любовь.

– А что же в этом безумного?

– Я прошу вас, Макс. Это же очевидно!

– Для меня – нет, – серьезно сказал он. – Невозможно отрицать, Хелена, что между нами что-то происходит. И если я проявляю интерес, то это не говорит о легкомыслии. – Он сделал паузу. – Не в вашем случае, – добавил он тихо.

Это последнее замечание зацепило Хелену.

То, что он был избалован женским вниманием и чувствовал себя очень уверенно в общении с женщинами, она поняла с самого начала. И то, что он не стал играть перед ней беззаботного завоевателя, тронуло ее.

Между тем другие участники группы ушли далеко вперед, хотя Хелена и Макс шли не очень-то и медленно. Но в ходе разговора они часто останавливались и, таким образом, даже не заметив, оказались на определенном расстоянии от группы. В качестве следующего пункта экскурсии Хелена указала Молина-ди-Ледро, и до этого места каждый мог идти в комфортном для него темпе.

– Что возраст говорит о человеке? – вызывающе спросил Макс.

– Все, – ответила Хелена. – И ничего.

– Верно. Если бы мы не знали даты нашего рождения, что было типично для некоторых слоев населения в давние времена, многие вещи даже не обсуждались бы.

– Но все же есть разница, идет речь о годе или о десяти?

– Значит, вы думаете, что мне двадцать пять.

– В таком случае двадцать девять.

Макс широко улыбнулся.

– Тогда между нами одиннадцать лет разницы.

Хелена вздохнула.

– Значит, одиннадцать. В любом случае слишком много.

– Нет же, не много. Каждый этот год вел вас к той, кем вы сейчас являетесь.

Макс шел рядом с ней так близко, что их руки постоянно

соприкасались. Наконец, он взял ее за руку, посмотрел на нее и улыбнулся. Хелена вдруг почувствовала себя абсолютно беззаботной, как в детстве, когда она летом бегала с подружками на лужайке перед родительским домом.

У гостевого дома в Молине туристы опять собрались группой. По пути к этому месту Макс держал ее руку, а затем с таким заметным сожалением отпустил. При всей той нежности, которая между ними возникла, он следил за тем, чтобы не поставить под удар ее репутацию.

Хелена и Макс непринужденно сели за длинный деревянный стол со скатертью в красно-белую клетку. Вино и пиво были налиты, хлеб, сыр, масло и колбаса были поданы. Вскоре они снова стали частью веселой команды, которая вела беседы о преимуществах более позднего сезона для отдыха. Затем пришло время идти дальше.

От Молины было уже рукой подать до восточного берега озера Ледро.

– Вот мы и пришли к еще одному пункту нашей сегодняшней экскурсии, – сообщила Хелена. – Это озеро расположено на шестьсот метров выше, чем озеро Гарда; до строительства дороги, по которой мы сюда пришли, оно было изолировано от окрестностей. – Она немного напряглась. – Обратно мы отправимся по дороге, которая приведет нас в Риву через Ледроштрассе. Мы не будем больше проходить над водой.

– Я очень этому рад, – пошутил один из мужчин, – мне всегда очень сложно в ботинках ходить по воде!

Под громкий дружеский смех они направились обратно, перед водопадом Понале повернули налево и отправились по Поналештрассе в Риву.

– Вода в озере была прекрасного темно-голубого цвета, – сказал Макс Хелене, когда они настроились на определенный пеший ритм.

– Да, и такая чистая, – ответила Хелена. – Я уже несколько раз рисовала его.

– Вы рисуете?

– Живопись – это моя страсть. Зимой я собираюсь обработать некоторые сюжеты, которые набросала за последние несколько недель.

– Как вы к этому пришли?

– К живописи? Я несколько месяцев провела в санатории фон Гартунгена. Возможно, вы слышали о нем.

– Я думаю, каждый, кто отправляется в Риву, знает об этом месте, – сказал Макс. – В моем случае все же не слишком много. Там, если я не ошибаюсь, лечат нервные расстройства, не так ли?

– Да, но как бы там ни было, именно там я начала рисовать. И теперь не

могу остановиться. – Хелена развернулась к озеру. – Разве это не прекрасный вид, Макс? Там виднеется горная цепь Монте Бальдо и восточный Торболе вплоть до Мальчезине. Еще пара шагов – и перед нами откроется лучший вид на долину Сарка...

Она повернулась к нему и поняла, что он смотрит на нее, а не на ландшафт. В его глазах она увидела глубину, которая задела ее душу.

– Макс...

Он подошел к ней очень близко и положил руку на затылок. Потом наклонил голову и коснулся ее губ своими губами. На какое-то мгновение Макс обнял ее, прошелся губами по щеке, пока не дошел до чувствительного места за ухом. Затем он отпустил ее.

Хелена стояла неподвижно, она не знала, что делать. У нее в душе переплетались неведомые ей до настоящего момента чувства.

Молча они продолжили свой путь и, следуя за другими участниками группы, пришли в Риву.

Хелене было очень жаль, что этот день подошел к концу, она с удовольствием провела бы с Максом еще какое-то время. Это было то чувство, которое она воспринимала как фантазию, когда читала романы.

Тем не менее она приветливо попрощалась со всеми. В конце экскурсии к ней подошел мужчина, который утром плыл с ними в одной лодке и сказал:

– Благодарю вас за увлекательную экскурсию, госпожа Ротман. Я буду вас советовать знакомым. Хорошего вечера!

Хелена была рада слышать похвалу в свой адрес, но она заметила, что Макс рядом с ней словно застыл. Неужели на него так подействовало такое безобидное замечание? Когда они вскоре вдвоем шли через площадь Беначенсе, он опять казался раскованным. Разумеется, ей просто показалась его необычная реакция. День выдался очень насыщенный.

Глава 28

Штутгарт, конец октября 1903 года

– Очень красивая вещь, мадам. Желтое золото высокой пробы с темно-синим сапфиром украшено венком из четырнадцати бриллиантов в платиновом обрамлении. – Кредитор почтительно осмотрел кольцо Юдит со всех сторон и особое внимание уделил сверкающим камням. – По краям расположены бриллианты, с каждой стороны по три. – Он опустил лупу. – Я бы оценил это кольцо в 450 марок. Все камни аккуратно отшлифованы, сапфир размером 1,30 карата.

Он положил обручальное кольцо Юдит обратно в спичечный коробок, в котором девушка его принесла.

– Благодарю вас, – сказала Юдит, взяла коробок и положила обратно в сумочку. – Вы мне очень помогли.

Четыреста пятьдесят марок! Это приличная сумма, с ней уже можно что-то предпринять.

– Всегда рад помочь. Хорошего вам дня.

Юдит вышла из городского ломбарда на улицу; шел небольшой снег.

Она завязала пальто и поправила головной убор. В этом году зима пришла рано, и уже несколько дней было очень холодно.

Она быстро шла по Кальверштрассе. Дома, дороги, деревья и тротуар, по которому она шла, были покрыты глазурью из свежего снега. Девушка находила своеобразное удовольствие в том, чтобы разрушить эту совершенную идиллию, наступая на снег, оставляя отпечатки своей обуви и сметая каймой платья легкие снежинки.

Именно так она видела свою жизнь.

Со времени той ночи на балу в конце сентября и с учетом последующих событий она стала совсем другой. Много, что до недавнего времени для нее имело значение, – красивые платья, шляпы, украшения и другая ерунда – отошло на второй план. Вместо этого мысли девушки были заняты ее будущим, которое представлялось очень туманно, как, впрочем, и ее настроение.

Она шла по Кенигштрассе мимо дворца и резиденции принца. У банка она свернула на Бюксенштрассе и через два квартала уже была возле шоколадной фабрики.

Как обычно, она прошла через магазин, в котором было много покупателей, прекрасно зная, что продавщицы очень злились, когда она заносила грязный мокрый снег и осматривала витрины. В последнее время она не так часто была при деле.

Кто-то, возможно какая-нибудь из работниц, рассказал отцу о ее недомогании. Потому что хотя он и не спрашивал ее об обмороке в магазине, но очень осторожно вел себя с ней, разрешал оставаться на фабрике, если это совмещалось с ее обязанностями по дому и по уходу за братьями, и перестал требовать от нее какие-либо письма с извинениями, адресованные Альбрехту и его родителям.

Юдит была ему благодарна за это, хотя ситуация скорее напоминала затишье перед бурей. Потому что ее отец никогда не признавал себя побежденным.

Она не знала, что будет дальше. Полный надежды взгляд отца, когда она просила разрешения навестить свою подругу Доротеа фон Браун, был очень красноречив. Он, вероятно, считал ее очень упрямой и исходил из того, что она будет действовать в соответствии с его планами, как только здравый смысл усмирит ее детское поведение. Юдит остановилась на этом. Настоящие сражения были еще впереди.

А если у фон Браунов Юдит случайно встретит Альбрехта, на что надеялся ее отец и что, к счастью, могла предотвратить Доротеа, она почувствует, как он все еще обижен. Сын банкира время от времени предпринимал робкие попытки заговорить о помолвке, каждый раз рискуя получить отрицательный ответ. Она никак не могла это изменить.

Юдит поднялась в свой экспериментальный цех и переделалась. Только здесь в окружении отборных и необыкновенных ингредиентов для своих творений она была счастлива. Сегодня девушка собиралась еще поэкспериментировать над шоколадными плитками для автоматов, она хотела придумать что-то такое, что отличалось бы от обычной продукции. Это было непростое задание, ведь, чтобы длительное время и при различной температуре лежать в автомате, плитки должны были быть не слишком мягкими и не слишком чувствительными к нагреванию.

Вместе с Виктором они разработали для этого формочки с подходящими углублениями, которые вчера уже были готовы. Ей очень хотелось поработать с ними, и она с благодарностью отметила, что Виктор уже побывал здесь, так как некоторые ингредиенты, о которых она упоминала на днях, были аккуратно разложены у нее на рабочем столе. Он даже уголь в печку положил.

Его забота, а также его признание были ей очень приятны.

Юдит поставила томиться глазурь и осмотрела формы. Они должны быть абсолютно чистыми, иначе каждое, даже незначительное, известковое пятно или соринка будут видны на готовом продукте. Разливной ложкой она налила шоколад в форму, убрала появившиеся пузыри воздуха и

провернула форму, чтобы шоколад растекся. Несколько минут она подождала, вытерла образовавшиеся края шпателем и пошла в отдел декораций, чтобы ненадолго поставить свою заготовку в холодильную камеру. При этом в глаза ей бросился большой шедевр, над последними штрихами которого работали две девушки, – банкирский дом фон Брауна из сахара и шоколада.

При виде всего этого ей стало не по себе, однако, что касается непосредственно изделия, то работа была проделана невероятная.

Детали построенного несколько лет назад здания были четко переданы: симметрично выложенный фасад и структура стен, узкие высокие окна с треугольными фронтонами над ними, портик с тонкими колоннами перед входом.

Но зачем фон Брауны сделали такой заказ?

Размышляя на эту тему, она вернулась.

– Доброе утро, госпожа Ротман!

Когда она услышала голос Виктора, ее сердце успокоилось.

– Доброе утро, господин Райнбергер, – сказала она с улыбкой на лице, и, как и обычно в последнее время, их взгляды сплелись в доверительном потоке. Каждый раз, когда она встречала Виктора, в ее мир возвращались краски.

– Ну как продвигается работа над нашими плитками? – спросил Виктор, и Юдит была рада слышать, что он интересуется их совместным делом.

– У меня есть некоторые идеи, и я над ними работаю. – Юдит указала на свое рабочее место. – В особенности над вариантами начинки.

– У вас сегодня нет ничего вкусного для меня?

– Пока нет. Чуть позже.

– Буду иметь в виду, – улыбнулся Виктор.

– Надеюсь.

– У меня появилась одна идея. У вас не будет сегодня после обеда немного свободного времени? Я хотел бы вам кое-что показать. Нам придется уйти из фабрики примерно на час. Я знаю, что такая дерзкая просьба может быть неуместной...

– Я с удовольствием пойду с вами! – перебила его Юдит. – О чем идет речь?

– Правда? Я не хотел бы, чтобы из-за меня у вас возникли проблемы.

– Я... Нет, это мое решение, – ответила Юдит немного увереннее, чем она на самом деле чувствовала. Она быстро решила найти Тео и отправить его в Дегерлох, чтобы он привез Дору. Тогда они уйдут не сами, и все приличия будут соблюдены.

– Я хотел бы показать вам шоколадный автомат, – объяснил Виктор. – Если вы его увидите, особенно на стадии разработки, в которой он сейчас и находится, вам будет проще работать над плитками. Кроме того, – добавил он, – вы точно подкинете нам несколько хороших идей. А я не хочу их упускать.

– Если для вас так важно мое мнение, – польщенно ответила Юдит, ее голос немного дрожал от легкого волнения, – я буду очень рада увидеть этот автомат.

– Ваше мнение для меня очень важно, госпожа Ротман.

Их взгляды встретились. Какое-то время он смотрел на нее, и Юдит чувствовала, как невидимый кокон, уже несколько дней, даже несколько недель назад образовавшийся вокруг них двоих, набирает силу. Защитная шелковая оболочка, которая была доступна только им двоим.

Он сделал шаг к ней, и она опять заметила странные ощущения в животе.

Он коснулся ее руки, очень нежно большим пальцем погладил ее, прикоснувшись к каждому пальчику. Наконец он обнял ее и осторожно коснулся губами ее лба.

Юдит закрыла глаза и наслаждалась этой близостью, вдыхая его аромат. Он был таким приятным.

Девушка понимала, что очень ему нравится, но ей все еще было сложно справляться с противоречивыми чувствами в своей душе. Она пыталась как можно меньше думать о Максе, и чаще всего ей это удавалось, но все же раны еще были не залечены. Он исчез из ее жизни, но боль и позор остались. Девушка хотела бы, чтобы тех часов, проведенных в музыкальной комнате, никогда не было, но ничего нельзя было изменить.

Поэтому Юдит наслаждалась этой внутренней симфонией с Виктором, общение с ним изначально было легким и волнующим. И она не думала о том, что будет дальше. И он ничего от нее не ждал.

Юдит так мало знала о Викторе, о его происхождении и прошлом. Он жил у Эдгара Нольда, и вроде бы денег у него было немного. И пусть даже Виктор в последнее время занимал на фабрике ответственную должность, об этом можно было забыть, если бы отец догадался, что он ухаживает за его дочерью.

Тихо вздохнув, Юдит забрала свою руку. Не резко, а очень осторожно, но разочарование в его глазах она заметила. Вместе с тем она знала, что он ее понимает или хотя бы так же, как и она, рассуждает.

Кроме того, в ее жизни были проблемы, которые ей предстояло решить. Юдит все еще была зависима от решений своего всемогущего отца. И

одному Богу было известно, будет ли Виктор так же к ней привязан, если все о ней узнает. Она слишком мало его знала.

Виктор выпрямил плечи и откашлялся.

– Ну что, – сказал он, голос его звучал немного смущенно. – Подумаете о нашей затее, госпожа Ротман? Сегодня, примерно в три часа. И не забудьте мою сладость – пробу.

Он вышел из помещения, Юдит не могла не улыбаться, когда он пытался использовать швабские словечки, хотя абсолютно не говорил на этом диалекте. Конечно, она принесет ему пробу.

Тео забрал Дору и привез ее на Кальверштрассе. У ворот Юдит уже нетерпеливо ждала, когда же появится Виктор. Часы на башне недавно пробили три часа, а Виктор обычно отличался пунктуальностью.

– Возможно, что-то ему помешало, – предположила Дора и раскрыла зонтик, так как опять пошел снег.

– Вероятно.

Так оно и было, но Юдит почему-то беспокоилась. Это чувство было знакомо ей с детства, она часто испытывала его в канун дня рождения или Рождества. И ей показалось, что то, что она испытывала к Виктору, было больше, чем просто симпатия.

Опоздав на пятнадцать минут, Виктор спешил к воротам фабрики.

– Прошу прощения, – сразу сказал он, и Юдит заметила, что ему очень жаль, что он опоздал. – Я уже был практически у выхода, как вдруг отказала обжарочная машина. Досадно.

– Ну вот вы здесь, – сказала Юдит и ободряюще положила руку ему на плечо. – Мы уже думали, что что-то серьезное вас задержало.

Дора улыбнулась.

– Мне уже не терпится увидеть шоколадный автомат! – продолжила Юдит и сама заметила, что голос ее звучит слишком восторженно. – Кто знает, может, вы с ним покорите Америку!

Виктор засмеялся.

– Это только мечта, мне до нее еще очень далеко. Но тем не менее я буду знать, что вы в меня верите, госпожа Ротман.

– Вы тоже в меня очень верите, – тихо ответила Юдит.

Они отправились в путь.

– Обжарочная машина заработала? – Юдит старалась поддержать разговор, пока они шли мимо Постплатц и поворачивали на Мариенштрассе.

– Да, на данный момент мне удалось ее запустить, – ответил Виктор. – Но это только вопрос времени, пока на этой фабрике где-нибудь не

случится какая-нибудь серьезная поломка.

Юдит уловила нотки бессилия в его голосе.

– Вы не довольны работой у нас? – осторожно переспросила она.

– Да нет же, я очень доволен, – заверил Виктор. – Просто многие машины уже далеко не новые. Непонятно, почему их не заменят. Так было бы не только легче персоналу, но это также очень важно для будущего фирмы.

Он говорил, будто выступая перед судом, так показалось Юдит.

– Вы хотите сказать, что машины устарели? – уязвленно спросила она. – Я имею в виду действительно все? – быстро добавила она, чтобы смягчить свои слова.

– К сожалению, это так.

Виктор опустил руки в карманы и прижал их к телу. Было видно, что он замерз, и Юдит прониклась к нему заботой. Ей так хотелось взять его под руку и прижаться к нему, но это было невозможно. А вот о чем она позаботится, так это о теплой курточке и паре меховых перчаток для него. Она сделает это прямо завтра.

Виктор молчал, и Юдит больше не поднимала тему устаревшего оборудования.

– Нам еще долго идти? – спросила она.

– Нет, мы почти пришли.

Юдит повернулась к Доре, которая шла за ними на расстоянии нескольких шагов. Поймав взгляд Юдит, она многозначительно улыбнулась в ответ. Кажется, горничная догадалась, что между ними происходило.

Они перешли через Тюбингерплатц и вышли на Гауптштеттерштрассе.

– Вот мы и пришли, – наконец сказал Виктор.

Он открыл дверь, и они вошли в мастерскую. Юдит сложила зонт и отдала его Доре.

Затем она осмотрелась.

Помещение было ужасно неаккуратным. Доски, листы железа, стержни различной длины и прочие детали из материалов разного рода лежали кучами. Между ними стояли ящики со стеклом, листовой рессорой и кнопками, кабелями и прочими вещами, о которых она имела весьма смутное представление.

– Это Алоиз Эберле.

Виктор указал на пожилого мужчину, который орудовал у большого автомата.

Юдит его вежливо поприветствовала, но механик лишь слегка кивнул

ей.

– Как дела? – спросил Виктор.

– Мы улучшили механизм, – сказал Эберле и немного повернул автомат, чтобы лучше было видно техническое содержимое с открытой стороны.

Юдит почувствовала, как Дора дернула ее за руку, и присела на старый стул.

В этот момент в помещение вошел Эдгар Нольд с несколькими кисточками и тиглем в руках. Виктор говорил, что он разместился у Эберле вместе со своей печью для обжига и в квартиру на Зильбербургштрассе приходил только на ночь. Он выполнял эмалевые работы всех видов, которые хорошо продавались.

Когда Эдгар увидел, что Виктор привел гостей, он положил свои инструменты, присоединился к ним и похлопал друга по плечу. Кто знает, пронеслось у Юдит в голове, возможно, Виктор Райнбергер знаком и с Максом Эбингером? Это бы ее не удивило, потому что художник, в конце концов, входил в круг знакомых Макса.

Она прогнала эти мысли и сконцентрировалась на том, о чем говорили мужчины.

– А мы можем изменить размер? – поинтересовался Виктор, и Алоиз Эберле кивнул.

– В определенных пределах можем. Но я хотел бы предложить сделать две основные модели, большего и меньшего размеров. Есть такие помещения, где нет места для больших автоматов.

– Об этом я тоже уже думал, – согласился Виктор.

– Мы так и сделаем. Когда будет готова первая модель, – решил Виктор. – Посмотрите, госпожа Ротман, – продолжал он, явно стараясь вовлечь ее в разговор. – Этот прототип немного шире, чем обычные автоматы.

Юдит мало что понимала в механике, но внимательно слушала, как Виктор объяснял ей отдельные процессы. Когда он закончил и посмотрел на нее с гордой улыбкой, она не очень обогатилась знаниями, но была ему весьма признательна за доверие.

– Как скоро автомат будет готов? – спросила она.

– В принципе, скоро, – ответил он. – Изобретение не новое. Здесь речь идет о том, какими особенностями будут обладать наши автоматы и как мы их сможем производить, если необходимо будет большое количество.

– Для этого нам надо подумать о сотрудничестве с машиностроительными предприятиями, например с Эбингером, – заметил

Эдгар, и опасения Юдит подтвердились.

Невозможно было представить, чтобы старик Эбингер занимался шоколадными автоматами вместе с шоколадной фабрикой Ротмана. Ей нужно обязательно рассказать Виктору о взаимной враждебности двух предпринимателей. Или ей не стоит обращать на это внимания? Старик Эбингер все же позволил ее отцу объявить о помолвке в своем доме. Но, как справедливо заметил Макс: ради хороших отношений с влиятельным банкиром Штутгарта люди сделают все, даже если для этого придется поступиться своим упрямством.

Она еще раз посмотрела на большой аппарат.

– А что вы думаете об игре в карты? – вдруг спросила она.

– Вы хотите сыграть в карты? Прямо сейчас? – Виктор замялся.

Эдгар Нольд посмотрел на нее, Алоиз Эберле покачал головой. Было понятно, что она сказала это не всерьез.

– Я, собственно говоря, имела в виду колоду карт в шоколаде для автоматов, – она объяснила свою спонтанную идею.

Виктор улыбнулся.

– Это неплохая идея. Это можно сделать. Всем же известны сборники, которые прилагает к своим шоколадкам Штольверк?

– Да, конечно. Мои братья тоже их собирают в альбомах, которые издает Штольверк.

– Мы будем вкладывать карты как элементы для коллекционирования.

– Точно! Таким образом, при регулярных покупках можно будет собрать всю колоду. И, скажем, в каждой двадцатой плитке будет джокер. Его можно будет отправить на шоколадную фабрику «Ротман» в Штутгарте и получить подарок. – Юдит была в своей стихии, и Виктор проникался к ней все большим уважением.

– Лучше всего, если вы будете дарить шоколадные плитки! – пошутил Эдгар, и Юдит засмеялась.

Виктор улыбнулся. Алоиз Эберле, напротив, пошел к верстаку и вел себя так, будто не следит за их разговором.

– Но, – отметила Юдит, – одной карточной колоды будет недостаточно. Когда я думаю о Карле и Антоне, то понимаю, что они засунули бы все свои деньги в автомат, который делает что-то особенное. Шоколад для них уже не важен.

– Правильно. Может, сделать так, чтобы в течение минуты вокруг ездил маленький поезд, – предложил Эдгар. – А в вагонах будут перевозиться плитки шоколада.

– Или чтобы раздавался колокольный звон, – сказала Юдит.

– Любой шум всегда привлекает внимание, – согласился Виктор. – А что вы скажете, – продолжил он, – если шоколад в отдел для выдачи будет опускаться сказочная фигура? Например, госпожа Метелица, которая пускает густой снег. Или ведьма из «Гензеля и Гретель», которая заманивает детей.

– Ой, как жутко, – сказала Юдит.

– Можно также сделать автоматы совсем другой формы, – вдохновился Эдгар.

– Тоже хороший вариант. Как насчет коровы? – подхватила идею Юдит.

– Почему корова? – поинтересовался Эдгар.

– Из-за сухого молока. Молочный шоколад очень популярен.

– Это логично, – заметил Виктор. – Значит, корова.

– Тогда я нарисую ее как можно естественнее, – предложил Эдгар.

– Нет, не нужно рисовать в соответствии с оригиналом. Это должна быть Ротман-корова в розовых и коричневых цветах! – воспротивилась Юдит.

– Или мы возьмем экзотическое животное, например слона, – предложил Виктор. – Его тоже можно легко воссоздать. Только представьте: шоколадный слон Ротмана цвета фирмы.

– Идея со слоном мне тоже очень нравится, – сказала Юдит и вспомнила слона из зоопарка Нила. – Это даже лучше, чем вариант с коровой. Слоны больше бросаются в глаза!

– Хорошо, тогда я сделаю маленькую модель из дерева, – сказал Эдгар.

– Сделай, – одобрил Виктор и обратился к Юдит: – Из этого может получиться нечто грандиозное, госпожа Ротман. Думаете, ваш отец согласится инвестировать средства в эти идеи?

– Вы имеете в виду, что нам нужны деньги?

– Да, для того, что мы планируем, нужны деньги. Первые автоматы мы построим за свой счет. Если мы хотим, чтобы за стеклом что-то происходило, это будет еще дороже. Кроме того, необходимо оборудование для изготовления подходящих плиток шоколада. Интересно было бы на самом деле предложить элементы для коллекционирования с экзотическими животными и странами, откуда они родом. Все это дорого. Но если правильно организовать продажу, то можно быстро выйти на тот уровень, который принесет больше денег, чем было вложено.

– А автоматы будут продаваться? – спросила Юдит.

– Да. Владельцы магазинов и гостевых домов будут приобретать автоматы и заказывать у нас шоколадные плитки. Они тоже будут зарабатывать на продаже. И у них будет нечто интересное, что будет

привлекать клиентов.

– Я спрошу отца. Деньги он держит под надежным замком.

– Ваш отец предприниматель. Если нам удастся его убедить в получении финансовой выгоды, возможно, он изменит свое мнение, – объяснил Виктор и задумался. – Однако вопрос в том, есть ли у него деньги. – Это замечание вырвалось у него непроизвольно, и он быстро прикусил язык.

Юдит решила при первой же возможности поговорить с ним на эту тему. Может, у ее отца и правда финансовые трудности? Она никогда даже не думала, что такое может быть.

– Ну что же, – добавил Виктор, опуская тему финансирования, – думаю, мы не зря здесь сегодня собрались. Каждый из нас займется своим заданием, а через неделю мы утвердим следующий порядок действий. Я могу на вас рассчитывать, господин Эберле?

Алоиз Эберле что-то пробормотал, что при большом желании можно было расценивать как согласие, и Виктор остался доволен.

Они попрощались с Алоизом Эберле и Эдгаром и вместе с Дорой отправились обратно. Когда они пришли к воротам фабрики «Ротман», Тео уже стоял на обочине. Дора пошла вперед, обмолвилась с ним парой слов и села в повозку. Все еще шел снег.

Виктор посмотрел на Юдит.

Его взгляд приводил в движение бабочек у нее в животе, и ей нравилось ощущать, как они танцуют, словно густые снежинки, в огромном количестве спускающиеся на землю.

Прежде чем уйти, Юдит достала из сумочки маленький бумажный пакетик.

– У меня для вас что-то есть.

С дразнящей улыбкой она протянула его Виктору.

– Проба!

Юдит развернулась, подошла к повозке и села в нее.

Глава 29

В банкирском доме фон Брауна

– Я уверяю вас, моя дочь будет для вашего сына замечательной женой. Она просто еще молода.

– Ей двадцать один год, господин Ротман. В таком возрасте уже пора знать, как следует себя вести. И сдерживаться.

Вильгельм Ротман внимательно смотрел на банкира фон Брауна, который, подобно князю, восседал за широким письменным столом, доставая козырь за козырем. Ротман вынужден был признаться, что никогда не допустил бы этого, если бы не оказался на месте просителя, а так ему приходилось демонстрировать самообладание, чтобы сохранить лицо. В течение нескольких недель он регулярно приходил на поклон, чтобы загладить бестактность Юдит.

– Она еще научится манерам. Нужно принять во внимание, что ее мать вот уже несколько месяцев отсутствует и ей не хватает спокойного женского влияния.

– Может быть. Но это никак не может быть объяснением того, что она так опозорила моего сына.

– Разумеется, этому нет оправдания. Я ей уже это объяснил. Ваш сын вправе наказать ее за такое поведение, как только она будет под его покровительством.

– Надеюсь, он так и сделает. Иначе она веревки из него будет вить.

Вильгельм Ротман еле сдержал смех, хотя ему было не до веселья. Но мысль о том, что Альбрехт после женитьбы на Юдит как-то оживет, повеселила его.

– И это обстоятельство с ее матерью, с вашей супругой, господин Ротман, – беспощадно продолжал фон Браун. – В этом отношении меня тоже терзают сомнения. Что, если ваша дочь проявит подобные манеры?

Это замечание было серьезным уколом для Вильгельма Ротмана.

Хелена была его болевой точкой. Она давно пошатнула его самооценку. Вначале он ей всячески потакал, затем он вынужден был констатировать, что женитьба – это сделка, а не любовь. А на сегодняшний день она вообще уехала подальше от собственной семьи и предпочитает жить в санатории, а не с ним. Но он не был мужчиной, который давал волю своим чувствам. Не зря же он славился своей железной дисциплиной. Во всех смыслах.

На первом месте для него в настоящий момент было его финансовое положение. И чтобы решить свою проблему, он должен был освободить

Юдит от ее неосуществимых мечтаний. Поэтому сейчас он должен был молча согласиться с банкиром относительно того, что она ведет себя как подросток.

Банкир смотрел на него сквозь свои круглые в золотой оправе очки. Вильгельм Ротман знал, что фон Браун так же безошибочно лавировал, как и он сам, поэтому он расправил грудь, чтобы в этой битве больше не подвергаться критике. Для него на кону стояло все. И фон Браун знал об этом. Ему очень повезло, что этот Альбрехт был так глуп, что, как и прежде, настаивал на женитьбе с женщиной, при всех его опозорившей.

– Юдит замечательная девушка, – сказал он после непродолжительной паузы. – И как раз из-за отсутствия матери на нее в столь юные годы легла такая ответственность. Она воспитывает своих братьев и замечательно ведет домашнее хозяйство. Поэтому она принесет этот опыт и в собственную семью.

– Ну, хорошо. Я буду с вами откровенен. Если бы Альбрехт не был так влюблен в вашу дочь, я бы немедленно отменил эту помолвку. Но он даже слушать об этом ничего не хочет. Поэтому я дам этой ситуации еще один шанс.

– Юдит сумеет им воспользоваться, в этом я вас уверяю. Ей просто нужно немного времени, об этом я вас и прошу. А пока я должен передать вам от нее приветствие и подарок, который она создала для банкирского дома фон Браун.

Он подошел к двери и велел войти двум парням, которые принесли большой пакет.

– Где это можно поставить? – спросил он банкира.

Последний был заметно удивлен и не понимал, что это может быть. Он небрежно указал на стол у стены.

Вильгельм Ротман велел парням поставить пакет и выйти, а сам театральным жестом открыл подарок.

При этом он внимательно наблюдал за реакцией фон Брауна.

Фон Браун сначала старался казаться равнодушным, но Вильгельм Ротман заметил, насколько его собеседник был впечатлен, когда узнал свой банкирский дом, потрясающе увековеченный в шоколаде и карамельной массе.

– Черт возьми! – сказал фон Браун.

Вильгельм Ротман был очень доволен. Этот ход ему удался. Банкир встал, чтобы поближе рассмотреть этот шедевр.

– Это можно есть?

– Это задумано как декорация и покрыто шеллаком, чтобы он долгое

время оставался презентабельным.

– Его нужно поставить под стекло. Я велю установить его в вестибюле.

– Выберите прохладное затененное место. Летом его лучше поставить в подвал. По крайней мере, в особенно жаркие дни.

Вильгельм Ротман наслаждался возвышенным чувством гордости от того, что смог справиться с сопротивлением фон Брауна, затем он достал из внутреннего кармана своего пиджака письмо и передал его банкиру.

Тот вопросительно на него посмотрел.

– Личное письмо от моей дочери, – объяснил Вильгельм Ротман с умеренным пафосом в голосе. – Думаю, все недоразумения будут устранены.

В мыслях он пел хвалебную оду Маргарет. Она идеально подделала почерк Юдит.

Фон Браун взял конверт, положил его на письменный стол и присел.

– Перейдем к делу, господин Ротман, – сказал он без церемоний как настоящий финансовый аристократ. – Вы получите кредит в размере 30000 марок двумя долями. Первая доля в размере 10000 марок поступит до 30 ноября, вторая – в день свадьбы Альбрехта и вашей дочери. Кредит вы получите под обычную процентную ставку. Я составлю соответствующий договор.

– Благодарю.

У Вильгельма Ротмана камень с души свалился, но нельзя было сказать, что он абсолютно доволен. Ввиду будущих родственных отношений он рассчитывал на более выгодные условия. Но такую услугу фон Браун ему не оказал; было очевидно, что это наказание за оплошность Юдит. Вильгельм Ротман не знал, на кого ему больше сердиться – на банкира или на свою дочь.

– Кроме того, я вам предоставляю внеочередное единовременное пособие в размере десяти тысяч марок, – добавил фон Браун. – Беспроцентно. При одном условии.

Вильгельм Ротман насторожился:

– При каком?

– По истечении трех лет со дня свадьбы 29 января 1904 года вы примете Альбрехта в правление вашей шоколадной фабрики. В качестве вашего заместителя.

Вильгельм Ротман был ошарашен:

– Разве Альбрехт не унаследует банкирский дом?

– Нет.

– По какой причине?

– Мои причины не должны вас интересовать, – холодно ответил фон Браун. – Скажем так, это ради более тесного союза наших семей.

– Мне нужно время, чтобы обдумать ваше предложение. Сегодня 27 октября. Через две недели я дам вам ответ. Это условие не касается кредита под проценты, я так думаю?

– Нет.

– Я дам знать. Хорошего дня.

– Вам тоже.

Терпению Вильгельма Ротмана пришел конец, когда он вышел из банкирского дома. Он велел Тео везти его на шоколадную фабрику, так как хотел немедленно проверить состояние своих долгов, чтобы решить, нужно ли ему это «внеочередное единовременное пособие», как фон Браун обозначил свое предложение.

Беспроцентный кредит был заманчив, и банкир знал об этом. Но требовать взамен принять Альбрехта в правление – это был шантаж, а не часть сделки. Собственно говоря, он видел Юдит обеспеченной супругой банкира и поэтому не думал о мужчине, за которого ей для этого нужно было выйти замуж. А теперь он всерьез задался вопросом, почему фон Браун не хотел видеть собственного сына в своей фирме.

Глава 30

Ресторация «Цур Гардештубе» в Берлине, конец октября 1903 года

Пауль Рокс обладал особым талантом: он тонко чувствовал хитрые дела и расследовал их по собственному методу.

В связи с этим он провел последние недели, занимаясь слежкой за неверным мужем одной влиятельной берлинской матроны с целью раскрыть его роман. Все, к счастью, закончилось тем, что не только женщина хорошо заплатила ему за услуги, но и изменник – за молчание. Так Рокс заработал на них двоих. Он не видел в этом ничего непристойного, он вернул женщине душевное спокойствие, сообщив ей, что ее муж всего лишь предавался игре. Неверный муж, таким образом, сохранил свое лицо и мир в семье, пока в ближайшем будущем он не попадет в руки очередной молодой особы. Разговорчивой любовнице он порекомендовал нового покровителя, и даже этот дал ему вознаграждение.

Рокс был очень доволен.

Все же это дело отняло у него время и затянуло завершение еще одного двойного заказа, за который ему нужно было срочно взяться: дело Виктора Райнбергера.

Вчера к нему опять приходил отец молодого человека и настойчиво требовал предоставить результаты расследования. И хотя Роксу всегда легко удавалось всех утешать, он понял, что на этот раз его метод исчерпал себя.

Сегодня днем у него по этому поводу была назначена встреча с Максимилианом Гарденом, одним ушлым журналистом, с которым он несколько недель назад связался и попросил помочь получить информацию. И он очень ждал этой встречи, чтобы выяснить, действительно ли Гарден принесет ему важную информацию, которая поможет быстрее разобраться в деле Райнбергера.

Гарден назначил встречу в ресторации «Цур Гардештубе» в Кёпеник [10], перед которой Рокс сейчас и находился. Он посмотрел на вывеску, снял шапку и зашел в маленький зал.

Он сразу узнал публициста по его густым черным волосам и раздраженному выражению лица. Гарден сидел за угловым столом, перед ним стояла кружка пива, он читал газету. Как только Рокс к нему приблизился, Гарден спросил:

– Пауль Рокс?

Рокс кивнул.

У него самого рыжая шевелюра была особой приметой, которая

случайным образом соотносилась с французской фамилией его отца. Лицо у него было довольно заурядным, так что его редко узнавали, как только он надевал шапку. Эта анонимность была главным условием его профессии, которая часто требовала способности сливаться с окружающими.

– Присаживайтесь, Рокс.

Гарден указал ему на свободный стул за столом. Заведение пользовалось спросом, и запах еды напомнил Роксу о пустом желудке.

Он присел, заказал «Берлинер Киндл»^[11] и картофельный суп. Гарден решил взять айсбайн^[12] с гороховым пюре и картофелем.

– Так, значит, вы ищете информацию о бывшем заключенном Викторе Райнберgere. – Гарден достал скомканный листок бумаги. – Я думаю, у меня есть интересная информация по этому поводу.

Рокс узнал свой собственный почерк. Он коротко изложил Гардену свою просьбу в письменном виде.

– Очень хорошо, я надеялся на это.

Максимилиан Гарден ловко отделял нежное мясо от кости.

– Нужно было всего лишь надавить в нужных местах, – рассудительно отметил он. – У господ из высшего общества всего можно добиться шантажом.

– Вы правы, – согласился Рокс.

– Но прежде чем я передам вам документ с важной информацией, Рокс, давайте поговорим о встречной услуге с вашей стороны.

– Как и было оговорено, я предлагаю вам 200 марок. Половину вы получите сразу, а вторую часть – когда я выясню, что полученная информация является достоверной.

– Этого недостаточно, – возразил Гарден. – Все же речь идет об именах, которые не так просто было добыть.

– Что вы хотите этим сказать?

– Речь идет не о деньгах. Тут я принимаю ваше предложение. Для меня намного важнее, чтобы вы поддержали меня в моем расследовании. – Гарден сделал большой глоток пива.

Рокс был зол. Больше всего он ненавидел зависимость.

– Какое расследование вы имеете в виду? – резко спросил он.

Максимилиан Гарден вытер тыльной стороной ладони пену с губ. Этот некультурный жест абсолютно не сочетался с образом в целом изящного журналиста.

– Группа влиятельных мужчин в непосредственном окружении кайзера допускает определенные проступки согласно параграфу 175 уголовного

кодекса Германии. – Он доверительно понизил голос. – Это опасно для страны, Рокс. Представьте себе, кайзер находится под влиянием группы педерастов. Злые языки утверждают, что ему самому не чужд этот порок. В любом случае эту придворную клику необходимо искоренить и вменить соответствующее наказание.

Рокс опустил ложку.

– Вы хотите сказать, что мне придется вести расследование при дворе?

– Не совсем. Но у меня есть некоторые задания, которые необходимо выполнить в Либенбергском дворце в Уккермарке^[13]. И я хотел бы поручить их вам.

– В резиденции князя цу Эйленбурга? – спросил Рокс.

– Точно. Во время охоты вы присоединитесь к ним в качестве погонщика, завяжете знакомства и соберете информацию.

– О педерастах?

Гарден улыбнулся.

– Ну, если вам так будет угодно. Мне нужно составить неопровержимый очерк о деятельности отдельных лиц, которые бывают в Либенбергском дворце. Кроме князя, есть еще и другие, чья ориентация неоднозначна.

Рокс задумался.

В том, что мужчины развлекаются с себе подобными, не было ничего нового, и, собственно говоря, ему до этого не было никакого дела. Пусть делают что хотят и с кем хотят. Но все же такие наклонности являются хорошим поводом для шантажа, что опять-таки принесло ему такое интересное поручение. Следовательно, копаться в наивысшем обществе было очень прибыльным делом.

– Ну хорошо, – сказал Рокс, – если это ваше условие за вашу любезность, Гарден, в нужное время я буду в вашем распоряжении. Но сначала мне нужно разобраться с одним делом.

– Конечно, конечно. Выполняйте свой заказ. Я свяжусь с вами при первом же удобном случае, – сказал Гарден, явно довольный результатом разговора.

– Тогда где же оговоренный документ? – намекнул Рокс.

Гарден кивнул. Он отложил приборы в сторону, достал из кожаного портфеля толстый конверт и протянул его Роксу.

– Вот. Список заключенных в Эренбraitштайне с октября 1902 по январь 1903 года.

Рокс присвистнул.

– Мое почтение, Гарден! – Он взял документ. – Я даже не рассчитывал

на полный список. Я думал, это будет пара указаний, к кому можно обратиться, чтобы узнать нужные фамилии. Этим, – он поднял конверт, – вы освободили меня от большой работы.

У Гардена было довольное выражение лица, и Рокс, в свою очередь, протянул ему конверт.

– Оплата.

Гарден спрятал конверт.

– Оплата состоит в вашем мастерстве и времени, которые вы мне вскоре предоставите. – Он протянул руку Роксу.

Тот немного замешкался:

– Не более шести недель, Гарден.

Публицист кивнул:

– Этого будет достаточно.

Рокс ушел.

В тот же день Пауль Рокс начал анализировать список и разрабатывать разумную стратегию.

В конце концов, он написал своим заказчиком.

Глава 31

Рива, последние дни октября 1903 года

Макс стоял на маленьком балконе своего номера и смотрел на озеро Гарда, лазурь которого с первыми осенними днями стала глубже и в то же время мягче. К темной зелени, украшающей скалистые склоны гор, добавились оттенки красного и охры, а в лучах заходящего солнца все краски казались полнее и насыщеннее.

Было такое ощущение, что осень на озере Гарда завершила летний этап изобилия и перевела его в этап созревания новых видов без намека на холодную долгую зиму, как это было севернее Альп. Здесь жизнь сохраняла свой в меру веселый нрав.

Макс облокотился на балконные перила из кованого металла с завитками.

Если бы только его жизнь была такой же беззаботной. Но с момента той экскурсии к водопаду Понале и в долину Ледро две недели назад у него было чувство, будто стеклянная стена отделила его от всего мира. Все воспринималось приглушенным, отягощенным и необычно тяжелым.

Хелена. Госпожа Ротман.

Как только он понял, когда незнакомец в конце такого изумительного дня, не придавая особого значения, сказал прощальную фразу, что Хелена мать Юдит Ротман, в нем что-то пошатнулось. Именно его, циника, который ни в чем не знал отказа, который наслаждался женщинами как бокалом вина и невозмутимо двигался дальше, одолели муки совести.

С тех пор он был не в ладах с собой.

Она не узнала его, в то время как он теперь знал, кто она. По непонятным причинам семьи Эбингер и Ротман испытывали друг к другу мало симпатии. Поэтому в Штутгарте они старались избегать друг друга, к тому же всем было известно, что у нее были больные нервы и по этой причине она часто уезжала на лечение. Именно поэтому она крайне редко принимала участие в светских мероприятиях. А сам он видел ее в последний раз, наверное, лет десять назад, точнее вспомнить он не мог. Не удивительно, что, встретившись сейчас в Риве, они не узнали друг друга.

Макс оттолкнулся от перил и пошел в комнату.

На его прикроватной тумбочке стояла наполовину пустая бутылка красного вина, и Макс налил себе бокал. Пока он подносил бокал ко рту, его взгляд упал на наполовину собранный чемодан. Он усмехнулся. Этот натюрморт наглядно демонстрировал, что у него в данный момент было на душе.

Потому что под действием первого импульса, днем, сразу после того неприятного случая у причала, Макс почувствовал необходимость как можно быстрее уехать и следовать своему изначальному плану, согласно которому он был намерен изучать архитектуру в Италии. Он узнал расписание поездов в южном направлении и начал собирать вещи.

Но когда Макс, наконец, встал перед своими чемоданами с расписанием поездов в руке, ему показалось, что какая-то невидимая нить удерживает его в Риве.

Он позволил всему идти своим чередом. По вечерам он регулярно позволял себе пару бокалов красного вина, чтобы потом крепко спать. Утро он проводил в своей кровати, вставал ближе к обеду и немного гулял по Риве. Чаще всего он при этом покупал газету и возвращался на свой маленький балкон, чтобы почитать в тишине.

Лишь один раз он встретил Хелену в городе. Мельком. Она вопросительно посмотрела на него, и это задело его за живое. Она опять пробудила те события, которые все так усложняли.

Ему все еще было не по себе, когда он вспоминал о той ночи с Юдит в музыкальной комнате. Многие вещи привели тогда к этому злосчастному слиянию – шоковое состояние и мрачный фатализм, – которые в совокупности с несколькими бокалами шампанского замаскировали действительность. Однако оправдания его поступку не было. Из них двоих опытом обладал он, поэтому именно он должен был взять себя в руки, когда от девушки не последовало решительного отказа. И вместо того чтобы понести ответственность, он поспешно уехал, вернее, трусливо сбежал.

Макс выпил бокал до дна и некоторое время в нерешительности стоял в комнате. Затем он собрался с духом. Рано или поздно он должен был принять решение. Почему бы не сегодня?

Солнце близилось к закату. Он решил рассказать Хелене правду. Несмотря на то, что это было невероятно сложно. Эта ситуация была просто абсурдной.

Сначала он основательно выбрился и оделся в свежий костюм. Затем он надел соломенную шляпу и отправился в Виа Санта Мария. Во время совместной экскурсии Хелена упоминала, что снимает там комнату.

Рива – небольшой город, но Макс так нервничал, что дважды сделал большой крюк, прежде чем оказался перед узким высоким домом, который он искал. Медленно его взгляд поднялся на фасад. Затем он взял волю в кулак и позвонил.

Открыла ему пожилая женщина.

– О, месье, комната уже сдана. Мне очень жаль, но вам придется поискать в другом месте, – сказала она.

Он любезно улыбнулся:

– Мадам, я здесь не из-за комнаты, я слышал, что здесь живет Хелена Ротман.

Сразу же на лице женщины появилось подозрение.

– Что вам угодно от госпожи Ротман?

– Я ее кузен, и я здесь проездом по пути в Италию, – он быстро сориентировался. – У меня есть информация для нее от моей матери. Было бы очень любезно с вашей стороны, если бы госпожа Ротман смогла ненадолго спуститься.

– Так, значит, вы кузен. – По голосу женщины было слышно, что он не очень-то убедил ее, но Макс продолжал источать свое обаяние, пока она, тяжело дыша, не открыла дверь шире. – Ну, ладно. Подождите здесь. Я скажу ей.

Те несколько минут, пока он не услышал шаги Хелены на лестнице, показались ему вечностью. Когда Хелена оказалась напротив него, он не мог сказать ни слова.

– Макс? – удивленно спросила она.

– Хелена, я... – Он нервно провел рукой по темной шевелюре. – Это... Я не знаю, что вы обо мне подумаете, но...

Он покачал головой. Не так. Не здесь и не сейчас. Он просто не мог подобрать нужные слова. Кроме того, он боялся, что хозяйка квартиры Хелены все услышит.

– Что я, по-вашему, должна о вас подумать? – нежно произнесла Хелена, пытаясь ему помочь.

Он смотрел то вниз, то вверх. Он был не готов. Все происходящее вдруг показалось ему абсолютно нереальным. Сначала он сам в своей душе должен был в какой-то мере разобраться с этой ситуацией с Юдит.

– Вы не хотели бы со мной поужинать? – наконец сказал он вместо этого.

Она улыбнулась. Сначала сдержанно, затем с очаровательным блеском в глазах, который опять в мгновение ока вскружил ему голову.

– Да, с удовольствием! Подождите минуточку, пожалуйста. Я возьму свои вещи.

Пока она опять поднималась в свою комнатку, Макс прислонился к прохладной стене и с облегчением вздохнул. Она не выставила его сразу же за дверь, хотя после его заигрываний во время экскурсии он просто больше не показывался ей на глаза. У него появилась возможность все

исправить.

Позже, когда в гостинице «Централь» им подали очень нежную форель из озера Гарда, Макс попросил у нее прощения за долгое молчание. Он особо ничего не объяснял, а она не давила на него. Вместо этого она рассказывала о некоторых картинах, которые нарисовала, и о своих планах относительно выставки следующей весной.

– Я помогу вам, – неожиданно предложил Макс.

– Вы мне поможете? – радостно переспросила она, но затем задумалась. – А вы до этого времени будете здесь? Вы же собирались уезжать?

– До весны я в любом случае останусь в Риве. Вашу выставку я не пропущу!

По ее улыбке он понял, как она была этому рада.

И когда он поймал себя на том, что, улыбаясь, пьет белое вино, то понял, что и сам этому рад. Она необычайная женщина.

В конце этого вечера он проводил ее домой.

– Спасибо, Хелена, – тихо сказал он и обнял ее.

Она оставалась сдержанной, но не уклонялась от него.

– Вы даже не представляете, что для меня значат эти часы, проведенные с вами. – Он нежно поцеловал ее в лоб.

Хелена взяла его за руку и пожала ее.

– Доброй ночи.

Макс подождал, пока она открыла дверь и вошла в дом, затем, радостно насвистывая, вернулся в гостиницу. По дороге в его голове вырисовался особенный подарок для нее.

Глава 32

Вилла Ротмана, начало ноября 1903 года

Вильгельм Ротман держал в руках телеграмму и в шоковом состоянии смотрел на нее. Снова и снова он перечитывал строчки, постоянно качая головой.

Не приеду. Погода плохая. Нет поездов. Хелена.

Чего-то подобного он опасался, после того как к заданному сроку жена не прибыла в Штутгарт. В прошлую пятницу Тео несколько часов прождал Хелену на вокзале и, в конце концов, безрезультатно вернулся в Дегерлох. Ему было неприятно докладывать об этом, у Вильгельма Ротмана озноб прошел по спине – настолько большим было для него унижение. Поведение Хелены было крайне неприемлемым.

Вильгельм должен был быть готовым к этому, потому что после того как отправил ей билеты в обратную сторону, он получил лишь короткое письмо от нее, в котором шла речь о ее все еще нестабильном душевном состоянии. Все же Вильгельм исходил из того, что она последует его четким требованиям, наконец, он объявил о прекращении денежных переводов. Как же она собиралась обходиться там без финансовых средств?

А теперь еще эта телеграмма.

Допустим. В страну в этом году пришла ранняя зима. Целыми днями шел густой снег, который лежал белым покрывалом высотой в метр. Роберт и Тео еле успевали расчищать дороги и проезды. Улицы убирали с помощью снегоочистителей: в деревянные плуги запрягали лошадей.

Впрочем, за сообщением Хелены скрывалось что-то кроме задержки из-за исключительно погодных условий. Она не подчинилась ему. Если бы она написала: «Приеду позже» или «Пока не приеду» – смысл был бы совершенно другим.

Он должен был теперь настойчиво объяснить ей, что он не будет больше терпеть такое поведение. Лучше всего было бы поехать прямо в Риву и лично сопроводить ее домой. Но нестабильное положение шоколадной фабрики и деликатные вопросы, касающиеся помолвки, требовали его присутствия. Поэтому он сначала прекратил осуществлять денежные переводы. Возможно, этого будет достаточно, чтобы вернуть ее домой.

Вильгельм Ротман глубоко вздохнул.

Создавалось такое впечатление, что в последнее время на него обрушился всемирный потоп трудностей, так же как и зима обрушилась на

Штутгарт. Так больше не могло – и не будет! – продолжаться. В конце концов, он был уважаемым человеком в городе!

В дверь постучали.

Вильгельм Ротман отложил телеграмму в сторону и встал. Он чувствовал боль в голове и в спине, ему хотелось, чтобы Маргарет сделала ему массаж, но прежде еще предстояло поговорить с будущим зятем.

Бабетта открыла дверь,пустила гостя и с тихим треском закрыла ее.

– Добрый день, господин Ротман, – поздоровался Альбрехт фон Браун с присущей ему монотонной интонацией.

– Добрый день, Альбрехт, замечательно, что вам удалось приехать. Присаживайтесь. – Он указал на диван. – Сигару?

Альбрехт кивнул. Они закурили сигары и несколько мгновений выдыхали в воздух серо-голубой дым. Затем Ротман перешел к делу:

– Альбрехт, вы же знаете, как я ценю вас. Для меня очень важно в ходе подготовки к свадьбе обсудить несколько моментов.

– Это в моих интересах, – с долей надменности констатировал Альбрехт, что разозлило Вильгельма Ротмана.

– Юдит как раз в полной мере готовится к своей новой роли, – объяснил он в надежде, что его голос звучал достаточно убедительно. – Она очень активная, поэтому ей потребуется немного больше времени, чем женщинам со степенным характером.

Альбрехт улыбнулся.

– Я это уже заметил, – снисходительно сказал он. – Если она ко дню свадьбы проявит требуемые качества, меня это устраивает. – Он заговорщицки подмигнул Ротману. – Я полностью полагаюсь на ваш отцовский авторитет.

– На это вы можете положиться, – заверил его Ротман, затянулся сигарой и искусно выдержал паузу. – Как вы планируете обустроить вашу совместную жизнь?

Неуверенная улыбка появилась на бледном лице его собеседника.

– Она будет жить в комфортных условиях.

– Ваш отец намекнул, что передает вам городскую виллу.

– Так и есть. Там будет достаточно места для большой толпы внуков. – Альбрехт фон Браун опять ему подмигнул.

Ротман пропустил мимо ушей показавшееся ему колким замечание.

– Скажите, когда же вы планируете заняться делами банкирского дома вашего отца? Он уже вводит вас в дело?

Этот вопрос он детально продумал, хотя заранее знал ответ. Его все же интересовала реакция молодого человека, поэтому он пристально

наблюдал за Альбрехтом фон Брауном.

Его щеки сразу же покраснели от стыда.

– Эм, да. Я там регулярно работаю, – уклончиво объяснил он.

– А чем вы там занимаетесь? – переспросил Ротман.

– Я... э-э... веду расчеты.

– Ага. Ваш отец, наверное, часто привлекает вас к принятию важных решений и ведению переговоров, не так ли?

– Время от времени. Конечно!

Было заметно, что Альбрехту фон Брауну неприятен этот допрос. Вильгельм Ротман заметил, как тот начал потеть и все время поправлял свой воротник, будто он был слишком туго застегнут.

– Это очень ответственное задание – управлять таким успешным банком, – заметил Ротман.

– Мой отец пребывает в полном здравии, – сказал Альбрехт, и его голос звучал несколько своенравно. – Нет никаких причин обсуждать преемников.

Ротман остановился на этом. Было очевидно, что Альбрехт фон Браун был не в курсе, как расценивается его должность в банкирском доме. Следовало предположить, что от него в настоящий момент избавляются, а позже, когда наступит время, он получит большую компенсацию за отказ от наследства.

Хотя это и являлось каплей дегтя в его планах, у него не было другого выбора.

– Вы сможете обеспечить семью, – в конце концов, подытожил Ротман. – А это самое главное.

– В этом нет никаких сомнений! – с волнением сказал Альбрехт и положил сигару, чтобы она потухла. – Я надеюсь, вам не нужно убеждаться в этом лично.

– Когда у вас будет дочь, Альбрехт, тогда вы меня поймете, – дипломатично сказал Ротман, и в глубине души он был рад, что не принял беспроцентное внеочередное единовременное пособие от отца Альбрехта.

Хотя ему и приходилось считать каждую копейку, но абсурдное условие, которое выдвинул банкир, было достаточным стимулом использовать все возможности, чтобы обойтись без этого беспроцентного кредита. Если для Альбрехта фон Брауна в банкирском доме не было места, то на фирме Ротмана ему уж точно нечего делать. Молодой человек действительно не подходил на роль владельца фирмы.

Было очень печально, что он не мог обойтись без этой встречной сделки. Но ведь обусловленные в контексте свадьбы кредиты должны были

быть выплачены согласно договору. Иначе финансовый дефицит шоколадной фабрики не восполнить.

– Разрешите пригласить вас на обед, Альбрехт? – примирительно сказал Вильгельм Ротман и похлопал по-отцовски – во всяком случае, он надеялся, что это так выглядело, – молодого человека по плечу.

Альбрехт сразу же встал.

– С удовольствием! Ваша дочь также будет присутствовать на обеде?

– К сожалению, нет.

Разумеется, было бы очень уместно, если бы Юдит с ними пообедала, но в ее своенравном поведении ничего не изменилось, и он не хотел рисковать, она же могла еще раз оскорбить Альбрехта. Слишком много стояло на кону.

– Да, действительно очень жаль. Она слишком мало времени уделяет своему жениху. – Альбрехт выразил свое разочарование.

– У женщин накануне свадьбы так много дел. Пожалуйста, будьте снисходительны, – попросил Вильгельм Ротман.

Альбрехт фон Браун был удовлетворен этим ответом, кажется, он примирился с ситуацией, как только обед подали на стол. У него был отличный аппетит, и он брал минимум по одной добавке каждого блюда.

Вильгельм Ротман тоже ел с аппетитом.

Кухарке прекрасно удалась дичь с гарниром, поданное к обеду вино подкупало своим букетом и бархатистым вкусом, пирожки на десерт также были хрустящими и вкусными.

Простившись с Альбрехтом фон Брауном, Вильгельм Ротман вернулся в свой кабинет. Несмотря на тяжелую ситуацию, он в некоторой степени был удовлетворен. Как минимум этот вопрос развивался в его пользу и давал осторожный оптимистический настрой. Юдит была бы обеспечена, фирма спасена, если еще учесть мало-мальски способного зятя, то цель оправдывала средства. Все же Альбрехт никогда не переступит порог его конторы.

Мысли о своей жене он пока отбросил. Если она так и не вернется домой, он примет очередные меры.

А все свои силы в течение следующих недель он посвятит делу всей своей жизни.

Глава 33

Зоопарк Нила, середина ноября 1903 года

Снегопад постепенно уменьшался, Юдит улыбнулась Виктору, сидевшему рядом с ней на деревянной скамейке и завязывавшему коньки, которые он одолжил у Эдгара Нольда. Заметив ее взгляд, он широко улыбнулся.

– Вы же рассчитываете, что я сейчас устрою вам замечательное представление, – он, шутя, высказал свое подозрение. – Пару раз упаду.

– О нет, конечно же, нет, – сказала Юдит и в ответ на его шутку добавила: – Я знаю, что у вас прирожденный талант, господин Райнбергер. Поэтому через несколько минут вы будете парить на льду.

– О, так, значит, вы это знаете.

– А если вы и упадете, то, разумеется, очень изящно, – добавила она.

– И, конечно же, намеренно, – Виктор натягивал нить их немного ироничного разговора.

Они засмеялись, и Виктор затянул последние кожаные ремешки вокруг своих ботинок. Затем он попытался встать.

– У вас замечательно получается, – сказала Юдит, намеренно преувеличив свою похвалу, потому что Виктор еще и метра не проехал.

Виктор многозначительно улыбнулся. Затем он взял из рук Юдит ее коньки.

– Разрешите? – спросил он и стал перед ней на колени, чтобы помочь ей.

Юдит быстро оглянулась, не смотрит ли кто-то на них, но, хотя в зоопарке Нила в этот день было много людей, на них никто не обращал внимания. Здесь каждый был занят сам собой, своим снаряжением и старался получить удовольствие от спорта.

Дора, сопровождавшая ее, сидела на скамейке немного в стороне и делала вид, что не замечает их. Юдит была благодарна, что горничная прикрывала ее тайные встречи с Виктором и никому ни единого слова не скажет об этой прогулке.

Ловкими движениями Виктор зашнуровал ее коньки. Он делал это самоотверженно и даже немного нежно. И когда он стоял перед ней на коленях, этот высокий гордый мужчина, подпирая металлические коньки своими бедрами и запуская ее полусапожки в ремни, она почувствовала к нему глубокую симпатию. В этот момент Виктор находился так близко к ней. Под действием внезапного порыва она сняла свою перчатку и провела голыми пальцами по его темной шевелюре.

Он посмотрел вверх, и в его взгляде Юдит увидела то самое страстное желание, которое и сама носила в своей душе. Она медленно забрала свою руку, случайно коснувшись при этом его щеки и шеи. Ее пальцы будто горели, и она увидела, как он сухо сглотнул.

Дрожащими руками она надела перчатку, и Виктор внимательно проверил, как сидят коньки.

Затем он встал и протянул ей руку.

– Разрешите вас пригласить, фройляйн Ротман?

И в это же мгновение она опять появилась, эта веселая искра в его глазах.

Она кашлянула и с улыбкой положила свою руку в его.

– Конечно. Я надеюсь, вы умеете танцевать вальс на льду.

Виктор засмеялся:

– Вальс на льду? Ну разумеется! Этот танец я выучил, когда был еще маленьким мальчиком.

Юдит улыбнулась. Она взяла его под руку, и Виктор повел ее на лед.

Тем временем послеобеденное солнце вышло из-за облаков. Его лучи превратили зоопарк в зимнюю сказку. Они сверкали на толстом снежном покрове, лежавшем на ограждениях парка, на деревьях и кустах, лужайках и дорожках, отражались от катка, который каждую зиму заливали на народной лужайке.

Здесь резвились все от мала до велика, делали пируэты, придумывали игры и бегали наперегонки. Некоторые скользили в обычной обуви вдоль края катка. Кто не выходил на лед, тот наслаждался живописными видами или неспешно гулял по прилегающим дорожкам. В зимнем воздухе витали веселье и смех.

Из обогреваемых закусовых два торговца колбасками предлагали свой пряный товар, еще один продавал сладости, орешки и миндаль. И шоколад Ротмана, Юдит было приятно это отметить.

Она все еще крепко держалась за Виктора. Вместе они начали медленно скользить по льду.

– Ну, фройляйн Ротман, как вы оцениваете мое мастерство в вальсе на льду? – спросил Виктор.

– Я бы сказала, у вас базовые знания, – подтрунивая, ответила Юдит.

– Базовые знания? – Виктор повернул к ней голову. – Если бы я мог, я бы станцевал с вами вальс на льду так, фройляйн Ротман, что у вас голова пошла бы кругом, – прошептал он ей на ухо. – К сожалению, здесь у меня связаны руки. Но разрешите, я покажу, что имею в виду.

Он отпустил ее и начал умело и темпераментно рассекать на льду.

Юдит внимательно смотрела на него. Его намек заставил ее покраснеть. И не только от стыда, как надлежало бы, а по причине непроизвольной реакции ее организма. Мысль о том, что она останется с ним наедине и будет танцевать вальс, вызвала у нее сильное возбуждение.

Сколько же ему лет? Она думала, что ему под тридцать, но не была полностью уверена. В некоторых ситуациях казалось, что Виктор намного старше, поскольку он был очень рассудителен. Видимо, жизнь уже устроила ему определенные испытания.

Юдит охватило внезапное любопытство.

До настоящего момента она не задавалась вопросом, кто он и откуда. А сейчас ей обязательно нужно было знать, как выглядела его жизнь до того, как он переехал в Штутгарт. Кем были его родители? Были ли у него братья и сестры? Может, где-то была возлюбленная?

Юдит затянула пальто с мехом, которое было надето на ее темно-зеленый костюм из теплой шерсти, засунула руки в муфту и проехала несколько кругов на льду, погружившись в мысли.

Она потеряла Виктора из поля зрения, но это было не удивительно, учитывая, сколько здесь каталось людей.

Она проехала мимо скамьи, на которой сидела Дора, и кивнула ей. К ней подсели молодой парень и еще одна горничная. Они втроем оживленно беседовали, и Юдит осознала, что они с Дорой живут в двух разных мирах, хоть и проживают под одной крышей. Странная мысль.

Два маленьких мальчика пересекли ее путь и чуть не врезались в Юдит. Она сразу невольно вспомнила своих братьев и не стала отчитывать этих двоих. Она проводила их взглядом, увидела, как они неслись по льду, и подумала, что кто-то из взрослых на ее месте за такой проступок устроил бы им положенный выговор.

– Этим обоим юношам следовало бы научиться вести себя! – сказал Виктор, который в этот момент опять оказался возле нее. Элегантно повернув, он остановился.

– Я тоже так думаю, – ответила Юдит и прикрыла глаза рукой, так как сверкающий снег слепил ее.

Виктор сделал полуворот и стал к ней так близко, что она спиной почувствовала его крепкий торс. Хоть она и знала, что ей не следовало этого делать, но все же прислонилась к нему. Виктор взял ее за талию и стал таким образом опорой для нее. Прикосновение было опьяняющим. Юдит закрыла глаза и предалась моменту, она вдыхала аромат его мыла и его запах, и весь мир на несколько драгоценных минут отошел на второй план.

– Я не ожидала, что вы так замечательно катаетесь на коньках, – тихо

сказала Юдит. Она слышала его сдержанный смех у своего затылка.

– Вы многого обо мне еще не знаете, фройляйн Ротман... Юдит...

Он осторожно отпустил ее, взял за руку и увлек за собой в захватывающе быстрый круг на льду. Юдит довольно смеялась, когда все вокруг нее проплывало, переливаясь белым, светло-голубым и серым цветами. Она потеряла свою муфту, но ей было абсолютно все равно. Впервые за несколько месяцев она чувствовала себя непринужденно и легко.

Затем Виктор обнял ее и приготовился танцевать вальс.

– Ты будешь называть меня теперь по имени? – спросил он ее с хитрой улыбкой. Юдит кивнула и посмотрела на него. Она почувствовала, как его рука обнимает ее, и ей показалось, что сердце сейчас разорвется от счастья.

– Боже мой!

После нескольких поворотов Юдит быстро отошла от него и обеспокоенно посмотрела в сторону дороги, которая вела от вольера с обезьянами к народной лужайке.

– Что случилось? – немного раздраженно спросил Виктор.

– Там идут две мои подруги, Шарлотта и Доротеа. Они нас уже увидели!

Виктор сразу же отошел.

– Мне очень жаль, Юдит. Я не хотел доставлять тебе неприятности. – Он казался подавленным, и Юдит попыталась слегка улыбнуться.

– Я знаю. Это не твоя вина, Виктор. В любом случае не только твоя. Я должна была предположить, что в любой момент мимо может пройти кто-то, кого я знаю.

– Доротеа фон Браун – это сестра Альбрехта фон Брауна?

Юдит повернулась.

– Да. Ты разве знаком с ним? – Ее голос прозвучал резче, чем она предполагала.

Виктор удивленно на нее посмотрел.

– Он друг Эдгара Нольда, с которым мы снимаем квартиру. Ты же его знаешь, – растерянно объяснил он.

Юдит сразу же пожалела о своей поспешной реакции.

– Да, разумеется. Эдгар и Альбрехт друзья, значит, ты его уже встречал, – примирительно ответила она, наблюдая краем глаза, как к ним направляется Доротеа. Рядом с ней шла Шарлотта и оживленно что-то рассказывала.

– Мне лучше отойти, Юдит. Но я буду недалеко от твоей горничной, пока не буду уверен, что ты отправилась домой.

– Нет, останься ненадолго. Я тебя представлю. Так будет все же лучше, чем если мы быстро попросаемся, – возразила Юдит.

– Как знаешь. А кто вторая девушка?

– Шарлотта Веннингер. Мы проводим много времени вместе, Доротеа, Шарлотта и я.

– Я понял, – сказал Виктор.

Они сделали вид, что непринужденно беседуют, пока две девушки не остановились возле них.

– Юдит, кто бы мог подумать! Ты разве сегодня не на лавовом озере? – Доротеа поприветствовала ее, как всегда, искренне, но Юдит не могла не заметить ее подозрительный взгляд в сторону Виктора. – А вас я знаю, – быстро сказала она. – Мы с вами познакомились на шоколадной фабрике, не так ли?

Виктор поклонился.

– Да, верно. Очень рад вас снова видеть, фройляйн фон Браун.

В этот момент Юдит вспомнила, что Доротеа видела Виктора в тот день, когда она упала в обморок. Она совершенно забыла об этом.

– О да, действительно! – поспешила сказать она. – Господин Райнбергер и я, мы вместе работаем над технической модернизацией, Доротеа. И сегодня случайно встретились и, как водится, снова начали обсуждать...

– Разумеется. Я видела, как вы общались. – Доротеа казалась рассерженной. Юдит это было непонятно. Доротеа же знала, что она не хотела и не собиралась выходить замуж за ее брата.

– Прошу простить меня, – вмешался Виктор, – если я неприлично близко подошел к фройляйн Ротман. Она в этом не виновата.

Доротеа скептически перевела взгляд с него на Юдит.

– Ну, так это не выглядело!

– Ладно тебе, Доротеа, – добавила Шарлотта. – Ты же видишь, что он пытается ее спасти. И я думаю, что это очень романтично.

– Ты читаешь слишком много романов, Шарлотта, – сказала Доротеа. – Ну ладно. – Она повернулась к Виктору. – Благодарю вас, что вы не дали упасть нашей подруге.

Он благодарно подмигнул ей.

– Не за что. Тогда я не буду вам мешать, фройляйн Ротман. Мы увидимся в положенное время на фабрике. Дамы... – На этом Виктор вернулся на каток и затерялся среди других катающихся.

– Ух, как же он увлечен тобой, Юдит! – мечтательно произнесла Шарлотта. – Какой же он благородный!

– Прекрати, Шарлотта! – сердилась Доротеа. – Это не смешно. А ты, – прошипела она Юдит, – что ты еще придумала? Здесь ворковать? Я, конечно, понимаю, что господин Райнбергер тебе нравится, и ничего не имею против безобидного разговора, но если ты появляешься с ним у всех на виду, так появляешься, то это приведет к большому скандалу. Ты не имеешь права себе такого позволять!

– Ты права, – смущенно сказала Юдит. – Но ты понятия не имеешь...

Никто не знал, как ей было плохо. После того случая с Максом, с учетом всех тех неопределенностей, которые ее поджидали.

– Но, Доротеа. – Шарлотта старалась помирить их. – Большинство людей, которые знают Юдит, на лавовом озере. Я думаю, маловероятно, что кто-то здесь ее увидит.

– Никогда не знаешь... – аргументировала Доротеа, уже меньше волнуясь, а после и совсем успокоилась.

– Спасибо за заботу, Доротеа, – примирительно сказала Юдит. – Кто знает, как бы я отреагировала, если бы увидела тебя в такой ситуации?

– О, Юдит, если бы ты знала. У нас дома все вверх дном. Альбрехт весь поглощен предстоящей женитьбой на тебе. Если он услышит, что другой мужчина... ну ты понимаешь, я не знаю, что он сделает.

– Все настолько плохо? – испуганно спросила Юдит.

Доротеа кивнула.

– Да, плохо. Макс уехал, и Эдгар почти не заходит. Нет человека, который бы ему время от времени объяснял, как на самом деле устроен мир. Альбрехт много пьет, говорит только о свадьбе, и отец поддерживает его в этом. А по вечерам он куда-то уходит.

– Но твой отец не мог подобрать тебе такого мужчину, – возмутилась Шарлотта.

Юдит почувствовала, что у нее опять кружится голова.

– Давайте, может, присядем где-нибудь?

– О, это слишком для тебя? – обеспокоенно спросила Доротеа.

– Шарлотта, возьми ее под руку с той стороны!

Так, опираясь на подругу, Юдит неуклюже пошла к ближайшей скамейке.

– Я сниму с тебя коньки, – прагматично сказала Доротеа и принялась их развязывать.

Тем временем Шарлотта, стараясь утешить подругу, положила руку на плечо Юдит.

– Эта ситуация с Альбрехтом пугает тебя, правда?

– Даже очень. Я просто не хочу выходить за него замуж, а все ведут

себя так, будто это не имеет абсолютно никакого значения. – Юдит чуть не расплакалась.

– Ты переживаешь, что тебе, в конце концов, придется это сделать, – констатировала Доротеа и села рядом с подругами. – И, если честно, я боюсь того же.

– Но почему ее мужем должен быть именно Альбрехт? Если он ей совершенно не нравится? – спросила Шарлотта. – Мой отец не принуждал бы меня к такому союзу. Нашелся бы кто-то другой.

Юдит опустила голову.

– Я тоже задаюсь этим вопросом. Возможно, это связано с тем, что здесь нет моей матери. С тех пор как она уехала, с отцом невозможно поговорить.

– Ах, знаете, – разочарованно сказала Доротеа. – Твой отец – это исключение, Шарлотта. Мой тоже выдал бы меня замуж, не обращая ни малейшего внимания на мои чувства. Если бы это было ему выгодно. – Она вздохнула. – Это несправедливо.

Внутри Юдит все кипело от гнева.

– Именно. Несправедливо. И именно поэтому мы не должны этого допустить!

– Что ты собираешься делать? – обеспокоенно спросила Доротеа.

– Я еще не знаю. Но в любом случае я не буду молча мириться со своей судьбой.

– Может, нам объединиться и с твоим отцом... – Доротеа не договорила, потому что Юдит вдруг опустила голову. – Юдит?

Она покачала головой и закрыла рот рукой.

– Что случилось, Юдит? Ты вся побелела! – Шарлотта тоже забеспокоилась.

– Мне плохо.

Юдит встала, бросилась к ближайшему кустарнику, и у нее случился приступ рвоты.

Глава 34

Вилла Ротмана, Дегерлох

– Мне и правда не нужен врач, госпожа Маргарет, – в который раз настаивала Юдит. – Это обычное незначительное недомогание. Возможно, я что-то не то съела. Мне уже лучше.

– Но ваш отец настаивает на том, чтобы вас осмотрели, фройляйн Юдит.

– Даже если здесь выстроится десять врачей, никто из них даже взглянуть на меня не сможет, – раздраженно прошипела Юдит.

Уже полдня экономка пыталась убедить ее в том, что нужно вызвать доктора Каца. Юдит наотрез отказывалась. У нее ничего не болело, она уже достаточно хорошо себя чувствовала и ни в коем случае не хотела проводить в постели больше времени, чем это было действительно необходимо.

Вся эта вчерашняя ситуация была ей неприятна. Прежде всего потому, что Виктор из ниоткуда появился рядом с ней, держал ее и вытирал губы своим носовым платком.

От стыда ей хотелось провалиться сквозь землю и не думать больше об этом. Хотя где-то в глубине души ей было приятно чувствовать подобную заботу, она даже подумать не могла, что мужчина может считать привлекательной женщину, увидев ее в таком состоянии.

После того как она относительно отдохнула, а Виктор как можно более непринужденно попрощался, ей пришлось убеждать Доротеа и Шарлотту в том, что она достаточно хорошо себя чувствует, чтобы отправиться с Дорой домой. Это было очень нелегко. Лишь увидев, что Тео уже ждет их с конными санями у выхода, они ушли. Все же они не могли не дать ей огромное количество советов в дорогу.

Юдит все еще чувствовала слабость в желудке, когда садилась в сани, и дорога домой через Вайнштайге с его поворотами была не очень благотворна для ее состояния.

Ужин она пропустила: простой запах еды вызывал новый приступ тошноты. И без объяснений пошла в кровать. Отец был в замешательстве, но не стал на нее давить. Краем уха Юдит услышала, что Дора рассказывала ему что-то о большом количестве сладостей, что хотя и не соответствовало действительности, но в достаточной мере объясняло ситуацию. К тому же сегодня утром она могла пропустить поход в церковь.

Теперь нужно было успокоить экономку, чтобы вся эта ситуация не привела к чрезмерным последствиям. Потому что Юдит обязательно

собиралась завтра на фабрику.

– Вы же не хотите приглашать доктора Каца без причины, госпожа Маргарет, – сказала она. – В такую погоду! – Юдит указала на окно, за которым опять хлопьями падал снег.

– Ну, хорошо... – экономка, наконец, сдалась. – Но если ваше состояние ухудшится, я сразу же отправлю Роберта.

Юдит кивнула и обрадовалась, когда добросовестная Маргарет, в конце концов, вышла.

Она села в кровати, и вдруг в дверь снова постучали. На этот раз в комнату вошла Дора – служанка принесла ей маленькую миску с бульоном, накрытую крышкой.

– Герти сказала, что вам это поможет, – сказала она и осторожно поставила поднос возле кровати Юдит. – Вам лучше, мадемуазель?

– О да, намного. Отец еще что-то говорил?

– Только то, что ему хотелось бы, чтобы вас осмотрел доктор.

– У меня ничего не болит. – Юдит села на край кровати и подняла крышку с миски. Но как только она понюхала суп, ей опять стало плохо. Она быстро накрыла крышкой миску и прислонилась к подушке.

– Вы не хотите есть? – обеспокоенно спросила Дора.

– Пока нет. Суп еще очень горячий. Я поем позже, – сказала Юдит. – Ты не пойдешь в церковь, Дора?

– Нет. Хозяин разрешил мне остаться с вами.

– Ах вот как... – Юдит хотела немного побыть в одиночестве, но присутствие Доры ей не мешало. – Будь так любезна, принеси мне сухарик, Дора. И мне, наконец, хотелось бы одеться.

– Но вы еще такая бледная, фройляйн Юдит! Может, вам лучше сегодня полежать? А сухарик я вам принесу.

Пока Дора ходила в кухню, Юдит взяла в руки книгу «Джейн Эйр», которую ей одолжила Доротеа. Но она не могла настроиться на чтение.

Эта тошнота была довольно своеобразной. Ей в последние дни время от времени уже становилось нехорошо, чаще по утрам, иногда и под вечер, но все же до рвоты не доходило. Может, рыба, которую они ели на прошлой неделе, была несвежей? Но тогда и близнецам было бы плохо. Но они оба были бодрыми.

Юдит редко болела и решила, насколько это возможно, игнорировать симптомы. Тогда они, вероятно, и пройдут быстрее.

Вьюга почти утихла, когда Виктор шел от зубчатой железной дороги в Дегерлохе к вилле Ротмана. В сумке у него была эмалевая табличка, которую на прошлой неделе сделал Эдгар по его просьбе. На ней была

изображена девушка, отдаленно напоминавшая Юдит, под новой современной фирменной надписью шоколадной фабрики «Ротман». Он надеялся, что она понравится Юдит. Она с такой страстью относилась к шоколаду, кондитерскому делу и фабрике. Этот подарок должен был символизировать ее увлечение. И он был убежден, что связь Юдит с фабрикой была особенной, прежде всего потому, что у него было впечатление, что ее отец ценит свою дочь не так, как следовало бы.

По пути он снял свою перчатку, полез в карман пиджака и потрогал гладкую поверхность овальной таблички, которая сразу же приняла тепло его рук.

Он долго думал, стоит ли ему решиться на визит к Юдит домой. Виктор знал, что в последнее время по воскресеньям во второй половине дня Вильгельм Ротман работал на фабрике, но он не мог на это полагаться, особенно в такую погоду. Значит, он должен был быть готов к возможной встрече с ним.

Но это, в конце концов, не могло его остановить. Со вчерашнего дня, когда ей стало плохо, он действительно переживал за нее. Он просто уже не мог сидеть без дела в комнате, не зная ничего о ее самочувствии. И в один момент после обеда он просто сел в Цаке и поехал в Дегерлох.

И теперь по пути к ее дому он разнервничался. Это были эмоции, которые не так часто его охватывали и которые давали ему понять, насколько Юдит ему дорога.

Виктору понадобилось примерно двадцать минут, чтобы дойти до виллы, хотя дорога от Цаке была относительно расчищена. Перед усадьбой Ротмана парень также чистил снег. Когда Виктор подошел ближе, он узнал Роберта, работника Ротмана.

Молодой человек поприветствовал его.

– В этом году целая проблема с большим количеством снега, – сказал Виктор, остановившись возле него на минуту. – И это уже в ноябре!

– Точно. Я даже и думать не хочу, что зима только-только началась, – честно ответил Роберт и облокотился на лопату. – Вы приехали сюда наверх на поезде, господин Райнбергер?

– Да.

– Удивительно, что Цаке еще ездит.

– Но все же, естественно, несколько ограничено. И сегодня поезд ехал очень медленно.

– Могу себе представить. Вы к господину Ротману?

– Да, если он дома.

Виктор обдумывал, как так устроить, чтобы вообще увидеть Юдит,

потому что спрашивать непосредственно о ней было, по его мнению, слишком дерзко.

– Он уехал десять минут назад, но я не знаю куда.

– Действительно? Очень жаль.

– Да, мне правда очень жаль, что вы проделали такой путь от Штутгарта сюда, господин Райнбергер.

Роберт немного подумал и поставил лопату к столбу ограждения.

– Знаете что? Пойдемте со мной в кухню. Там найдется что-то теплое попить, и вы сможете немного согреться, прежде чем отправитесь в обратный путь.

– Это приглашение, которое я с удовольствием приму, – ответил Виктор, и ему вдруг стало интересно, как события будут развиваться дальше.

В кухне было приятно тепло. Кухарка подала ему горячий шоколад с ароматным согревающим паром и повесила его курточку и шляпу над плитой, чтобы они быстро просохли.

– Как можно было сегодня решиться на поездку? – спросила она, качая головой, и мысленно Виктор вынужден был с ней согласиться.

– В поезде я был не один, – сказал он с ноткой оправдания.

– Да, разумеется, всегда найдется несколько сумасшедших, – констатировала кухарка.

Виктор усмехнулся.

– Да, соглашусь с вами.

– Я бы тоже поехал, – подхватил Роберт.

В этот момент в кухню вошла Дора.

– Мадемуазель хотела бы чая... О, добрый день, господин Райнбергер! Какой сюрприз!

– Добрый день, Дора. Я хотел навестить господина Ротмана.

– Его нет дома, – сказала горничная.

– Я знаю, Роберт сказал мне.

– Но фройляйн Юдит дома. Я сейчас скажу ей. Если вы проделали такой долгий путь, господин Райнбергер, мы не можем отправить вас сразу обратно. Роберт, пожалуйста, проводи гостя в гостиную.

– Как скажешь, – ответил Роберт.

– А как насчет чая? – спросила кухарка.

– Мы подадим его позже в гостиную.

На этом Дора уже вышла.

Кухарка растерла семена фенхеля и тмина, затем налила чай и поставила его на большой деревянный стол, чтобы нагреть.

Виктор допил из кружки и вышел за Робертом в комнату, в которой они лечили Карла после прошлого несчастного случая. Тот летний день действительно оказался значимым. Именно этому дню он был обязан трудоустройством на шоколадной фабрике и знакомством с дочерью хозяина. Очевидно, что иногда незначительные совпадения могут иметь масштабные последствия.

Пока Виктор ждал Юдит, он подошел к камину, в котором потрескивал живой огонек, погрел руки и направил взгляд на портрет, висящий над ним.

На нем была изображена темноволосая женщина в роскошном бальном платье. Она была очень грациозна и излучала необычную, если можно сказать, элегантную ауру. Черты ее лица и прежде всего необыкновенные голубые глаза напомнили ему Юдит.

Несколько минут он внимательно рассматривал картину, затем тихий звук известил его о том, что кто-то вошел в комнату.

– Это моя мама.

Когда он услышал голос Юдит, у него по телу разлилась теплая волна.

Он медленно повернулся к ней.

Она была еще немного бледна, как и тогда, когда стояла перед ним в своем светлом выходном платье, но в ее глазах опять были заметны искры, которые уже были хорошо ему знакомы и которые при каждой встрече по-новому его очаровывали.

– Ты на нее похожа.

– Ну да, немного, – сказала Юдит, и ее улыбка все больше и больше очаровывала его.

– Эти глаза. Такой удивительный голубой цвет. На прекрасном лице.

Виктор видел, как лицо Юдит словно засветилось. Затем она вновь стала серьезной.

– Мне ее не хватает.

– Я тебя хорошо понимаю. Она не скоро вернется домой?

– Мы ждали ее в конце октября. Но она не смогла приехать из-за погоды. И пока ситуация не улучшилась.

Когда Виктор услышал легкую грусть в голосе девушки, ему захотелось расчистить весь тот снег, который лежал между Юдит и ее мамой, лишь бы видеть ее счастливой.

– Даже эта зима не будет длиться вечно, Юдит. В один прекрасный день она закончится, и твоя семья воссоединится.

– Это было бы замечательно, – вздохнула Юдит.

Затем она пригласила его сесть за круглый украшенный роскошными

инкрустациями стол. Девушка села напротив него на один из обтянутых парчой стульев.

– Что тебя привело, Виктор?

– Я... – Виктор немного запнулся, но затем решил сказать ей правду. – Я очень хотел увидеть тебя. После того как тебе вчера стало нехорошо, я переживал.

Виктор заметил, как ее лицо вдруг залилось краской.

– Благодарю. Но... да, мне очень жаль, что тебе пришлось увидеть меня... – бормотала она.

Виктор понял, что вся эта ситуация была ей, по всей видимости, очень неприятна.

– Нет же, – заверил он. – Я был очень рад оказаться рядом и иметь возможность помочь тебе.

Она с сомнением посмотрела на него.

– Слово чести, для меня в этом не было ничего страшного, Юдит. Для меня намного важнее, что тебе уже лучше.

В этот момент вошла Дора с подносом и подала Виктору кофе, а Юдит чай. Рядом она поставила вазочку с выпечкой.

Когда они снова остались одни, Юдит положила сахар в чай и, погрузившись в мысли, размешивала его.

– Тебе же лучше? – осторожно переспросил Виктор.

– Да-да. У меня все хорошо.

– Были ли еще разногласия с подругами? Я имею в виду из-за того, что они видели нас вчера вместе.

В этот момент Юдит улыбнулась.

– Из-за вальса на льду? О нет. Они, определенно, мне немного завидуют.

Теперь Виктор не мог не улыбнуться.

– Завидуют? Тогда мы все делали правильно.

– Доротеа и Шарлотта просто очень переживают за меня, – объяснила Юдит. – Но зоопарк Нила редко посещает высшее общество Штутгарта. Собственно, сложно было предположить, что кто-то меня там узнает.

– Но что касается катания на коньках, то это была твоя идея, Юдит, – пошутил Виктор.

Она посмотрела на него.

– Но совместное развлечение ты предложил!

– Верно. И мне было невероятно приятно! Я чувствую облегчение, что наша прекрасная прогулка не привела к плохим последствиям для тебя.

– Могу я задать тебе вопрос, Виктор?

– Конечно!

– Откуда ты родом? Я не хотела бы показаться слишком любопытной...

– Ты любопытная, Юдит, и это вполне понятно. Я из Берлина. Мой отец – офицер прусской армии.

– О, я и подумать не могла.

– Правда? А что ты думала? – Виктор с интересом посмотрел на нее.

– Ничего не думала. Я вообще не могла сориентироваться.

– И это тоже понятно. Я, видимо, не произвожу впечатления мужчины из приличного дома, но надеюсь, что я не выгляжу, как рабочий.

– Разумеется, нет, – сказала Юдит, и ей стало легче, что он все расставил по местам. – Что же тебя привело в Штутгарт? Разве здесь намного лучше, чем в Берлине? Этот город мне представляется феноменальным! У нас все, наоборот, намного спокойнее.

– Можно и так сказать. Но мне здесь очень нравится. Именно благодаря своему спокойствию Штутгарт очарователен. Берлин же, скорее, суетливый и яркий.

– Я бы с удовольствием съездила туда.

– И я с удовольствием тебе его покажу. Однажды.

Юдит снова покраснела, и Виктор был рад, что ей тоже, по всей видимости, приходилось бороться со своими чувствами.

Если бы он был мужчиной из высшего света, то давно бы начал за ней ухаживать. Но, учитывая свое темное прошлое и неопределенное будущее, он не позволял себе даже надеяться на это. Во всяком случае, не сейчас. Ему еще многое предстояло привести в порядок.

Он посмотрел на нее. Он как минимум должен был объяснить ей что-то.

– Мой отец хотел, чтобы я тоже построил карьеру военного. Поэтому я учился в военной академии.

– Тебе там не понравилось?

– Нет. Абсолютно нет. Я никогда не хотел посвятить свою жизнь этому делу.

– Лучше шоколаду? – пошутила Юдит.

– Намного лучше!

Вдруг в доме стало беспокойно. Были слышны голоса и шаги, что-то упало на пол.

Виктор вопросительно посмотрел на Юдит.

– Может, опять что-то приключилось с моими братьями?

– Мне лучше уйти, Юдит. Это было...

В этот момент постучали. Бабетта вошла в комнату и наспех сделала

книксен.

– К вам пришел Альбрехт фон Браун, мадемуазель, – быстро сообщила она. – Я объяснила ему, что у вас гости, но он настаивает на том, чтобы увидеть свою невесту.

У Виктора было такое чувство, будто его облили ледяной водой. Он все верно услышал, Юдит была помолвлена с Альбрехтом фон Брауном! До него доходили некоторые слухи относительно этого, но он не придавал им значения. На фабрике постоянно сплетничали.

Виктор сидел с растерянным видом. Конечно же, это объясняло реакцию девушек вчера на катке. Если бы он знал о помолвке, то никогда бы туда не пошел.

Молодой человек не знал, что и думать. Все моменты нежности прошлых недель вдруг приобрели неприятный привкус. Почему она скрыла этот факт? И как он мог так ошибаться в ней?

Он заметил, что Юдит на него смотрит. Ее лицо абсолютно побелело, в глазах стояли слезы.

– Виктор, все не так, как кажется...

– Не утруждай себя, Юдит.

Голос Виктора звучал резче, чем предполагалось. Ему было тяжело разумно реагировать, слишком уж бушевали противоречивые чувства в его груди.

– Что же мне теперь делать? – задумчиво обратилась Бабетта к Юдит.

– Впустите господина, – распорядился Виктор, прекрасно понимая, что он не имел права на такие указания.

От его наглости на лбу Юдит действительно появилась гневная складка. Она тоже была ему уже знакома, и ему очень хотелось поцеловать ее, чтобы разгладить. Пока Бабетта вышла из помещения, он подошел к Юдит совсем близко.

– Я желаю тебе приятного продолжения дня, – сказал он сдержанно и дал ей в руку эмалевую табличку. Подарок для нее, который он все это время держал у себя в кармане пиджака.

Глава 35

Венеция, в то же самое время

Если бы она могла выбирать время года, чтобы впервые посетить Венецию, это точно была бы не осень и уж тем более не ноябрь. Но что ей было терять!

Хелена смотрела из окна гостиничного номера.

Густой туман окутал город, расположенный на островах лагуны. Лишь схематично сквозь серость просвечивались очертания роскошных домов и дворцов. Даже звон колоколов многочисленных церквей, который в это время раздавался по городу, казался приглушенным. И все же красота Венеции уже угадывалась так, словно она только и ждала, чтобы проявиться. Хелена с нетерпением ждала, когда туман рассеется.

Она отвернулась от окна и задумалась, что же ей надеть. Как и прежде, она не признавала стесняющий корсет, хотя и оставила в Риве свои простые реформаторские платья. В конце концов, она сделала выбор в пользу многослойной юбки из темно-серой шерсти и шелковой блузы в сине-красную полоску, которая красивыми складками струилась по плечам и груди, собрала волосы и надела соответствующую фетровую току, украшенную бархатом, темно-красной шелковой лентой и аграфом.

Затем она взяла сумочку и зонт и по узкой лестнице спустилась к рецепции маленькой семейной гостиницы недалеко от Кампо Сан-Поло, в которой они разместились.

Она терпеливо ждала, пока не пришел Макс спустя десять минут после условленного времени с виноватой улыбкой на губах.

– Я заставил вас долго ждать, Хелена?

Хелена улыбаясь покачала головой. Макс знал, что она всегда была пунктуальна. А она знала, что Макс небрежно относился ко всякого рода фиксированному времени.

Он надел свою фетровую шляпу и протянул Хелене руку.

– Значит, после того как в течение последних недель вы находили в моем лице терпеливого слушателя, я покажу вам сейчас волшебство Венеции. Надеюсь, вы останетесь довольны моей экскурсией.

– Я в этом ничуть не сомневаюсь.

Хелена взяла его под руку.

Когда они вышли в маленький переулок напротив их гостиницы, сквозь завесу тумана уже начало пробиваться солнце.

– Нам повезло. В ноябре в Венеции обычно всегда идет дождь, – сказал Макс, довольно глядя в небо. Очевидно, он хорошо знал этот город.

– В Германии идет снег, – заметила Хелена. – В Риве со мной по соседству живет женщина, сын которой проживает в Ульме. Она мне рассказывала, что там в настоящий момент очень много снега.

– Да, друг писал мне то же самое. Там, должно быть, настоящая зима, по крайней мере, в южной Германии, – сказал Макс и положил свою руку на руку Хелены. – Тем более хорошо, что мы сейчас не там. – Хочешь увидеть La Serenissima^[14]?

– О да!

Несколько минут они пешком шли до следующей станции вапоретто^[15] у Гранд-канала^[16] и поднялись на борт одного из маленьких теплоходов, которые регулярно ходили по многочисленным каналам Венеции.

Проплывая на теплоходе в направлении площади Святого Марка, Хелена наслаждалась видом прекрасных фасадов зданий. Они светились в теплых красно-желтых тонах и стояли прямо в воде. О том, что Венеция построена на сваях, она неоднократно слышала. Увидеть же это собственными глазами было восхитительно.

– Практически у каждого дома есть причал, – сказала она Макс. – В Венеции лодка заменяет повозку.

– Можно и так сказать. А вода заменяет дороги, – продолжил Макс.

– Он совсем другой, этот город, – сказала Хелена. – Звуки, запах, люди. Неудивительно, что он обладает такой привлекательностью.

Макс кивнул.

– Город влюбленных.

Он взял ее руку.

Хелена улыбнулась ему. Она не могла поверить, что была здесь вместе с ним.

После того как он после их экскурсии в долину Ледро так резко отстранился, а встретив ее, сделал вид, что не узнал, она хотя и почувствовала настоящую и глубокую боль, но в то же время смогла его понять. Хелена была на несколько лет старше, это был просто факт, кто мог его обвинить в том, что он не захотел вступать с ней в отношения? Она не питала к нему злобы и была готова любить.

А затем он вдруг появился у ее двери, смущенный и неуверенный, признался в своих чувствах и не оставил сомнений в том, как он к ней относится. И она решила поддаться этим необычным отношениям. Так, как решились Гермiona и Кристл, осознавая, что их совместно проведенное время ограничено. Но разве не был неповторим этот важный для обоих момент?

Приглашение Макса в Венецию было сюрпризом. Соответственно, она с большим нетерпением зашла позавчера на борт парохода, идущего в Дезенцано, чтобы на следующий день уехать оттуда на поезде в Венецию.

И вот они были здесь. Хелена смотрела на роскошные дома и пыталась рассмотреть город с позиции начинающего архитектора.

Перед симметрично расположенными часто в пол окнами с полукруглыми или стрельчатыми арками находились низкие подоконники или маленькие красивые балконы, узкие колонны выделяли важные оси, иногда над ними парил балдахин.

На каменной кладке были художественные орнаменты и декор. Эти дома создавали такое впечатление, будто они были произведением талантливого кондитера, такие изысканные и благородные, иногда замысловатые и грациозные, и все они были выполнены грандиозно и профессионально. Свидетели давно прошедших эпох. И все же построены не на века. Водяные разводы у основания зданий указывали на силу, превосходящую произведения человека, – воду.

– Сказочно, не так ли? – прошептал Макс ей на ухо. Они сидели близко друг к другу на открытой палубе маленького теплохода. Он держал ее за руку. – Так роскошно. А построено все на песке.

У нее в голове были такие же мысли.

– Вы знаете, как возникла Венеция, Хелена?

Хелена покачала головой.

– Изначально ее построили на отдельных болотистых островах. Сто двадцать островов, соединенных между собой мостами. Представьте себе, более четырехсот мостов объединяют Венецию в город, такой, каким мы его сегодня знаем.

– Это действительно невероятно!

– Большинство из этих величественных дворцов являются бывшими домами венецианской аристократии и богатых семей патриций, и они очень, очень старые. Многие из них были построены четыреста-пятьсот лет назад. Некоторые еще старше.

– Чтобы построить такие феодальные резиденции, определенно нужно было много денег?

– Разумеется.

Макс играл ее пальцами, а Хелена нежно гладила своими пальцами его.

– А откуда же такое несметное богатство? – поинтересовалась она. – Только благодаря торговле?

– Бесспорно, Венеция была торговым центром. Некоторые местные купцы давно начали вести торговые отношения с другими странами,

вплоть до Азии. Также кораблестроение, а позже производство сукна, шелка или стекла приносило венецианцам много денег, прежде всего, когда торговые объемы постепенно начали уменьшаться, – объяснил Макс. – Ах, вот мы и на месте!

Они добрались до причала площади Святого Марка и вышли.

– Хорошо, что мы сегодня по сухой погоде можем погулять по площади, – заметила Хелена. – Я читала, что вода в зимние месяцы с приливом поднимается так высоко, что приходится ходить вброд!

– В этом нам действительно повезло. Хотя было бы, конечно, здорово покупаться здесь в море, – ответил Макс.

– Ну да, есть впечатления, которые я бы предпочла этому, – возразила Хелена. Макс засмеялся.

Между тем вчера после обеда, когда они прибыли, мягкое осеннее солнце освещало лагуну. И хотя силы его было недостаточно, чтобы прогреть воздух, все же оно бросало чарующий свет на площади и переулки, каналы и мосты.

Ноябрьская идиллия с присущим ей очарованием.

Когда они ходили по площади Святого Марка, Хелене сразу же бросилось в глаза одно сооружение.

– Здесь была колокольня? – спросила она Макса.

– Да, пока она в прошлом году не обрушилась.

– Я читала об этом в газете. Башню уже снесли, потому что были трещины. Слава Богу, никто не пострадал.

– Кроме кошки церковника.

– Кошки церковника?

– Ходят слухи, что ее засыпало. Ну, так говорят. – Макс усмехнулся.

– Определенно, это слухи. Возможно, она просто использовала момент, чтобы найти новый дом.

Хелена шутливо толкнула его. Он обнял ее и на какой-то момент крепко прижал к себе.

– И было еще нечто странное, когда башню обрушили, – загадочно добавил он.

– И что же? – спросила Хелена и скопировала его многозначительную интонацию.

– Золотой ангел Габриэль, который много веков нес вахту на крыше колокольни, приземлился в результате несчастья прямо у главных ворот базилики!

– Так ведь у ангела есть крылья, – парировала Хелена. – Он может сам выбирать, куда ему падать.

Они вдвоем засмеялись.

– Хорошо, Хелена, разрешите пригласить вас внутрь собора Святого Марка, – предложил Макс слишком формально и элегантно указал на огромную церковь.

– Прежде вам обязательно следует сказать что-то по поводу этого необычайного фасада, – съехидничала Хелена достаточно строгим тоном.

– Разумеется! К сожалению, у меня еще не так много практики в роли экскурсовода. Следуйте за мной! – попросил Макс на этот раз покорно.

– Ну хорошо. В качестве исключения, – благосклонно сказала Хелена и нежно сжала его руку.

Они вместе посмотрели на пять ворот с мозаичными арками, каждые из которых были отдельным шедевром, причем те, которые были расположены по центру, превосходили остальные по размеру и роскоши.

Макс указал наверх.

– Видите позолоченных лошадей на верхнем ярусе? Они были похищены в Константинополе, как и многие колонны и скульптуры фасада. – Макс внимательно посмотрел на нее и затем указал на пять стрельчатых арок над воротами. На каждой из этих оживальных носовых частей стоит один из святейших Венеции.

– Городу нужно сразу пять святых?

– Так надежнее, вы не находите? Итак, здесь несут вахту Константин, Деметриус, Георг и Теодор. И, конечно же, Марк, он в центре.

– Ну, тогда точно ничего больше не случится, – пошутила Хелена. – Один святой для каждой стороны света. И еще один, который следит, чтобы четверо правильно выполняли свою работу.

Макс улыбнулся.

– Скорее, это династия святых заступников, не связанных семейными узами. Причем евангелист Марк является самым главным после того, как двое венецианских купцов украли однажды его останки в Александрии и привезли в Венецию под поставкой засаленной свинины.

– Где они до сих пор и покоятся?

– Якобы.

Когда они, наконец, зашли в базилику через большие центральные ворота, Хелена потеряла дар речи.

Над ними куполом поднимался свод, роскошно оформленный с помощью чудесной мозаики на золотом фоне, достигающий до стен.

Пол, на котором они стояли, тоже был усыпан мозаикой, орнаментальные узоры которой складывались из многочисленных мраморных камушков. Ансамбль куполов, арок и колонн в сочетании с

дорогостоящими материалами создавал иллюзию тысячи и одной ночи.

Макс наблюдал за ней и был доволен.

– Ее еще называют Золотая базилика. Этому мозаичному искусству, наверное, нет равных в Западной Европе.

– Блеск просто нереальный, практически сферический. Я не удивлюсь, если один из святых заступников появится и обратится к нам, – прошептала она.

Макс улыбнулся.

– Думаю, он обратится к вам. Перечень моих грехов просто слишком большой. Но сейчас, – шепотом сказал он, – я покажу вам еще одну необычную ценность.

Он положил ей руку на спину и нежно направил вперед, пока они не оказались перед иконой, роскошь которой просто ослепляла.

– Это Пала д'Оро^[17].

– Невероятно, – с трепетом прошептала Хелена.

– Да, это так. Один из самых роскошных заалтарных образов, какие только есть.

– Золото и серебро, куда только ни посмотришь...

– Здесь обработаны жемчуга, изумруды, рубины, сапфиры и множество других драгоценных камней. Посмотрите на эмалевые работы и бесценные камеи.

Волшебная атмосфера базилики восхищала Хелену и тогда, когда они уже давно вернулись на площадь Святого Марка.

– Что скажете? – спросил Макс в предвкушении ее заключения.

– У меня нет слов. – Хелена взяла его под руку и прижалась к нему, и так они шли дальше. – И я очень хорошо понимаю, почему вы хотите посвятить себя архитектуре, Макс.

– Она пленит, – согласился Макс. – Так же, как и вы, Хелена, – тихо добавил он.

Хелена положила голову ему на плечо, и он украдкой поцеловал ее в макушку. Затем он кашлянул и сказал:

– Так много великолепия пробуждает аппетит, вы не находите? Как насчет перекусить?

– С удовольствием!

Макс повел ее вдоль аркад под Новыми Прокурациями в одно роскошное с виду кафе и открыл ей дверь.

– После вас, Хелена.

Они вошли.

Это необычное место было эксклюзивно обустроено. Под лепным

потолком с позолоченным декором и орнаментальной живописью рядами были расположены маленькие столики со стульями и лавками. Так же роскошно задекорированные стены украшали зеркала в дорогих рамах.

В ожидании заказа – кофе и сладкой выпечки – Макс рассказывал волнительную историю этого кафе.

Хелена внимательно слушала его повествования о рассвете и падении Венецианской республики и о проводимых в прошлом веке в кафе «Флориан» конспиративных встречах повстанцев против господства французов и Габсбургов.

– Здесь даже ухаживали за ранеными во время восстания в 1848 году. Но я не хочу утомлять вас историческими датами и политикой, дорогая Хелена. Для вас особенно интересным будет тот факт, что здесь, в кафе «Флориан», зародилась идея Международной Венецианской художественной выставки.

– О, правда? Да, биеннале. Я читала об этом статьи, которые у меня были. Я бы с удовольствием посетила эту выставку, она и в этом году проходила. К сожалению, она закончилась две недели назад.

– В следующий раз мы поедem на нее вместе, – нежно произнес Макс, и в этот момент Хелена отчетливо поняла, насколько между ними необычные отношения. Редко ей встречался человек, который смотрел на мир так же, как и она, который мог принять другую точку зрения и был открыт новым впечатлениям, даже если они не соответствовали общепринятым нормам. Вильгельм Ротман, о котором она больше не хотела думать как о своем муже, постоянно воспринимал ее пристрастия и мечты как выдумки и втискивал ее в корсет из морали и монотонности, в котором она чуть не задохнулась.

Макс же, напротив, не только разделял ее взгляды, он намного больше воспринимал ее хрупкие черты и, кроме того, давал ей почувствовать себя уважаемой и желанной.

Она посмотрела на него.

– Это было бы прекрасно, Макс. Это было бы просто замечательно.

Он посмотрел на нее в ответ, и в его глазах она увидела не только расположение и восторг. Истинное требование, выражаемое ими, окатило дрожью их тела. И она опять вспомнила Гермину, которая так безудержно предавалась страстям своей жизни, и почувствовала, как в ней самой зарождается желание насладиться этим чистым чувством. Не думать о завтрашнем дне. А просто жить.

Макс наклонился вперед, взял ее локоть и погладил его. Он, очевидно, тоже ощущал заряженную чувствами атмосферу между ними.

– В этом году была выставка Огюста Родена, – прошептала Хелена. – А также Писсарро и Ренуара. Я люблю искусство Франции, оно радостное и настоящее. И естественное.

Взгляд Макса стал еще более убедительным.

– Я сейчас думаю о скульптуре Родена, которую он назвал «Поцелуй», – произнес он бархатным голосом.

– Да, – беззвучно сказала Хелена. Ей тоже стоило усилий контролировать свои чувства.

– Мужчина и женщина. Обнаженные и чистые. И больше ничего.

Макс провел своей рукой по ее предплечью. Об ощущениях, которые он таким образом пробудил в Хелене, она прежде только догадывалась. Они будто возникали у нее глубоко внутри и были готовы разрушить струп приличий и привитой сдержанности. Она испытывала желание к этому мужчине каждой клеточкой своей души и своего тела.

Они начали играть пальцами.

– В тесных объятиях. В предвкушении.

Он гладил кончик каждого ее пальца.

– Их губы не соприкасаются, – прошептала Хелена.

– И все же мы знаем, что они отдадутся друг другу.

Хелена провела языком по губам.

– Да. Знаем.

Макс задумчиво посмотрел на ее утонченные пальцы, затем медленно отодвинул свою руку и сделал знак официанту, что пора расплатиться.

– Это просто счастье, что колокольня была расположена не непосредственно рядом с базиликой, как это принято в наших краях с башнями церквей, – сказал он твердым голосом, пряча сдачу.

Резкая смена темы немного смутила Хелену. Она прищурилась.

– Она при падении значительно повредила бы собор, не так ли?

– Вероятно, – ответил он. – Ну что, Хелена, к вам вернулись силы? Давайте продолжим нашу экскурсию.

Пока они шли по площади Святого Марка по направлению к Дворцу дождей^[18], собрались тучи, и Хелена задавалась вопросом, почему Макс постоянно соблюдал дистанцию, когда между ними создавалась чувственная атмосфера. Это не совсем соответствовало тому, что в последние недели между ними происходило, так же как затянутое небо вдруг скрыло солнце.

Глава 36

На следующий день

Вапоретто перемещался по беспокойной серой воде лагуны. В отличие от вчерашнего дня, поднялся ветер и начался дождь. Брызги волн попадали на тех немногих пассажиров, которые решились отправиться в Мурано снаружи, на палубе с навесом.

Макс и Хелена предпочли узкую каюту. Они сидели там рядом на деревянной лавке, вместе с несколькими местными жителями, которые громко что-то обсуждали на итальянском.

Макс увлеченно наблюдал за ними.

Все говорили одновременно, перебивали друг друга, особенно женщины, и подкрепляли свои высказывания активными жестами и искренним смехом. Для него оставалось загадкой, как можно одновременно говорить и слушать, но, видимо, это было особенностью итальянцев. Они просто обладали темпераментным нравом.

Кроме них на борту была еще одна пожилая супружеская пара, которая, как и они, по всей вероятности, путешествовала. Возможно, они посетили биеннале и остались ненадолго. Они тихо общались на английском языке.

Макс положил руку на узкий карниз маленького окна, по стеклу которого хлестал и стекал многочисленными ручьями дождь. Ему было жаль, что он не мог сегодня показать Хелене прекрасный вид на воду и на окружающие острова, открывавшийся с палубы в хорошую погоду, и решил, что он еще раз приедет сюда с ней. Следующим летом.

Макс посмотрел на Хелену. Она сидела прямо, спокойно и невозмутимо рядом с ним, что было характерно для нее, одна ее рука лежала на ее колене, вторая в его руке. Макс посмотрел на ее профиль и признался себе, что она ему нравится. Ее нежные черты лица, узкий прямой нос, сияющие голубые глаза под густыми темными ресницами, которые излучали столько жизни и восторга.

Когда Хелена почувствовала взгляд Макса, она повернула голову и какое-то мгновение пристально на него смотрела. Незаметным жестом он указал ей на группу, все еще активно дискутирующую, и с улыбкой кивнул ей.

– Я уже очень хочу увидеть стеклодувов, – сказала она.

– Мурано тебе понравится, – ответил ей Макс. После нескольких бокалов вина накануне они перешли на доверительное «ты». – А ты знаешь, почему производство стекла было перемещено из Венеции в Мурано?

– Нет, но ты же мне сейчас поведаешь, – в шутку сказала Хелена.

– До конца тринадцатого века оно было сосредоточено в Венеции. Но опасность пожара из-за печей в расположенных близко друг к другу домах была очень высока. Поэтому стеклодувы перебрались в Мурано.

– Разумное решение.

– Но была еще одна причина, – сказал Макс.

– Да?

– Необходимо было сохранить секреты производства стекла. В Мурано стеклодувы жили изолированно от всего мира. Тем, кто передавал знания об этом искусстве, грозила даже смертная казнь.

– Несмотря на это, информация все же просочилась, правда?

– Да. Некоторые техники попали в Германию и Нидерланды, затем в Богемию и Силезию.

– Богемское стекло тоже очень изысканное.

– У каждого стекольного завода есть свои особенности, техника постоянно улучшается, совершенствуется. А также используемое сырье не одинаковое. Во всем мире нет второго муранского стекла.

Внезапный толчок прошел по вапоретто.

– Вероятно, мы прибыли, – с улыбкой сказал Макс. – На волнах нелегко мягко причалить.

Спустя полчаса они стояли в одной из стекольных мастерских. Макс поговорил с владельцем, и тот пустил их посмотреть, как он вместе со своими помощниками в ходе сложного процесса переплавлял различно окрашенные тонкие стеклянные палочки в очаровательное плетеное изделие.

– Это называется муррина, – объяснил Макс.

– Миллефиори^[19], – кивнула Хелена. – Я знаю. Но я никогда не видела, как его делают. Это восхитительно!

– И очень жарко, – заметил Макс.

В магазине мастерской он купил ей круглое пресс-папье, выполненное в технике миллефиори, затем они вышли на улицу и пошли по переулкам Мурано. Дождь прекратился, и они рассматривали витрины различных магазинов.

– Каким же невероятным мастерством нужно обладать, чтобы создавать такие шедевры, – сказала Хелена и остановилась перед набором бокалов для вина из тонкостенного красного стекла с золотым декором, ножки которых также были выполнены из золота. – Только посмотри, как тонко проработаны все эти детали.

Макс присмотрелся.

– Да, они потрясающие. Не удивительно, что обучение стеклодува длится минимум десять лет, а до уровня мастера – еще дольше.

– Меня удивляет также такое разнообразие видов стекла.

– Это результат многочисленных рабочих процессов. Кварцевый песок, известь и сода являются важнейшими элементами, затем для различной окраски используются минералы и кристаллы. Но информация о точном составе и, вполне возможно, о каких-то секретных ингредиентах остается в тайне и передается только членам семьи. Каждый создает, таким образом, свое собственное искусство.

– И при этом муранское стекло остается неподражаемым. И очень дорогим.

– Точно.

На улицах было мало людей. Макс обнял Хелену.

– Я думаю, пообедать мы вернемся в Венецию. Что скажешь?

– Это хорошая идея.

Они еще немного походили по маленькому острову, пока вапоретто, наконец, не повез их в город.

На обратном пути Хелена положила голову Максу на плечо, и он еще больше осознал, насколько она притягивает его и в физическом плане. Конечно, она была на несколько лет старше, но на ее красоте это никак не отразилось, скорее наоборот. Молодость и опыт, любопытство и глубина чувств, уязвимость и сила соединились в ней в чувственное очарование, которое подчеркивало ее уникальную ауру.

Макс взял одну из блестящих темных прядей ее волос, которая выпала из-под токи, и заправил за ухо. При этом он легко коснулся ее щеки пальцами. Хелена повернула голову и поцеловала его ладонь. Теплое внутреннее упоение разлилось по телу, и он понял, что не сможет долго сдерживать себя. До настоящего момента между его страстным желанием и последним шагом находилась мысль о дочери Хелены. Но что произошло, то произошло. Между Штутгартom и Ривой были сотни километров и символически еще больше между ним и его прошлым. Пришло время подвести черту под этой главой.

Хелена будто прочитала его мысли. Она вздохнула, выпрямилась и начала копаться в своей сумочке, вероятно в поисках платка.

Тем временем внимание Макса привлекла одна итальянская семья, которая зашла на борт в Мурано. С ними было шестеро детей, и один из них, активный мальчик, оживленно выполнял гимнастические упражнения между рядами лавок. Как только мальчик увидел, что за ним наблюдают, он широко улыбнулся, показав при этом щели между зубами. Макс решил,

что ему лет семь или восемь.

В этот момент девочка из этой семьи упала с лавки и начала пронзительно кричать. Всеобщее внимание было приковано к ребенку, и, когда Макс снова посмотрел в сторону мальчика, его уже не было.

Руководствуясь инстинктом, Макс встал и осмотрел все ряды лавок. Хелена вопросительно посмотрела на него, но он не заметил ее недоумение и просто прошел мимо к двери салона.

Когда он открыл дверь, ему в лицо подул сильный ветер, оказалось, что шторм за несколько минут их поездки значительно усилился.

Взглядом Макс пробежал по оставшимся рядам лавок под балдахином, который был натянут над открытой палубой, и в последний момент заметил мальчика, задорно выполнявшего гимнастические элементы на поручнях. Предчувствуя беду, он направился к мальчику, чтобы уберечь его от опасной игры. В этот момент порыв ветра так сильно качнул маленький корабль, что мальчик не смог удержаться. Макс с ужасом увидел, как мальчик упал за борт.

Подбежав к месту, где произошло несчастье, он снял пальто и пиджак, небрежно бросил все на одну из лавок и вслед за ребенком прыгнул в воду.

– Макс! – крик шокированной Хелены был последним, что он слышал, прежде чем его накрыло холодной водой. Несколько секунд он не мог дышать. Между тем Макс прекрасно понимал, что времени осталось всего несколько минут. Где же ребенок?

В мутной воде практически ничего не было видно. Он еще раз набрал воздух и нырнул. В нескольких метрах под ним промелькнула темная тень. Совсем немного усилий – и ему удалось схватить руку мальчика. Макс держал ее крепко, но чувствовал, что у него самого заканчивается воздух. Толчком он вырвался на поверхность воды и, задыхаясь, вдохнул воздух, прижимая к себе бездыханное тело ребенка.

Какое-то мгновение Макс не мог сориентироваться – из-за больших волн не было видно, где находился вапоретто. Справившись с ситуацией, Макс ощутил, что в ледяной воде силы быстро покидают его.

По шуму мотора Макс понял, что его, очевидно, заметили. Вапоретто подошел ближе, и в воду бросили спасательный круг с веревкой.

Позже Макс даже не мог вспомнить момент, когда он за него схватился. Следующее, что он помнил, это перепуганное лицо Хелены, склонившееся над ним.

– Что с мальчиком? – спросил Макс и закашлял.

– Они им занимаются, – ответила Хелена. – Как думаешь, ты сможешь встать? Тебе нужно в теплое место. Снаружи ты погибнешь.

Она взяла его под руку, и он встал на ноги. Обнявшись, они пошли в каюту.

– Присядь сюда на лавку, я принесу твои вещи с палубы, – сказала Хелена.

Она ушла и, вернувшись с пиджаком и пальто, села возле него.

– Они ледяные, – сказала Хелена, сняла свою курточку и надела его пальто, вероятно, чтобы согреть его. Затем она сняла с него мокрую рубашку и попыталась, насколько это было возможно, укутать его в свою курточку.

Макс дрожал, но такая забота с ее стороны быстро возвращала ему жизненные силы. Он много занимался спортом, и вот теперь это ему пригодилось.

– Где мальчик? – он еще раз задал этот вопрос, и Хелена указала на другую сторону каюты.

С облегчением Макс услышал сильный кашель, признак того, что мальчик выплевывал воду, которой наглотался. Родители, братья и сестры засыпали спасенного нескончаемым потоком слов. Были слышны некоторые слова из «Отче наш».

– Он поправится, – сказала Хелена.

Макс кивнул.

– Разумеется.

Макс попытался улыбнуться, чтобы убрать с ее лба морщинки тревоги. Ему это не совсем удалось, и ее беспокойство растрогало его. Когда Хелена, наконец, надела на него пальто, вобравшее немного ее тепла, он испытал неведомое до сих пор чувство. Это была уверенность в том, что он определился.

Хелена уже подготовилась ко сну, но спать ей не хотелось. Вместо этого она стояла у окна своего номера и смотрела в темноту. Шок относительно того, что произошло во второй половине дня, сидел глубоко в ней.

Все произошло невероятно быстро. После того как Макс встал, наморщив лоб, и вышел из каюты, Хелена сразу же поспешила за ним. Но когда она поняла, что произошло, он уже прыгнул в воду.

К счастью, было еще не очень темно, поэтому Хелена могла направлять лодочника туда, где Макс вскоре после прыжка вынырнул вместе с мальчиком.

Затем двое мужчин бросили ему спасательный круг, который он после двух неудачных попыток, наконец, схватил, и вытащили их двоих на борт. И пока семья заботилась о ребенке, Хелена занималась Максом.

В эти минуты, когда он беспомощно лежал перед ней и она не знала, в сознании он или нет, Хелена поняла, насколько Макс для нее важен. И оставшееся до прибытия в Венецию время она не прекращала растирать его торс.

Хотя по дороге домой Макс шутил, что в его случае святые заступники, причем впятером, решили, что пока не хотят его видеть на небесах в качестве нарушителя спокойствия, все же она переживала. Воспаление легких могло начаться очень быстро и представляло большую опасность.

В дверь постучали.

Хелена быстро повернулась. Кто это мог быть?

Макс находился в кровати, и она надеялась, что он лежит с горячей грелкой и таким же горячим чаем, а больше в этой гостинице она никого не знала. Может, что-то было нужно горничной?

Хелена подошла к двери и открыла ее.

Перед ней стоял Макс без пиджака, засучив рукава своей шерстяной рубашки.

– Что?.. – спросила Хелена, но он покачал головой и завел ее в комнату.

Дверь захлопнулась.

Одной рукой Макс приподнял ее лицо. Его глаза потемнели, когда он наклонился над ней и своими губами коснулся ее губ. Осторожно и бережно он исследовал нежную чувствительную кожу, сначала неуверенно, а затем с нарастающим вождением.

– Макс, ты... – еще раз попыталась сказать Хелена, но он просто сделал «тс-с» и снова поцеловал ее.

Пульс Хелены участился.

Не переставая целовать, Макс медленно повел Хелену назад, пока она спиной не почувствовала стену у двери. Затем он на минуту остановился, тяжело дыша, опираясь рукой о стену возле ее головы.

Пристально глядя на нее, он начал пальцами другой руки обводить очертания ее лица, исследуя и предвкушая.

– У меня все хорошо, – пробормотал он. – Очень хорошо.

Она кивнула, в то время как его рука опускалась ниже. Его пальцы гладили ее шею, затем дошли до бретелек белой ночной рубашки из кружева и батиста и, лаская, сняли их с ее плеч. Легкая ткань с тихим шелестом упала на пол.

Она оказалась обнаженной, но при этом не ощущала себя оголенной. Одобрительный взгляд Макса окутал ее в тонкую пряжу из восхищения и уважения. Более того, она чувствовала себя защищенной и уверенной.

Их губы снова соприкоснулись, и Хелена начала отвечать на его

соблазнительные поцелуи. Когда он одной рукой обхватил ее грудь, у нее по коже побежали мурашки.

Она вздохнула.

Неведомые ощущения прокладывали себе путь, охватывая их и показывая, как это, когда мужчина и женщина испытывают друг к другу страстное желание, наряду с расположением и пониманием. Любопытство и вожделение пробудились и позволили рукам самим отправиться в разведывательное путешествие. Тепло переросло в жар, чувственность – в опьянение, и когда он уложил ее в кровать и лег к ней, мир был предназначен лишь для них двоих. Пребывая в удивлении, она поддалась энергии и красоте их страсти.

Когда Хелена уже потом нежилась в его объятиях, она почувствовала благодарность. Они ощущали друг друга, это было наслаждение любовью, многократно описанное и воспетое, причина счастья от любви и причина душевной боли. Исток всего живого.

Она подняла голову и глянула на Макса. Он посмотрел на нее, накрутил на палец один из ее локонов и нежно прижал Хелену к себе, долго и нежно целуя. И у нее появилось такое чувство, что только сегодня, именно этой ночью, она стала женщиной. Прошрое окончательно отпало и освободило место для неопределенного, но многообещающего будущего.

Глава 37

Вилла Ротмана, на следующий день

Юдит смотрела на маленькую эмалевую табличку, которую Виктор положил ей в руку на прощание. Насколько же резкие слова противоречили этому жесту. Непостижимо.

Она изучала прекрасную работу – маленькую и филигранную фирменную табличку в миниатюре. Несмотря на печаль и ярость, она понимала, что Виктор хотел этим выразить: свое уважение к тому, что она делает на шоколадной фабрике, и к тому, что для нее значит эта работа.

Юдит нежно провела большим пальцем по цветной поверхности таблички, ей так хотелось надеяться, что она вобрала немного его тепла. С того момента, как Виктор в воскресенье широкими шагами прошел по коридору к флигелю для прислуги, чтобы покинуть дом через боковой вход, у нее в душе был ужасный холод.

Она не могла спать. И сегодня она была переутомлена, потому что день и ночь пыталась воспроизвести события того мрачного дня и понять, почему он так ее осудил. Даже не дал ей возможность все объяснить.

А затем ей еще предстояло вынести визит Альбрехта. Самодовольно и вычурно, как и обычно, он ухаживал за ней четверть часа. Иначе она не могла назвать те хвалебные оды, которые он воспевал ее достоинствам, последовательно нанизывая их как жемчуг на ожерелье. Если бы она не была в таком растерянном состоянии, то сразу бы выставила его за дверь. А так она молча слушала все это подхалимство, и он, вероятно, воспринял отсутствие сопротивления с ее стороны как знак изменения, переборщил с проявлением расположения к ней, что вызвало у Юдит новый приступ тошноты.

К ее большому облегчению, вскоре вошла Дора и освободила Юдит из этой ужасной ситуации под предлогом того, что с ее братьями возникли проблемы. Однако в этот момент вернулся отец и помешал ее быстрому побегу. Он втянул Альбрехта в разговор ни о чем и настоял на ее присутствии. И лишь когда мужчины пошли в отцовский кабинет покурить, Юдит смогла вернуться в свою комнату.

Сославшись на проблемы с желудком, она отказалась от ужина. Но все же перед сном ее еще раз позвал к себе отец, который, как Виктор и Альбрехт, неправильно понял ситуацию.

Юдит крепко сжала в руках табличку.

Отец был чрезмерно благодарен ей за то, что она «любезно» вела себя с Альбрехтом, и выразил надежду, что она теперь будет лучше себя вести в

подобных ситуациях. Сын банкира сегодня радостно сообщил ему, что простил Юдит за проблемное начало помолвки и с нетерпением ждет, когда она проявит свою открытость по отношению к нему.

Это было уже выше ее сил.

Кроме того, Юдит не понимала, что с ней в этот момент происходило. Она ощущала себя тонким стеклянным шариком, готовым в любую минуту лопнуть. Свое необычное состояние она связывала со многими обременительными событиями прошлых недель. Юдит устала от всех ожиданий, которые устремились на нее отовсюду, а тут еще эта неприятная ситуация с Виктором. Ей было не по себе.

Других объяснений не было.

Она запрещала себе думать о том, что одна-единственная встреча с Максом Эбингером могла иметь последствия.

Она смотрела на изящные, оформленные прорезными узорами часы на камине. Половина десятого. Тео уже должен был быть здесь, вернувшись, после того как отвез отца на фабрику.

Ей было жаль заставлять кучера второй раз ехать в Штутгарт, но сегодня утром она ни в коем случае не хотела ехать с отцом. Его хвалебные оды, адресованные Альбрехту фон Брауну, она вряд ли вытерпела бы, как и поучения относительно того, что ожидается от хорошей жены.

Спустя час Юдит стояла за столом в своем помещении для экспериментов на фабрике и размышляла, как реализовать идею, которая пришла ей в голову в течение минувших бессонных ночей.

Она где-то прочитала, что в Италии производят пасту Джандуйя, заменяя в шоколадной массе часть какао жареным фундуком или миндалем. Это было то, что ее отец непреклонно демонизировал как «подделку». Поскольку фирма Ротмана уже более двадцати лет была членом союза немецких производителей шоколада, следившим за поддержанием чистоты шоколадного продукта и даже выдававшим соответствующий знак качества, уменьшение доли какао для него было неприемлемо.

Но Юдит обязательно хотела попробовать приготовить по этому рецепту, потому что была уверена, что достигнет особенного вкуса, поэтому тайно принялась за работу.

Она как раз начала измельчать бланшированный миндаль и фундук, когда в дверь постучали и затем открыли.

Она сразу поняла, что это он.

Он вернулся. Радость и облегчение охватили Юдит и позволили лелеять робкую надежду. Когда Виктор подошел ближе, сердце ее чуть не

выпрыгнуло, но внешне она старалась оставаться спокойной.

– Что ты хотел, Виктор?

– Я хотел извиниться.

Юдит положила нож, которым она измельчала миндаль, смущенно вытерла руки о фартук.

– То, что произошло в воскресенье, непристойно и никогда больше не повторится, – быстро продолжил он. – Я не имею права осуждать твои личные планы и намерения. За это я прошу у тебя прощения.

Юдит растерянно смотрела на него.

Он казался отстраненным и практически равнодушным. Его слова были лишены всяческих эмоций. В ней что-то разбилось. Неужели он и правда мог быть таким холодным? Неужели было достаточно одного-единственного неприятного недоразумения, чтобы поставить под сомнение все то, что между ними было?

У нее не было ответа. Она снова почувствовала необходимость все ему объяснить. Одновременно с этим у нее было ощущение, что между ними появилась невидимая стена, сквозь которую она не могла проникнуть.

– Благодарю тебя за эмалевую табличку, – сказала она спустя время, не отвечая на его наполовину искренние извинения. – Она прекрасна. Ты меня ею очень порадовал. Для меня это очень ценно.

Виктор громко вздохнул. Затем откашлялся.

– Не многие люди видят меня такой, какой я являюсь на самом деле, – добавила Юдит. Она чуть не расплакалась, но сумела сдержать слезы. Затем девушка посмотрела на него.

Ее простые слова, вероятно, тронули его.

– Юдит, я... – Беспомощным жестом он провел по волосам. – Я просто не мог в это поверить, и до сих пор не могу! Но это правда, не так ли? Сын банкира с блестящим будущим предлагает тебе беззаботную жизнь. Разумеется, ты примешь его предложение. И кто, по сравнению с ним, незнакомец, который каждый день вынужден работать? Который ничего не может тебе предложить, кроме большого количества работы и сарая, полного голодных ртов, как следствия своей любви?

В его словах было столько боли, что Юдит быстро преодолела те несколько шагов, которые их разъединяли, и положила руки ему на плечи.

– Некоторые вещи не такие, какими кажутся. Позволь, я тебе кое-что объясню?

Он кивнул, но никак не отреагировал на ее приближение.

Юдит опустила руки и начала тихо рассказывать. Об объявленном намерении отца престижно и благополучно выдать ее замуж, о его намеках

и угрозах и, наконец, об абсурдной помолвке, которая не имела для нее никакого значения, однако для отца этот вопрос был решен. О явном желании Альбрехта объединиться, несмотря на то унижение, которому она его подвергла. О своих чувствах, напоминающих петлю, которая все туже затягивается вокруг ее шеи, как бы сильно она не сопротивлялась.

Единственное, о чем она умолчала, – это о встрече с Максом.

Виктор терпеливо все выслушал и, когда она закончила и обессиленно закрыла глаза, обнял ее. Этот жест снял все напряжение между ними, растворил всю ярость и неуверенность. Множество невыплаканных слез в этот момент лилось рекой.

Виктор успокаивающе гладил девушку по спине, пока его рубашка становилась мокрой. Он терпеливо ждал, пока этот поток иссякнет, и Юдит, наконец, всхлипнула пару раз без слез. Затем мужчина немного отодвинулся, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Мне очень жаль, Юдит. Так много несчастья, а я видел только свои интересы. При этом мне хорошо известно, как это, когда другие считают, что могут принимать решения относительно тебя самого, будто у тебя нет собственной воли.

Юдит сопела, и он достал свой носовой платок.

– Я им пару раз вытер пот, абсолютно свежего у меня, к сожалению, нет...

Юдит взяла платок, вытерла глаза и скромно высморкалась.

– Ты... ты тоже что-то подобное пережил? Поэтому ты в Штутгарте, а не в Берлине?

– В том числе. Мой отец тоже принудил меня к тому, чем я абсолютно не хотел заниматься.

– Да, ты об этом рассказывал. По его воле ты вынужден был учиться в военной академии.

– Именно, – сказал Виктор и слегка улыбнулся. – Ты запомнила. Он бесцеремонно проявлял по отношению ко мне свою власть, что привело к фатальным последствиям. Но про это я расскажу тебе при более подходящем случае.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга молча, и Юдит была невероятно рада вернувшемуся доверию.

По лицу Виктора тоже было заметно, что ему стало легче. Он улыбнулся и перевел взгляд с девушки на ее рабочий стол.

– Чем ты сейчас занимаешься? Опять одно из твоих особенных лакомств?

В этот момент Юдит оживилась.

– О, да. Я как раз готовлю пасту Джандуйя, и это действительно нелегко.

– Что ты готовишь?

Юдит не могла не засмеяться.

– Это смесь из жареных орехов, миндаля, сахара и какао. Все необходимо мелко нарубить и превратить в однородную массу.

– Вручную это, наверное, очень сложно.

– Да. Но я не могу использовать для этого одну из дорогих машинных установок. Кроме того, отец ничего не хочет слышать о том, чтобы добавлять в какао-массу другие ингредиенты, кроме какао, сахара и ванили. Он сразу считает это фальсификацией, в любом случае в его глазах это сразу уже не может быть хороший, чистый шоколад.

– Только потому, что там есть другие ингредиенты?

– Потому что доля какао уменьшается и замещается орехами.

– Ах, правда, есть же этот знак качества. Но он слишком строго к этому относится.

– Я тоже так считаю. Хотя это больше и не шоколад, каким его традиционно принято считать, но это тоже что-то очень вкусное. В Турине паста Джандуйя является национальным блюдом.

– Мне уже не терпится попробовать твой новый вид шоколада, – ободряюще ответил Виктор. – Ты не подмешиваешь туда мел или перемолотые в порошок кирпичи?

– Конечно же, нет, – подтвердила Юдит. – Также нет никакой земли или опилок.

Они рассмеялись, зная, что были времена, когда в шоколад действительно подмешивали такие добавки, чтобы экономить дорогой какао.

– Убеждение, которое стоит за этим стандартом чистоты, в принципе похвально, – подытожил Виктор. – Но сегодня ведь никто уже не занимается такими наглыми подделками. – Он посмотрел на измельченный миндаль и фундук. – М-м-м. Я думаю, тебе нужна помощь.

– Да, и правда. Я позову Паулину.

– Нет. Я имел в виду настоящую помощь.

Юдит вопросительно на него посмотрела.

Он снял курточку и повесил ее на крючок на стене.

– Это значит, что ты хочешь мне помочь? – Юдит была приятно удивлена.

– Именно.

Вместе они действительно хорошо справились, поджарив

измельченный миндаль и фундук и растерев еще теплые ядра так мелко, насколько это было возможно. Потом они смешали орехи с мягкой карамелью и растопленным шоколадом. Юдит добавила еще немного какао-порошка.

Прошло достаточно много времени, пока смесь превратилась в эластичную массу, но вскоре перед ними уже лежали блестящие шоколадно-коричневые комки пасты.

– Ты попробуешь? – сказала Юдит довольно и отщипнула немного. – Проба. – Она протянула кусочек пасты Виктору.

– С удовольствием, – ответил он, взял ее пальцы и поднес ко рту. Когда он осторожно пробовал, то губами коснулся ее большого пальца.

– А теперь ты, – прошептал он и предложил ей кусочек.

Она прикрыла глаза от удовольствия, когда он отправил лакомство ей в рот и кончики его пальцев коснулись ее губ.

Затем вдруг она почувствовала его губы на своих. Как такое возможно, чтобы поцелуй был с таким приятным вкусом? Вкусом фундука, миндаля, карамели и шоколада.

И со вкусом Виктора.

Глава 38

Дегерлох, первый Адвент^[20] 1903 года

Карл и Антон схватили свои красные лакированные сани и отправились вниз к Штайгелоху, маленькому озеру внизу за кварталом вилл. На плечах у них висели связанные кожаным ремнем коньки. Когда представилась возможность, они сели на свои санки и с криками понеслись вниз по пологим улицам, на которых снежный покров под весом прохожих и транспортных средств просел и стал твердым.

Три дня назад был большой снегопад. Даже отец в тот день остался дома и не поехал на фирму – такая неистовая погода была на улице.

Но вскоре снег прекратился. Хоть и было очень холодно, но после нескольких дней домашнего плена близнецам очень хотелось на улицу.

К счастью, отец отменил свое слишком строгое распоряжение, согласно которому они постоянно должны были находиться под контролем. После того случая с осами летом им несколько недель практически не удавалось улизнуть, а если и получалось, то ненадолго. К тому же к братьям домой приходил репетитор, чтобы оценить и улучшить их успеваемость. Поэтому им не только не хватало друзей, но и занятия забирали намного больше времени. У близнецов было такое чувство, что их пичкают бесполезными знаниями как гуся ко Дню святого Мартина.

Но сегодня было воскресенье, а это означало, что ни учителя, ни отца дома не будет. Да и Юдит опять ушла в свою комнату. Она стала какой-то странной, их взрослая сестра. Но, возможно, девушки такими всегда становятся, когда им приходится выходить замуж. Потому что Карл и Антон не могли не услышать, что все постоянно говорили о свадьбе Юдит с Альбрехтом фон Брауном.

Но сегодня, наконец, пришло время для настоящих зимних развлечений. Гонки на санках начались.

– Эй, внимательнее! – проворчал Антон, когда Карл подрезал ему путь, а тот засмеялся и чуть не врезался в маму с ребенком, идущих по обочине.

На следующем повороте его снова поджидал брат, чтобы начать веселье.

– Поезжай прямо вниз, – кричал Антон. – Тогда ты не будешь становиться у меня поперек дороги.

– Слушай, это же шутка.

– Что? Сбивать меня с пути?

– Ну ладно! Просто ехать вниз может каждый. – Карл сильно толкнул брата и поехал за ним, заставляя его резко повернуть.

– Если ты не прекратишь, то я вернусь домой, – пригрозил Антон, и оставшуюся часть пути Карл довольствовался элегантными разворотами вокруг оставленных лошадьми следов. То, что он время от времени коньком или ботинком попадал в конский навоз, его не беспокоило. Для чего же тогда нужен Роберт? Он позаботится о грязных вещах.

Наконец, братья стояли перед Штайгелохом и с радостью констатировали, что они первыми сегодня пришли к озеру. Оно практически до дна промерзло.

Среди недели взрослые вырезали здесь ледяные блоки. Большие куски увозили на повозках и продавали, чтобы летом охлаждать с их помощью морозильные камеры. Поэтому кататься на коньках на озере Штайгелох было запрещено, хотя детей это не останавливало, потому что в ходе своей работы мужчины очищали лед от снега и создавали таким образом замечательный каток.

– Пойдем сначала с санками, – решил Карл. Он оставил коньки на краю озера и расположил свое транспортное средство в центре маленькой ледяной поверхности.

Антон повторил за ним.

– А что мы сейчас будем делать? – спросил он.

– Мы подождем, пока кто-нибудь придет, и будем требовать деньги за вход, – предложил Карл.

– Как это – за вход?

– Вот так. Кто сегодня хочет попасть на Штайгелох, тот должен заплатить за это.

– Ты думаешь, кто-нибудь заплатит? – с сомнением в голосе спросил Антон.

– Конечно, заплатят. – По всей видимости, Карл был доволен своей идеей.

– Хорошо. Как нам тогда лучше стать, чтобы никого без оплаты не пускать?

Карл задумался.

– Мы построим ворота из наших саней. Затем принесем пару веток и сделаем ограждение. По крайней мере, в тех местах, где можно попасть на озеро.

– Но это ведь никого не остановит, – возразил Антон.

– Это зависит от того, сколько веток мы принесем.

Добыча необходимого строительного материала оказалась непростым и отчаянным делом. Из-за холода и снега ветки и маленькие сучья деревьев и кустов, которые росли вокруг озера, легко ломались, и некоторое время

спустя нагромождение из тонких и толстых веток покрывало берег с обеих сторон от их санок.

Мальчики все еще были заняты сооружением барьера, когда начали подходить первые дети и с любопытством осматривать необычное строение.

– Что это такое? – спросила маленькая девочка, и Антон объяснил ей, что сегодня нужно заплатить, чтобы попасть на озеро.

Так как ни у кого из детей не было с собой денег, было решено, что они ничего не будут платить, если помогут при дальнейшем сооружении ограждения. Так их стало пятеро, затем семеро, и, в конце концов, им активно помогали двенадцать детей. Те, кто жил поблизости, тайком приносили из дома колышки и необходимые инструменты, поэтому с несколькими пилами в наличии дело пошло значительно быстрее. Со временем основная идея, которая заключалась в том, чтобы брать деньги за вход, отошла на второй план. Речь шла уже о строительстве как можно более высокого вала, чтобы защитить озеро, суверенную территорию, от пока еще неопределенного врага. Дети предавались мечтаниям о приключениях, которые мысленно уносили их в самые дальние страны, подальше от обычного зимнего воскресного дня в спокойном месте под названием Дегерлох. Они строили все усерднее, их сооружение становилось все плотнее, а настроение все веселее.

Это продолжалось, пока на озеро не пришли трое крепких ребят, один выше другого, и не стали, широко расставив ноги, перед воротами из красных санок.

Антон толкнул Карла в бок.

– Эй, смотри!

– Уау, ребята Бёппле! – Карл наморщил лоб.

– Что вы здесь делаете?

Карл задумался. Между тем и другие дети заметили, что назревала ссора, и прекратили свою работу. Напряженная тишина повисла над Штайгелохом.

– Что это значит? – задал вопрос старший из Бёппле и указал на хаос из веток, колышков и нескольких камней.

Карл не придумал ничего лучше, чем сказать:

– Сегодня нужно заплатить, если хочешь пройти на лед.

Он самоуверенно стал на пути троих Бёппле, так же широко расставив ноги. Антон повторил за ним, но держался все же за братом.

– Заплатить? Не смей меня! – сказал старший Бёппле и сделал шаг вперед. – Как ты собираешься мне помешать просто пройти на озеро?

Карл, который был примерно на голову ниже, чем старший брат Бёппле, и такого же роста, как младший из них, сделал крошечный шаг назад.

– Вы здесь не пройдете!

– Да что ты говоришь!

Старший Бёппле, чей голос звучал немного низко, начал громко смеяться. Его братья присоединились к нему. Затем они устремились через пропуск у саней.

Карл и Антон пытались помешать им пройти, но их грубо оттолкнули в сторону. Когда другие дети увидели, что братья Бёппле проникли в их убежище, они выстроились в ряд перед захватчиками.

– Эй, и что это будет? – спросил средний из Бёппле и попытался силой отодвинуть в сторону толпу детей. Его братья помогли ему в этом, и таким образом обычная потасовка переросла в серьезный конфликт.

Многие девочки бросились бежать, осталась только одна, и она принимала активное участие в потасовке.

Дети толкались, били и пинали друг друга, были слышны дразнилки и ругательства. В какой-то момент дерущиеся так увлеклись потасовкой, что не заметили, как пришли взрослые, среди которых были учитель и священник.

И только когда над озером раздался крик, дети опомнились.

Братья Бёппле бросились наутек, но далеко убежать им не удалось, так как девочки натянули посреди улицы канат, и они упали. Кузнец, который как раз подошел, взялся отвести их домой.

Для оставшихся на озере детей ситуация тоже накалилась. После того как Антон, который отличался обостренным чувством справедливости, все объяснил, разделив таким образом вину между собой и Карлом, остальные дети могли идти домой.

– Так-так. Близнецы Ротман. Меня это не удивляет, – учитель начал свою головомойку. – Репетитор тоже не может на вас повлиять. А что можно ожидать, если в этих двух головах нет ничего, кроме шалостей!

– Как вы намерены все это исправлять? – спросил священник.

Карл упрямо молчал. Антон судорожно начал думать о наказании, которое было бы уместным, но не таким ужасным.

Но прежде чем ему в голову пришло что-то подходящее, сверху раздался голос учителя:

– Вы сначала уберете отсюда весь этот мусор. А я пока схожу к вашему отцу и сообщу ему о поведении его сыновей. Затем я вернусь и не уйду до тех пор, пока вы все не уберете!

Карл и Антон повесили головы.

– Да, вот вы вдруг и успокоились, – сказал учитель. – Может, будете впредь думать, прежде чем заниматься такой ерундой!

Сказав это, он ушел. Священник с состраданием посмотрел на них и отправился по своим делам.

Карл и Антон принялись разбирать линию обороны. Закончили мальчики после наступления темноты. Когда они, наконец, вернулись домой, то дрожали от холода. Юдит, Бабетта и Герти сразу же уложили их в постель.

Учитель больше не вернулся на Штайгелох. Вместо этого он уютно сидел с Вильгельмом Ротманом в его кабинете, где хозяин потчевал его элитным коньяком, стопка за стопкой. Идея отправить близнецов в интернат для мальчиков, чтобы исправить их поведение, казалась ему отличной.

Глава 39

Шоколадная фабрика Ротмана, начало декабря 1903 года

– Этот десерт называется туррон, он тоже из Италии. Так же, как и паста Джандуйя. Яичные белки необходимо хорошо взбить, чтобы на смеси оставался видимый след от разреза ножом.

Юдит с улыбкой наблюдала за тем, как Виктор старался взбить яичные белки до необходимой консистенции. Как только у него выдавалась свободная минута, он сразу отправлялся в помещение для экспериментов к Юдит. Это было вполне возможно, потому что, выполняя свои задания, он перемещался по всей фабрике и постоянно был в разных местах, чтобы проверять технику, планировать или осуществлять ремонт или искать способы сэкономить.

Как только закрывалась дверь, Виктор и Юдит начинали вместе работать над новыми сладкими идеями. Виктор знал, что новые лакомства не получится производить в больших количествах, но ему нравилось экспериментировать. И находиться рядом с Юдит.

Они уже пробланшировали целую гору миндаля и обжарили его в большой сковороде. Пока он остывал, Юдит разогрела светлый мед в медной кастрюле.

Ее лицо так очаровательно покраснело от усердия и тепла, и Виктор наблюдал за ней с откровенной симпатией. У него не было человека ближе, чем Юдит. Если бы для них двоих был путь, он без раздумий ступил бы на него. Его инстинкт завоевателя был так же разбужен, как и желание защитить девушку от Альбрехта фон Брауна, которого он прежде пару раз видел и чья надменная манера поведения каждый раз вызывала отвращение. К тому же он сразу заметил, что за внешним обликом Альбрехта ничего не было. Все, что из себя представлял Альбрехт фон Браун, – это статус сына самого влиятельного частного банкира города. Этим он не вызывал у Виктора никакого уважения, только сострадание.

Юдит перемешивала мед, пока он не приобрел кремообразную беловатую консистенцию.

– Белки еще взбивать? – спросил Виктор и показал ей содержимое миски.

– Это то, что нужно, – сказала она и добавила белки к меду. – Ты не мог бы еще продолжить перемешивать? Не быстро, но равномерно.

Виктор занял место у плиты и делал то, что ему сказала Юдит. Он вдыхал аромат меда и жареного миндаля и очень хотел попробовать туррон.

Наконец, Юдит окунула столовую ложку в медовую массу, а затем в чашку с холодной водой.

– Видишь, сейчас все хорошо! Появляются маленькие трещинки, так и должно быть. Так написано в рецепте!

Виктор принес тяжелую медную кастрюлю и поставил ее на стол. Затем он насыпал миндаль в медовую смесь. Юдит все перемешала. Наконец они выложили миндальную массу на противень.

– Теперь ей нужно только остыть, – довольно сказала Юдит.

– Тогда я вернусь к своей основной работе. Не хочу, чтобы меня искали! – сказал Виктор. – Но я же получу свою пробу? – Он подмигнул ей.

– Конечно! – ответила Юдит. – И спасибо, что помог. Мне очень нравится, когда мы вместе экспериментируем над этими лакомствами.

Виктор снял с крючка свою синюю рабочую курточку и надел ее. Он подошел сзади к Юдит, положил ей руки на плечи и зарылся носом в ее волосы. Как же она пахла!

Юдит повернула голову, и Виктор коснулся губами нежной кожи ее лба. Он нежно ласкал ее волосы, прошелся губами до висков.

Затем Виктор вспомнил, о чем давно хотел поговорить с девушкой. Он обнял ее и осторожно повернул.

– Могу я задать тебе вопрос о твоём отце, Юдит?

– Да, конечно.

– Даже если это меня абсолютно не касается?

Она наморщила лоб.

– Что бы это могло быть?

– Не замечала ли ты в последнее время, что твой отец, скажем так, располагает ограниченными средствами?

– Что ты имеешь в виду?

Виктор почесал затылок.

– На фабрике на всем стараются сэкономить, и я задаюсь вопросом, как долго мы еще сможем справляться с конкурентами.

– Ты уже намекал на это, указав на то, что здесь слишком старое оборудование, – задумчиво сказала Юдит. – Ты действительно считаешь, что денег не хватает?

– Никакое другое объяснение мне в голову не приходит. И потом...

– Что?

– ...это намерение выдать тебя замуж за Альбрехта фон Брауна, несмотря на твоё возражение. Конечно, это можно объяснить тем, что фон Браун потакает срочному желанию своего сына, который во что бы то ни стало хочет сыграть эту свадьбу. И тем, что твой отец не может отказать,

потому что не хочет злить банкира. Но мне кажется это слабым аргументом.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Можно предположить, что твоему отцу срочно нужны средства, чтобы спасти фирму. И что твое замужество в данный момент является единственным способом их получить.

Юдит была явно в шоке, и Виктор опасался быть таким откровенным. Но чтобы докопаться до сути, ему нужна была ее помощь.

– Я об этом вовсе не думала, – ответила она после непродолжительного молчания. – О его причинах выдавать меня замуж за Альбрехта фон Брауна.

– Но такое вполне вероятно...

– Да. Теперь, когда ты так сформулировал... наверное, вероятно. – Она наморщила лоб. – Чтобы это выяснить, мне необходимо знать, как в действительности обстоят дела на фабрике. А это возможно, если я смогу посмотреть документы.

– Это возможно?

Юдит задумалась.

– Я не думаю, что отец просто так разрешит посмотреть. А если я его об этом спрошу, то он точно насторожится.

– Значит, нам нужно найти другой способ.

– Да. Это возможно, только если мы тайно проберемся в контору и просмотрим документы.

– Для этого нам нужен ключ. Или кто-то, кто умеет взламывать замки, – улыбнулся Виктор. – Я знаю одного такого человека.

– Правда? Ты знаком со взломщиком? Кто это? – Юдит засмеялась.

– Ты тоже его знаешь. Эдгар.

– Эдгар Нольд?

– Именно он. Он просто очень ловкий. Однажды после нескольких бокалов пива он рассказывал мне о своих попытках с помощью проволоки открыть замки. Ради шутки, разумеется.

– Тогда спроси его. Достать ключ сложно. И как только отец заметит, что связки нет, он сразу поставит охрану к конторе. Тогда мы и с ключом ничего не выясним.

– Ничего страшного, если мы с Эдгаром будем в это вовлечены, все же речь идет о тайнах фирмы?

Юдит посмотрела на Виктора и дотронулась рукой до его щеки.

– Я доверяю тебе. И если ты доверяешь Эдгару, то и я ему доверяю.

Виктор кивнул и взял ее руку в свои.

– Я думаю, что самые важные документы хранятся отдельно. Было бы хорошо, если бы ты в ближайшие дни смогла посмотреть, что где стоит. Хотя бы примерно.

– Я могу попытаться. Но я не буду делать ничего такого, что могло бы вызвать подозрение. Ты разбираешься в документах? Ну, что где указано? Какие данные важны?

Виктор не мог не засмеяться.

– Это справедливый вопрос. Я читал кое-что по этому поводу, потому что меня это давно интересует.

– Ты бы и сам хотел основать фабрику, не так ли? – спросила Юдит, скорее в шутку, но она заметила, что Виктор был настроен серьезно.

– Да, – ответил он. – Это то, что мне интересно и чем бы я мог заниматься. И в первую очередь я бы позаботился о том, чтобы создать хорошие условия для работников.

– А я с удовольствием тебя в этом поддержала бы, – сказала Юдит.

Невероятно нежно Виктор взял в руки ее лицо.

– Попробуем, Юдит. У нас получится!

Он нежно поцеловал ее в губы и в лоб, а затем направился в машинное отделение.

После того как Виктор ушел, Юдит продолжила заниматься своими новинками. Она взяла кусок свежеприготовленного туррона и разрежала его на маленькие кусочки. Затем разместила их под пастой Джандуйя, которую она держала охлажденной. Готовой турроне-джандуйя-массой она заполнила несколько вылитых из шоколада форм, которые как раз затвердели в холодильной камере. Сверху залила все жидким шоколадом и снова положила в холодильную камеру.

Когда она ставила свои противни, то спиной почувствовала взгляды девушек из отдела декораций. Они уже говорили, что из-за изобретений Юдит в камере постоянно мало места, и Юдит думала над тем, что было бы разумно приобрести еще одну или две морозильные камеры.

По пути к своему экспериментальному помещению она решила спросить об этом отца, и ей не терпелось узнать, удовлетворит ли он ее просьбу. Возможно, по его реакции она сможет понять, верны ли предположения Виктора относительно того, что у него нет денег, чтобы позаботиться об обновлении и расширении оборудования фирмы?

Она переоделась и отправилась к конторе. Различные запахи, которые распространялись по коридорам и лестницам, сразу вызвали у нее приступ тошноты. Очевидно, она подхватила какую-то сильную инфекцию, потому что, помимо бунтующего желудка, она ощущала усталость и

головокружение, и время от времени ее мучали боли в нижней части живота. Может, ей и правда стоило несколько дней передохнуть и основательно вылечиться.

– Что случилось, Юдит? – прикрикнул на нее отец, когда она оказалась перед его письменным столом. – Тебе недостаточно того, что ты постоянно находишься на фабрике вместо того, чтобы готовиться к свадьбе? Кстати, Маргарет вызвала портниху, которая будет заниматься твоим платьем. Пожалуйста, обсуди с ней время для примерок и прочих вещей.

Юдит сдержала дерзкое возражение и постаралась сделать приветливое выражение лица.

– У меня важный вопрос, отец.

– Тогда давай быстрее. Мне как раз сейчас нужно к фон Брауну.

– Э-э... да... Хорошо. Я хотела предложить купить две новые холодильные камеры. Для отдела декораций.

– Сразу две? Пока ведь хватало одной.

– Работа идет, но без сложностей, действительно, не обходится в последние месяцы. Как только поступает особый заказ, возникают проблемы.

– Ага. И эти особые заказы поступают, вероятно, от тебя?

– Я тоже туда иногда что-то ставлю, но в основном речь идет о потребностях отдела декораций, – настаивала Юдит. Только из-за ее кондитерских экспериментов, разумеется, отец не будет устанавливать новые холодильные камеры. А вот на настоящую необходимость он должен был бы отреагировать.

Отец, по всей видимости, задумался. Затем он встал и подошел к окну своего кабинета.

– Знаешь что, Юдит? – сказал он, глядя в окно. – Когда ты выйдешь замуж за Альбрехта, я закажу сразу две холодильные камеры. Так как тебе они нужны не для себя, то это, определенно, потерпит до свадьбы.

Юдит напряженно скрестила пальцы, чтобы приглушить зарождающийся протест. Упорство и отказ ей не помогут. Если она хотела чего-то добиться, то нужно было действовать обдуманно.

– Но почему только тогда?

– Потому что новые приобретения нужно сначала просчитать и рассмотреть различные предложения. То же самое касается и еще одного твоего вымысла, этого шоколадного автомата. Это, в принципе, неплохая идея, но для этого нужны средства.

Некоторое время назад Юдит по просьбе Виктора уже начала разговор с отцом о шоколадном автомате, но получила только уклончивый ответ.

Теперь он раскрыл свои карты.

– Вы хотите сказать, что на фирме их нет? Я имею в виду, что здесь есть и некоторое оборудование, которое стоило бы заменить...

– Помолчи, Юдит! – перебил ее отец. – Ты в этом ничего не понимаешь.

Юдит решила больше не давить на него. Она узнала достаточно, чтобы понять, что подозрения Виктора, по всей вероятности, соответствуют действительности.

– Ну хорошо. Спасибо, что выслушали, отец.

– Подожди, Юдит!

– Да?

– После Рождества ты, наконец, должна позаботиться о своем приданом. Это не значит, что ты совсем не сможешь сюда приходить, но настало время готовиться к свадьбе и к новым обязанностям жены.

Юдит поняла невысказанное послание. Как только она станет женой Альбрехта, то должна будет заботиться о семейном очаге. И ни о чем больше.

Сжав губы, Юдит кивнула и вышла из кабинета. Но вместо того чтобы вернуться в свою рабочую комнату, она стояла возле гаража, пока не увидела, что Тео повез отца к воротам фабрики. Если он собирался к фон Брауну, то вернется не скоро. Она хотела использовать это время.

Она подобрала платье и вернулась в контору.

Глава 40

Мастерская Алоиза Эберле, в пятницу перед вторым Адвентом 1903 года

Эдгар Нольд склонился над эмалевой формой из меди и проволокой прокладывал отдельные фрагменты цветочного мотива, которые затем заполнил разноцветной эмалью. Подобным образом он обработал несколько металлических балок, прежде чем поставить подготовленные таблички на полку для высыхания.

После обжига он принялся вручную разрисовывать эмалевую поверхность табличек, чтобы повторно отправить их вместе с другими работами в обжиговую печь.

Работа с эмалью требовала больших усилий. Чтобы успевать выполнять многочисленные заказы, Эдгар работал с раннего утра до поздней ночи.

Ему повезло, что Алоиз Эберле предоставил ему место рядом со своей мастерской. Именно Виктор спросил об этом господина Самоделкина. Эберле был вдовцом, и у него было достаточно места, а вот организовывать эмалевое производство в квартире, где проживали двое мужчин, даже при условии, что оба ничего против не имели, – это было уже слишком.

От этого решения все только выиграли.

Эдгару не нужно было платить большие деньги за аренду, и благодаря хорошим заказам ему не составляло труда ежемесячно вносить определенную сумму. Кроме того, он приобрел вторую печь большего размера, чтобы начать маленькое эмалевое производство. Он был рад, что его дело процветает. Также он нанял молодого парня, которого обучил производству эмалевых табличек и который очень ему помогал.

Несколько недель назад абсолютно неожиданно в мастерскую пришел даже отец Эдгара и заказал несколько табличек для своей мыловаренной фабрики. Признание, которое Эдгар увидел в глазах отца, было для него лучшей похвалой. Из представителя богемы, тратившего свое время на искусства, которые никто не хотел покупать, и заливавшего разочарование абсентом, он стал находчивым предпринимателем, который сумел на собственном искусстве зарабатывать деньги.

Эдгар знал, что его клиенты были очень довольны. Каждый предмет из его мастерской отличался не только высоким качеством, но и прекрасным индивидуальным декором, который он нередко кропотливо вырисовывал. Высокая цена, которую он вынужден был за это требовать, безоговорочно оплачивалась.

И если его полоса везения не закончится, то ему придется снимать помещение побольше. Но пока он хотел убедиться, что его успех стабилен.

На улице было уже темно, но электрический свет достаточно хорошо освещал помещение, чтобы можно было продолжать работу. Эдгар хотел сделать эскизы для фирмы Эбингера. Отец его друга Макса заказал большое количество табличек для своей машиностроительной фабрики. Среди них были простые обозначения отделов, или номера, а также и рекламные таблички, оформление которых должно было быть особенным. Тем временем причудливые орнаментальные эскизы Эдгара, которые поначалу высмеивались, стали очень популярны. Эдгар углубился в работу.

Когда спустя час тихо заскрипела дверь, он понял, что пришел Виктор.

– Сейчас заканчиваю, – пробормотал Эдгар и нанес последние штрихи на белую поверхность. Затем он вытер кисть, отложил ее в сторону и встал.

– Я смотрю, что дело движется, – сказал Виктор и оценил несколько табличек, которые были уже готовы и ждали, когда их заберут. – Это прекрасные работы, Эдгар. Ты еще помнишь, как выглядели твои первые пробные работы?

– Это я никогда не забуду. Разбитое стекло, пузыри, царапины, треснувшая эмаль.

– И краски после обжига не всегда принимали тот оттенок, который ты хотел. Но ты быстро научился. И посмотри, на каком уровне ты сейчас. Мое уважение!

– Спасибо, слишком много похвал. Хочешь морса?

– Скажи только, Эберле дал тебе доступ к бочке с морсом!

Эдгар только улыбнулся и ушел, чтобы вернуться с серым кувшином из каменной керамики, на котором грубыми мазками были нанесены несколько стилизованных синих цветов. Он поставил кувшин на стол, убрал бумагу, карандаш и прочие вещи в сторону, достал две кружки и налил морс.

– Алоиза здесь нет, и я понятия не имею, где он. Он недавно ушел из дома.

– Жаль. Я хотел еще кое-что с ним обсудить.

Эдгар чокнулся кружкой с Виктором и сделал большой глоток морса.

– Как же я хочу пить!

– Где же твой помощник? – присев, спросил Виктор.

– Пошел домой, последние дни он напряженно работал, поэтому я отпустил его пораньше.

– Тебе, видимо, придется еще кого-то нанять.

– Я тоже так думаю. Я сейчас немного присматриваюсь, но еще толком не искал. Кроме того, на улице столько снега, что я выхожу из дома, только когда это действительно необходимо.

– В этом ты прав. А здесь с твоими печками ты никогда не замерзнешь, – иронично заметил Виктор и залпом выпил свой морс.

– Ты все же можешь посмотреть на автомат, – предложил Эдгар. – Может, я смогу что-то подсказать относительно дальнейших работ.

– Я хотел бы посмотреть перед уходом, – сказал Виктор и осторожно перешел к другой теме, которая не давала ему покоя. – Ты же знаком с сыном банкира фон Брауна.

– Альбрехтом? Конечно. Но мы с ним давно уже не виделись. Он обручился с младшей Ротман, разве у них не скоро свадьба?

– Это он так думает, – ответил Виктор.

– Разве это не так?

– Последнее слово еще не сказано.

Эдгар, который не знал, насколько за последнее время сблизилась Виктор и Юдит, тихо засмеялся.

– Да, кажется, она была от этого не в восторге, так, по крайней мере, говорят. Он все молча проглотил. Но Альбрехт так давно за ней убивается, что был готов к этому.

– Он давно за ней убивается? – переспросил Виктор.

– Да. Ты же знаешь, Альбрехт, Макс Эбингер и я долгое время были настоящими друзьями. Ты их пару раз видел.

– Да, но это было несколько месяцев назад.

– Ну, не важно. В любом случае Альбрехт рассказывал нам в... Боже мой, когда же это было... я думаю... в феврале или в марте, что его отец и Ротман договорились о свадьбе с Юдит.

– Так значит, это было давно решенное дело?

– Да. Только Ротман, судя по всему, забыл сказать об этом своей дочери.

– Потому что она никогда бы на это не согласилась, – огорченно сказал Виктор, и Эдгар насторожился.

– Скажи-ка... Меня это, конечно, не касается, но у тебя есть какой-то интерес к Юдит Ротман? – спросил он с любопытством. – Я никогда не видел тебя таким разговорчивым, по крайней мере, когда речь идет о женщинах. Ты проявляешь слишком большой энтузиазм в этом деле!

– Я почти каждый день вижу ее на фабрике. Мы работаем вместе в некоторых сферах и довольно неплохо. Поэтому я и показал ей шоколадный автомат.

- Меня поначалу удивило, зачем ты вовлек ее в этот проект.
- Потому что она привнесет то, что проекту необходимо: большую любовь к тому, чем она занимается.
- Это звучит восторженно.
- Я не буду спорить с тем, что она мне нравится. И я думаю, мы вместе сможем что-то изменить на фабрике Ротмана.

Эдгар удивленно на него посмотрел.

- А что она думает по этому поводу?

Виктор играл своей кружкой.

- Я думаю, она разделяет мое мнение.
- Ты думаешь?
- Я знаю.
- А я думаю, у тебя большие проблемы.
- Может быть.

Эдгар налил еще морса.

- Как ты думаешь, что Ротман с тобой сделает, когда узнает об этом?
- Выгонит из города?
- Если ему этого будет достаточно.
- У Ротмана сейчас другие заботы. Во всяком случае, я так думаю.

Эдгар поставил кружку с морсом.

- А это уже любопытно! Рассказывай.
- В фирму уже несколько лет не производятся инвестиции. И мне интересно почему. Если Ротман и дальше будет действовать в таком духе, он обанкротится.
- А ты можешь делать такие выводы?
- Ну да, я по долгу службы знаю, что происходит в отделах, и прежде всего вижу, чего не хватает. А тут еще и его дочь должна выйти замуж за сына его банкира. Я не удивлюсь, если после свадьбы в семью польются деньги.

Судя по всему, Эдгар серьезно обдумывал слова Виктора.

- У меня тоже отец недавно мог потерять свою фирму. Его спас большой заказ. Он тоже тогда никому не доверял. Для Юдит это будет катастрофа, если ее таким образом продадут. И для Альбрехта тоже.

– У меня такое впечатление, что Альбрехт ведет себя как ребенок. Он хочет ее заполучить и требует то, что хочет. Он понятия не имеет, что это такое – быть в браке, который основан на взаимном отвращении. Я это пережил на примере моих родителей. Моя мама рано умерла.

- Некоторые подобные браки существуют вполне сносно. Но я знаю Альбрехта. Он не будет довольствоваться фарсом. Он будет проявлять

свою власть супруга по отношению к Юдит. Он слабый человек, и в этом его проблема.

Виктор кивнул. Затем он перешел к делу:

– Мы с Юдит хотим просмотреть документы, чтобы понять, в чем дело.

– У Ротмана? Это будет сложно.

– Поэтому нам нужна твоя помощь. Ты должен провести нас в контору.

– Я должен вам помочь взломать кабинет Ротмана? Если это всплывет, Райнбергер, я могу закрывать свою мастерскую.

– Я знаю.

– Значит... Какую я буду иметь с этого выгоду?

– Я хотел бы спросить тебя независимо от твоего решения. Ты мог бы производить высококачественные банки из эмали? И в большом количестве? Для какао-порошка, шоколадных плиток и конфет. Я думаю, что лучше было бы предлагать высококачественную продукцию не в деревянных шкатулках, а в подарочной упаковке с современным декором.

Широкая улыбка появилась на лице Эдгара.

– Ты так говоришь, будто ты уже владелец фабрики Ротмана. Идея хорошая. И, разумеется, я смогу это сделать. Но...

– Если мы поможем, Юдит точно попробует организовать твои работы на фабрике Ротмана. В качестве поставщика, так сказать. Кроме того, эти банки можно было бы так продавать – для подарков, леденцов и прочего. Подумай над этим, Эдгар. Я не тот человек, который бездумно во что-то ввязывается.

– Но ты безумно увлечен. Это отрицательно сказывается на способности рассуждать.

– Ты нам поможешь?

Эдгар покачал головой и выпил еще морса.

– Ты заставляешь меня задуматься, Райнбергер. Если бы я это знал, я бы никогда не принял тебя у себя.

– Ты уже это говорил.

На этот раз улыбнулся Виктор.

– Как именно вы себе это представляете?

– Нам нужна твоя ловкость рук, чтобы открыть замки. Далее нам придется быстро просмотреть многие документы, и, если мы что-то найдем, сделать копии или хотя бы записать, где какие из них находятся. Вдвоем с этим не справиться.

– Ты ищешь взломщика и секретаря в одном лице, – заметил Эдгар.

– Можно и так сказать.

– И когда все это нужно сделать?

– Как только представится возможность. Лучше всего перед Рождеством.

– Но тогда Юдит придется ночью ехать в Штутгарт.

– Я заберу ее.

– Слушай, Виктор Райнбергер, меня не удивляет, что они упекли тебя в Эренбрайтштайн. Но я согласен. Я с вами.

– Правда? – Виктор подпрыгнул от восторга и протянул ему руку. – Дай мне слово, что не пойдешь на попятную.

Они ударили по рукам.

– Знаешь, у меня есть желание показать этому Альбрехту, что за деньги не все можно получить. Потому что он уже слишком долго идет по жизни с таким убеждением. Его не помешает остановить. Если мужчина зависим от игры, то он не заслуживает такой девушки, как Юдит!

Виктор переспросил:

– Альбрехт играет?

– Конечно, играет, – ответил Эдгар. – И намного больше, чем позволяет его кошелек. Но пока отец его финансирует, у него нет повода одуматься.

– А что, если мы попытаемся вывести этого банкирского сыночка на чистую воду? – предложил Виктор. – Возможно, если всплывет эта его страсть, Ротман не захочет отдавать за него свою дочь, несмотря на то, что ему срочно нужны деньги.

Эдгар засмеялся.

– Это благое намерение. И эта идея мне нравится больше, чем взлом. – Он задумчиво потер лоб. – Также, учитывая тот факт, что мы можем не выведать ничего дельного, кроме предположения относительно пристрастия молодого изнеженного человека из приличного дома, хорошим источником информации могла бы стать его сестра Доротеа. Спроси Юдит, сможет ли она с ней поговорить. Возможно, появится пару интересных зацепок.

– Поговорю.

– Я желаю тебе, чтобы нам повезло.

– Я тоже, поверь. – Виктор поставил кружку. – Я пойду. Передавай Эберле привет. Я зайду на днях.

– Ты не посмотришь на автомат?

– Не сегодня. Мне нужно кое-что обдумать. Спокойной ночи!

Когда Виктор ушел, Эдгар вернулся к работе. Он не был уверен, что то, что задумал Виктор, приведет к цели. Но он понимал, что не хотел ничего оставлять неиспробованным.

Кроме того, у него было большое желание взломать пару замков.

Глава 41

Во флигеле для прислуги на вилле Ротмана, середина декабря 1903 года

– Возле двери крутится молодой парень, – сказала кухарка Роберту. – Я не открыла. Может, ты спросишь, что он хочет.

Роберт пошел к боковому входу, открыл дверь и посмотрел наружу.

Там, опустив руки в карманы легкой курточки, стоял парень, которого он не знал. Когда Роберт посмотрел на него, тот улыбнулся, обнажив кривые зубы.

– Что ты хочешь? – спросил Роберт, собираясь закрыть дверь у него перед носом.

– Здесь живут два светловолосых близнеца?

– Какое тебе дело?

– Я спас их пару недель назад. Внизу, в Штутгарте.

– Спас? – Роберт рассмеялся. – Так может каждый сказать. Иди отсюда!

Роберт хотел закрыть дверь, но парень подставил ногу.

– Выслушай меня, – попросил он.

– С чего я должен тебя слушать? – пробормотал Роберт.

– С того, что это правда. Эти двое были внизу, в Штутгарте, и, если бы меня там не было, они бы не вернулись домой.

В этот момент Роберт начал припоминать. Действительно, что-то такое было, еще до того, как выпал снег. Он вспомнил, что уже собирались отправиться на поиски, ведь Карла и Антона полдня не могли найти. Но пока до этого дошло, они вернулись домой.

– А почему ты только сейчас объявился, если это произошло несколько недель назад?

– Потому что я все это время не знал, что это дети Ротмана. Но так как я считаю, что заслужил вознаграждение, то пришел сюда.

– Ну ладно, входи. Дети тебя должны узнать, если все так, как ты говоришь.

Роберт провел парня в кухню.

– Подожди здесь. Я посмотрю, где мальчики. Герти, присмотри за ним.

Кухарка кивнула, незнакомый парень улыбнулся.

Роберт пошел в гостиную. Там в течение недели проводились уроки. Он постучал, и учитель открыл дверь.

– А, Роберт. Что случилось?

Роберт посмотрел на близнецов, которые заинтересованно повернули к нему головы.

– Там пришел один парень из Штутгарта и утверждает, что несколько недель назад он спас Карла и Антона. Я так ничего и не понял, что именно он имеет в виду. Поэтому я подумал, что будет лучше, если мальчики пойдут со мной и посмотрят на этого парня. Они же точно скажут, знают они его или нет.

– Хорошо, – сказал учитель. – Тогда возьмите детей с собой. Но через десять минут они должны быть на месте.

– Обещаю, – ответил Роберт и был рад, что все так быстро решилось. Мальчики пошли за ним в кухню.

– Это Фриц! – радостно выкрикнул Антон, увидев рядом с кухаркой их приятеля. – Он показал нам пожарную часть!

– Да, точно! Это было не бесплатно! – подтвердил Карл.

Фриц все еще улыбался, но на этот раз уже немного смущенно.

– Понятно. Я сказал, что их двоих... – начал говорить Фриц, но Роберт его перебил:

– Спас, да-да, я помню. Теперь мне хотелось бы знать, от чего ты их спас.

– Да, и я бы хотел знать! – вмешался Карл. – Только с Бранд-Якобом что-то приключилось, а с нами – ничего!

– Вы бы не добрались вовремя домой до темноты и потерялись бы где-то в виноградниках или в лесу, – объяснил Фриц с важным видом.

– Это неправда! – возразил Антон. – Мы бы вернулись домой на Цаке.

– В любом случае я вовремя привел вас на станцию, – настаивал Фриц.

– Значит, так, – подытожил Роберт, – если я правильно все понял, то Фриц показал вам пожарную часть и затем привел на станцию.

– Правильно! – сказали близнецы в один голос.

– Хорошо, тогда быстро возвращайтесь к учителю. Он отпустил вас всего на десять минут.

Антон собрался уходить, а Карл у двери обернулся и обратился к Фрицу:

– Ты с нами еще поиграешь? Ты теперь знаешь, где мы живем!

– Конечно!

Карл довольно улыбнулся и последовал за братом.

Когда эти двое ушли, Роберт отозвал Фрица в сторону.

– Пойдем на улицу, – сказал он, посматривая на кухарку, которая уже начала готовить ужин. – Я хотел бы поговорить с тобой наедине.

Фриц кивнул, и Роберт надел курточку.

Они вышли со двора виллы и пошли вдоль по улице.

– Зачем тебе вознаграждение? – спросил Роберт. – Ты показал им

пожарную часть, но ты не спасал их жизни.

– Ну, это... – начал Фриц. Вдруг он показался совсем подавленным. – Мне нужны деньги. Моя мама очень больна.

– Что с ней? Простуда? Сейчас многие болеют.

– У нее туберкулез.

Роберт резко остановился.

– И ты пришел в наш дом? Ты еще занесешь нам болезнь!

– Я здоров. Меня обследовали.

– А что с твоим отцом?

– Его уже нет в живых. Был несчастный случай на фабрике.

– Но есть же социальное обеспечение. В Штутгарте есть разные сообщества, – Роберт рассуждал вслух.

– Да, для молодых девушек есть много общежитий. А о нас забыли. Мы еле сводим концы с концами. Моя мама долгие годы была кухаркой в одном доме в Штутгарте, но потом она вынуждена была уйти, так как заболела. Я немного зарабатываю, проводя экскурсии для людей. Но сейчас с этим сложно из-за снега. Никто не выходит на улицу, и никто не приезжает в город.

– Ах, поэтому Карл сказал, что заплатил тебе что-то.

– М-м... да, – смущенно сказал Фриц.

Какое-то время они шли молча. Роберту было жаль парня. Отец погиб, мать без работы из-за болезни. Безвыходное положение.

– Послушай, Фриц, – наконец сказал он. – То, что случилось с твоей мамой, – это ужасно, мне очень жаль. Но я не знаю, как убедить Ротмана дать тебе вознаграждение.

Фриц опустил голову.

– Поищи работу на фабрике, Фриц. Это возможно, ты молод и полон сил!

– Да, я тоже уже об этом думал, – сокрушенно сказал Фриц. – Но тогда я буду весь день на работе. Кто же будет заботиться о маме?

Роберт понимал, что эта ситуация выше сил Фрица. Но помочь ему было сложно. Было много семей с похожей ситуацией, и он сам должен был думать, как ему справиться со своими проблемами.

Это было просто несправедливо.

– Это ужасно, – горько сказал Роберт, – что у некоторых людей есть все, а у других – практически ничего. Однажды все изменится. – Он подумал о своей семье, бедной и с множеством детей. – Если бы распределить все, что имеют богатые, то у всех были бы средства к жизни.

– Можно подумать, они отдадут!

– Нужно, чтобы они были вынуждены отдать. В конце концов, они имеют свое богатство благодаря тому, что другие для них вкальывают.

– Ты опять прав. Но, несмотря на это, мы не можем просто прийти и сказать: «Дай мне что-нибудь!»

– Нет. В одиночку мы, конечно, ничего не добьемся. Но если нас будет много, что-то, возможно, изменится.

– Ты думаешь? – спросил Фриц с долей сомнения.

– Да. Я так думаю. Это будет, конечно, не быстро. Но это нужно продумать, не так ли?

– М-м-м, – произнес Фриц.

– Я хочу в ближайшее время пойти на фабрику. Потому что у нас для прислуги намного худшие условия. Мы постоянно должны быть наготове убирать грязь за хозяевами. «Иди сюда, Роберт, пойди туда... Это тебе нельзя, ты должен это». Много денег нам тоже не платят, потому что мы получаем питание и проживание. А если мы высказываем свое мнение, то нас обзывают революционерами.

– Что, правда?

– Правда. А девушкам иногда еще сложнее. Многие идут по кривой дорожке. – Он опять вспомнил Бабетту, это была единственная причина, почему он вообще еще оставался у Ротмана.

Осенью он дважды видел ее в мужской компании, и каждый раз это был другой мужчина. Но благодаря новому воскресному правилу, которое ввел Ротман, он не мог так часто следить за ней, что подкрепляло его опасение, что однажды она станет девушкой легкого поведения.

– Я даже думаю, – продолжал Роберт, – что на фабриках лучше, чем в доме у хозяина. Там есть четкое рабочее время, и ты получаешь деньги, хотя работа и тяжелая. И не нужно жить с хозяевами под одной крышей.

– Моя мама всегда говорила, что ей повезло.

– Это, наверное, еще зависит от того, что называть везением, – сказал Роберт. – Приходи когда-нибудь еще сюда наверх. Я посмотрю, может, у Ротмана иногда будет для тебя работа. Тогда ты хоть что-то заработаешь.

Робкая надежда проскользнула на лице у Фрица.

– Да, правда? Ты это сделаешь?

Роберт кивнул.

– Во всяком случае, я попытаюсь. Можешь мне сказать, где ты живешь?

Фриц объяснил ему, и они попрощались, похлопав друг друга по плечу.

Роберт какое-то время смотрел вслед Фрицу, как тот шел по снегу в своей потертой одежде и рваных ботинках.

Возможно, пришло время все изменить. В мысли о том, что будет, если

объединить силы и из незначительных капель образуется быстрая река, было что-то потрясающее. Когда-то он просто обязан был дать своей жизни другое направление.

Роберт глубоко вздохнул и пошел обратно на виллу, чтобы позаботиться о дровах для топки.

Глава 42

Парк Розенштайн в Штутгарте, третий Адвент 1903 года

– Я знаю, что сложно шпионить за своим братом, Доротеа, – сказала Юдит и посмотрела на подругу.

Она смотрела прямо.

– Да, это непросто. Но, в конце концов, это ради Альбрехта. И ради тебя, разумеется.

– Ты до этого никогда не додумывалась?

– Иногда мне казалось его поведение странным. То, что его друзья больше не приходят, то, что он по вечерам часто уходит. Но не мне осуждать его образ жизни. Просто раньше я не обращала на это внимания.

Юдит и Доротеа быстро шли через заснеженный парк Розенштайн, расположенный между Штутгартом и Канштатом. Тео привез их туда тридцать минут назад и пообещал через два часа быть на месте.

Они были в теплых меховых пальто. На Юдит были шляпа и палантин из шиншиллы, а руки она спрятала в большой муфте. Ей нравилось проводить время на улице, когда ледяной холод красил щеки и нос. Зимний воздух хотя и был чище в Дегерлохе, но в большом английском парке вокруг замка Розенштайн имел свое собственное очарование. Различные деревья со всего мира, летом обильно покрытые листвой, были под толстым слоем снега, хвойные насаждения также все были белыми.

Обе девушки оставляли следы на зимних дорожках, которые сегодня не привлекали много любителей прогуляться, в отличие от теплых весенних и летних дней.

Юдит отправила письмо Доротеа, в котором не только предложила сегодняшнюю прогулку, но и изложила опасные подозрения, о которых ей между поцелуями в помещении для экспериментов сообщил Виктор: о том, что Альбрехт зависим от игры, а также попросила ее о помощи.

Она была рада, что Доротеа не отказала в просьбе.

– Это странно, – сказала Юдит. – Мы так давно знакомы, ты и я, но никогда на эту тему не говорили, – рассуждала Юдит.

– Альбрехт все-таки мой брат. Это все довольно сложно для меня. И эта помолвка тогда. Это было ужасно! Я тебя хорошо понимала, но мне было так жаль Альбрехта, когда он стоял там после твоего бегства. Такой потерянный и опозоренный. Такое никому не пожелаешь!

Юдит задумчиво смотрела на белку, которая как раз раскопала один из своих зимних запасов и лакомила им. Затем зверек шмыгнул на ближайшее дерево.

– Это наши отцы поставили его в такую ситуацию, а не я, – тихо сказала Юдит.

– Я знаю, – вздохнула Доротеа. – Поэтому я тебя не упрекаю. Нам, наверное, стоило бы раньше об этом поговорить, но... Поверь мне, когда ты тогда потеряла сознание у вас в магазине, я очень испугалась!

– Ах, – смягчилась Юдит, – ничего страшного не произошло. Но, – перешла она к своей просьбе, – по поводу Альбрехта. Ты говоришь, что он по вечерам часто уходит?

– Да. Его почти каждую ночь нет дома, – ответила Доротеа и глубоко вздохнула. – Почти всегда до рассвета. Юдит, я думаю, нам нужно побеспокоиться. Я сама не могу пойти за ним в темноте. Но, может, Эдгар и Виктор...

– Это хорошая идея! Правильно! Они за ним должны проследить, куда он ходит, как долго он там остается и в каком обществе он там находится.

– Я уже обращала внимание мамы на это, но она и слышать ничего не хочет. Она считает, что он просто еще молод и образумится, тем более, он вскоре женится.

– Она просто закрывает на это глаза, – сказала Юдит.

– Да, она всегда так делает. Она слишком любит его, своего единственного сына.

– А твой отец?

– Я думаю, он будет рад выпроводить его из дома. Он разочарован им и не раз уже давал это понять. В настоящий момент он позволяет ему работать в банкирском доме, но я не думаю, что когда-либо передаст ему управление.

– О! – выкрикнула Юдит. – Мой отец вообще об этом знает?

– Я пыталась немного расспросить маму. Мой отец, по всей видимости, неоднократно обсуждал это с твоим отцом. Речь заходила даже о том, чтобы передать Альбрехту руководство вашей шоколадной фабрикой.

– Этого не может быть! – Юдит была потрясена.

– Может. Но твой отец категорически возражал.

Юдит громко вздохнула.

– Ну, уже легче. Она еще что-то рассказывала?

– Нет, она, видимо, и сама ничего больше не знает. Все же мне что-то по этому поводу хотела рассказать наша горничная, но затем пришла наша мамзель и спугнула ее. И с тех пор я не могла поговорить с ней наедине.

– У нас такая же ситуация. Слуги не должны болтать. Но они болтают. Во всяком случае, между собой. Я узнаю некоторые вещи от Доры, но сама по себе она довольно молчаливая.

– Я понимаю ее, это ведь может стоить ей места.

Прилетели дрозды и подняли облако мелкого снега.

– Юдит, – сказала Доротеа в этот момент, – смотри! Там сзади идут Виктор и Эдгар! Вот это совпадение!

Когда Юдит повернулась, она сразу же узнала видный силуэт Виктора. Он шел быстро, будто хотел их догнать. Эдгару нужно было больше времени, и он немного отставал от друга.

Доротеа и Юдит остановились и подождали их.

Когда Виктор к ним приблизился, она не решалась в присутствии Доротеа обращаться к нему на «ты».

– Добрый день, господин Райнбергер, – сказала она вежливо, но глаза ее светились радостью от такой неожиданной встречи с ним.

– Фройляйн фон Браун, фройляйн Ротман, – поприветствовал их Виктор. – Вы не возражаете, если я присоединюсь к вашей прогулке?

– Э... и я тоже, – добавил Эдгар, который их как раз догнал, и Виктор укоризненно толкнул его локтем в бок.

– Кто первым встал... – сказал Виктор, подтрунивая над ним, и подмигнул другу.

– Конечно, мы ничего не имеем против того, что вы будете сопровождать нас, – примирительно ответила Доротеа. – Пройдитесь с нами немного, господа.

Вчетвером они продолжили путь.

– Откуда вы знали, что мы сегодня будем здесь? – с любопытством в голосе спросила Юдит.

– Вы на днях об этом упоминали, – ответил Виктор и улыбнулся ей. – И я подумал, что неплохо было бы сегодня сходить в парк. – Он осмотрелся. – И здесь прекрасно!

– Не правда ли? Парк так искусно расположен, – заметила Юдит. – За каждым поворотом возникает новый прекрасный вид.

– О да! Архитектор этого парка действительно все хорошо продумал! – согласился Виктор.

– Но это ведь был не единственный повод, почему вы сюда пришли? – подмигивая, предположила Юдит.

Виктор улыбнулся.

– Нет. Мы с Эдгаром подумали, что не так уж много возможностей у нас с вами поговорить вчетвером вдалеке от посторонних глаз. Мы же думаем, что это важно, учитывая наши планы.

– Планы? Вы имеете в виду относительно Альбрехта? – Доротеа остановилась, переводя взгляд с одного на другого.

– Так, – ответил Виктор. – Юдит уже рассказала вам?

– Да. И она заручилась моей поддержкой.

– Это очень нам поможет, фройляйн фон Браун, – поблагодарил Эдгар.

Юдит добавила:

– Она мне уже рассказала, что Альбрехт действительно по ночам отсутствует дома.

– А что я тебе говорил? – сказал Эдгар Виктору.

– У нас, у женщин, руки связаны, что касается дальнейших действий, – объяснила Доротеа. – Мы не можем ночью ходить по Штутгарту.

– Разумеется, нет, иначе будет скандал, – подтвердил Эдгар. – Этим займемся мы.

– Не могли бы вы сказать, когда он выходит из дома, фройляйн фон Браун? – спросил Виктор.

– На прошлой неделе в разное время. Чаще всего после восьми вечера.

– Значит, нам нужно следовать за ним по пятам, – сказал Эдгар Виктору.

Тот кивнул.

– Альбрехт уходит пешком?

– Насколько я знаю, да, – ответила Доротеа, кашлянула и посмотрела вдруг на светлые облака, проплывающие по голубому небу. Юдит почувствовала, как тяжело все еще было ее подруге принимать в этом участие.

– У тебя такое чувство, что мы планируем заговор? – осторожно спросила она.

– Мы так и делаем, – прошептала Доротеа.

– Но это не навредит Альбрехту, – вмешался Виктор, который внимательно следил за разговором. – Если наше подозрение не подтвердится, ничего не произойдет. А если ему есть что скрывать, то для него же будет лучше, если он вовремя свернет с этого пути, а не только для фройляйн Ротман.

– Я тоже так думаю, – сказала Доротеа и снова вздохнула. – Но это все же непросто для меня.

– Это понятно, фройляйн фон Браун, – дружелюбно сказал Эдгар. – Поэтому то, что вы на это решились, достойно восхищения.

Доротеа глубоко вздохнула и наморщила лоб.

– Чем я вообще могу помочь?

– Нам нужно завтра вечером незаметно спрятаться на вашем участке и, желательно, так, чтобы мы могли видеть вход в дом и были в тепле. Если он уходит в разное время, то лучше, если нам не придется часами сидеть на

холоде. Пока больше ничего не нужно, – объяснил Виктор.

Доротеа задумалась на некоторое время.

– Хорошо. Я позабочусь о том, чтобы ворота и гараж были открыты. Из одного окна у вас будет хороший обзор. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Хорошо. Важно, чтобы никто не забил тревогу и чтобы мы не оказались в полиции. – Эдгар улыбнулся. – За незаконное вторжение на частную территорию.

– Я посмотрю, что можно сделать, – ответила Доротеа. – Если возникнут трудности, я положу еловый венок на каменный цоколь рядом с воротами. В качестве предупреждения. Это будет знак, что все откладывается.

– Отлично, – сказал Виктор.

– Видите ли, фройляйн фон Браун, – продолжил Эдгар, – для нас важно, чтобы вы были в курсе наших планов и намерений.

– Поэтому мы и поджидали вас здесь в парке, – тихо добавил Виктор.

– Да, вы как настоящие разбойники! – пошутила Юдит, и Доротеа засмеялась.

Она бросила муфту в снег, взяла горсть белого блестящего снега и слепила из него снежный ком.

– Ну а теперь, господа разбойники, не думайте, что мы не сможем защититься! – И она бросила его в Эдгара.

Хотя тот быстро увернулся, но снежок попал ему в рукав.

– Погодите... – прокричал он и схватил снег.

Юдит вызывающе посмотрела на Виктора.

Не сводя с нее глаз, он собрал снег с куста поблизости.

– Вы не осмелитесь, – пригрозила Юдит, смеясь, и тоже вооружилась. Прежде чем Виктор бросил первый снежок, Юдит увидела, как его губы украдкой оформились в поцелуй. Она подмигнула ему, а он попал ей в рукав.

Юдит бросила снежок в ответ и попала ему в спину. Девушка радостно вскрикнула, прежде чем ответный снаряд чуть не снес с нее шляпу. В течение нескольких минут они вчетвером резво играли в снежки. Уже давно Юдит не чувствовала себя такой беззаботной.

Никто не обратил внимания на то, как Виктор в конце прогулки тщательно убирал остатки снега с одежды Юдит. Потому что Эдгар был занят Доротеа.

Глава 43

Следующим вечером

– Лежит еловый венок? – спросил Эдгар приглушенным голосом.

Виктор еще раз проверил поверхность на двух каменных столбах справа и слева от импозантных входных ворот городской виллы фон Брауна.

– Нет. Ничего не видно. И никаких следов, указывающих на то, что что-то сползло или венок унесли животные.

– Тогда пойдем!

Кованый забор, окружавший поместье, через равные расстояния был разделен столбами. Виктор осторожно надавил на дверь, проверяя, открывается ли она. Оказалось, что дверь была просто прикрыта, значит, Доротеа сдержала слово.

Виктор открыл ворота настолько широко, чтобы они с Эдгаром могли пробраться, затем осторожно закрыл их.

Возле большого жилого дома, как им и объясняла Доротеа, они увидели слабо освещаемый гараж. Виктор с Эдгаром прошли немного по мощеной дорожке, затем пересекли маленький газон и подошли к гаражу сбоку.

Вдруг выбежала собака и громко залаяла.

– Доротеа ничего не говорила о сторожевом псе, – прошептал Эдгар.

– Нет. Она, видимо, думала, что мы знаем, что в доме есть собака, – тихо ответил Виктор. – Как и у многих здесь.

Они обеспокоенно осмотрелись, но лай вдруг прекратился – собака убежала.

Виктор кивнул Эдгару:

– Пойдем дальше!

Они дошли до гаража, и здесь тоже все было так, как было условлено с Доротеа. Хотя возле лошадей еще велись работы, слышны были шаги и покашливание, шарканье веника из хвороста и звон ведер, но за повозками все было спокойно. Они нашли окно, которое описывала Доротеа, за одним из открытых летних автомобилей. Из него действительно открывался хороший вид на зону входа в виллу.

– Который час? – тихо спросил Эдгар, и Виктор посмотрел на карманные часы.

– Полвосьмого. Возможно, придется долго ждать.

– Будем надеяться, что он не решит именно сегодня вечером остаться дома, – сказал Эдгар. – Я уже настроился на ночь страстей.

Виктор тихо засмеялся.

– Если сегодня ничего не получится, тогда придется завтра повторить. Потому что если он действительно играет, то не сможет не играть и не будет долго сидеть дома.

Они устроились, насколько это было возможно. Эдгар достал из кармана курточки кожаный футляр, в котором была маленькая бутылка. Он открыл ее и протянул Виктору.

– Будешь?

– Что это?

– Наилучшая, грушевая.

Виктор попробовал.

– А! Да, действительно хорошая.

Эдгар тоже сделал глоток.

– Это то, что нужно, чтобы скоротать время.

Он закрыл крышку.

Восемь пробило, шел уже девятый час, ничего не происходило.

– Думаешь, он еще выйдет? – Эдгар начал волноваться.

– В любом случае еще не так поздно. Мы подождем.

– Или, может, он сегодня ушел совсем рано?

– Я так не думаю, тогда Доротеа дала бы нам знать, выложив венок.

Они выпили бутылочку грушевой водки и тихо разговаривали, пока Эдгар не толкнул Виктора.

– Я думаю, он идет!

Виктор выглянул вместе с ним из маленького пыльного окна и увидел силуэт в темной одежде; он направился к высоким воротам в саду, через которые они и вошли на участок.

– Это он? – спросил Виктор. – Ты же его лучше знаешь, чем я.

– Я практически уверен, – ответил Эдгар. – Да, Альбрехт такой же полный, и рост соответствует.

– Тогда пойдем!

Виктор и Эдгар тихонько вышли из гаража и пошли за уходящим человеком, сохраняя дистанцию. Виктор не хотел, чтобы Альбрехт случайно их заметил.

Но Альбрехт, судя по всему, был четко сосредоточен на своей цели.

В ночной темноте было сложно не выпускать его из вида, к тому же он непривычно быстро шел. К счастью, улицы и тротуары города были все еще покрыты притоптанным снегом, так что его силуэт был хорошо различим на светлом фоне в свете газовых фонарей.

Прошло примерно двадцать минут, когда Альбрехт замедлил шаг. Перед «Эльзасской таверной», довольно простым зданием в несколько

этажей, расположенном на Эсслингерштрассе, он остановился, выпрямился и вошел внутрь.

Начался легкий снег. Виктор и Эдгар быстро обсудили, как будут действовать дальше, и решили идти за ним. Но в помещении для гостей, обшитом деревом, было очень шумно, там было так много людей, что казалось, Альбрехт словно сквозь землю провалился.

– Нам нужно разделиться, – сказал Виктор Эдгару громким голосом, чтобы превысить уровень шума.

Эдгар кивнул, и они начали протискиваться по отдельности по рядам избранных гостей, чтобы найти Альбрехта. «Эльзасская таверна» была известна тем, что ее посещали деятели искусства, художники, и этот вечер не был исключением. Но Альбрехта среди посетителей не было.

– Несколько лет назад, – вспомнил Эдгар, когда они снова встретились, – Макс, Альбрехт и я были здесь несколько раз. Тогда мы уходили в соседнюю комнату, возможно, она все еще есть.

– Точно. Лучше всего спросить, – предложил Виктор.

Эдгар спросил у жены хозяина. Когда она кивнула, Виктор понял, что Эдгар оказался прав.

– Да, комната еще есть, – вскоре подтвердил Эдгар. – Она меня узнала. Кто знает, может, она мне еще что-нибудь рассказала бы, потому что я думаю, что господа, которые там встречаются, любят проводить время наедине.

– Чтобы играть, – предположил Виктор.

– Я тоже так думаю.

– Сейчас мы, конечно, не можем туда просто так зайти, – сказал Виктор.

– Нет. По крайней мере, вдвоем, – подтвердил Эдгар. Один я мог бы рискнуть.

– Хорошо, – согласился Виктор, – это обоснованно. Я буду поблизости, подожду тебя в баре, – сказал он.

– Это может занять время, – заметил Эдгар.

– Не имеет значения, – ответил Виктор. – Если он уйдет раньше, чем ожидается, по возможности не выходи сразу за ним. Тогда я возьму его на себя.

Пока хозяйка повела Эдгара к боковой двери, Виктор искал свободное место. Это было нелегко; в конце концов, он протиснулся к одному столу, за которым уже выпивали несколько парней, и заказал бокал вина.

После одного бокала последовало еще два, когда, наконец, снова открылась дверь, за которой некоторое время назад скрылся Эдгар, и в зале

появился Альбрехт. Его лицо было опухшим и красным, а походка была уже не такой уверенной. Он казался рассерженным, никак не отреагировал на прощание хозяйки, надел шляпу и вышел из заведения.

Виктор положил деньги за вино на стол, оделся и последовал за ним. Альбрехт, несомненно, что-то выпил. Что касается игры, надо надеяться, что Эдгар получил важную информацию. Но куда направлялся сын банкира? Он шел не домой.

Виктор незаметно шел за ним.

Альбрехт шел значительно медленнее, чем прежде, слегка шатаясь, но было видно, что он точно знает, куда идет.

Через два дома он остановился. Прежде чем войти в дом, он еще раз осмотрелся, и Виктор быстро спрятался в тень от крыши парадной. Однако Альбрехт его все равно не заметил, он позвонил, и в скором времени его пустили.

Пока Виктор раздумывал, как ему действовать дальше, он увидел быстро идущего Эдгара и стал у него на пути.

– Куда он делся? – спросил Эдгар, немного задыхаясь. – Ты его упустил?

– От тебя пахнет вином, – сказал Виктор.

Эдгар скривил лицо.

– От тебя тоже.

Виктор улыбнулся и указал на дом, расположенный наискосок от него, в который вошел Альбрехт.

– Он вошел туда.

– Так пойдем за ним и посмотрим, кто там живет, – сказал Эдгар. Они вместе изучили таблички на двери, надписи на некоторых было сложно прочитать.

– Хм, – сказал Эдгар. – Это, судя по всему, многоквартирный не особо роскошный дом. Все же я думаю, что в одной квартире предоставляются и другие услуги, помимо питания и проживания.

– Я понимаю. И если мы учтем наблюдения Доротеа, он не выйдет отсюда до рассвета.

– Точно. Нам нужно идти домой.

Виктор кивнул, хотя он очень хотел сразу с поличным поймать Альбрехта в объятиях проститутки и допросить. Но нетерпение им ничем не поможет.

– Пойдем на Зильбербургштрассе? – спросил он Эдгара. – Или ты лучше переночуешь у своей печи?

Эдгар засмеялся.

– В такие холодные ночи мои печи для меня особенно дороги. Но сегодня ночью я пойду в нашу резиденцию. Мне там недолго осталось жить. Эберле предложил мне комнату в его доме.

– Я так и думал, Эдгар, – сказал Виктор. – И, разумеется, на выгодных условиях. Когда ты переезжаешь?

– Уже в январе. Как думаешь, ты справишься с арендой? Две комнаты – это недешево в Штутгарте, если платить одному.

– Я знаю, – ответил Виктор, – и Ротман платит не очень хорошо. Мне нужно будет кого-то подыскать, но я думаю, это не проблема.

– Я тоже так думаю. В Штутгарте выгодных квартир днем с огнем не сыщешь.

Остаток вечера они провели за бокалом вина. И Эдгар рассказал, что происходило в соседней комнате в «Эльзасской таверне».

Глава 44

На следующее утро Виктор проснулся с головной болью: вино вчера было слишком вкусным. Он еле встал с кровати, выпил глоток воды и съел кусок черствого кренделя. Эдгар уже ушел, и Виктор отправился на шоколадную фабрику. Ему нужно было столько всего обсудить с Юдит.

– Доброе утро!

Ее голубые глаза засияли, когда он вошел в экспериментальное помещение. Вместо того чтобы что-то ответить, он просто закрыл дверь и обнял ее. Ничто на свете не было таким мягким и теплым, как ее губы со вкусом шоколада, потому что она только что его попробовала. Юдит прижалась к нему, и Виктор, прежде чем отпустить девушку, еще несколько раз ее поцеловал. Затем он склонился над ее рабочим столом.

– А, ты делаешь свою пасту Джандуйя?

– Нет, я делаю шоколад, в котором будет паста Джандуйя. И туррон. В оболочке из изысканного шоколада «Ротман».

Она дала Виктору попробовать.

– М-м-м, неплохо, – сказал Виктор.

– Неплохо?

– Да, неплохо, – подтвердил Виктор. – Но для поистине превосходного вкуса чего-то не хватает. Хм-м, дай подумать... – Он опять ее поцеловал, и Юдит рассмеялась.

– Мы не можем это продавать.

– Нет. Это только для нас. – Он нежно погладил ее лицо. – Этот вкус уникален.

– О да!

Ее щеки покраснели, и Виктор прижал ее к себе. Они вдвоем были единым целым. Губами он прошелся по ее волосам и закрыл на какое-то мгновение глаза.

Затем он указал на разложенные формы, которые она отчасти уже заполнила.

– Ты делаешь плитки для шоколадного автомата? – спросил он.

– Да, если размеры и форма останутся без изменений, – ответила Юдит. – А я вспомнила, что у меня что-то для тебя есть!

Она полезла в карман фартука, достала маленькую немного помятую фотографию и протянула Виктору.

– Что это? – Виктор взял фотографию и с интересом посмотрел на нее. – Это прекрасно!

– Правда? Это торжественный зал Вильгельмы.

– Вильгельмы?

– Да. Так называется сад возле парка Розенштайн.

– В Канштате?

– Да.

– Мы могли бы продолжить там нашу игру в снежки...

Юдит усмехнулась.

– Могли бы. Но я тебе не для этого показываю эту картину.

– Интересно!

– А что, если мы построим в шоколадный автомат визуальную сцену? На ней будут происходить маленькие театральные представления, а шоколад в это время будет опускаться в окошко для выдачи.

– А торжественный зал на этой картине будет кулисами.

– Ну как пример. Мне он кажется особенно красивым, потому что он выполнен в восточном стиле, с ажурными островерхими арками и колоннами. Но если он тебе не нравится, мы можем взять что-нибудь другое.

– Нет, Юдит, мне очень нравится. И сначала будет проще взять простой корпус и оформить интересным образом его внутреннее пространство, чем сразу воспроизводить слонов. Мне очень нравится эта идея!

Его похвала сразу же заставила ее покраснеть.

– Знаешь, – добавил он. – Кулисы Эдгар мог бы сделать из эмали. И фигуры мы тоже сделаем эмалевые. Чтобы все подходило друг к другу. И этим, я бы сказал, мавританским стилем мы будем отличаться от автоматов Штольверка. Знаешь что?

– Что?

– Мы сделаем автомат и наполним его туррон-шоколадом.

– Я могу еще добавить разные специи, например кардамон, корицу или анис. Одним словом, что-нибудь восточное – тогда вкус будет соответствовать кулисам.

– Замечательно! А я спрошу на вокзале в Штутгарте, сможем ли мы установить там автомат. В качестве эксперимента. Тогда мы сразу увидим, заинтересуются ли им люди, или они предпочтут тот автомат, который там уже установлен.

– Не могу дождаться!

– Я тоже, – сказал Виктор и подмигнул ей.

Затем он сказал серьезно:

– Но есть еще кое-что, из-за чего я пришел, Юдит.

– Да? Что же? – обеспокоенно спросила она.

– Мы вместе с Эдгаром проследили за Альбрехтом. Прошлой ночью.

– Вы что-то выяснили? Что-то плохое?

– У Альбрехта очень большие игровые долги.

– О Господи! Но этого вы и боялись.

– Долги настолько большие, что он связался с некоторыми подозрительными людьми. Очевидно, его отец не готов погасить все его долги, или он о них не знает. Альбрехт отчасти играет не под своим именем.

– Так он еще и мошенник! Мы сразу же должны сообщить об этом моему отцу, и он отменит свадьбу. – Юдит была очень взволнована, но когда она увидела сомнение на лице Виктора, то насторожилась. – Или нет?

– Мы не можем его просто так оговорить. Альбрехт будет все отрицать, а благодаря власти его отца, который точно не повесит на себя такое подозрение, оно ничего не будет значить. Он пригласит достаточно свидетелей, которые дадут показания в пользу его сына. В итоге мы вдвоем окажемся в тюрьме, потому что оговорили непорочного гражданина, – объяснил он. – Сейчас мы можем использовать эту информацию, только чтобы надавить на Альбрехта.

– Как вы хотите это сделать? – напряженно спросила Юдит.

– Эдгар что-то придумает. Позже я с ним встречусь. Он характеризует Альбрехта как импульсивного и обидчивого и считает, что его реакцию невозможно просчитать.

– Могу себе представить. Он очень чувствительный.

– Вот такие дела. Неважно, что мы будем делать. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы ты подвергалась опасности. Или Доротеа. – Виктор положил фотографию Вильгельмы в карман курточки и быстро поцеловал ее в щеку. – Мне нужно идти. Пожалуйста, никому ничего не рассказывай. Даже Доре не говори. Я дам тебе знать, если еще что-то узнаю.

– Что с Доротеа?

– Ты ее увидишь?

– Сегодня нет, может, завтра.

– С ней можешь об этом поговорить. Но только когда вы точно будете одни. Ты же знаешь, слуги...

– Я буду внимательна.

Когда Виктор заметил, какой неуверенной она вдруг стала, он подошел к ней и ободряюще обнял.

– Ты не выйдешь за него замуж, Юдит, я обещаю тебе, – прошептал он ей на ухо. – Ты должна нам доверять.

Он почувствовал, как она кивнула, уткнувшись лицом в его пиджак.

– Я доверяю.

Ближе к вечеру в тот же день Виктор и Эдгар встретились в «Эльзасской таверне». Было уже достаточно темно, но снега не было. Сугробы на обочинах дорог и тротуарах были покрыты черноватой патиной. Виной этому была сажа, которая из тысячи дымовых труб поднималась в воздух над Штутгартom, и из-за низменного расположения города этого сложно было избежать.

Быстро посоветовавшись, они еще раз отправились к тому дому, куда заходил Альбрехт прошлой ночью.

– Нам нужно опросить соседей, – предложил Эдгар. – В этих домах очень высокая звукопроницаемость. Возможно, мы получим первые зацепки, какая из квартир используется так, как мы предполагаем.

Виктор кивнул.

– Я тоже об этом думал. Тогда начнем лучше снизу.

Они поочередно позвонили в несколько квартир, пока одна девочка лет десяти не открыла дверь.

У ребенка был неухоженный вид, она была тощая и очень бледная.

– Что вы хотели? – спросила она.

– Мы хотели бы поговорить с твоей мамой или с твоим папой, – ответил Эдгар.

Девочка смотрела на них, ковыряясь в носу.

– Зачем?

– Потому что мы хотим помочь одному человеку, – сказал Виктор.

– Моей мамы нет дома, только папа.

– Ты можешь его позвать? – спросил Эдгар.

– Нет, – ответила девочка. – Он не ходит. Если вы хотите его видеть, вам придется войти.

Друзья переглянулись, и Виктор сказал:

– Ты отведешь нас к нему?

Малышка на какое-то мгновение засомневалась, затем впустила их.

Семья жила на втором этаже в маленькой квартире, состоявшей из относительно большой комнаты, которая использовалась как гостиная, столовая и спальня. Отец сидел там на одной из кроватей, больше в комнате никого не было.

Когда мужчина увидел свою дочь и двух мужчин, то недоверчиво наморщил лоб.

– Что вам угодно?

– Извините нас, что мы так вторгаемся. Но у нас есть один вопрос, и ваша дочь любезно провела нас к вам. Дело в следующем: мы слышали, что в этом доме дело доходит до разврата, особенно в ночное время. Чтобы

узнать детали, нам нужна помощь, – вежливо сказал Эдгар и сверкнул монетой в руке.

Мужчина кивнул.

– Фрида, выйди, – приказал он дочери.

Когда девочка закрыла за собой дверь, он посмотрел на Эдгара.

– Вы определенно имеете в виду сотрудницу посреднической конторы. Относительно нее уже приходили. Но ничего не изменилось. – В отличие от своей дочери, он говорил с рейнским акцентом.

– Она устраивает здесь в доме беспорядки? – сразу же переспросил Виктор.

Мужчина усмехнулся.

– Беспорядки – это не то слово. – Он прищурил глаза и посмотрел на Виктора. – Эта ведьма устроила здесь бордель. Постоянно приходят новые девушки, все моложе. А чем они там занимаются, слышат все!

– Вы говорили об этом своему арендодателю? – спросил Эдгар.

– Ха! – мужчина снова язвительно засмеялся. – Каждую неделю! Его это не интересует. Наоборот. Я думаю, что она, – он указал пальцем на потолок над собой, – хорошо ему платит, чтобы устраивать здесь очаг разврата.

– О какой квартире идет речь? – поинтересовался Виктор.

– Как раз над нами. Это ужасно. У каждого в доме свои заботы.

Вдруг он опустил голову и уставился в пол, а потом сказал:

– Если так и дальше пойдет, то когда-нибудь и Фрида там окажется. Она привлекает красивых девушек, сводница. И богатых мужчин. Им здесь хорошо.

– Но для богатых мужчин есть же другие заведения, – возразил Эдгар.

– Зато нигде нет такого разнообразия. Вы посмотрите на девушек!

Эдгар посмотрел на Виктора.

– Мы с удовольствием.

– Ха, ну так смотрите!

– Не могли бы вы нам разрешить, – осторожно спросил Эдгар, – организовать пост в вашей квартире и понаблюдать за тем, что происходит на лестнице?

– Смелее, господа. Приоткройте дверь, и все вскоре увидите, – сказал мужчина. Затем он вдруг задумался. – А зачем вам это? Вы что, сами хотите?..

– Разумеется, нет, – успокаивающе сказал Эдгар. – Мы исследуем нравственную обстановку в Штутгарте и в завершение напишем отчет, чтобы приличные граждане, такие как вы и ваши соседи, могли спокойно

жить.

Виктор про себя усмехнулся. Правда Эдгара была очень притянута за уши, но мужчину это успокоило, и он больше не задавал вопросов. Эдгар положил ему в руку две марки, и тот быстро их спрятал.

– Оставайтесь здесь, сколько хотите. И составьте впечатляющий доклад, чтобы начальство, наконец, что-то сделало с этим болотом!

– Спасибо, – сказал Виктор. – Мы сделаем все, что сможем.

Было заметно, что мужчина устал, поэтому он прилег, а Виктор и Эдгар начали попеременно наблюдать за лестницей. Некоторое время все напоминало обычную жизнь в густонаселенном доме. Дети бегали вверх-вниз, женщины носили дрова, покупки и своих грудничков, мужчины возвращались с работы. Один из них, видимо, получил зарплату за день и, исходя из услышанного, оставил ее в трактире.

Но в какой-то момент, когда в доме все успокоилось, по лестнице действительно прошла молодая девушка, одежда и манеры которой не сочетались с образом здешних жильцов. Она напевала пошлые песенки и виляла бедрами, повернула за угол и оставила шлейф навязчивого парфюма. Этажом выше ее поприветствовали смеясь.

Затем были слышны привычные звуки, которые свидетельствовали о тесном соседстве в этом доме. Одна пара громко ссорилась, дети бегали повсюду, младенец кричал изо всех сил.

Спустя десять минут Виктор заметил еще одну молодую женщину, которая, по всей видимости, преследовала ту же цель, что и предыдущая девушка. Но когда она прошла мимо него, он не мог поверить своим глазам.

В удивлении он открыл дверь и вышел в коридор.

Увидев его, девушка испугано поднесла руку ко рту.

– Господин Райнбергер, – прошептала она.

– Да, это я. А что ты здесь делаешь, Паулина?

– Я, э-э... я здесь живу, – ответила Паулина, но у Виктора было другое мнение.

– Так-так, ты здесь живешь. Почему тогда ты так вырядилась?

На Паулине было светло-красное платье с глубоким декольте, такая же красная шляпа с перьями, и она была сильно крашена.

Девушка начала беспокойно оглядываться, будто хотела убедиться, что поблизости никого нет.

– Ротман нам практически ничего не платит, – довольно своенравно прошептала она. – И если я хочу купить что-то хорошее, мне нужно на это заработать.

– Ты не хотела бы войти и все мне объяснить? – спокойно предложил Виктор.

– О нет, определенно нет. Мне нужно наверх.

– У тебя свидание?

– Да.

– Сегодня ночью?

Она сжала губы и попыталась протиснуться мимо него. Виктор не стал ее трогать, он просто стал у нее на пути, так что она не смогла пройти.

– Паулина, – Виктор стал настойчивее. – Тебе известно, что то, чем ты здесь занимаешься, наказуемо? Это называется развратные действия, проституция, если хочешь.

– Нет! – прошипела Паулина. – У меня не много мужчин. У меня один парень!

Это было невероятно, насколько просто можно было заманить легкомысленных девушек.

– Кто это сказал? – переспросил Виктор. – Сводница?

– Нет, женщина из посреднической конторы.

– Ага. Так это посредническая контора, в которую ты ходишь.

– Да, – язвительно сказала Паулина.

– И эта контора познакомила тебя с мужчиной?

– С молодым мужчиной. И он очень хорошо ко мне относится. И с тех пор у меня есть заработок. А с фирмы Ротмана я скоро уволюсь, – кичливо добавила она. – И никто мне больше не сможет там приказывать!

– Да, в таком случае ты получишь на одно или два предложения больше здесь, в этом доме, не так ли? – Виктор осознанно пытался ее спровоцировать.

В ее глазах появилось возмущение.

– А что, если и так? Что вы об этом знаете?

На Паулину, очевидно, повлиял миф о том, что ее поклонник воспылал к ней страстной любовью и женится на ней. Снова и снова сводницы и сутенеры таким образом заманивали молодых наивных девушек и вовлекали их в жизнь, которая практически всегда заканчивалась в сточной канаве.

– Я еще раз предлагаю тебе войти, Паулина, – повторил Виктор. – Не важно, что она тебе пообещала, это не исполнится. Даже если сейчас ты думаешь, что твоя жизнь наладилась, или ждешь скорейших изменений, это всего лишь обман. Это погубит тебя!

Внезапно на глазах Паулины появились слезы. Виктор видел, что она борется с собой.

– Я просто не могу войти, – наконец, сказала она подавленно. – Меня ждут. И возможно, он будет беспокоиться обо мне, насколько сможет...

– Ну хорошо, ты можешь обратиться ко мне, если тебе нужна будет помощь. Увидимся на фабрике.

Она робко кивнула. Виктор уступил ей дорогу, и она медленно пошла вверх по лестнице.

Он громко выдохнул.

– Ты думаешь, что она вообще теперь придет на работу? – спросил Эдгар, который наблюдал за происходящим из квартиры.

Виктор пожал плечами и прошел мимо него обратно в комнату.

– Я не знаю, – сказал он. – Посмотришь за коридором?

– Хорошо. Кстати, я не удивлен, что здесь одна из работниц Ротмана. Именно работницы кондитерских и шоколадных фабрик зарабатывают так мало, что еле сводят концы с концами. Отец говорил мне об этом несколько лет назад.

Виктор знал о настоящем положении вещей в больших городах страны, но столкнуться с этим самому было совсем другое дело.

Время шло, наступила ночь, первые жаждущие удовольствия мужчины направились в квартиру так называемой посредницы.

Вскоре стали слышны звуки, указывающие на фривольности, и Фрида, которая как раз была в комнате, натянула одеяло на лицо, чтобы ничего не слышать. Ее мать, падающая от усталости, к тому времени вернулась домой. Ей объяснили причину пребывания в квартире Виктора и Эдгара, и она принялась за домашнюю работу. Женщина сидела за столом и штопала вещи, керосиновая лампа давала еще немного света. То и дело у нее закрывались глаза.

На часах было то же время, что и днем ранее, как вдруг Эдгар напрягся.

– Действительно, это опять он!

Виктор кивнул ему.

– Пропусти его. Мы на сегодня достаточно узнали.

– Что мы теперь будем делать? – спросил Эдгар.

– Мы уйдем. Я попытаюсь в ближайшие дни подробнее расспросить Паулину. Хотя ее слово не так весомо, как наше, но все-таки она способна дополнить образ Альбрехта. Тогда мы сможем спланировать дальнейшие действия.

Когда они прощались, Эдгар дал женщине еще две марки. Она с благодарностью улыбнулась. Ее муж громко храпел, маленькая Фрида уже тоже уснула.

– Бедные люди, – прошептал Виктор, когда они закрыли за собой дверь.

– Да. Но есть семьи, у которых все еще хуже.

Когда они вышли на улицу и оказались под светом ближайшего фонаря, Эдгар вдруг положил ему руку на плечо.

– Я поговорил с Эберле, – сказал он многозначительно.

– О чем? – несколько раздраженно спросил Виктор.

– О том, сможет ли он взять двух квартиросъемщиков.

Виктор запнулся, а затем все понял.

– Ты имеешь в виду, что я переезжаю с тобой на Хауптштеттерштрассе?

– Именно!

Виктор схватил друга за плечо и потряс его.

– Ты все же... Но правда! Скажи же, он согласен?

– Да, его было несложно переубедить...

– И когда переезжаем?

– Я с ним договорился, что мы переедем за день до Сочельника.

– Я думал уже в новом году?

– Он разрешает нам пожить в декабре без оплаты, и кроме того он просит не так много денег. Алоиз рад, что не останется один на Рождество, так он сказал. И тебе не придется заниматься поиском квартиросъемщика.

– Слушай, Эдгар, это лучшая новость за последние месяцы. Собственно говоря, с момента моего освобождения!

– И правда! Я же пустил к себе бывшего заключенного! – Эдгар легонько толкнул его. – Когда-нибудь ты мне обязательно расскажешь, как ты оказался в крепости.

– Расскажу. Придет время.

– Точно за самое злостное преступление, – пошутил Эдгар.

Виктор засмеялся:

– Можно и так сказать.

– Значит, когда мы переберемся к Эберле, то первым делом опустошим его бочку с морсом! – радостно заметил Эдгар.

– К слову о бесчинствах. Прежде чем опустошить бочку с морсом, нам предстоит еще разобраться с конторой Ротмана!

Эдгар усмехнулся.

– Я знаю. Вторжение. Я уже тренировался.

Глава 45

Кобленц, в это же время

– Что я могу вам предложить? – спросил хозяин «Анкера».

– Принесите мне одно пиво, – ответил Рокс и сразу же исправил: – Нет, лучше бокал вина! И поесть – что-нибудь вкусное и сытное.

Когда хозяин пошел на кухню, Рокс положил перед собой список Максимилиана Гардена на стол и начал еще раз его изучать.

Пару дней назад Пауль Рокс прибыл в Кобленц и остановился в гостевом дворе «Цум Анкер». Несколько недель в пути были позади, и Рокс был зол на себя. Интуиция подвела его, и он не с того конца пошел по списку, переданному ему Максимилианом Гарденом.

Многие адреса устарели, другие же были далеко от Берлина.

Рокс безрезультатно съездил в Кельн и его окрестности, еще две поездки были в Гамбург и во Франкфурт. Мужчины, которых он разыскал, не могли или не хотели давать ему хоть какую-то информацию. Тем временем заказчики начали настойчиво требовать вернуть деньги.

Хозяин принес вино и тарелку с картофелем, луком и салом. Рокс повязал салфетку и принялся есть.

Кобленц уже несколько недель назад был у него в планах, потому что здесь, в городе, где Виктора видели в последний раз, было больше всего шансов выйти на его след. Но список Гардена отодвинул это намерение.

Рокс обдумывал дело.

В самом начале расследование продвигалось быстро, потому что ему удалось подкупить одного из офицеров, частого гостя его любимого борделя на Фридрихштрассе. Завсегдатаи заведения становились весьма щедры, когда слышали угрозы о том, что их визиты к дамам получат огласку, и таким образом Рокс узнал, что Райнбергер отправился в Кобленц. Возможно, по собственному желанию. И что уехал он после освобождения на поезде. Предоставив эту информацию, мужчина больше не показывался ему на глаза, так что Рокс не мог и далее использовать свой источник.

Затем к Роксу попал список Гардена, и он ошибочно полагал, что находится у цели. Рокс не рассчитывал на то, что получить дальнейшую необходимую информацию будет так сложно. Между тем от него требовался результат. Заказчики не хотели больше ждать.

Хозяйка прошла мимо и увидела, что тарелки его пусты.

– Вам понравилось? – спросила она, и Рокс кивнул.

– Отлично! Принесите еще порцию.

– Хорошо.

Когда хозяйка вскоре поставила перед ним полную тарелку, то спросила:

– Вы же из Берлина, господин Рокс?

– Да, – ответил Рокс и принялся есть, чтобы показать ей, что он не намерен продолжать разговор.

Лишь только хозяйка вдохнула воздуха полной грудью, чтобы сказать что-то еще, как вошел грузный мужчина в безупречно скроенном, но поношенном костюме. В ту же минуту она отвернулась от Рокса и сердечно поприветствовала гостя:

– Ах, господин Бальдус, ваше место свободно.

Рокс насторожился. Имя Бальдус показалось ему знакомым. Краем глаза он следил за тем, как хозяйка провожала его к столу.

– Пожалуйста. Ваш картофельный пирог сейчас будет готов!

Мужчина неуклюже сел, достал из кармана пиджака бумагу и карандаш и принялся что-то записывать. Когда блюдо было подано, он все отодвинул в сторону и начал есть.

– У вас есть для нас сегодня новое стихотворение, господин Бальдус? – напевая, спросила хозяйка, которая все еще стояла возле него и с удовольствием смотрела, как он поглощает еду.

Какая навязчивая женщина, подумал Рокс. Все же он наострил уши, потому что этот Бальдус, судя по всему, был особенным и очень уважаемым гостем.

– Фожможно, пожже, – сказал господин Бальдус с полным ртом, и хозяйка, довольная, вернулась за стойку. Рокс показал ей, что выпил бы еще вина.

Поставив перед ним кувшин, она заговорщицки прошептала ему на ухо:

– Вон там наш господин Бальдус. Одаренный поэт! Я надеюсь, он прочтет нам свои стихи после обеда!

Рокс на это не надеялся, но все же кивнул.

Она мечтательно посмотрела на гостя, быстро поглощающего пищу.

– И ему так нравится мой картофельный пирог! – вздохнув, продолжила она.

И вдруг в голове у Рокса зазвенели колокола.

Он быстро взял в руки список и дрожащими пальцами прошелся по каждому имени. И действительно: там было имя Августин Бальдус, которое он сам отметил знаком вопроса как наименее значимое.

Он умерил свою эйфорию, потому что не без причины оценил поэта как наименее важного. Рокс исходил из того, что Виктор Райнбергер во время

заклучения общался с людьми своего круга. Но как опытный сыщик он никогда не смел недооценивать волю случая.

Рокс подождал, пока Августин Бальдус закончил свой обед, подошел к его столу и вежливо поздоровался:

– Августин Бальдус, великий поэт?

Грудь мужчины заметно надулась.

– Это я. Чем могу служить?

– Я литературовед, уважаемый господин Бальдус. Из Берлина.

Августин Бальдус признательно кивнул и указал на второй стул за столом.

– Присаживайтесь, господин...

– Фон Траунтин.

Рокс давно уже придумал себе целый ряд псевдонимов, которые он попеременно использовал, в зависимости от случая.

– А, уважаемый критик, очень приятно!

– Так как в данный момент я работаю над статьей о жизни немецких поэтов, – деловито объяснил Рокс, – наша случайная встреча для меня как нельзя кстати.

Августин Бальдус польщенно улыбнулся.

– Взаимно, господин фон Траунтин, взаимно. Задавайте свои вопросы, я отвечу вам на каждый. При условии, что вы дадите мне экземпляр вашей статьи.

Доверчивый энтузиазм поэта забавлял Рокса. Как и многие люди, он готов был дать информацию сразу же, как только попал в сети своего тщеславия. И как деятель искусства он еще рассчитывал на то, что будет, наконец, признан.

Рокс еще раз встал, взял записную книжку и с важным видом открыл новую страницу.

– Разрешите сначала спросить ваш адрес, господин Бальдус?

Спустя непродолжительное время Августин Бальдус попал к нему на крючок. Непризнанный поэт охотно рассказывал о своей жизни и о произведениях, цитировал стихи и упомянул один роман, над которым он уже несколько лет работал и который был практически готов.

Рокс не скупился на похвалу. Затем он постепенно перешел к делу.

– Есть ли такие люди, которые завидуют вашему таланту? – хитро спросил он.

– О! – Бальдус утопал в осознании собственной значимости. – Где много чести, там много врагов.

– Возможно, в связи с этим в вашей жизни было какое-то особенное

событие, о котором вы хотели бы рассказать?

– И не одно, мой дорогой господин фон Траунтин, и не одно. Меня неоднократно привлекали к суду за поношение Пруссии.

– Правда?

Бальдус кивнул.

– Я отбывал наказание в Эренбрайтштайне, – прошептал он Роксу. – Меня арестовывали, чтобы закрыть мне рот. Хотя и ненадолго, но не раз.

– Это невероятно интересно, так, значит, вы политический поэт?

– Был. Сейчас же я решил посвятить свой талант, как вы прежде сказали, другим темам. Знаете, с возрастом нет больше никакого желания попасть в камеру. Хотя нельзя сказать, что там наверху так уж неудобно. – Он кивнул в сторону двери, пытаясь, видимо, таким образом показать направление к Эренбрайтштайну. – Но именно для поэта свобода – это все!

– Я вас прекрасно понимаю, господин Бальдус! – лепетал Рокс. – Такой талант, как у вас, держать взаперти! Какой позор! Скажите, а как сокамерники реагировали на ваши способности? Устраивались ли вечера, где вы могли представить свои произведения?

– Ах, это же не тот круг людей, чтобы декламировать. И я там был не единственным из цеха писателей. Но некоторые, конечно же, иногда слушали.

– Может, кого-то вы особенно запомнили?

Бальдус задумался.

– Было пару парней, с которыми мы тесно общались. Ах, один был даже из Берлина, как и вы!

– Вы только подумайте! – Рокс сразу же скопировал восторженный тон поэта.

– Да! О, как же его звали? Я хорошо его помню, потому что, когда его освободили, дал ему адрес моего племянника... А, вспомнил! Райнбергер! Виктор Райнбергер из Берлина. У него речь шла о деле чести, насколько я знаю. Это был хороший парень.

Рокс не мог поверить в свое счастье.

– Это же замечательно, что там можно найти настоящих друзей, господин Бальдус.

– Ну, насчет дружбы вы погорячились, но мы друг друга очень уважали.

– А где живет ваш племянник?

– Эдгар? В Штутгарте! Райнбергер просто не хотел возвращаться в Берлин, он желал все начать сначала. И я подумал, что Штутгарт довольно неплохое для этого место.

– Это был широкий жест, господин Бальдус. Вы не просто поэт, а еще к тому же и хороший человек. Ваш племянник тоже поэт?

– Нет. Эдгар – художник.

– Наш разговор становится все невероятнее! Слава Богу, что я вас сегодня вечером встретил, господин Бальдус! – Рокс был в своей стихии. – Вы не поверите, но я веду регулярную колонку о современных художниках.

– Правда?

– Да. Как вы думаете, ваш племянник согласится поговорить со мной? Его имя будет указано в солидных газетах и журналах.

– Ну конечно, – заявил Бальдус в уверенности, что делает что-то хорошее для своего племянника, – он так талантлив! Его искусство также несправедливо остается в тени. По крайней мере, насколько я знаю.

– У вас есть его точный адрес? Чтобы я мог с ним связаться.

– Ну, я не знаю, актуален ли он еще. Последний адрес, который у меня был... минуточку, мне нужно подумать... Что-то было связанное с золотом или нет, с серебром. Зильбербургштрассе^[21]. Точно!

– Зильбербургштрассе в Штутгарте, – повторил Рокс и аккуратно записал данные.

– Номер дома я не знаю, к сожалению, – сказал Бальдус. – Но вы его найдете.

– Если бы вы мне еще сказали фамилию...

– Ах, конечно. Нольд. Эдгар Нольд. Но скажите же, когда будет опубликована ваша статья?

– Следующей весной, – соврал Рокс.

Бальдус, по всей видимости, был разочарован.

– Только лишь весной?

– Это же очень хорошо для вас, господин Бальдус. Весной люди счастливы, что зима закончилась. Самое время для тома весенних стихов.

– Весенних стихов? У меня таких нет.

– Ну так вот, до этого момента вам следовало бы написать несколько. Мы бы напечатали их с нашей статьей.

Рокс написал вымышленный адрес на странице своей записной книжки, вырвал лист и передал его Бальдусу со словами:

– Возможно, придется подождать, пока вы получите ответ. Не переживайте в таком случае.

– Да, – Бальдус громко рассмеялся. – Поспешись – людей насмешись.

– Так и есть. А сейчас давайте выпьем за нашу встречу. И за ваш будущий успех! – Рокс кивнул хозяйке.

Они кутили до поздней ночи. Когда Рокс шатаясь вошел в свою комнату, он не был уверен, что Бальдус вообще вспомнит о нем, когда проспится. Он его, образно выражаясь, перепил.

Глава 46

Рива, неделя перед четвертым Адвентом 1903 года

– Тебе следовало бы предлагать более короткие туры.

Хелена перевела взгляд с мольберта на Макса.

– Что ты этим хочешь сказать?

Макс засмеялся.

– Ну, новые экскурсии Хелены Ротман весной.

Хелена покачала головой.

– Почему ты сейчас заговорил об экскурсиях?

– Просто они мне вдруг вспомнились.

– Ах вот оно что! А почему я должна их сделать короче?

– Не все. Но долгие прогулки на пароходе я бы пересмотрел. Потому что, хотя я и могу часами тебя слушать, такой длительный тур за один день довольно утомителен. По крайней мере, для большинства людей.

Хелена как раз работала над светлыми акцентами в синеве одного из видов озера Гарда, который она маслом переносила на полотно с эскиза, сделанного еще летом. При этом она пользовалась методом французских импрессионистов, объединяя маленькие светлые пятна в большую поверхность. Таким образом, ее картины приобретали абстрактный характер, не теряя световых эффектов, которыми так славились Моне и Ренуар.

– Ты критикуешь мою работу экскурсовода? – спросила Хелена и выдавила желто-оранжевую краску на палитру.

– Нет. Не твою работу. Скорее, временное планирование.

Макс наблюдал за ней, испытывая что-то среднее между умилением и желанием. Хелене был знаком этот взгляд, и она делала вид, что сосредоточена исключительно на своей картине. Она знала, что это его раздражает и вместе с тем возбуждает.

– И что ты предлагаешь? – поинтересовалась Хелена и начала дополнять красками закат солнца над водой.

– Включи ночевку. Например, в Сирмионе.

Хелена сделала шаг назад и посмотрела на картину, прежде чем добавить яркой охры. При этом она провела языком по губам, это был жест, который она делала подсознательно, когда рисовала, и который она любила использовать, чтобы спровоцировать Макса на чувственном уровне.

Краем глаза она заметила, как он скрестил руки на затылке и смотрел на нее снизу вверх.

Она не могла не улыбнуться.

Макс был непростым человеком. В нем была неутомимость, которая иногда напрягала Хелену. Между тем она знала, что его чувства к ней были искренни, полны заботы и внимания, а также преданности, которую Макс определенно редко демонстрировал.

– Идея с Сирмионе хорошая, – ответила она и взглянула на него.

Он сразу же встал.

– Идея гениальна! – сказал он с улыбкой. – Так же гениальна, как и идея снять с тебя этот безобразный халат.

– Только посмей! – игриво возразила она, но Макс уже был рядом и вырвал кисточку у нее из рук.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, через час ты сам станешь картиной, – сказала Хелена, глядя на свои испачканные краской пальцы.

Макс рассмеялся и взял смоченный терпентином платок, чтобы вытереть краску.

– Ты меня потом продашь? – спросил он, подтрунивая. – Ты точно тогда получишь хорошую сумму!

Она поцеловала его в щеку.

– Я об этом серьезно подумаю.

Макс расстегнул ее халат и был очень рад, что под ним на ней было только нижнее белье. Он начал ласкать ее затылок.

– Ну хорошо, можешь подыскать гостиницу в Сирмионе, в которой можно будет разместить туристическую группу, – великодушно согласилась Хелена и склонила голову в сторону.

– Хм-м-м, я сделаю это... позже, – пробормотал он и, остановившись у ее уха, руками начал скользить по телу Хелены.

Хелена промурлыкала, как котенок, когда он взял ее на руки и отнес на узкую кровать. После нежной сцены любви Хелена села и потрясла своими темными локонами.

– У тебя такие же прекрасные волосы, как и глаза, Хелена. – Макс накрутил на палец одну из ее прядей, как он часто это делал. – И все в тебе.

Хелена с улыбкой закрыла глаза и наслаждалась этим душевным моментом, затем изящно потянулась.

– Гермiona и Кристл в Риве.

– А, твоя подруга со своим молодым любовником? – Макс подмигнул ей.

Хелена ухмыльнулась.

– Именно она. Давай пообедаем с ними сегодня вечером?

– Почему нет? – Макс массажным движением прошелся по ее спине. –

Мне было бы интересно увидеть их обоих.

– Хорошо, тогда я сообщу Гермине. Скажем, примерно в восемь часов в гостинице «Централь»?

– Хорошо, мне подходит.

– Какое счастье, – пошутила Хелена.

Макс встал и начал одеваться.

– Я, конечно же, зайду за тобой. – Прежде чем уйти, он еще раз сладко поцеловал ее. – До скорого, скажем, в полвосьмого?

– Да, в полвосьмого.

Хелена знала, что ему всегда требовалось время для себя, и поэтому он пошел в свой номер, чтобы выпить вина, почитать газету или углубиться в книгу по архитектуре, возможно, чтобы уже спланировать то или иное путешествие на следующее лето. Потому что то, что его в определенный момент ничего уже не будет удерживать в Риве, было для Хелены очевидно.

После того как он вышел, Хелена надела свой халат, но к мольберту не вернулась. Уже несколько дней у нее на душе было беспокойно, и Хелена просто не могла это откладывать.

Она должна была написать своей дочери.

Хелена уже несколько раз пыталась ответить на озабоченное письмо Юдит, и каждый раз разрывала лист бумаги, потому что не могла найти правильные слова. И лишь сейчас, когда она почувствовала, что твердо стоит на ногах, она не могла не объяснить все Юдит.

Хелена взглянула на свою палитру, набралась смелости и села за письменный стол.

Моя дорогая Юдит. Я знаю, что я давно должна была тебе написать. Не сердись на меня. Последние месяцы были полны перемен, и только сейчас, когда я четче вижу свой дальнейший путь и когда я сделала свой выбор, могу тебе о нем сообщить.

Как я уже написала твоему отцу, я не вернусь больше домой. В Штутгарте я болела. И лишь здесь я опять здорова, вдалеке от всего, что меня угнетало. Возможно, это тебя разочарует, покажется тебе бессердечным, но это не так. Может быть, придет день, и ты поймешь, что я имею в виду.

Потому что, хотя и кажется, что это не так, но самое сложное в принятии этого решения было то, что мне пришлось оставить тебя и твоих братьев. Но ты уже взрослая, а мальчики и так найдут свой путь на фирме. Это тот мир, в Дегерлохе, в который я не вписываюсь. И никогда не вписывалась.

Тем не менее я остаюсь твоей мамой. Не проходит и дня, чтобы я не думала о тебе. И я буду искренне, от всего сердца ждать, что однажды ты приедешь ко мне в Риву. Кто знает, может, тебе здесь будет так же хорошо, как и мне?

А до этого момента я обещаю тебе часто и много писать, не только маленькие письма с банальностями, как раньше. Но это большое расстояние, на которое я должна была решиться, было необходимо, чтобы преодолеть мою тяжелую меланхолию.

Вы с отцом сообщили мне о твоей предстоящей свадьбе.

Мне очень жаль, что ты так не рада этому событию. Исходя из твоих писем, складывается очень запутанный образ Альбрехта фон Брауна и вашей настоящей ситуации.

Очевидно, ты испытываешь не отвращение к нему. Ты боишься, что он будет обращаться с тобой как с собственностью, что ты потеряешь свою свободу и будешь зависимой от него. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы понимать, что тебе, как и мне, лучше погибнуть, чем заключить в неволю твою прекрасную душу, твою фантазию и твой богатый внутренний мир. Поэтому я могу тебе посоветовать следовать за своим сердцем, хоть и сложно перечить желаниям твоего отца. Если ты никак не можешь представить себе жизнь с Альбрехтом, борись за свою свободу! У тебя есть на это силы!

Я доверяю тебе твою жизнь в надежде, что она приведет тебя в самые красивые места и к самым замечательным людям.

А в один прекрасный день – и ко мне. Мои двери всегда открыты для тебя, ты должна это знать!

Твоя любящая мама.

Рива, декабрь 1903 года

Она не перечитывала письмо, а просто подписала его и отложила, чтобы отнести на почту. Оно было просрочено. Своему мужу она уже написала короткое письмо после своего приезда из Венеции. Хелена не знала, как Вильгельм отреагирует на эту новость, он мог приехать в Риву или прибегнуть к другим методам, чтобы сделать ее сговорчивой и заставить вернуться на место, к которому она, по его мнению, относилась. Она выбрала выжидательную позицию. Потому что до сих пор Хелена чувствовала в себе достаточно сил, чтобы отбивать его атаки, в случае если Ротман действительно осмелится поставить под сомнение ее независимую жизнь.

Она в раздумьях держала ручку в руке и, поставив на неподписанном листке чернильную кляксу, подумала о том, что нужно написать Георгу

Бахмайеру. Он оставил ей свой адрес, когда возвращался в сентябре в Мюнхен. До сих пор у нее не было необходимости поддерживать с ним контакт, а сегодня ей захотелось написать ему хотя бы пару строчек. И свой новый адрес.

Так к письму Юдит добавилось еще одно письмо, прежде чем она вернулась к картине.

– Хелена, моя дорогая! – Большое страусиное перо на дерзкой бархатной шляпе Гермионы трепетало, когда она оставила Кристла и поспешила ко входу в гостиницу «Централь». – Как же я рада вас видеть!

– Я тоже очень рада, дорогая Гермиона!

Гермиона фон Пройшен чуть не задушила ее в объятиях, а затем взглянула на Макса, стоявшего за Хеленой. В ту же секунду она отпустила Хелену.

– Вы только подумайте, Хелена!

С довольной улыбкой она смотрела, как Макс снял соломенную шляпу и, как и полагается, поклонился Гермионе. Она поймала благосклонный взгляд своей подруги, которым та окинула ее любовника.

– Это Макс, – она представила его. – Макс, это моя дорогая подруга, Гермиона фон Пройшен из Берлина.

– Называйте меня просто Гермиона, мой дорогой. – Гермиона взяла Хелену под руку. – Мне бы хотелось обсудить несколько деликатных вопросов с подругой с глазу на глаз! Мы так долго не виделись, – сказала она Кристлу и Максу. – А вы пока познакомьтесь, господа!

Она отвела Хелену немного в сторону.

– Статный, статный молодой человек, – прошептала она ей на ухо. – Как же все сложилось? Какие ощущения?

– Замечательные!

Гермиона сжала ее руку.

– Знаете что? Я очень рада за вас! Если кому-то и нужно было познать страсть, так это вам, дорогая Хелена.

Гермионе всегда удавалось своей прямоотой смутить Хелену, но она научилась преодолевать свою неуверенность.

– Я наслаждаюсь этим, как и вы. Осознавая, что это, возможно, когда-нибудь закончится.

– Не обязательно, – сказала Гермиона. – Разница в возрасте у вас, явно, не такая большая, как у нас с Кристлом.

– Все же я думаю, что у нас, в конце концов, разные цели. Он захочет семью и...

– ...испытать себя. Все, конечно, может быть. Ну а в чем могут быть

гарантии? Никто никому не принадлежит. Всегда можно принимать решения без принуждения.

– В этом вы правы, дорогая Гермиона, – сказала Хелена. – Лучше и не скажешь. А сейчас я безумно хочу есть.

Гермиона засмеялась, и подруги присоединились к мужчинам, ожидавшим их у входа в гостиницу.

– Ну, все новости обсудили? – дерзко спросил Макс, и Хелена заметила, как Гермиона покраснела. Она взяла его под руку.

– О, разумеется, нет, Макс! Если бы я хотела обсудить с Хеленой действительно все новости последних месяцев, вы бы несколько дней не виделись!

– Я сумел бы этому помешать, – возразил Макс и улыбнулся Гермионе.

Гермиона подмигнула ему и взяла Кристла под руку. Друг за другом обе пары вошли в гостиницу «Централь».

– Как долго вы пробудете в Риве? – спросила Хелена, когда они ужинали.

– Я думаю, две или три недели. Мы хотели бы еще раз приехать сюда следующей весной. Но у нас есть и другие планы относительно путешествий, – ответила Гермиона и посмотрела на Кристла.

– Мы хотели бы посетить Корфу, – сказал он и занялся нежной рыбой, лежащей у него на тарелке.

– У Хелены весной здесь будет выставка, – сказал Макс. Он заказал говяжий рулет. – Я думаю, она будет рада, если вы приедете, Гермиона.

– Правда? – радостно переспросила Гермиона и обратилась к Хелене: – В любом случае дайте мне знать, когда точно будет выставка! Если получится это как-то организовать, мы, конечно же, приедем!

– Скорее всего, это будет в марте, – сказала Хелена. – Но, пожалуйста, приезжайте только в том случае, если это не нарушит ваши планы.

– Конечно, это не нарушит наши планы, не так ли, Кристл?

Молодой человек кивнул, и Гермиона продолжила:

– Вы уже нашли помещение?

Хелена покачала головой.

– Знаете что? Мы спросим в санатории, – предложила Гермиона. – Там достаточно публички, которая с удовольствием приобрела бы ту или иную картину. Кристл?

– Да, моя дорогая?

– Мы же сможем узнать у твоего отца, предоставит ли он помещение?

– Конечно. Думаю, можно разделить выставку среди трех зданий санатория, – сказал Кристл.

– Это еще лучше! Ах, дорогая Хелена, до нашего отъезда ваша выставка будет спланирована. Сколько картин у вас уже готово?

– Девять, – сказала Хелена. – Я планирую до этого момента закончить восемнадцать или двадцать картин маслом.

– Это неплохо. Если они не слишком маленькие, – заметила Гермиона.

– Нет, большинство из них среднего формата. Две или три из них будут большого формата.

– Есть рисунки карандашом?

– Да, конечно. Я хочу, чтобы было разнообразие.

Гермиона захлопала от восторга.

– Вы же могли бы в это время рисовать с натуры в парке санатория. Тогда люди увидят, как вы создаете свои картины! Или вы можете предлагать художественные курсы. Ах, это будет замечательно!

– Так и будет, – подтвердил Макс и поднял бокал. – За Хелену!

– И за искусство! – добавил Кристл.

Позже этим вечером Макс впервые пригласил Хелену провести ночь в его номере. А Хелена впервые подумала о том, что он мог бы остаться у нее. В отношениях, свободных от принуждения, которые каждому давали возможность быть самим собой.

Глава 47

Шоколадная фабрика «Ротман», поздним вечером 22 декабря 1903 года

Эдгар осторожно вставил прочную проволоку, согнутую впереди в петлю, в замочную скважину двери конторы и аккуратно начал проворачивать туда-сюда. Затем он продвинул вторую часть проволоки. В тишине ночи скрежет проволоки казался Юдит очень громким.

– Немного выше, Юдит, – попросил Эдгар приглушенным голосом, и она изменила положение маленькой лампы в своей руке так, чтобы ее свет без тени падал на дверной замок.

Потребовалось немного времени, чтобы услышать первый щелчок, затем второй. Эдгар в последний раз засунул и высунул проволоку – и дверь открылась.

– Хорошая работа, – похвалил его Виктор. – Я буду рекомендовать тебя как взломщика!

– Давай!

Они вошли в контору.

– Юдит, теперь твоя очередь. – Виктор подбадривающим жестом положил ей руку на спину. – Ты же видела, где какие книги нужно искать?

Юдит кивнула.

– Да, примерно я могу сказать.

Они прошли к шкафам, которые стояли в торцевой части конторы. Виктор взял у Юдит лампу и держал ее так, чтобы Юдит было хорошо видно.

– В самом верху слева самые старые книги, с 1895 года. Книги за более ранние годы отнесли в закрытое подвальное помещение.

– Они нам не нужны, – сказал Виктор. – Пока нас интересуют годы с 1900 по настоящее время.

– Тогда начало здесь, – сказала Юдит и указала на шкаф посередине.

Эдгар подошел и посмотрел на замок. Без проблем он взломал его и открыл дверцы шкафа. Исползованную проволоку он аккуратно спрятал в карман пиджака.

Пока Виктор зажигал вторую принесенную лампу, Эдгар приготовил карандаш и бумагу. Затем Юдит давала мужчинам отдельные документы и следила за тем, чтобы все оставалось в исходном порядке.

Они углубились в изучение расчетных книг, журналов, главных бухгалтерских книг, сравнивали поступления и расходы, проверяли остаток, просматривали учетные и балансовые книги. У Эдгара был опыт

относительно двойного ведения бухгалтерии, так как он раньше работал на фирме отца и получил определенные экономические знания. Также он использовал эти принципы и в своем маленьком эмалевом производстве. С его помощью Виктор относительно быстро сориентировался.

– Итак, все довольно прилично, – заметил Эдгар, и Виктор кивнул.

– Да, я тоже так считаю. Ты запишешь балансовую стоимость, Эдгар?

– Это могу и я сделать, – предложила Юдит, которая в коммерческой школе получила достаточно знаний в сфере экономики, чтобы понять большинство записей своего отца.

– Хорошо, давай, – ответил Виктор. – Эдгар, давай тогда вместе посмотрим банковские счета.

Они положили соответствующие документы на одну из конторок и попытались разобраться в денежных потоках последних трех лет.

– Проценты, которые взял фон Браун, были слишком высоки, – констатировал Эдгар.

– В каком году был взят последний кредит? – спросил Виктор.

– В январе 1902, – ответил Эдгар. – Кстати, в 1900 и в 1902 годах проценты, в принципе, были выше, по этому поводу жаловался мой отец. Но фон Браун все же еще добавил, – заметил Эдгар.

– Сперва последние... Ага! – Виктор указал на запись в конце столбца. – В конце ноября этого года, то есть 1903, взят еще кредит в размере 10000 марок. Выдан банкирским домом фон Брауна.

– Этот кредит проведен отдельно. – Эдгар внимательно просмотрел записи.

– И правда. Видимо, это краткосрочный кредит.

– Чтобы погасить неотложные задолженности, – предположил Эдгар.

– Мы должны посмотреть, какие счета он с тех пор оплатил, – сказал Виктор. – И, прежде всего, был ли Ротман до этого момента в принципе еще платежеспособен. Юдит?

– Да?

– Ты не могла бы взглянуть на последние записи?

– Подожди, секундочку... – Юдит взяла в руки одну из книг большого формата толщиной в палец и просмотрела последние записи. – Были оплачены те счета, относительно которых поступило напоминание, – сообщила она. – Какао, сахар, специи, детали для машинных установок. И сделана выплата за еще одну холодильную камеру. – Она подумала о последнем разговоре с отцом. То есть он учел ее просьбу. Это ее смутило.

– Дай мне, пожалуйста, баланс за последний год, – попросил Виктор. Юдит подошла к шкафу, взяла одну из тонких книг в черном переплете и

подала ему.

– Итак, если я правильно понимаю, – сообщил Виктор, – шоколадная фабрика без этого кредита банкирского дома фон Брауна была бы неплатежеспособна.

Эдгар поднял голову, встал и подошел к Виктору.

– Действительно.

– Этот кредит выдан под значительно меньший процент, чем все остальные, которые он в предыдущие годы предоставлял шоколадной фабрике «Ротман», – пробормотал Виктор. – Это сразу бросается в глаза.

– Это и правда сразу видно, – сказал Эдгар.

– Это значит... – рассуждала Юдит, – ...фон Браун дал моему отцу кредит при условии, что я выйду замуж за Альбрехта?

– Похоже на то, – согласился Виктор.

– Я не удивлюсь, если они договорились и о последующих кредитах, – горько сказала Юдит. – После свадьбы с Альбрехтом.

– Можно предположить. Потому что 10000 марок хоть и достаточно, чтобы предотвратить беду, но этого мало, чтобы обеспечить для фабрики радужные перспективы.

Юдит опустила голову.

Она вдруг почувствовала огромную ответственность на себе. В этой ситуации речь шла уже не только о ее личном счастье. Речь шла о существовании всей семьи. Если бы она согласилась выйти замуж за Альбрехта, то спасла бы от разорения шоколадную фабрику.

Виктор, видимо, почувствовал, что происходит у нее в душе, подошел к ней сзади и положил руку на плечо.

– Юдит, – тихо произнес он. – Эти кредиты всего лишь ловушка. Даже если с их помощью фабрика продержится еще какое-то время, то необходимо намного больше, чтобы поставить ее на ноги. Если бы Альбрехт был грамотным молодым человеком, то еще бы ничего. Но он ведь потянет тебя вместе с собой в уничтожающее болото зависимости и игры. В конце концов, это ни к чему не приведет, ни тебя, ни твоего отца и фирму.

Юдит прислонилась к нему, почувствовала его теплое, надежное тело за собой и глубоко вздохнула.

– Спасибо, – прошептала она. – Это просто... так ужасно тяжело. До настоящего момента я только оборонялась, но сейчас, когда я вижу, с какими проблемами мой отец ежедневно сталкивается...

Виктор нежно помассировал ее плечи.

– Это риск, на который идет каждый, кто основывает или руководит

предприятием. Ротману долгие годы это хорошо удавалось. А сейчас нам нужно посмотреть, как так получилось, что процветающая фабрика оказалась на грани банкротства. Рынок кондитерских изделий и шоколада растет, цены на сырье за прошлые годы были стабильны. Я уже это проверил в течение прошлых недель.

– Ты просто прирожденный предприниматель! – с улыбкой сказал Эдгар.

– Возможно, – ответил Виктор.

– Должна быть конкретная причина? – обеспокоенно спросила Юдит. – Ты думаешь, моего отца обманули?

– Такой вариант возможен, Эдгар?

Эдгар уже подошел к шкафам с документами и, по всей видимости, что-то пытался найти там.

– Если все так, как мы предполагаем, то должен быть год, когда финансовое положение фирмы значительно ухудшилось, – сказал он.

Они просмотрели документы за последние годы.

– Вот! Я думаю, нам нужно детальнее проверить здесь! Здесь было большое изъятие средств в личных целях. Это был 1899 год, – сказал Эдгар.

– Это почти четыре года назад, – сказала Юдит.

– Именно. Если я правильно понимаю написанное, это был очень хороший год для фирмы Ротмана. Все же это большое изъятие значительно уменьшило платежеспособность фирмы, – сделал вывод Эдгар.

– И, прежде всего, следует отметить, что ничего не вернулось. Вопрос в том, зачем он взял столько денег на фирме. Возможно, для строительства виллы? – спросил Виктор.

– Возможно, – ответила Юдит. – Но я думаю, что на это ушла часть состояния моей матери. Мои родители очень спорили по этому поводу. Мама хотела часть денег оставить себе, но отец упрекал ее, что виллу он строит только ради нее, из-за ее нервной болезни.

– Она и так не имела права на это состояние. С момента свадьбы все перешло во владение твоего отца, – объяснил Виктор.

– Как бы там ни было, – подытожил Эдгар. – Где мы можем найти указания относительно пребывания этой суммы?

– Некоторые особенно важные документы он хранит у себя в кабинете, – сказала Юдит. – Возможно, они лежат в его сейфе.

– Тогда это будет сложно, – сказал Эдгар. – Это высшее мастерство взломщика. Я еще им не владею.

– Давайте посмотрим, – произнес Виктор. – Стоит попробовать.

Им удалось войти в закрытое помещение.

– Сейф находится в шкафу. – Юдит указала на узкий высокий шкаф из дерева с украшенными мозаикой дверцами.

Эдгар посмотрел на этот предмет мебели и покачал головой.

– Я не смогу его открыть.

– Ну хорошо, – ответил Виктор. – Тогда давайте посмотрим, что лежит на его письменном столе. Может, есть другие зацепки.

Осторожно, чтобы не устроить беспорядок, они тщательно проверили документы на письменном столе, в ящиках стола и осмотрели полки.

Наконец, Юдит что-то подняла.

– Виктор!

– Что?

– Возможно, это сможет нам помочь? – она передала Виктору бумагу, на которой от руки были написаны некоторые цифры и наскоро сделаны какие-то заметки.

Виктор посмотрел на записи и передал их Эдгару.

Тот покачал головой.

– Это определенные расчеты, которые не имеют ничего общего с тем, что мы ищем.

Они продолжили поиски.

В конце концов, Виктор заметил маленький скомканный листок бумаги, который лежал на полу между письменным столом и стоящей рядом полкой. Видимо, он упал, и его там потеряли.

Он поднял его и развернул.

– Юдит! Эдгар!

– Ты что-то нашел? – спросила Юдит.

– Покажи! – сказал Эдгар. – Да! Это наверняка то, что нужно!

– Но документы на этот счет точно лежат в сейфе, – попросил заметить Виктор.

– Ничего страшного! – сказал Эдгар. – Главное, что мы знаем, куда ушла, по крайней мере, часть денег.

Эдгар сделал несколько заключительных записей, пока Виктор и Юдит тщательно убрали все по своим местам и скрывали все следы обыска.

– Пора смываться! Я сегодня останусь у Эберле, потому что у меня еще есть несколько заказов, которые мне нужно доделать до Рождества.

– Ах да, я совсем забыл, что ты зарабатываешь не взломом, – пошутил Виктор.

– Пока еще нет! – сказал Эдгар, подмигнув. – Но кто знает? Может, я еще войду во вкус.

Они вышли из конторы, Эдгар закрыл дверь, замок дважды щелкнул. Когда они подошли ко входной двери, Эдгар вдруг заторопился.

– Не забудь, что мы завтра переезжаем! И хорошего вечера, фройляйн Ротман!

На этом он ушел.

Виктор обнял Юдит.

– Что он имел в виду относительно завтра? – поинтересовалась она.

– Завтра вечером мы переезжаем к Алоизу Эберле.

– Ах вот как!

– Да. Прежнюю квартиру мы оставляем. У Эберле дешевле, и я смогу больше работать над шоколадным автоматом.

– Как обстоят дела с автоматом?

– Конструкция уже готова, и Эдгар провел эмалевые работы по оформлению. Теперь нужно все соединить.

– Это прекрасно! Шоколадные плитки тоже готовы. Значит, после Рождества можно будет его установить?

– Я надеюсь на это. Еще нет разрешения. Мельница бюрократии, как известно, вращается очень медленно, – объяснил Виктор. – А сейчас, – он наклонился к ней, – я хочу свою пробу.

– Но у меня ничего нет...

Виктор не дал ей продолжить своим теплым и чувственным поцелуем.

– А, ты эту пробу имел в виду, – прошептала она.

– М-м-м.

Виктор обнял ее сильнее и первый раз позволил себе поднести свое лицо к изгибу ее шеи, чтобы поласкать там. Юдит вздохнула и прижалась к нему, испытывая желание быть как можно ближе. Она позволила его рукам скользить по ее телу и сквозь теплое пальто почувствовала его прикосновения и пробуждающееся страстное желание. Прекрасные, тонкие ощущения.

С последним поцелуем не без нотки сожаления он отпустил ее.

– Где тебя ждет Тео? – спросил он хриплым голосом.

– На углу впереди.

– Пойдем, я провожу тебя.

Вместе они закрыли входную дверь и большие ворота, убедились, что поблизости нет никого, и отправились в путь.

За санями он еще раз ее поцеловал и погладил ее лицо и волосы.

– Ты невероятная женщина, Юдит.

Его слова тронули Юдит. Она положила свою руку на его.

– Я люблю тебя, – пробормотала она, зная, что он, скорее всего, ничего

не понял.

Но когда Виктор подвел ее к Тео, по глубине его взгляда она поняла, что он услышал каждое ее слово. Беззвучно губами он произнес то же самое предложение.

Глава 48

Вилла Ротмана, на следующее утро

Бабетта пропала. Роберт растерянно стоял в своей комнате под крышей на вилле Ротмана. После того как она сегодня не приступила к работе, не появилась за завтраком, он прокрался на мансарду. Он был здесь уже в начале восьмого, и у него было такое ощущение, что мир рухнул.

Дверь в комнату Бабетты была открыта, кровать застелена. Всю одежду и личные вещи она взяла с собой. Ничто не напоминало о том, что она здесь жила. Только легкий аромат ее мыла еще витал в воздухе и вызывал у него чувство тоски.

Он догадывался, что произошло. Он не только в течение минувших дней постоянно видел следы ног на снегу вокруг дома. Он догадывался о греховном падении Бабетты.

Однако надежда на то, что Бабетта вовремя поймет, что пошла по кривой дорожке, что она опомнится и, возможно, доверится ему, не покидала его.

Но девушка была уже далеко.

Роберт вытер слезы в уголках глаз. Ему необходимо было сообщить о произошедшем госпоже Маргарет. Он медленно повернулся, вышел из комнаты и аккуратно закрыл ее.

Экономка отреагировала безучастно.

– Этого стоило ожидать. Она сама выбрала свою судьбу. Скоро она попадет в полицию. Долго в этом доме она не задержалась бы.

Ее жестокие слова глубоко задели Роберта.

В доме для прислуги все без проблем приступили к повседневным делам. Бабетты не было, и создалось такое ощущение, что ее здесь никогда и не было. Ни кухарка, ни Дора не выразили сожаления. Дора сегодня утром казалась очень уставшей. Тео тоже выглядел так, будто он переработал. Атмосфера во всем доме была удручающей. Если бы близнецы время от времени не ездили по перилам и не ссорились по мелочам, казалось бы, что вилла вымерла.

Роберт пытался отвлечься с помощью работы. Но все его мысли были о Бабетте. Когда ему после обеда дали поручение сделать кое-что в Штутгарте, он решил использовать это время и поискать ее.

Хотя совершенно не знал, в городе она или уже отправилась в другую местность.

Когда Роберт сидел в Цаке, медленно спускавшейся в Штутгарт, он думал, где ему начать поиски. Конечно, в городе было много

благотворительных организаций, но он сомневался, что там ему помогут. Ведь он не был ей ни братом, ни мужем.

Вдруг он вспомнил о Фрице.

Возможно, парень мог что-то ему подсказать.

Приехав на Мариенплатц, Роберт быстро выполнил все поручения. Затем он нашел дом, где живет Фриц. Фриц рассказывал Роберту, где он живет, во время своего появления на вилле Ротмана с целью выманить вознаграждение.

Переулки в городе были узкие и тесные. Сейчас, зимой, сюда не попадали солнечные лучи, и здесь отвратительно пахло дымом, мусором и фекалиями.

Удивительно, но Роберту не составило труда найти дом. А вот войти в него ему стоило немалых усилий. Фасад был в запущенном состоянии, многие окна были наглухо забиты или разбиты. Какие-то грязные дети, выглядевшие голодными и больными, играли на улице.

Когда Фриц открыл дверь крошечной однокомнатной квартиры, в которой он жил с мамой, то, судя по всему, не поверил своим глазам.

– Роберт! Как ты здесь оказался?

– Я как раз был в городе, – объяснил Роберт. – У тебя есть время, Фриц?

– Ну, да, собственно...

– Мне очень нужна твоя помощь. Ты кое-что за нее получишь!

Фриц кивнул.

– Подожди!

Квартира состояла из крошечного коридора, который вел в узкую комнату, обставленную самым необходимым. Со стен падала штукатурка, а пол прогнил. Воздух был спертый.

Роберт видел, как Фриц подошел к старому изношенному стулу, который был наполовину повернут к окну. На нем сидела пожилая женщина и, видимо, дремала.

– Мама, – тихо сказал он.

Веки женщины зашевелились, она покашляла, держа при этом платок перед ртом. Фриц быстро объяснил ей, что он уйдет на пару часов, затем с любовью поправил одеяло и укутал ее худое тело. Наконец, он взял курточку с крючка и сказал Роберту:

– Пойдем.

Перед тем как выйти из квартиры, Роберт еще раз взглянул на маму Фрица. В тусклом дневном свете, проникавшем сквозь узкое окно, было видно ее лицо старухи, хотя она, вероятно, была средних лет.

Вот что делала с людьми бедность.

Как только они вышли на улицу, Фриц широко улыбнулся.

– Заработок – это всегда хорошо, – сказал он. – Что мне нужно делать?

– Я ищу человека, – ответил Роберт и рассказал ему об исчезновении Бабетты.

– А она пропала только сегодня утром? – спросил Фриц. – Тогда может быть такое, что она еще появится.

– Нет. Она взяла с собой вещи.

Фриц задумался.

– Лучше всего нам пойти к сестре Хенни. Она занимается такими делами. Она часто бывает в нашем доме и смотрит за детьми соседки.

– Где найти сестру Хенни?

– В полицейском участке.

У Роберта отвисла челюсть от удивления.

– В полицейском участке?

– Да. У нее там кабинет. Так она его называет. Надеюсь, что она там, а не в наряде.

Пока Роберт еще осознавал, что в полицейском участке работает женщина, Фриц уже пошел.

– Раньше она работала в Берлине и в других городах. В Штутгарте она несколько месяцев.

К Роберту постепенно вернулся дар речи.

– Да, но как она там работает? Как она попала в полицию?

– Собственно говоря, она медсестра. Но здесь она... я не помню слово, полицейская... сотрудница полиции. Да, точно, так это называется.

Видно было, что Фриц горд собой.

– Такая нужна в Штутгарте?

Фриц пожал плечами.

– Я слышал о ней много хорошего. Она не ловит преступников. Она заботится о молодых девушках, которых задерживают. И направляет их на верный путь.

Хотя Роберт все еще и был удивлен, но после того, как он услышал, что сестра Хенни не настоящий полицейский, все опять вернулось на свои места.

– Тогда она в каком-то роде социальный работник, – сказал он.

– Да, можно и так сказать, – подтвердил Фриц.

Когда они подошли к полицейскому участку, Фриц вдруг ускорил шаг.

– Вот она идет впереди! Быстрее, мы еще ее догоним! – крикнул он Роберту и побежал. – Сестра Хенни! Сестра Хенни!

Сестра Хенни обернулась и остановилась.

Роберт тоже пошел быстрее, а Фриц уже разговаривал с высокой стройной женщиной в сером шерстяном пальто. Поверх темных волос она носила белый чепчик.

– Вы ищете девушку, которая ушла сегодня? – она задала вопрос непосредственно Роберту, когда он подошел. – Это будет непросто: чтобы она обратилась ко мне, у нее должно случиться что-то плохое. Чаще всего девушкам поначалу нравится эта безнравственная жизнь. Как ее зовут?

– Бабетта Шустер. Она была служанкой у шоколадного фабриканта Ротмана в Дегерлохе.

Сестра Хенни покачала головой.

– Нет, девушка с таким именем сегодня не поступала. Мне очень жаль. Вы ее родственник?

– Он ее двоюродный брат, – опередив его, сказал Фриц.

Роберт кивнул.

– А где вы работаете, разрешите поинтересоваться? – спросила сестра Хенни.

– Тоже у Ротмана, – ответил Роберт.

– Я приветствую, когда родственники попадают в один дом, – сказала сестра Хенни. – Вам повезло. Жаль, что ваша двоюродная сестра это, судя по всему, не ценила.

– Да, очень жаль, – вздохнул Роберт. – Могу я вас кое о чем попросить?

– Смотря о чем, – сказала сестра Хенни и собралась уходить. Было видно, что она торопится.

– Если к вам в ближайшие дни встретится девушка по имени Бабетта, среднего роста, блондинка, очень стройная, вы не могли бы сообщить в дом Ротмана?

– Разумеется. Я рада за каждого подопечного, который возвращается в хорошие руки. Но таких не много. Всего хорошего!

На этом она попрощалась с Робертом и Фрицем.

Роберт был очень разочарован.

Фриц толкнул его.

– Эй, было же сразу понятно, что за минуту мы ее не найдем. Но сестра Хенни действительно знает свое дело. Если кто-то что-то и может сделать, так это она.

– Ну, если ты так думаешь.

Они медленно пошли обратно.

– Могу я еще что-то сделать? – спросил Фриц.

Вдруг Роберт сильно ударил по одному из уличных фонарей.

– Проклятье, проклятье! – выкрикнул он. – Что за чертова жизнь!

Фриц испуганно на него посмотрел.

– Эй, что ты делаешь? Лучше прекрати, мы недалеко от полицейского участка! Они быстро тебя закроют. И тогда ты уже не сможешь найти свою Бабетту!

Роберт постарался успокоиться.

– Это все так несправедливо! – сказал он.

– Знаешь что? – сказал Фриц. – В Штутгарте тоже есть определенные социальные интриги, люди, которые недовольны. За последние недели я кое-что слышал. Ты же мне говорил, что вместе можно что-то изменить относительно того, что богачи так богаты, а мы так бедны. Возможно, ты прав. В любом случае некоторые из них встречаются в «Им Гольденен Берен». Давай сходим туда?

Глава 49

Вилла Ротмана, утром 23 декабря 1903 года

– Я действительно очень рада, что вчера все хорошо прошло, – сказала Юдит Доре, когда та укладывала ей волосы.

– Хозяин весь вечер был в своем кабинете. Он ни разу не вышел, – рассказала Дора. – Потом к нему еще зашла госпожа Маргарет с метелкой для смахивания пыли. Странно, что она поздно вечером решила убирать. – Она покачала головой. – Кроме того, я уже там убрала. Может, ей было недостаточно чисто?

– Я не знаю, – сказала Юдит. – Я вот еще о чем подумала: где, собственно говоря, Бабетта? Она нашла другое, лучшее место?

– Я не знаю. Роберт говорит, что она даже рекомендации не попросила, просто исчезла.

– Но почему? У нас так плохо?

Дора пожала плечами.

– Для меня нормально.

– А для Бабетты?

– Она жаловалась. Но ведь у служанки работы больше, и она тяжелее, чем у меня. Мне с вами очень хорошо.

Ответ Доры заставил Юдит задуматься. Она слышала истории о служанках, которые вынуждены были спать на узких душных полатях над плитой, ели только заплесневелые объедки или подвергались безнравственным преследованиям. В таком случае она должна была быть благодарна за работу на вилле Ротмана. Чистая одежда, маленькая собственная комната, достаточное питание. Но никогда не знаешь, что происходит в голове других людей. Может, у Бабетты было неправильное представление о работе служанки?

– Будем надеяться, что она найдет то, что будет больше соответствовать ее ожиданиям, – Юдит закрыла тему.

– Если только она не беременна, – добавила Дора и, сама того не подозревая, заставила Юдит почувствовать мурашки на коже.

– А почему она должна быть беременна? – спросила Юдит.

– Иногда такое случается со служанками.

– У нее были отношения с парнем? С Робертом?

– С Робертом точно нет, но, может, с другим парнем? Кто может точно знать?

Юдит прикусила нижнюю губу. Замечание Доры очень ее обеспокоило. Потому что в последнее время месячные у нее были нерегулярные, а если и

были, то совсем мало, так что ей даже прокладка не нужна была. Когда она начала вспоминать, то поняла, что в последние недели вообще ничего не было. По крайней мере, закончились проблемы с желудком, плохо ей становилось очень редко.

И эта история с Максом случилась так давно, ей уже казалось, что ничего не произошло. При всех переживаниях прошлых недель вполне возможно, что цикл сбился. Рано или поздно он восстановится.

Она гнала от себя надоедливые мысли.

Дора закончила работу и помогла Юдит надеть темно-серую длинную юбку из мягкой шерсти и светлую блузку с вышивкой.

– Вы нашли что-то важное прошлой ночью во время вашего обыска, фройляйн Юдит? – поинтересовалась Дора.

– К сожалению, достаточно.

– И вам теперь не придется выходить замуж за молодого банкира?

– Это было бы хорошо, – вздохнула Юдит. – Будем надеяться, что отец мне поверит. Кстати, Альбрехт фон Браун не банкир. Он им и не будет.

– Нет?

– Он игрок и мошенник, который спускает свои деньги на девушек легкого поведения. Я никогда не выйду за него замуж, даже если мне придется уехать в Америку.

– Вы в этом уверены, фройляйн Юдит? Я имею в виду то, что он игрок и мошенник?

– К сожалению, да. Поэтому мне нужно что-то придумать, чтобы избавиться от него.

– Об этом определенно позаботится господин Райнбергер, – заговорщицки сказала Дора. – И если вы с ним, с господином Райнбергером, отправитесь в Америку, возьмите меня, пожалуйста, с собой! – Ее глаза заблестели.

Юдит засмеялась.

– Ну конечно. Без тебя я никуда не поеду. Только представь, сколько мы уже всего вместе пережили! Хочется верить, что найдется другое решение. Тео, кстати, уже готов ехать?

– Да, насколько я знаю.

Дора провела Юдит до двери. Затем Юдит спустилась по ступенькам к саням, которые подготовил Тео.

Он выглядел уставшим, когда здоровался с ней. Юдит не могла винить его в этом, он полночи не спал и пошел на большой риск, когда повез ее вчера поздно вечером на фабрику и ждал ее там. Но без помощи его и Доры ей бы не удалось незаметно выбраться из дома, а затем вернуться

обратно.

– Как ваши дела, фройляйн Юдит? – спросил он обеспокоенно, помогая ей садиться в сани. Добрый Тео.

– О, у меня все хорошо, Тео, спасибо. Но как у вас? У вас были какие-либо сложности из-за долгого отсутствия?

– Нет. Я всем сказал, что с санями проблемы и нужно сделать большую пробную поездку. Но на это никто не обратил внимания, потому что было холодно. И каждый был рад, что ему не нужно на улицу.

– Теперь я спокойна, – ответила Юдит. – Спасибо за вашу помощь. И за ключи, которые вы мне дали, от ворот и главного входа.

– Всегда рад помочь, фройляйн Юдит. Ах... – Тео собрался было ехать, как вдруг что-то вспомнил. – У меня же здесь письмо. Оно пришло экспресс-почтой от вашей мамы.

Он дал ей конверт и залез на повозку.

Поездку в Штутгарт сопровождал знакомый звон бубенчиков. Тем временем Юдит читала послание от матери и понимала, как она от нее отдалилась за это время. Это, наверное, и значило – повзрослеть. Письмо все же вызвало у нее приятные ощущения: за долгое время у нее появилось чувство, что ее мать, несмотря на расстояние, была рядом. Какой неожиданный прекрасный рождественский подарок!

В этот момент она вспомнила, что не купила подарки близнецам. И Виктору. Она решила сразу заехать в торговый центр «Бройнингер», а потом уже отправиться на шоколадную фабрику. Хотя она и не собиралась опять встречаться с Виктором.

После обеда того же дня Вильгельм Ротман сидел в своем кабинете и дрожащими пальцами открывал письмо жены. Еще когда он несколько дней назад впервые взял письмо в руки, ему было не по себе, поэтому он отложил его в сторону, так не прочитав. Но рано или поздно нужно было покончить с этой нерешительностью, и он уверенно взял в руки канцелярский нож.

Когда Вильгельм развернул письмо, из него выпал какой-то сверток из шелковой бумаги. Он положил его на стопку документов, а сам начал читать:

Дорогой Вильгельм. Мне нелегко писать Вам эти строки, но они, наконец, должны быть написаны. Я должна это Вам и себе. И нашим детям.

С момента моего отъезда из Штутгарта прошло много месяцев. За это время я очень изменилась. Вы никогда больше не узнаете во мне ту женщину, на которой Вы когда-то женились.

Как и многие браки, наш брак основывался на договоренности, а не на влечении. И эта ситуация привела к моей болезни. И так как больная жена не будет для Вас ни радостью, ни опорой, я предлагаю Вам разорвать этот союз.

Я больше не вернусь в Штутгарт. Мое место не там.

Разумеется, развод – это скандал. Я это понимаю. Поэтому я предлагаю Вам самому решить, будете ли Вы предпринимать соответствующие шаги или сохраните этот брак внешне. Он и так существует только на бумаге.

Желаю Вам счастья. Хелена.

Рива, декабрь 1903 года.

Несколько минут Вильгельм Ротман смотрел на письмо, не веря своим глазам, а потом в гневе сильно ударил кулаком по столу.

Он догадывался об этом. Этот санаторий в Риве посеял в ее голове смутные идеи, в этом он был уверен. Как она это написала. Так, будто речь идет вообще не о ее браке, не о ее семье, не о ее положении в обществе.

Вильгельм Ротман ослабил галстук и засунул пальцы за высокий тугий воротник рубашки. У него было такое чувство, что в комнате не хватало воздуха, чтобы свободно дышать.

Он мог бы терпеть больную супругу. Но не женщину, которая его таким образом унизила. Ее поведение не должно было остаться без последствий. Лучше всего было бы за волосы притащить ее из Ривы в Штутгарт, но он не мог бросить предприятие. Но, возможно, такие грубые методы были и не нужны.

Хелена образумится как минимум, когда ей понадобятся деньги. Даже если она и отложила что-то из его переводов, ей этого не хватит на всю жизнь. Когда-нибудь это обстоятельство заставит ее вернуться домой.

Ротман встал и начал беспокойно ходить туда-сюда по своему кабинету. Затем он вспомнил о приложении к письму. Он подошел к письменному столу, взял упаковку размером с визитную карточку в руки и развернул шелковую бумагу. С легким звоном на пол упал блестящий предмет. Подняв его, Вильгельм Ротман увидел, что это было ее обручальное кольцо.

Он громко застонал.

Она действительно была настроена серьезно. Почему она так с ним поступила? Она встретила кого-то? Кого-то, кто ее обеспечивает?

Мысль о том, что у Хелены – у его Хелены! – был другой мужчина, привела его в ярость. Он вспотел, его сердце быстро забилося в груди, дыхание участилось.

Ему нужно было выйти, иначе он сошел бы с ума.

Сотрудники конторы были заняты работой, когда дверь офиса распахнулась, и он быстрыми тяжелыми шагами пересек комнату и вышел на лестницу. Свой пиджак он оставил.

Ротман бесцельно ходил по фабрике, пытался понять то, что он в душе уже давно знал: Хелена бросила его.

В то время, когда в нем боролись всевозможные чувства, когда он ощутил неведомое ему до настоящего момента бессилие, Ротман вдруг почувствовал необходимость действовать. Хотя бы в той сфере, где он пока еще имел влияние: Юдит.

Он должен был рассказать дочери о постыдном поведении ее матери. И в очередной раз вбить ей в голову, что он больше не потерпит никаких возражений относительно ее свадьбы с Альбрехтом.

Он потерял свою жену. Если еще и фирма погибнет, его жизни конец.

Ротман знал, что после обеда Юдит часто бывала в своем помещении для экспериментов, поэтому он туда и отправился. Все, кого Вильгельм встречал по пути, сторонились, такое мрачное было у него выражение лица и такой угрожающей была его осанка.

Он прошел по маленькому двору и вошел в другое здание, прошел по длинному коридору, который заканчивался у лестницы. Переступая через две ступеньки, он поднялся на третий этаж, быстро прошел мимо отдела декораций и, наконец, еле переводя дух, оказался перед закрытой дверью помещения для экспериментов.

Он сделал глубокий вдох, попытавшись немного успокоиться, и открыл дверь.

– Юдит!

Хриплый голос отца заставил Юдит вздрогнуть. Смутившись, она освободилась из объятий Виктора.

– Отец, что вы здесь делаете?

– Что я здесь делаю? – крикнул Ротман и закрыл за собой дверь. – Вопрос в том, что ты здесь делаешь! Но это и так видно!

Он угрожающе подошел к ней. Виктор, защищая, обнял ее, пока она отчаянно пыталась застегнуть блузку.

– И следующий вопрос к вам, господин Райнбергер. Что вы делаете с моей дочерью?

– Я люблю вашу...

– Поберегите слова, господин Райнбергер! Моя дочь помолвлена, и ее... позорный поступок ничего не изменит.

– Я женюсь на Юдит, господин Рот...

– Женитесь? Вы? На моей дочери? – Ротман перебил его. Он

язвительно рассмеялся. – Невесть откуда появившийся незнакомец. Что вы себе вообразили, Райнбергер? Немедленно собирайте свои вещи и убирайтесь с моей фирмы.

– Но, отец, Виктор...

– Замолчи, Юдит. А ты прилично оденешься и немедленно пойдешь к гаражу. Тео отвезет тебя домой. Это был твой последний день на фабрике. Ты выйдешь из комнаты только в день твоей свадьбы с Альбрехтом фон Брауном.

– Нет! Вы не сможете меня заставить!

– Не смогу?! Альбрехту я сообщу, чтобы он с первого дня свадьбы внимательно следил за тобой. Как у мужа у него будет право предписывать тебе твои задания, твое окружение и твое поведение! – Он посмотрел на Виктора. – Вы еще здесь, Райнбергер?! Убирайтесь, иначе вас арестуют!

Виктор отпустил Юдит. Он пытался взглядом ей показать, что не бросит ее в беде, но Юдит понятия не имела, как ему это удастся. Она полностью зависела от своего отца.

– Иди, Виктор. Пока отец тебе ничего не сделал. Он может меня отдать замуж, может заставить сделать что угодно, но никогда не сможет заставить меня забыть тебя.

– Довольно, Юдит! – пригрозил отец и поднял руку.

Виктор в последний раз пристально посмотрел на Юдит. Затем он взял свою курточку и вышел.

Как только Виктор покинул помещение, Вильгельм Ротман грубо схватил дочь за руку.

Юдит попыталась освободиться от него.

– Ты делаешь мне больно!

– Это неважно. Чем быстрее ты научишься слушаться, тем лучше. Я достаточно долго прощал тебе твое упрямство.

– Ты хотя бы знаешь, что за чудовище этот Альбрехт? Он играет, мошенничает и ходит к проституткам...

Она получила пощечину. Это было адски больно. Юдит приложила руку к месту, которое болело, подступили слезы, но она не собиралась плакать.

– Только попробуй еще раз злословить по отношению к своему жениху, и я за себя не ручаюсь, Юдит, – холодно предупредил ее отец.

Он привел дочь к гаражу и приказал Тео отвезти ее домой и под присмотром экономки отвести в комнату.

Тео с сочувствием посмотрел на нее.

– Я полагаюсь на вас, Тео, – ледяным голосом сказал Ротман. – И

следите, чтобы она не сбежала. – На этом он ушел.

Когда Юдит села в сани, то заметила Виктора, который как раз проходил через ворота фабрики. Он остановился и посмотрел на нее. В его взгляде были тоска и любовь.

И решительность.

Глава 50

Вилла Ротмана, Сочельник 1903 года

– Я вернусь примерно через два часа, Дора, – сказала экономка. – Пожалуйста, следите за тем, чтобы фройляйн Юдит оставалась на верхнем этаже.

Юдит еще не вставала, она услышала шелест накрахмаленных юбок, когда Маргарет подошла к двери и вышла из комнаты. Вскоре после этого она увидела тень Доры, которая склонилась над ее кроватью.

– Фройляйн Юдит?

Юдит покачала головой.

– Фройляйн Юдит, – настаивала Дора. – Вам нужно взять себя в руки. Я хочу вам помочь! И все мы хотим, кроме госпожи Маргарет.

– Что вы можете сделать? – осознавая свое бессилие, спросила Юдит, но все же повернулась к Доре.

– Выход есть, – уверила ее горничная. – Если этот Альбрехт такой ужасный, как вы рассказываете...

– Он еще ужаснее, – горько сказала Юдит. – Но мой отец как будто обезумел.

– Если вы что-то хотите изменить, то вам нужны союзники, фройляйн Юдит.

Вздыхнув, Юдит села и сползла на край своей кровати.

– Ты права, – сказала она. – Но сначала мне нужно одеться.

Она встала.

Дора достала выходное платье.

– Единственное, что я могу предпринять, – это эмиграция, – цинично сказала Юдит, когда Дора помогала ей снять ночную рубашку и надеть корсет.

– Если так нужно, значит, эмигрируйте, фройляйн Юдит. Я, разумеется, поеду с вами, я вам уже об этом не раз говорила... Вы не могли бы немного втянуть живот? Не застегивается.

– Я его втянула. Тебе нужно поменять положение, – сказала Юдит и сдвинула корсет из китового уса. – Видишь? Сейчас должно получиться.

Она чувствовала, как Дора затягивает ленточки.

– Мне очень жаль, но дальше не получается. В последнее время его было уже сложно затягивать, – беспомощно сказала Дора. – Я немного ослаблю его.

– Да, ослабь.

После того как Дора зашнуровала корсет, она поднесла Юдит темно-

синее вельветовое платье.

– Этой зимой я еще не надевала это платье, – сказала Юдит, и Дора помогла ей одеться. Но когда горничная хотела его застегнуть, то столкнулась с той же проблемой.

– Я не знаю, может, вы поправились, фройляйн Юдит? Здесь всего несколько миллиметров, но я не могу застегнуть. Нужно его немного выпустить.

Юдит попыталась еще немного втянуть живот, но и сама заметила, какой он твердый и выпуклый. Совсем немного, но в узкий корсет и платье ей просто не удавалось влезть.

Она наморщила лоб.

– Дора?

– Да, фройляйн Юдит?

– Как понять, что женщина в положении?

Дора резко вдохнула.

– Фройляйн Юдит!

– Ты знаешь? – настаивала Юдит.

– Я видела дома, когда мама была беременна. И на моем последнем месте работы хозяйка родила ребенка. Но это было пару лет назад.

– И как можно точно выяснить?

– Ну, я думаю, если нет месячных. Некоторые себя плохо чувствуют. И, конечно, поправляются... – Дора закрыла рот рукой. – Но этого не может быть, фройляйн Юдит, или? Вы же... да... э-э-э, – запнулась она.

Юдит сделала глубокий вдох.

– Было, – просто сказала она. – Дора, у меня было один раз с мужчиной...

– О!..

– Да. И с тех пор у меня редко идут месячные, и если идут, то очень мало. И часто мне было плохо, ты же знаешь. Какое-то время, сейчас лучше. И к тому же живот стал больше.

– Ну да, после одного раза...

– Я думаю, что это уже нужно признать, – определенно сказала Юдит. – Знаешь, я уже несколько раз думала о беременности, но как-то сразу об этом забыла. Так, будто моя душа не хотела это принять. Сними с меня платье!

Дора помогла ей снять платье из мягкого бархатного материала.

– И корсет, пожалуйста, тоже. Он слишком узкий.

Дора сделала так, как ей сказали, и Юдит ладонями ощупала низ живота. Затем в сорочке и панталонах она боком повернулась к Доре.

– Ну? Ты что-то видишь?

Было заметно, что Доре неловко так рассматривать живот Юдит, но, в конце концов, она набралась смелости и посмотрела.

– М-м-м, ну, можно подумать, что вы просто плотно пообедали, но да, он и правда немного... пухлый. Но только ниже пупка.

Дора покраснела.

– Да. Я чувствую то же самое, когда провожу по нему рукой. Он действительно пухлый. И здесь, вверху, – она скрестила руки на груди, – я чувствую себя пышнее. И чувствительнее. Иногда мне действительно больно.

– Кто может точно знать?

– Подожди. – Юдит опять села на кровать. – Нам нужно хорошо подумать.

– Как давно это произошло... ну, я имею в виду, что вы могли забеременеть?

– Это был конец сентября. На балу у Эбингеров.

– На балу у Эбингеров?

Дора так растерялась, что Юдит не могла не улыбнуться.

– Как это возможно? Где?..

– Ах, Дора, поверь мне. Если ты в отчаянии, то тебе все равно где. Не все равно с кем. – При мысли о Максе Юдит стало тяжело на душе. – Знаешь, я была так глупа. Я думала, он на мне женится. Но он даже и не подумал... Вместо этого несколько дней спустя он исчез из Штутгарта.

– Но, разве это не господин Райнбергер? – В этот момент Дора окончательно запуталась.

Юдит покачала головой.

– Нет, – ответила она с сожалением. – Это не Виктор. К сожалению. Макс Эбингер... отец ребенка.

Юдит положила руку на живот. Сомнений больше не было. В ее теле росла новая жизнь, и после того как девушка несколько последних недель отрицала свое состояние, сейчас она наконец посмотрела правде в глаза. На нее обрушатся новые сложности, тем не менее ребенок – это ее последний козырь. В таком состоянии Альбрехт фон Браун точно не захочет видеть ее своей женой.

В то же время другая мысль не давала ей покоя: Виктор тоже разочаруется и отвернется от нее, как только узнает о беременности. Как он сможет к ней что-то чувствовать, если она носит под сердцем чужого ребенка?

– Я принесу утреннее платье, – прагматично сказала Дора. – Для него

не нужен корсет.

– Принеси, – вздохнула Юдит. – Мне все равно нельзя выходить из дома.

Не успела Юдит одеться, как в дверь настойчиво постучали. Услышав взволнованные детские голоса, Юдит сразу поняла, что это пришли ее братья. Дора открыла.

Все еще болтая, Карл и Антон вошли в комнату, оба с поделками. За ними проследовал кот Владимир с высоко поднятым хвостом.

– Она глупая ведьма, – быстро сказал Карл Антону. Тот кивнул.

– Кто глупый? – спросила Юдит.

– Ах, госпожа Маргарет, – сказал Антон.

– Она просто ужасно глупая, – подтвердил Карл, пока кот терся о ноги Юдит, а затем свернулся рыже-белым клубочком в одном из удобных кресел. Близнецы положили свои материалы на стол.

– Сегодня Сочельник, – многозначительно сказал Антон.

– Именно, – заметил Карл. – И ты должна наряжать для нас елку, как и каждый год! А сейчас госпожа экономка собирается это делать сама, и мы считаем, что это глупо.

Юдит и Дора переглянулись. Дора улыбнулась и принялась убирать платя.

– Знаете что? Я позже займусь елкой, – пообещала Юдит братьям. Отец не может мне это запретить, добавила она мысленно. – Что вы принесли? – она указала на стол.

– Это наш рождественский календарь! – с важным видом заявил Карл. – Он называется «В стране Деда Мороза!»

– И мы хотели, чтобы последнюю дверцу ты сделала вместе с нами. Ты в последнее время практически ничего с нами не делаешь, – сказал Антон, и Юдит вынуждена была тихо согласиться. В суматохе последних недель она даже не думала о рождественском празднике.

– У вас есть рождественский календарь?

– Да! Нам его принес отец, и с первого декабря мы каждый день что-то мастерим.

– Ну хорошо, вы все равно не отстанете, – Юдит сдалась. – Показывайте свой календарь.

Карл и Антон показали ей большой лист из плотного картона, украшенный рождественскими мотивами, на который были наклеены пестрые картинки с различными изображениями. Юдит внимательно выслушала все объяснения: лошадка-качалка, ангел в рождественской булочной и деревянная железная дорога, мини-армия из игрушечных

солдати́ков, кукольный доми́к, презрительно отброшенный близнецами как «девчачий хлам».

Наконец, Карл сунул ей под нос последнюю двадцать четвертую картинку. Она была криво вырезана, и Юдит сразу же попросила ножницы. Она выровняла края вокруг Деда Мороза, который стоял в длинном белом одеянии перед рождественской елкой, а у его ног был маленький ангел.

– Кто его приклеит? – спросила она.

– Ты, конечно же! – торжественно сказал Карл.

– Хорошо, у вас есть сидентикон?

Антон протянул ей клей, и Юдит аккуратно приклеила картинку на предусмотренную ячейку в центре листа. Мальчики довольно улыбнулись.

– А теперь ты можешь его повесить, – объявил Антон. – Это и есть наш рождественский подарок для тебя!

Юдит была тронута.

– Спасибо вам, мои дорогие! Я позже найду для него красивое место, а пока оставим его на столе, хорошо?

Близнецы кивнули, по всей видимости, не очень довольны. Им больше всего хотелось сразу же повесить картину на стену в комнате Юдит.

– А теперь возвращайтесь в свою комнату, потому что мне же еще нужно украсить елку, не так ли?

Они оба кивнули и собрались уже выходить, как вдруг Юдит им напомнила:

– Заберите, пожалуйста, свои вещи!

С ворчанием они убрали со стола и ушли.

Дора сначала посмотрела на рождественский календарь, затем на кота.

– Коту не следует здесь находиться, ему нельзя заходить в комнаты хозяев.

– Я знаю, – ответила Юдит и села на край кровати. Она все еще была уставшая. – Мы потом его выгоним.

Дора кивнула и принялась убирать упавшие на пол кусочки бумаги. Вдруг она остановилась.

– Мне как раз в голову пришла идея, фройляйн Юдит, – сказала она.

– Что?

– Роберт, как сумасшедший, ищет Бабетту. И он рассказывал, что в Штутгарте есть кто-то вроде сотрудницы полиции, которая занимается такими делами.

– Сотрудница полиции?

– Он называл ее сестра Хенни. Она вроде бы всего несколько месяцев в Штутгарте и работает в полицейском участке. Прежде всего, она заботится

о падших девушках и их детях.

– О падших девушках... – тихо повторила Юдит.

– О, простите! Я не имела в виду вас, фройляйн Юдит, – Дора исправилась. – Но, возможно, эта женщина сможет нам помочь. Спросить Роберта?

Юдит задумалась.

Сообщить отцу, находящемуся в таком плохом расположении духа, новость о том, что она беременна, ей казалось делом рискованным. Кто знает, как он отреагирует? В конце концов, он мог увезти ее куда-то в глухую деревню, пока ребенок не родится, и заставить ее отдать его. Это был бы не первый отец, который так поступил. Идти на такой ужасный риск она не хотела.

С другой стороны, одно было ясно: если она будет искать сестру Хенни, это будет подобно побегу. Она же была под домашним арестом. Если она сейчас отсюда сбежит, ей нужно быть готовой к тому, что она больше не сможет вернуться домой.

– Я знаю, это сложно, – сочувственно сказала Дора и присела рядом с Юдит. – Я могу представить, какие мысли у вас сейчас в голове. Но, может, господин Райнбергер что-то посоветует?

Когда прозвучало имя Виктора, Юдит вздрогнула.

– Нет, Дора! Пожалуйста, нет. Господин Райнбергер никогда не узнает, что со мной.

– Но почему нет?

– Он будет меня презирать.

– Вы в этом уверены? Я думаю, он вас по-настоящему любит.

– Это так! – Юдит старалась не расплакаться. – Он, наверное, смог бы помочь. Но я никогда больше не смогла бы посмотреть ему в глаза! Все, что между нами было за последние недели, теперь как-то... опорочено!

Дора с сомнением посмотрела на нее, но не стала больше говорить о Викторе.

– Я боюсь, – сказала она вместо этого, – что вам тогда в любом случае нужно идти к сестре Хенни.

– Ты так думаешь?

– Единственная другая возможность – это все скрыть и как-то подсунуть ребенка этому сыну банкира.

– Дора!

– Но это так! Или вы и правда хотите в положении отправиться на корабле для эмигрантов? Я знаю, вы сильная, фройляйн Юдит. Но это очень опасно. Вы можете погибнуть.

У Юдит закружилась голова.

– Но я вас ни в коем случае не брошу, – продолжила Дора. – Я останусь с вами, неважно, что вы решите. Я накопила почти тысячу марок за последние годы. Этого нам хватит на какое-то время.

Предложение горничной шокировало Юдит. Она вдруг крепко обняла ее.

– О, Дора, – вздохнула она. – Тебе нельзя этого делать! Хватит уже того, что мое будущее не определено.

– Будущее всегда не определено, – мудро сказала Дора. – Помочь вам украсить елку? Потому что, если мы не поторопимся, госпожа Маргарет все сделает.

– Ты права. – Осознание того, что она не одна, придавало ей сил. – Мы сейчас нарядим елку. А затем поговорим с Робертом о сестре Хенни.

Глава 51

Мастерская Алоиза Эберле, в это же время

– Соберись, Виктор! Ты не сможешь ей тем, что будешь сокрушаться, – безжалостно сказал Эдгар и продолжил воодушевленно водить кисточкой. Он работал над заказами, которые нужно было доставить после Рождества.

Виктор, сидевший рядом с Эдгаром за столом, взглянул на него, а потом снова опустил голову. Он был безнадежно подавлен этой ситуацией с Юдит и к тому же очень устал.

Если бы только ничего не произошло! Они чувствовали себя так уверенно в помещении Юдит. Ни разу за последние недели туда никто не входил без стука. И именно вчера они так увлеклись друг другом, что даже не услышали, как Ротман шел по коридору. Только лишь когда дверь открылась и на пороге появился дрожащий от ярости отец Юдит, они осознали всю опасность. Это была катастрофа.

Виктор потер лоб. Как же быстро, за секунду, жизнь может измениться. Из рая прямиком в ад.

– Хватит уже, Райнбергер, – решительно сказал Эдгар. – У меня готов задний фон для твоего автомата, и я советую тебе наконец его смонтировать. Ты же говорил, что в новом году собираешься установить аппарат на вокзале. Он должен быть готов к этому времени.

– Эдгар прав! – раздался голос Алоиза Эберле, который как раз подошел к ним из передней части мастерской. – И мне тоже есть чем заняться.

Виктор пробурчал что-то невнятное, но встал и пошел за Эберле. Тот осмотрел шоколадный автомат, встал перед ним на колени и что-то продолжил мастерить в механизме, который впоследствии должен был отправлять плитки шоколада в окошко для выдачи.

Какое-то время Виктор переминался с ноги на ногу, затем он повернулся, взял детали кулис Вильгельмы, которые подготовил Эдгар. Они были невероятно точно сделаны.

– Когда сцена будет готова, ты онемеешь от восторга, – предсказал Эдгар, стоявший за Виктором.

– Ты думаешь?

– Конечно. И в знак моей щедрости я не только дарю тебе эмалевые таблички, но и помогу тебе сейчас все это правильно установить.

– Ты думаешь, что сам я не смогу? – спросил его Виктор.

– Хе! Выпускай свою ярость на Ротмана, не на меня. Конечно, ты

можешь и сам, но вдвоем мы сделаем это быстрее. И я хочу быть уверен, что все подходит. Потому что... – Эдгар не договорил. – Начнем!

Какое-то время они работали молча, составляли части и аккуратно устанавливали их. Сосредоточиться на работе было полезно для Виктора, постепенно мир начал восстанавливаться, и, когда они несколько часов спустя все сделали и отошли в сторону, чтобы оценить результат, он был крайне удивлен.

– Слушай, Эдгар! Это невероятно!

Эдгар улыбнулся.

Кулисы не только в точности соответствовали картинке, которую дала Виктору Юдит. Эдгар так оформил задний фон, что все выглядело значительно объемней и масштабней, чем было в действительности.

Теперь встал и Алоиз Эберле.

– Ха, это и правда неповторимо, – сказал он. – И механика, надо надеяться, работает хорошо. Давайте попробуем?

Виктор дал Эберле одну из шоколадных плиток Юдит, которые он взял на прошлой неделе. После того как автомат был собран, Эдгар взял монеты в десять пфеннигов и бросил ее в отдел для монет.

– Абракадабра! Давай!

Ничего не произошло.

Виктор засмеялся.

Он не мог остановиться. Эдгар и Эберле с удивлением на него смотрели, когда он вытирал слезы с глаз.

– Честно, Эдгар... – он не договорил, потому что с ним опять случился приступ смеха. – Это было так смешно. Как ты там стал... – он смеялся, – ...и бросил монету, и ничего не произошло, абсолютно ничего...

– Я и сам все вижу, но меня так это не веселит, как тебя, – ухмыляясь сказал Эдгар, – но, если ты нашел в этом что-то смешное, поделись.

Виктор постарался сдержать свое веселье, которое немного избавило его от внутреннего напряжения.

Тем временем Эберле опять занимался автоматом и углубился в его внутренний мир, чтобы найти ошибку. Это заняло немного времени, и он попросил Эдгара сделать вторую попытку. Когда он достал еще одну монету, Виктор взял ее у него из рук.

– Сейчас моя очередь. Если опять ничего не получится, можешь посмеяться надо мной!

Он бросил монету. Все трое не отводили взглядов от стекла.

Что-то затрещало. Шоколадная плитка отправилась из склада на тележку, которая приводилась в движение с помощью ремня и параллельно

с которой двигались восточные танцовщицы. Все двигалось по железнодорожным рельсам. С каждым поворотом менялось положение фигур. Перед безупречно установленной кулисой Вильгельмы появилась, таким образом, иллюзия маленького театрального представления. Спектакль закончился через двадцать секунд у относительно большой прорези, в которой, словно от невидимой руки, появлялся шоколад, чтобы потом оказаться в окошке для выдачи.

Эдгар засмеялся и взял плитку.

– Просто деньги должен бросать настоящий мужчина, тогда все работает!

– Механика – мощная вещь, – довольно сказал Эберле. – Это необходимо учитывать, когда будете устанавливать автомат на вокзале.

– Да. Там достаточно вандалов, – добавил Эдгар и полакомился шоколадом. – М-м, очень вкусно! Это Юдит сделала?

– Да, за последние недели она создала прекрасные сорта шоколада.

Лицо Виктора сразу помрачнело.

Эдгар толкнул его локтем в бок.

– Только не впадай опять в уныние, Райнбергер. Сейчас мы немного отпразднуем Рождество.

– Я думал, ты пойдешь к семье, – сказал Виктор.

– Я собирался. Но я не хочу оставлять тебя и Эберле в одиночестве. Алоиз?

– Хм?

– Кто пойдет за морсом?

Алоиз Эберле поставил маленькую елку и украсил ее несколькими шарами и свечами. Он их аккуратно зажег, и они втроем спели «Тихую ночь» – мужественно справились с тремя строчками – и начали чокаться кружками с морсом.

Мысли Виктора были о Юдит.

Как она праздновала этот вечер? Вдруг близнецы опять что-то выдумали? Несмотря на удрученное настроение, он не мог не улыбнуться, когда вспомнил Карла и Антона.

Низкий, невнятный голос Эберле вернул его к действительности. Этот любитель мастерить взял Библию и читал рождественскую историю. Смутные воспоминания из детства пробудились в Викторе, но он так хотел оставить прошлое в покое. Ему все еще тяжело было вспоминать так рано ушедшую из жизни маму.

– Вот и все, а теперь к столу, – наконец сказал Эберле, пошел в кухню и поставил на стол хлеб, масло и колбасу. – Угощайтесь!

Хотя у Виктора и не было аппетита, но он был достаточно голоден, чтобы не отказываться.

– Как хорошо, что вчера вечером все прошло гладко, – сказал Эдгар за ужином и таким образом завел другой разговор. – Я даже и не думал, что после трех поездок мы справимся.

– Это единственное, что вчера прошло хорошо, – пробормотал Виктор.

– Ну хотя бы что-то, – ответил Эдгар.

Накануне, как и было договорено, они забрали все свои вещи из прежней квартиры на Зильбербургштрассе и перевезли к Алоизу Эберле, у которого над мастерской была относительно большая квартира. Там у каждого из них была комната с мебелью, хорошо обставленная и по приемлемой цене.

– Как вы собираетесь дальше действовать с автоматом? – спросил Эберле. – Еще один мы сможем сделать здесь, ну, может, два. Но если вы на этом хотите зарабатывать деньги, то нужен кто-то, кто будет заниматься этим серьезно. На фабрике.

– Мы об этом уже думали, – ответил Эдгар. – Мы собираемся спросить у машиностроительных предпринимателей Штутгарта, заинтересованы ли они в производстве такого автомата.

– В настоящий момент, – подключился к разговору Виктор, – нам придется это отложить. У меня сейчас нет работы и, соответственно, средств.

– Ну да, зарплата у Ротмана не сильно помогала, – сказал Эдгар.

– Не сильно. Но, возможно, связи Ротмана могли бы помочь. Вкладывать деньги он тоже бы не смог, это мы уже сами увидели позaproшлой ночью.

– Я мог бы спросить своего отца, – предложил Эдгар. – Возможно, его заинтересует такое вложение капитала, и он мог бы дать нам деньги, но он тоже сейчас вынужден проявлять осторожность после того, как чуть не остался с носом.

– Сначала установим один автомат, – ответил Виктор. – И я позабочусь о том, чтобы заработать деньги. Но сперва я позабочусь о Юдит.

– Что ты собираешься делать? – спросил Эдгар. – Освободишь ее из комнаты, как принц Рапунцель?

– Почему бы и нет?

– Я тебе помогу!

– Не смейся надо мной, Эдгар.

– Я не смеюсь. Ты уже что-то придумал? Я помогу тебе, ты же знаешь.

– Вам нужен хороший план, – подключился Эберле. – Вы еще молоды,

и у вас горячая кровь, а в таких делах нужна холодная голова.

– Ага, Алоиз! – ответил Эдгар. – Это кто-то говорит из собственного опыта!

Алоиз Эберле усмехнулся, но ничего не сказал.

– Он прав, – сказал Виктор. – Давай хорошо обдумаем все, что будет разумно и не навредит Юдит.

– Пока мне на ум приходит только наш друг Альбрехт фон Браун, – объяснил Эдгар. – В ближайшее время мы возьмемся за него.

– Верно, – проворчал Виктор. – Когда мы с ним справимся, он не захочет больше слышать фамилию Ротман.

– Однозначно, – подтвердил Эдгар. – Кстати, тебе удалось еще раз поговорить с той девушкой с шоколадной фабрики, Виктор? Которую мы видели в том доме?

– Ах, Паулина. Да, я кое-что узнал. Альбрехт, судя по всему, флиртует там с другой дамой, намного старше его, и занимается всем этим уже несколько лет.

– Должно быть, она его наставляет, – злобно съязвил Эдгар. – Прежде всего, ему нужно быть внимательным, чтобы ничего не подцепить. С французской болезнью не шутят.

– У нас много аргументов, Эдгар. Вопрос в том, когда и как нам их применить.

Глава 52

Вилла Ротмана, 26 декабря 1903 года

Рождественский праздник прошел очень скромно. Хотя Юдит вышла из комнаты и принимала участие в праздновании, но настоящей радости она не испытывала. Ни во время исполнения песен, ни когда отец рассказывал рождественские истории. У нее на глазах появлялись слезы каждый раз, когда она думала о Викторе и своем не рожденном ребенке. И о том, что ей предстояло пережить в ближайшие недели.

Немного рождественского настроения ей подарили Карл и Антон, когда удивленные и со светящимися глазами стояли перед елкой. Она любила братьев, и мысль о том, что вскоре больше не сможет их видеть, была для нее болезненна.

Они распаковывали подарки достаточно сдержанно, что давалось им нелегко. Книги, игра «Поймай рыбку» и оловянные солдатики от отца, мяч от слуг. Юдит подарила им две модели автомобилей, сделанные в соответствии с оригиналом, которые даже могли ездить, если их завести с помощью часового механизма. Радость близнецов была невероятной, и в течение всего вечера машинки непрерывно ездили по ковру в гостиной.

С серьезным видом отец вручил Юдит три пакета. Книга о домашнем хозяйстве и коробочка для рукоделия – намек был понятен. В третьем пакете был серебряный письменный гарнитур. Когда Юдит увидела имя, которое было на нем выгравировано, у нее закружилась голова. «Юдит фон Браун» было написано буквами с завитками внизу перед чернильницей, и, когда отец упомянул, что этот подарок он передает от имени Альбрехта, ей больше всего захотелось швырнуть его на пол.

Но затем она подумала, что гарнитур определенно стоит денег. Позже, когда Юдит уже была в своей комнате, она положила чернильницу вместе с кольцом Альбрехта в сумку, которую давно собрала. Потому что, как только у Роберта и Тео будет возможность незаметно вывезти ее из дома, она покинет виллу отца.

Другой возможности взять ответственность за свою жизнь и за жизнь ребенка она больше не видела. В противном случае она будет вынуждена терпеть самоуправство другого – или своего отца, или Альбрехта фон Брауна.

Поэтому она очень удивилась, когда днем в ее комнату постучали, и Дора привела Доротеа.

– Ах, Юдит, – вздохнула Доротеа, и Юдит заметила, какая она бледная.

– Что случилось? Ты не очень хорошо выглядишь!

– Альбрехт пропал.

– Альбрехт пропал? – переспросила Юдит.

Дора тоже насторожилась.

– Да, он пропал вчера вечером. И я думаю, что Виктор и Эдгар что-то с ним сделали.

– Почему ты так решила?

– Эдгар заходил вчера во второй половине дня и очень долго с ним разговаривал в его комнате.

– В первый день Рождества?

– Да.

Доротеа заплакала. Юдит дала ей носовой платок и села рядом с ней за маленький стол, который стоял в оконной нише.

– Знаешь, – всхлипывая, сказала Доротеа, – меня мучают угрызения совести. Потому что, в конце концов, это я дала им возможность проследить за ним. А теперь все так быстро произошло.

– Но, может быть, он вернется, – сказала Юдит. – Его же подолгу не... не бывает дома.

Доротеа на это никак не отреагировала.

– Обычно он приходил на рассвете. Мама очень переживает. И даже отец опечален.

– Было бы неплохо спросить Виктора и Эдгара. Но я, к сожалению, не могу к ним пойти. Мой отец посадил меня под домашний арест.

– Что? Почему? – Доротеа вытерла слезы.

– Он увидел меня вместе с Виктором.

– Да и что здесь такого... Э, ты имеешь в виду, что он увидел вас вместе очень близко, так сказать?

– Да, очень близко.

– О Боже!

– И сейчас он планирует ускорить свадьбу с твоим братом, нужно только дожидаться, когда закончится Рождество. И чтобы я больше не была такой непослушной, меня, так или иначе, заперли.

– Но по дому ты можешь передвигаться?

– Да. Он был милостив ко мне.

– Значит, – подытожила Доротеа, – у нас две большие проблемы. На каждую из нас по одной.

Юдит улыбнулась. Доротеа была просто неповторима. Даже в самой ужасной ситуации она не теряла чувство юмора. Присутствие подруги пошло ей на пользу.

Дора вышла из комнаты, чтобы принести чай и какао.

– Значит, мне нужно самой пойти к Эдгару и Виктору, – сказала Доротеа. – Но для этого мне нужно знать, где они живут.

Юдит задумалась.

– Я дам тебе адрес. При одном условии, – сказала она.

– При каком?

– Ты никому ни слова не скажешь, что они могли что-то сделать с Альбрехтом. Во-первых, в этом мы с тобой не уверены. Во-вторых, они нам очень помогли за последнее время.

– И в-третьих, ты любишь Виктора Райнбергера.

Юдит кивнула.

– А ты? Разве тебе не нравится Эдгар?

Доротеа пожала плечами.

– Возможно.

Она посмотрела на подругу. Слегка полноватая, невысокого роста Доротеа, может, и не была в общепринятом смысле красавицей. Но у нее было такое красивое лицо с большими зелеными глазами, которые, в отличие от глаз ее брата, были не водянистые, а очень глубокие. Цвет ее кожи, очень светлый, напоминал фарфор. А ее каштановые волосы отливали золотом.

– Возможно?

– Возможно, немного. – Доротеа мечтательно улыбнулась, но быстро стала серьезной. – Знаешь, Юдит, я чувствую, что разрываюсь.

– Ты же помнишь, что Виктор и Эдгар сказали тебе в парке Розенштайн? Альбрехту не принесет пользы, если его и дальше будут защищать. У него действительно большие проблемы, но ты, вероятно, об этом еще не знаешь.

– Нет. Я знаю только о подозрении. И что он играет, но этим занимаются многие молодые люди.

– Альбрехт не только играет, Доротеа. Он ходит к проституткам, очень много пьет. И у него большие игровые долги, поэтому он связался с подозрительными людьми. Возможно, Эдгар просто предостерег его, и Альбрехт спрятался. Если эти люди захотят получить свои деньги, а Виктор уверен в этом, то их ничто не испугает.

Доротеа не могла в это поверить.

– Это все выяснили Эдгар и Виктор?

– Да, – ответила Юдит. – Мне очень жаль, Доротеа. Это просто ужасно, что я являюсь причиной несчастья Альбрехта.

– Он сам виноват в своем несчастье, – сказала Доротеа. – Но, вероятно, можно было как-то иначе с ним поступить.

Вошла Дора и поставила чай, какао и выпечку. Затем она тихо вышла.

– Он думал, что все можно купить за деньги, – продолжила Юдит, когда они остались одни. – Это его проблема.

– Да, ты права. Этому его научили мои родители. А мама еще и разбаловала его. Что и усложнило ему жизнь. – Доротеа попробовала какао. – М-м-м, вкусно. Что там?

– Какао, молоко, сахар и тайная смесь специй.

– Твой рецепт?

– Да. Мой пряный шоколад.

– При случае ты должна мне выдать секрет своей особой смеси специй, – сказала Доротеа и поставила чашку. Она снова стала серьезной и заговорила о брате: – Мне было бы гораздо легче, если бы я знала, куда Альбрехт поехал. Поэтому я срочно хочу поговорить с Эдгаром.

– Эдгар и Виктор накануне Сочельника переехали к Алоизу Эберле, – объяснила Юдит. – У него маленькая мастерская на Хауптштеттерштрассе. Над ней его квартира.

– Спасибо, Юдит. Я умею ценить доверие. И я тебя не разочарую. Мне уже легче. Альбрехт совершил столько глупостей, так что теперь самое время для него принять помощь.

– Надеюсь, он так и сделает. Но есть в этом и свой плюс: Пока его нет, отец, по крайней мере, не может заставить меня выйти за него замуж, – Юдит попыталась пошутить.

– Ты и так сумела бы этому помешать. – Доротеа встала и обняла ее. – Знаешь, я всегда думала, как было бы здорово, если бы ты была моей невесткой. Но Альбрехт просто хотел заполучить тебя так, как он раньше требовал красивые игрушки. Будет лучше, если ты ему не достанешься.

Глава 53

В это же время во второй день Рождества

– Ты уверен, что отец не войдет? – спросил Карл брата и решительно открыл одну из бутылок в кабинете Вильгельма Ротмана.

– Абсолютно уверен. Он как раз пошел в комнату к госпоже Маргарет. А если он туда идет, то он потом долго не выходит, – объяснил Антон. – Я думаю, они обсуждают важные вопросы относительно дома и слуг.

– Ну хорошо. Но все же нужно поторопиться. Может, они сегодня быстрее все обсудят.

Они слили все содержимое бутылок в кувшин для молока и в конце заполнили их водой, которую они принесли в другом кувшине. Близнецы даже позаботились принести лейку, Антон, во всяком случае.

– Вот, – сказал Карл, когда последняя бутылка была закрыта. – Никто ничего не заметит!

– Но вода отличается на вкус, я так думаю, – возразил Антон.

– Да он не сразу заметит.

Они понюхали кувшин для молока, наполненный водкой.

– Запах очень резкий, – сказал Антон.

– Я думаю, пахнет хорошо, – ответил Карл. – Давай попробуем?

– Нет, лучше не будем. Иначе нам не хватит для огненной змеи.

Карл сдался и накрыл кувшин крышкой. Они тихо вышли из отцовского кабинета, пробрались через дом, надели обувь, курточки, шарфы и шапки и пошли в кухню.

Там возилась кухарка, в остальном все было спокойно. Никого из слуг больше не было видно.

– Что, вы еще хотите полакомиться пряниками? – дружелюбно спросила Герти, но близнецы быстро покачали головами.

– Нет, спасибо, госпожа Герти. Может, позже!

– Мы пойдем погуляем, – сказал Антон, пряча кувшин за спиной.

– Сходите! – сказала кухарка, которая как раз занялась приготовлением жаркого из свинины на ужин, и больше не обращала внимания на детей. – А потом заходите, будут какао и пряники.

– Зайдем! – крикнули оба и пошли к двери.

Близнецы долго бродили в поисках места для эксперимента по колонии вилл, затем по центру Дегерлоха.

– Я думаю, нам стоит отложить эту затею с огненной змеей, пока снег не сойдет, – разочарованно сказал Антон, когда они так и не смогли найти подходящего места.

– Так быстро мы не сдадимся, – возразил Карл. – Огненная змея зимой еще лучше. Кроме того, это не так опасно, потому что в снегу ничего не сгорит. Ты что, не помнишь, как мы не могли потушить огонь у вокзала? Это случилось только потому, что было лето, из-за жары.

Антон это не убедило.

– Но если абсолютно ничего не сгорит, то и наша огненная змея тоже не загорится, – логически заметил он.

– Да ну что ты, – отмахнулся Карл.

И пройдя сотню метров, он выкрикнул:

– Вот здесь хорошее место!

Антон остановился и прошел через заснеженную лужайку к сараю. У постройки была выступающая крыша, поэтому под ней не было снега.

– Здесь будем делать огненную змею? – с сомнением спросил Антон. – Здесь стоит стог сена, а сено горит очень быстро!

– Слушай, я же тебе объяснил. – Карл постепенно терял терпение. – Это только летом так! Именно когда жарко! Сейчас холодно и сыро, ничего не сгорит.

– Я в этом не очень уверен... – Антон не хотел так просто сдаваться, но Карл без рассуждений перебил его:

– Знаешь что? Если ты такой трус, то иди домой. Я все равно разбужу огненную змею. Дай мне кувшин!

Карл схватил кувшин, наполненный водкой, но Антон вырвал его из рук брата и спрятал за спиной.

– Что это значит? – возмутился Карл.

– Я в любом случае пойду с тобой! Или мы делаем огненную змею вместе, или вообще не делаем.

Карл округлил глаза.

– Слушай, ты ничего не понимаешь! Дай мне кувшин!

– Нет, я... вылью водку, – пригрозил Антон.

Карл подумал и проявил великодушие:

– Ну ладно.

Все же он не мог не давать бесконечных указаний Антону возле сарая.

Антон лил водку как можно дальше от стены сарая, потому что аргументы Карла относительно пожарной безопасности зимой не были подкреплены практическими примерами.

– Ты все льешь в снег! – жаловался Карл и то и дело хватал кувшин, чтобы поправить. В результате водка оказалась не только на земле, но и местами на стене сарая и закончилась на половине запланированной длины.

– О, – сказал Антон и вылил последние капли из кувшина.

– Что ты наделал, Антон! – ругался Карл.

– Для змеи же хватит, – защищался Антон. – Кроме того, ты постоянно толкался!

Карл энергично покачал головой.

– Понятное дело, что ты во всем будешь винить меня. – Он достал из кармана штанов спички. – Зажигать буду я!

Антон сделал шаг в сторону, чтобы освободить место. Если что-то пойдет не так, то это Карл разводил огонь, а не он.

Карл стал на колени, зажег спичку и поднес ее к мокрому следу. Сначала было видно мерцание, затем все потухло.

– Из этого ничего не получится, – с облегчением сказал Антон, но Карл был в своей стихии. Он снова и снова пытался зажечь огонь. В конце концов, он увидел углубление, в которое попала водка, образовав маленькую лужицу.

– Нет, Карл. Это слишком близко к сараю! – предостерег Антон, но Карл посмеялся над ним.

– Ты все-таки очень трусливый! – Он сразу же предпринял следующую попытку, и на этот раз разгорелось пламя. Карл подпрыгнул. – Ха! Видишь, Антон! Все получилось!

Огонь действительно распространился по водочному следу, и мальчики восторженно бежали за ним.

– Огненная змея! – снова и снова кричал Карл, Антон повторял за ним.

Тем временем вокруг них собрались соседские дети и удивленно наблюдали за маленьким представлением. Карл и Антон наслаждались своим сияющим творением.

– Это огненная змея, – кричали они и весело прыгали вокруг.

Пока одна девочка вдруг не закричала:

– Горит голова змеи! Ой!

– Голова змеи? – растерянно спросил Антон.

А Карл в это время смеялся и пел:

– Голова змеи пылает и волосы...

– Сарай горит!

Раздавшийся крик привел Карла и Антона в чувство. Они повернулись и увидели, что одна сторона сарая уже была охвачена ярким пламенем.

Довольно быстро появились первые помощники, среди них, очевидно, владелец сарая. Они лили воду и сыпали снег на стог сена, пытаясь как можно скорее остановить огонь.

Напрасно.

Огненная змея с треском пожирала свою жертву. Даже приехавшей вскоре пожарной бригаде не удалось потушить пожар. И когда пламя постепенно погасло, от сарая остались только обуглившиеся балки.

– Черт возьми! – ругался владелец сарая. – Кто это сделал?

– Да, кто разжег огонь? – поинтересовался один из пожарных.

Двое детей, со страхом и любопытством наблюдавших вместе с остальными за происходящим, вышли вперед. Карл и Антон глазам своим не поверили, когда узнали двоих младших ребят Бёппле. Только их и не хватало.

Младший Бёппле показал на Карла и Антона.

– Они что-то вылили и подожгли, – объяснил он с важным видом.

Одна из собравшихся девочек добавила:

– Да, а потом они танцевали и пели!

Ребята Бёппле злорадно смотрели, как пожарный схватил за уши Антона и Карла:

– Что вы себе думали? Во второй день Рождества просто взять и сжечь сарай? А что, если бы это был дом? С людьми внутри?

– Мы же не такие глупые, чтобы сжечь дом... – нагло сказал Карл и сразу же получил подзатыльник.

– Я же тебе говорил, что это опасно, – поучал его Антон.

– А почему ты тогда пошел со мной? – сердился Карл.

Антон показал ему язык.

– В снег и холод ничего не горит, не так ли? – упрямо твердил Карл.

– Такого idiotского ответа я еще не слышал! – проворчал владелец сарая.

– И все же, – спросил пожарный, не отпуская близнецов. – Что за жидкость вы разлили?

– Э-э... Это была водка, – сказал Антон.

– Ага. Водка. И где вы ее взяли?

– У... нашего... э-э... в кабинете... – вдруг, запинаясь, сказал Антон и вытаращил глаза.

Карл посмотрел в ту же сторону, что и брат, и точно так же испугался.

По улице шел их отец, а перед ним шагал старший из братьев Бёппле, на лице которого застыла коварная улыбка.

– Кто это? – спросил пожарный.

– Наш отец, – беззвучно ответил Антон.

– Настало время ему вами заняться, – сказал владелец сарая.

Карл и Антон потупили взгляд, когда отец, тяжело дыша, подошел к ним.

– Вот, господин Ротман, – самодовольно сказал старший из братьев Бёппле. – Я был прав! Близнецы подожгли сарай. Я могу получить свое вознаграждение?

Карл посмотрел на него снизу вверх, ему так хотелось бы кулаком сбить с его лица эту ухмылку. Он действительно побежал на виллу Ротмана, чтобы донести на них! Еще и потребовал за это деньги!

Вопреки ярости, Карл был все же несколько удивлен такой смекалке, однако это чувство сменилось глубокой ненавистью, когда Вильгельм Ротман оценил это предательство в одну марку.

У Антона уже лились по щекам слезы.

– Отец, пожалуйста, я говорил, что такое может произойти, но Карл не хотел слушать...

– Тихо. Вы, как всегда, устроили это вместе, значит, вместе и наказание получите, как всегда.

– Вам придется заплатить! – отозвался владелец сарая.

– Скажите, сколько я должен, – холодно ответил Ротман.

– Нам нужно еще записать ваши данные, – объяснил пожарный и записал адрес виллы Ротмана.

Наконец, Вильгельм Ротман схватил сыновей за воротники и повел по улице.

По пути домой они оба вопили, однако отец не давал обмануть себя. Не тратя время на то, чтобы раздеться, он повел их прямо в свой кабинет.

– Вы понимаете, что это последнее безобразие, которое вы устроили?!

Карл всхлипнул, Антон вытер слезы.

Вильгельм Ротман подошел к маленькому столу, открыл бутылку водки и налил стопку.

Близнецы в ужасе посмотрели друг на друга.

– Отец... – выкрикнул Антон, но Вильгельм Ротман уже выпил напиток, ожидая ощутить приятное жжение после полученного стресса. Его лицо замерло. Он понюхал бутылку. Затем посмотрел на мальчиков.

– Что здесь?

Ответа не последовало.

– Что здесь внутри? – прокричал он.

– Во... вода, – признался Антон.

Глава 54

Роберт открыл дверь старшему из братьев Бёппле и, немного поразмыслив, отправил Дору к комнате экономки, чтобы как можно тише позвать оттуда Вильгельма Ротмана.

Когда Ротман, наконец, немного расстроенный и рассерженный вышел из дома, все знали, что настал тот самый удобный случай. Тео быстро запряг сани, Юдит взяла свои вещи и украдкой выбежала с Дорой из дома. Роберт остался, чтобы потом как можно дольше отвлекать экономку и хозяина, пока Тео и Дора не вернуться.

Так осторожно, насколько это было возможно, Тео спускался по Новому Вайнштайге. Все из персонала виллы Ротмана, кроме экономки и иногда слишком разговорчивой кухарки Герти, знали о положении Юдит.

– Хорошо, что Роберт знает эту сестру Хенни, – сказала Дора.

– Ты думаешь, с ней можно будет сегодня поговорить? – обеспокоенно спросила Юдит.

Они были укутаны в теплые одеяла, потому что все еще было ужасно холодно, а в санях чувствовался режущий встречный ветер.

– Я не знаю, – ответила Дора. – В случае необходимости мы сможем переночевать в гостинице.

– Я должна буду переночевать в гостинице, – поправила ее Юдит. – Тебе нужно сегодня вернуться.

Дора скривила лицо. Юдит знала, что горничная не хотела ее оставлять.

– Дора, для меня будет больше пользы, если все будут думать, что я одна и ушла пешком. Во-первых, вы не будете в это втянуты. Во-вторых, мы тайно сможем обмениваться новостями, и я буду, таким образом, в курсе того, что планирует отец. Или где он меня ищет.

– Это вам и Тео смог бы передать, – возражала Дора.

– Конечно. Но представь, тебя тоже нет! Он вам всем перестанет доверять.

– Разрешите мне хотя бы господину Райнбергеру сказать, – настойчиво просила Дора, но Юдит энергично качала головой. – Нет, и ты знаешь почему.

– Господин Райнбергер хороший мужчина, – настаивала Дора. – И он так к вам расположен. Я думаю, что для него не станет проблемой тот факт, что вы ждете ребенка.

– О нет, я думаю, что будет! Ни один мужчина не захочет иметь у себя в доме чужого ребенка. Даже если он очень любит женщину.

Дора покачала головой, но ничего больше не сказала.

Они проехали по Шарлоттенплатц. В Штутгарте было относительно

спокойно в этот второй день Рождества. На улице было несколько детей, некоторые прохожие направлялись в парк, но было очень мало повозок и практически не было автомобилей.

Юдит была очень благодарна Роберту, который так быстро организовал ее отъезд.

Она вдруг что-то вспомнила.

– Дора?

– Да, фройляйн Юдит?

– А куда это мой отец так стремительно направился? Что-то с близнецами?

Дора не могла скрыть улыбку.

– Говорят, что они подожгли сарай.

Юдит испугалась.

– Но с ними же ничего не случилось, правда?

– Нет, насколько я знаю, они не пострадали. Но им это так с рук не сойдет, отец устроит им головомойку.

– Он отправит их в интернат для мальчиков, – грустно сказала Юдит. – Он давно уже им этим угрожал. Он просто с ними не справляется.

– Им будет нелегко, – заметила Дора.

– Да. Но теперь, когда меня дома нет и мама не вернется, это, наверное, будет самое лучшее решение. – Юдит посмотрела на свои руки, спрятанные в меховой муфте. – Странно. Вдруг семьи больше нет, – с сожалением сказала она.

– Жаль, – утешала ее Дора. – Но у нас тоже все рано уходят из дома, чтобы зарабатывать на свое содержание. При таком количестве людей, которых надо кормить, как было у нас, родители радуются каждому, кто уезжает и больше не сидит у них на шее.

Тео стал ехать медленнее, наконец остановился и повернулся к ним:

– Мы на месте, фройляйн Юдит.

Юдит и Дора вышли, пока Тео доставал чемодан с вещами Юдит. Он с сожалением в глазах попрощался с ней и развернул упряжку, чтобы неподалеку подождать госпожу, на тот случай, если они не застанут сотрудницу полиции. Если все пойдет по плану, он сам вернется в Дегерлох, а Дора поедет на Цаке и сделает вид, что навещала знакомую служанку. Рождество, в конце концов.

Юдит посмотрела вслед упряжке, и, хотя Дора была рядом, чувствовала она себя ужасно. Вдруг она осознала, что шла по пути, на который попадали только «падшие» девушки.

– Пойдемте, – нежно сказала Дора и взяла ее под руку.

Они нашли рабочий кабинет сотрудницы полиции, как Роберт и описал. По всей видимости, кто-то был внутри.

Дора постучала, подождала, пока ей ответят, и открыла дверь. Она подбадривающе кивнула Юдит, и они вдвоем вошли.

Первым, что Юдит увидела, были дружелюбные карие глаза, которые сначала посмотрели на нее с удивлением, а затем с некой строгостью. Дора встала сзади Юдит и поставила чемодан.

– Чем могу помочь? – спросила женщина, взгляд которой стал мягче. Она носила форму медсестры.

Ничто в ней не говорило о том, что она сотрудник полиции, и Юдит немного успокоилась. Роберт упоминал, что сестра Хенни заботится исключительно о женщинах, которые преступили закон или по какой-то причине не знали, что делать дальше. Значит, она сталкивалась уже со сложными ситуациями. Юдит почувствовала, что она прониклась беспомощным доверием к этой женщине, которая сидела за простым письменным столом, с ручкой в руке, и все еще на них смотрела.

Юдит откашлялась.

– Я, я... – она не могла говорить. Стыд, волнение и печаль мешали ей.

Сотрудница полиции, видимо, в этот момент поняла, что с ней случилась беда, хотя Юдит и имела ухоженный внешний вид, в отличие от тех девушек, которые у нее обычно просили помощи.

Она быстро вышла из-за стола.

– Я сестра Хенни, – сказала она и протянула ей руку.

Юдит робко пожала ее.

– А кто вы? – дружелюбно спросила сестра Хенни.

– Меня зовут Юдит.

– Юдит, а дальше?..

– Юдит.

– Хорошо. Значит, Юдит. А ваша спутница?

– Дора.

– Дора – ваша горничная? Или служанка в вашем доме?

– Она моя горничная.

– Ну хорошо, Юдит. Что вас привело ко мне?

– Я... – Юдит еще раз сглотнула и взяла себя в руки. – Я в положении.

– И вы не замужем за отцом ребенка, – предположила сестра Хенни.

– Нет.

– И он не собирается жениться?

– Нет.

– Он знает о беременности?

- Нет. – Юдит старалась не плакать.
- Когда родится ребенок? Вы знаете?
- Примерно в конце июня.

Юдит всхлипнула. Сестра Хенни залезла в карман фартука и достала носовой платок.

– Тогда будет лучше, если мы посмотрим, действительно ли это беременность. Срок еще маленький, может, вы ошиблись.

Юдит посмотрела на Дору. Она ей подбадривающе кивнула.

Сестра Хенни повела Юдит за ширму, помогла ей раздеться, насколько это было необходимо, и натренированной рукой ощупала ее живот. Во время осмотра она задавала ей вопросы относительно возможного зачатия.

Когда осмотр закончился и Юдит оделась, она серьезно на нее посмотрела и сказала:

– Я должна подтвердить ваше подозрение. И если ваша информация соответствует действительности, то вы родите в конце июня.

Сестра Хенни взяла ее за руку.

У Юдит по щекам бежали слезы, Дора подошла к ней, чтобы поддержать.

– У вас проблемы с родителями, с вашей семьей?

Юдит кивнула.

– Они ничего не знают о вашем положении?

– Нет.

Пока Дора утешала Юдит, сестра Хенни села за письменный стол, взяла чистый лист бумаги и начала что-то записывать.

– Я сначала отведу вас к себе в квартиру, – сказала она, торопливо водя ручкой по бумаге. – Возможно, в ближайшее время найдется решение. Потому что в исправительное заведение я не могу вас направить; приют, я думаю, тоже не подходит. Там вы можете встретиться с людьми, которые будут вам неподходящей компанией.

– Я думаю, так будет лучше, – прошептала Дора Юдит. – У нее вы будете под присмотром.

– Ах да, а вы, Дора, – заметила сестра Хенни, – вы тоже планируете остаться или вернетесь на свое рабочее место?

– Я не останусь, – отрицательно ответила Дора.

Сестра Хенни кивнула, взяла новый лист бумаги и продолжила свои записи.

Юдит вопросительно посмотрела на Дору. Та пожала плечами.

Наконец, сестра Хенни сложила один из листов и засунула в конверт. Она протянула его Доре:

– Я думаю, следует сообщить родителям, что их дочь находится под опекой. Пожалуйста, передайте им это письмо, Дора. В нем нет никакой информации о том, где Юдит сейчас находится, но я указала возможность анонимно связаться со мной.

Она обратилась к Юдит:

– Я знаю, сейчас вам кажется, что все сложно и непонятно. Но мы найдем выход для вас и для ребенка.

– Благодарю, – тихо сказала Юдит.

Сестра Хенни встала.

– Нам лучше сразу пойти ко мне домой. На сегодня я уже свободна.

Она убрала свои письменные принадлежности, погасила свет и закрыла дверь.

Когда они вышли на улицу, было уже практически темно.

– Вам далеко ехать, Дора? – спросила сестра Хенни.

– Нет, сестра Хенни. Я справлюсь.

– Небезопасно с приходом темноты одной ходить по улицам, – заметила сестра Хенни.

– Я знаю.

– Удачно добраться домой, Дора.

– Спасибо, сестра Хенни.

Еще немного они прошли вместе, затем Юдит крепко обняла свою горничную.

– Пожалуйста, не говори отцу ни слова, – попросила Юдит.

– Не скажу. Конечно, не скажу, – заверила ее Дора. – И я приду вас навестить, как только смогу!

На этом их пути разошлись. И Юдит знала, что ее жизнь больше не будет прежней.

Глава 55

Зильбербургштрассе в Штутгарте, 11 января 1904 года

Рокс стоял перед домом, который, вероятно, и искал. Все утро он был на холоде, следил за нужным участком улицы и основательно наблюдал за предположительным зданием.

В нише между двумя домами он ждал удобного случая, чтобы поймать свою жертву. Потому что его инстинкт подсказывал ему, что он уже очень близко.

После того как Августин Бальдус дал Роксу долгожданный адрес, он не сразу туда поехал. Сначала Рокс отправился в Берлин. Конечно, он мог телеграфировать заказчику и сообщить о результатах своего расследования, чтобы затем сразу направиться в Вюртембергскую резиденцию, но Рокс хотел лично поговорить с ними обоими и при этом получить оговоренную денежную сумму. К тому же приближалось Рождество, неблагоприятное для расследований время, которое даже Пауль Рокс проводил у своей матери, ведь в другое время он ее практически не видел.

Так, старый год подошел к концу и наступили первые дни нового года. Вчера вечером он, наконец, прибыл на поезде в Штутгарт, поселился в гостевом доме «Альте Пост» напротив монастырской церкви и оттуда мог ходить пешком. Он не уедет из города, пока не доведет дело до конца.

При этом он заметил, что жители города быстро распознают неместных и смотрят на них с недоверчивым любопытством. Поэтому он пытался вести себя естественно, носил пальто и фетровую шляпу спокойных тонов, как и многие мужчины здесь, чтобы как можно меньше привлекать внимание.

Недостатком, конечно, был снег, много снега. Он замедлял жизнь людей, все было более обозримо и в какой-то степени тише. Рокс больше любил проводить расследование, когда он мог затеряться в суете города: чем оживленнее, тем лучше.

Он перенес вес на другую ногу. Терпение тоже было необходимым аспектом его профессии, как и умение быстро действовать в нужный момент. Что сегодня было еще неприятнее, так это холод. Несмотря на теплые носки и перчатки, он проникал повсюду.

Затем что-то привлекло внимание Рокса.

Две пожилые дамы вышли из интересующего его дома. Рокс решил на первое наступление, вышел из укрытия и направился к ним так, что сложилось впечатление, будто он случайно столкнулся с ними.

– Доброе утро, дамы, – он вежливо их поприветствовал, сняв шляпу.

– Доброе, – ответили они ему на этом неопишемом диалекте, которым отличались местные жители, и поспешили дальше с отрешенными лицами.

Рокс быстро понял, что здесь ничего не поделаешь, и пропустил их. На следующем углу его поджидал более удачный вариант.

Он появился, когда на тротуар из дома вышла молодая женщина с корзиной в руке, которая казалась довольно тяжелой.

Рокс приблизился к ней, поздоровался и сделал вид, будто только сейчас заметил, как ей тяжело.

– О, как вам тяжело. Разрешите помочь? – вежливо спросил он.

– Что вы хотите? – спросила она.

– После Рождества наступает время хороших поступков, – сказал он шутя. – Ваша корзина очень тяжелая, не так ли?

Она кивнула, но все еще не решалась.

– Я буду рад вам помочь донести ее, – ворковал он. – Хотя бы немного.

Наконец, она передала ему корзину, но все же сохраняла дистанцию. Корзина действительно была очень тяжелая.

– Куда вы направляетесь? – спросил Рокс.

Он, разумеется, не знал адрес, который она назвала, но сделал вид, что в курсе, и уверенно пошел рядом с ней. По всей вероятности, она шила на дому одежду, это и в Берлине было распространено.

Сначала женщина была скрытной и сдержанной по отношению к осторожным вопросам. У Рокса сложилось впечатление, что она хочет поскорее избавиться от него. Но, проявив терпение, он все-таки вовлек ее в разговор.

– Моя мама тоже шила, – соврал он. – Это очень изнурительная работа.

– Прежде всего, это плохо оплачиваемая работа, – сказала она. – Я работаю с раннего утра до позднего вечера и получаю нищенскую зарплату. А мне нужно содержать семью.

– У вас есть дети?

– Да, двое.

– У вас хотя бы есть квартира, – сказал Рокс.

– Да.

– Я как раз ищу, где остановиться, – дал ей знать Рокс. – Я из Берлина и нашел здесь работу. В феврале я приступаю к выполнению своих обязанностей, а пока живу в гостевом доме! – Он пытался вложить в свои слова немного уныния.

– О, у нас в доме как раз перед Рождеством освободилась одна квартира. Но ее уже опять сдают.

– О, действительно очень жаль. А больше нет ничего свободного? Насколько вам известно, разумеется.

– К сожалению, нет. Но спросите лучше у соседей. Или у арендодателя, у него, я думаю, есть еще дома.

– Это хорошая идея. Вы не подскажете, где мне его найти?

– Он живет недалеко, на Мариенштрассе. Его фамилия Геммерле.

– О, благодарю вас! Я к нему обязательно загляну. А с соседями по дому ладите? – как бы невзначай спросил Рокс.

– Каждый занят своим делом, иногда бывают разногласия, как-то так. Что конкретно вы хотите знать?

Казалось, она начала что-то подозревать, и Рокс больше не задавал вопросы. Он довел ее до цели, отдал ей корзину и вернулся на Зильбербургштрассе.

Перед домом игрались двое мальчишек. Они расставляли разноцветные деревянные палочки в снегу и по очереди бросали мяч.

Рокс подошел к ним и в нужный момент поймал мяч.

– Эй! Отдайте! – закричал один из них.

Рокс смеясь бросил его назад.

– Вы здесь живете? – спросил он.

Они кивнули и продолжили игру.

– Я ищу своего друга, – объяснил Рокс. – Его зовут Эдгар Нольд, художник. Вы его знаете?

– А, Эдгар, – сказал один из ребят. – Он только съехал. Потому что он открыл эмалевое производство и ему здесь было мало места.

– Это же хорошо, что он съехал. Эмаль ужасно воняет!

– Вы знаете, где он сейчас живет?

– Неа. Но второй мужчина, который жил в этой квартире, тоже съехал. В тот же день. И на прошлой неделе въехал кто-то другой.

– Ах вот как. Ну, тогда мне нужно поискать в другом месте.

Он бросил им десять пфеннигов, которые младший мальчик ловко поймал, и отправился в гостевой дом, чтобы что-нибудь съесть и немного согреться.

Два часа спустя он снова был в пути.

У киоска перед замком кронпринца он купил газету и зажал ее под мышкой. Так он действительно был похож на человека, ищущего квартиру и изучающего объявления. Затем он неспеша пошел на Мариенштрассе.

Рокс без проблем нашел необходимый дом. Геммерле занимался типографией, на что указывала большая табличка.

– Значит, вам нужна комната, – сказал арендодатель, пригласив его

войти.

– Да. Для начала мне подошел бы вариант разделить с кем-то квартиру или комнату, – объяснил Рокс. – Мне срочно нужна крыша над головой, так как я начинаю работать в Штутгарте.

– Разрешите спросить, чем вы занимаетесь?

– Я буду работать на предприятии, занимающемся покрытием серебром. Коммерческая деятельность.

Это возымело желаемый эффект. В глазах арендодателя что-то сверкнуло, Рокс называл это «жаждой денег».

– Да, тогда у вас, вероятно, хороший доход. Я посмотрю, будет ли у меня в ближайшее время свободная квартира. Где мне вас найти?

– Я зайду к вам на следующей неделе, если можно, – сказал Рокс.

– Хорошо, до этого момента я точно что-то для вас подыщу.

Рокс знал, что Геммерле в это время выставит на улицу кого-то, кто платит ему меньше. Несправедливо, но ничего не поделаешь. Как же ему хотелось бы посмотреть на лицо Геммерле, когда на следующей неделе он поймет, что поиск квартиры был лишь фарсом. Ну, в это время он уже будет в Берлине, по крайней мере, если все пойдет по плану.

Прежде чем Геммерле закрыл за ним дверь, Рокс обернулся:

– Ах, вот что я еще вспомнил!

– И что же?

– Я слышал, что на Зильбербургштрассе воняет эмалью. Это правда или просто слухи?

– А, это был Эдгар Нольд, он уже съехал, – объяснил Геммерле. – В последнее время многие жаловались из-за эмалевой мастерской. Именно из-за этого запаха и из-за опасности пожара. Если бы он сам не съехал, я бы его выселил. И его друга тоже.

– Его друга?

– Да, к нему подселился один. Зарабатывал не намного больше, чем Нольд. Нольда я терпел, потому что его отец делает у меня заказы.

– Ах вот как. А чем занимается этот друг?

– Я точно не знаю, но думаю, что он работает у Ротмана.

– У Ротмана?

– Шоколадная фабрика.

– Ах да, конечно, шоколадная фабрика. Да, арендаторов нужно тщательно выбирать, – самодовольно заметил Рокс. – Хорошего вам дня, господин Геммерле!

В наилучшем расположении духа Рокс отправился по Мариенштрассе по направлению к Замковой площади^[22]. По дороге он спросил, как пройти

к шоколадной фабрике Ротмана, которая, как оказалось, была довольно известной в Штутгарте. Спустя немного времени он был у ворот фирмы на Кальверштрассе.

Он почувствовал напряженное пощипывание. Чувство того, что он находится на пороге прорыва в деле, было каким-то возвышенным; Роксу нравился этот момент.

В принципе, ему теперь нужно было только дождаться, когда Виктор Райнбергер пойдет домой. Он его безошибочно узнает. Фридрих Райнбергер показывал ему фотографию и в точности описывал своего сына.

Рокс посмотрел на карманные часы. До конца рабочего дня оставалось пару часов. Он подумал, что лучше скоротать это время в кафе, но решил все же, несмотря на холод, найти укромное место и наблюдать за воротами.

Когда первые работники начали выходить из фабрики, он уже совсем замерз. Но осознание того, что он у цели, помогало ему выстоять.

Сначала через ворота прошло много молодых девушек, затем пошли мужчины, большинство из них были в костюмах под пальто. Это точно были конторские служащие.

Немного позже через широко открытые кованые створки ворот с фирменной надписью проехали пароконные сани. В темноте Рокс не мог распознать, кто там сидит, но вполне очевидно, что это был хозяин или директор.

Какое-то время ничего не происходило, затем несколько работников покинули территорию фабрики. Рокс решился выйти на улицу, чтобы не пропустить Виктора Райнбергера, но он не заметил никого, кто подходил бы под описание. В течение последующих пятнадцати минут через ворота снова и снова проходили поодиночке работники, но среди них не было того, кто ему был нужен.

В конце концов, Рокс обратился к молодому парню, совсем еще зеленому, лет четырнадцати или пятнадцати:

– Эй, слушай!

– Что? – парень обернулся.

– Здесь работает Виктор Райнбергер?

– Да, он здесь работал. До Рождества. Но больше он здесь не работает.

Это были худшие дни в его профессии, когда его отбрасывали, в то время как казалось, что победа была уже на расстоянии вытянутой руки. По дороге в свое пристанище Рокс в душе кипел от ярости. Замерзший и за это время промокший, потому что начался снег, он прошел пару кварталов назад до монастырской церкви. Крайне разочарованный, он вошел в

«Альте Пост».

Войдя в свою комнату, он поскорее снял пальто, пиджак и рубашку и стал у чугунной печи, чтобы согреться. Позже он хорошо поужинает и еще раз основательно подумает над тем, как снова выйти на след Виктора Райнбергера.

– Добрый вечер, Рокс!

Рокс испуганно обернулся.

В кресле, закинув ногу на ногу, сидел Фридрих Райнбергер; как и всегда, он был элегантно одет, а его правая рука небрежно опиралась на мужской зонт. Его хладнокровная поза не смогла ввести Рокса в заблуждение, детектив понимал, что Райнбергер в гневе.

– Что вы здесь делаете?

– Это вы спрашиваете?

– Да, я.

– Я хотел бы лично убедиться, что мои деньги не попали к мошеннику.

Рокс громко рассмеялся.

Райнбергер встал и приставил кончик своего зонта к его груди.

– Или вы в течение трех дней сообщаете мне, где мой сын, или я требую деньги назад! О премии можете забыть.

Рокс хитро улыбнулся.

– Я следую за ним по пятам.

– Вы уже несколько недель так говорите. Кто знает, приведет ли этот след в Штутгарте к успеху?

– Приведет. Он совсем недавно работал здесь на шоколадной фабрике.

– Недавно?

– До Рождества.

– Это почти три недели. За это время он мог уехать из города.

– Я так не думаю, потому что в период праздников не так просто найти новую работу. У меня другое предположение.

– Ах, что вы говорите, – съязвил Райнбергер.

– Он наверняка у своего друга, у этого художника. О нем я вам рассказывал.

– Ну, тогда разыщите его, – сказал Фридрих Райнбергер и убрал зонт от его груди. – Я буду поблизости. Три дня!

Он развернулся и вышел из комнаты.

Рокс сделал глубокий вдох.

Этого ему еще не хватало – заказчика, который следит за расследованием. Но это не должно его сейчас раздражать. Ему нужно сконцентрироваться на финале – в конце концов, он был в долгу не только

перед Райнбергером.

Рокс надел свежую одежду, чтобы пойти в ресторан. Прежде чем выйти из комнаты, он обратил внимание на газету, которую купил днем. Рокс взял ее с собой, чтобы спокойно почитать.

Пока Рокс ждал свой ужин, он полистал газету и просмотрел некоторые статьи. И вуаля: он наткнулся на большое, на четверть страницы, объявление, которое было богато оформлено орнаментами:

Эмалевое производство Эдгара Нольда. Эмалевые работы всех видов. Для деловых и личных целей. Наивысшее качество. Невероятные узоры. Работы по проекту. Быстрая доставка. Хауптштеттерштрассе, Штутгарт.

Рокс усмехнулся.

Теперь он точно знал, где завтра продолжатся его поиски.

Рокс не заметил человека, который в течение последних нескольких часов следовал за ним, как тень, и теперь сидел недалеко от него, в укромном уголке ресторана, и с удовольствием попивал пиво. Его миссия тоже приближалась к концу.

Глава 56

Мастерская Алоиза Эберле, 12 января 1904 года

Виктор равнодушно доделывал свой шоколадный автомат. Он надеялся установить автомат в течение нескольких недель. Для этого ему необходимо было письменное разрешение, которое до сих пор еще не выдали, хотя и проявили большой интерес к его аппарату.

Сегодня Виктор, на удивление, был в мастерской один. Эберле уехал по делам, а Эдгар занимался доставкой заказов, так как его подмастерье заболел.

Тишина в доме была для него удручающей. Больше всего ему хотелось вернуться в кровать с кружкой морса и помечтать о Юдит, но он заставлял себя работать. Эдгар был прав – он никак ей не поможет, если будет жалеть себя.

Негромко выругавшись, он присел перед автоматом, осмотрел все его грани и лакировку, наконец бросил монетку, чтобы посмотреть, действительно ли он надежно работает. В то время как шоколадная плитка доставлялась в окошко для выдачи, раздавалась музыка.

Но с тех пор как Юдит исчезла из его жизни, все это больше не доставляло ему радости.

Аппарат работал безукоризненно. Виктор пошел в кухню, чтобы сварить кофе.

Почти три недели прошло с тех пор, как Виктор видел ее в последний раз, и с каждым днем он скучал все больше. Под его подушкой лежал рождественский подарок, который она дала ему в тот день на фабрике: маленький слон из розового кварца.

Виктор часто думал о ней и после пробуждения особенно чувствовал ее отсутствие. Если на улице на его пути встречалась женщина, которая фигурой и походкой была похожа на Юдит, его сердце билось быстрее. Когда он подходил к шоколадной фабрике, то тяжелое чувство, которое уже много дней он носил в душе, становилось просто невыносимым.

Тоска заставляла его ехать в Дегерлох и бродить по поселку, чтобы только взглянуть на окно ее комнаты. Однажды Виктор чуть было не постучал в дверь у входа для прислуги и не попросил позвать Юдит, но его остановил страх, что он таким образом ей больше навредит, чем поможет.

Альбрехт фон Браун, между тем, уже не представлял для нее опасности. В результате разговора, который Эдгар с ним провел, он исчез из города.

Они долго думали, как им поступить. Виктор хотел бы лично с ним пообщаться, но Эдгар настоял на том, что сам пойдет к нему.

– Ты в гневе, Виктор, – объяснил Эдгар. – А в этом случае нужна трезвая голова.

И Виктор был согласен с этим.

Тот факт, что Альбрехту пришлось посмотреть в глаза своим порокам и преступным действиям, как и ожидалось, очень разозлил его. Эдгар рассказывал, что сначала тот был очень возмущен и все отрицал, затем, когда Эдгар прижал его к стенке, Альбрехт зарыдал.

Но когда Эдгар пообещал ему хранить молчание, если он в обмен на это разорвет помолвку с Юдит, Альбрехт набросился на него. Лишь когда слуги поставили в известность отца и он вошел в комнату, Альбрехт отпустил Эдгара.

Банкир фон Браун опять посадил сына под домашний арест. Альбрехт, который напрасно пытался возложить всю вину в ссоре на Эдгара, был просто жалок. И то, что он путем бегства решил уйти от ответственности, полностью отвечало его малодушному характеру. Виктор несколько ему не сочувствовал. Одного они точно добились: в ближайшее время Альбрехт не вернется.

Был ли Ротман уже осведомлен о таком развитии событий? Или семья фон Браун скрывала это, в надежде, что Альбрехт к моменту свадьбы вернется и проблема разрешится?

Эдгар же, так или иначе, часто тайно встречался с Доротеа, не только чтобы узнать новости относительно Альбрехта, но также, чтобы ее утешить, поддержать и время от времени поцеловать ее.

Но одним лишь отсутствием Альбрехта проблема Юдит не решалась. Отец изолировал ее, и Виктор измучил себя мыслями о том, как ей помочь. Особенно его беспокоил тот факт, что с того злополучного дня, когда Вильгельм Ротман их вдруг увидел, он ничего о ней не слышал. Собственно говоря, он рассчитывал получить от нее тайное письмо или устное сообщение, которое бы она передала через Тео или Дору. Это упорное молчание буквально сводило его с ума. Он боялся, что Ротман действительно держит ее под таким строгим надзором, что у нее нет никакого контакта с внешним миром.

Виктор налил себе кофе и вернулся в мастерскую. Он задумчиво остановился перед шоколадным автоматом. Они уже работали над вторым прототипом, на этот раз с карточной колодой, идею которой предложила Юдит. Но без ее неповторимых шоколадных творений эти автоматы не имели ни малейшей ценности. Во всяком случае, для него.

Он как раз собирался приступить к работе, как вдруг раздался звонок. С чашкой кофе в руке он медленно прошел по коридору и открыл дверь.

– Добрый день, господин Райнбергер.

– Дора!

– Разрешите войти? – Дора нервно оглядывалась.

Он открыл дверь шире, чтобы впустить ее. В этот момент его внимание привлек мужчина на противоположной стороне улицы. Под темным котелком пробивалось несколько прядей рыжих волос, лицо его было очень бледным, и двигался он как человек, который наблюдал, но не хотел быть замеченным.

Дора проскользнула в дом, но, прежде чем закрыть дверь, Виктор еще раз посмотрел на улицу.

Когда мужчина заметил, что Виктор на него смотрит, он быстро повернулся и пошел, будто прогуливаясь и просто рассматривая местность.

Виктор решил в ближайшие дни быть особенно внимательным. Может, Ротман кого-то нанял, чтобы причинить ему вред. Мало ли...

Погрузившись в мысли, он провел Дору на кухню Эберле. Там стоял стол, за которым они обычно обедали.

– Присаживайтесь, – предложил он ей и отставил свою чашку кофе.

– Спасибо, но я на минутку, мне уже нужно уходить. Тео ждет меня.

Дора судорожно сглотнула, и Виктор заметил, что она очень напряжена. В ту же секунду он забеспокоился о Юдит. С ней что-то случилось?

– Господин Райнбергер, хотя Юдит мне и запретила с вами разговаривать, но я просто не могу поступить иначе. Господин Ротман ищет ее по всему городу...

– Она сбежала? Или ее похитили?

У него перед глазами сразу возникло изображение Альбрехта.

– Она сбежала, но не так, как вы, возможно, сейчас думаете. – Она полезла в плетеную корзину с покупками, висевшую у нее на руке, и достала письмо.

– Вот. Здесь все написано.

– Спасибо. – Виктор изумленно смотрел на письмо, которое было написано не рукой Юдит. Затем он вопросительно посмотрел на Дору.

Она покачала головой.

– Это не я писала. Прочтите, пожалуйста. Потому что господин Ротман не дает спуска, и я боюсь, что он скоро ее найдет. Лучше, если вы все прежде узнаете и сможете подумать, захотите ли вы ей помочь, и если да, то как.

– Захочу ли помочь? Это даже не обсуждается!

– Прочтите письмо.

Дора нервно вертела ручку корзины, когда Виктор открывал конверт и быстро читал письмо.

– Юдит... беременна? – беззвучно спросил Виктор.

Дора кивнула. И вкратце рассказала ему, как так получилось и почему Юдит вынуждена была принять фатальное решение покинуть семью и «залечь на дно».

Виктор провел рукой по волосам и начал нервно ходить по маленькой кухне. У Юдит будет ребенок. И от кого? От этого ловеласа Макса Эбингера. Он едва ли мог трезво мыслить.

– Я даже не знаю, что сказать, – ошеломленно произнес он.

Дора стояла на месте как вкопанная и все еще теребила ручку корзины.

– Понимаете, Дора, это все очень неожиданно, – Виктор попытался объяснить, замолчал и покачал головой. – Я не знаю, кому из них мне больше хочется свернуть шею – ему или ей.

– Молодой Эбингер использовал ее. Он не имел права это делать, ее так... компрометировать.

Виктор подошел к окну, облокотился на раму и уперся лбом в холодное стекло.

– Она совершила большую ошибку, – отчаянно продолжала Дора. – И она ни в коем случае не хотела, чтобы вы об этом узнали. Вашего презрения она не выдержит, так она сказала.

Виктор рассмеялся:

– Моего презрения. Все это время, когда мы... когда она позволила мне поверить, что она меня... Она была беременна. Ребенком другого.

– Она узнала об этом на второй день Рождества.

– Она так сказала.

– Нет. Это так и было. Господин Райнбергер, я всегда была рядом с фройляйн Юдит. Практически каждое ее движение было у меня на глазах. Она ни на одного мужчину не посмотрела, с тех пор как она с вами... как вы... Ах! Юдит любит вас. Теперь вы все знаете. Она так вас любит, что не захотела обременять вас собой и ребенком.

Виктор тихо вздохнул. Затем он повернулся к Доре.

– Кто эта сестра Хенни, которая все это написала? – спросил он вдруг, указав на письмо в руке. – Она называет себя сотрудницей полиции?

– Да. Она помогает женщинам и девушкам, которые не знают, как дальше жить.

Постепенно сопротивление Виктора угасало. Все чувства, которые он испытывал к Юдит, накрыли его медленной, но неудержимой волной. Уважение и почтение, восторг и страстное желание, симпатия и

беспокойство, любовь и, да, также разочарование.

И вопреки здравому смыслу, но с чистым сердцем он принял решение.

– Где мне ее найти? – спросил Виктор. – В этом письме указан только абонентский ящик.

– Обратитесь к сестре Хенни в полицейский участок. Если ее там нет, то подождите, пожалуйста. Юдит в ее квартире, но адрес я дать не могу, хотя я вам и доверяю. Сестра Хенни так распорядилась.

– Эта сестра Хенни знает, кто отец ребенка?

– Нет. Мне пора идти. До свидания, господин Райнбергер.

На этом она оставила его, быстро прошла по коридору и вышла за дверь.

Виктор в растерянности почесал затылок. Он чувствовал себя так, будто его только что переехал паровоз. Но мысль о Юдит заставляла его действовать. Он пошел в свою комнату, побрился, надел свежую рубашку и новый темно-серый костюм и отправился в полицейский участок.

По дороге он судорожно размышлял, как ему лучше всего обратиться к сотруднице полиции. Он не мог припомнить, чтобы слышал когда-либо прежде такое обозначение профессии. Даже в Берлине такого не было, по крайней мере, ему об этом не было известно.

Наконец, стоя у кабинета Генриетты Арендт, он чувствовал себя как один из близнецов, после того как они задумали что-то запрещенное. Он нервничал.

Прежде чем Виктор все же постучал, он услышал голоса и шаги в коридоре. Повернувшись, Виктор увидел сотрудника полиции, который тянул за собой беспризорную девушку. Сотрудник отодвинул Виктора в сторону с самооценкой должностного лица и настойчиво постучал в дверь. Не дожидаясь приглашения, он вошел.

В этот момент девушка пыталась высвободиться, и во время короткой перебранки Виктор узнал Бабетту, служанку Ротмана. Она тоже пошла по кривой дорожке? Виктор ничего не успел сказать, полицейский грубо затолкнул ее в кабинет.

С нетерпением Виктор ждал, когда они закончат разговор. Он слышал обвинительную речь чиновника, спокойный голос сестры и редкие сдержанные ответы Бабетты.

Прошло, наверное, минут пятнадцать. Сестра Хенни приобняла Бабетту и отвела ее в другое помещение, рядом с ее кабинетом. Полицейский удалился, чеканя шаг. Он свой долг выполнил.

Виктору сразу стало ясно, что у сотрудницы полиции нелегкая работа. Она заботилась о тех, кого исключило и оставило на произвол судьбы

общество. Ее задача требовала много сил, но находила мало признания.

Через десять минут сестра Хенни вернулась, и лишь в этот момент она его заметила.

– Вы ко мне?

– Мне нужно срочно с вами поговорить, госпожа Арендт, – сказал Виктор.

Она мельком на него глянула и предложила войти.

Виктор вошел, но продолжал стоять, когда сестра Хенни села за свой письменный стол и быстро сделала несколько заметок.

Наконец, она к нему обратилась:

– Извините, но здесь всегда довольно беспокойно. Чем могу помочь?

– Я ищу одну девушку, Юдит Ротман. Мне сообщили, что Юдит ждет ребенка и что она находится под вашим попечительством.

Сестра Хенни еще раз внимательно на него посмотрела.

– Кто вы и какое отношение имеете к этому человеку? – спросила она по-деловому.

– Я... отец ребенка.

Глаза сестры Хенни на мгновение увеличились. Затем на ее лице появилась легкая улыбка.

– Это первая хорошая новость за сегодняшний день. Как вас зовут?

– Виктор Райнбергер.

– А где вы проживаете?

Виктор дал детальную информацию. Сестра Хенни тем временем взяла маленькую папку и начала вносить данные.

– Эта молодая девушка, которую только что приводили... – Виктор заговорил о Бабетте.

– Да? Вы ее знаете?

– Может, это прозвучит странно, но да, я ее видел. Ее зовут Бабетта, и она работает или работала служанкой в доме Ротмана в Дегерлохе. Это странное совпадение.

– Действительно. Я благодарю вас за информацию. Ее привлекли за профессиональную проституцию и бродяжничество. Еще одна потерянная душа. – Сестра Хенни тихо вздохнула. – Вернемся к вашему вопросу, господин Райнбергер. Пожалуйста, отнеситесь с пониманием, я вынуждена задать вам несколько интимных вопросов, чтобы удостовериться в вашем отцовстве, прежде чем отведу вас к маме ребенка.

Виктор кивнул и постарался правдоподобно, на основании рассказа Доры, изложить положение дел. Он говорил достаточно убедительно, поэтому сестра Хенни была настроена дружелюбно.

– Фройляйн Юдит пребывает в моей квартире, господин Райнбергер. Мне до настоящего момента не удалось найти для нее адекватное жилье. В общепринятых домах она попадет в такую обстановку, которой следовало бы избегать, – объяснила она. – Но прежде чем я отведу вас к ней, я хотела бы поставить вас в известность, что фройляйн Юдит отказалась дать сведения об отце ребенка и указала, что он ничего не знает о беременности и не проявляет к ней самой никакого интереса. – Сестра Хенни строго на него посмотрела.

Виктор переминался с ноги на ногу.

– Относительно последнего, это не так. А что соответствует действительности, так это то, что она ничего мне не сказала о своем положении.

– А вы можете предположить, по какой причине?

– Потому что она мне недостаточно доверяла? Знаете ли, – он начал говорить. – Это все для меня не просто. Юдит вдруг исчезает из моей жизни, и мне приходится окольными путями узнавать, что она ждет ребенка. При этом я никогда не бросал ее в беде! Вы должны мне поверить. Я... я люблю ее. Больше, чем она думает.

Было видно, что сотрудница полиции задумалась.

– Я предлагаю вам лично спросить у нее, – сказала сестра Хенни уже мягче. – Женщины не всегда ведут себя логично в таких драматических ситуациях. Ну, – закончила она свой опрос последним вопросом, – пожалуйста, объясните мне, как вы узнали об ее беременности.

Виктор достал из кармана пиджака письмо сестры Хенни.

– Ее горничная дала мне сегодня это письмо, – сказал он и протянул ей листок.

Сестра Хенни взяла его и удивленно посмотрела.

– Оно же было адресовано семье.

– Есть важные причины, почему она передала его мне, а не семье.

– Вы прежде упоминали фамилию Ротман. Это шоколадный фабрикант?

– Да. Юдит... фройляйн Ротман ничего не рассказывала вам о своем происхождении?

– Нет. Она не захотела называть свою фамилию.

– Она боялась, что ее отец обо всем узнает, – объяснил Виктор. – Ее мать уже несколько месяцев находится на лечении на озере Гарда, а отец хотел насильно выдать Юдит замуж.

– Я предполагаю, что выбранный жених не вы?

– Не я.

Сестра Хенни вздохнула.

– Ну хорошо. Я очень ценю, что вы признаете отцовство. Это, к сожалению, не так часто встречается.

– Признаю в любом случае!

– Я думаю, как нам убедить фройляйн Ротман выслушать вас. До настоящего момента она отказывалась от всяческих контактов с кем-либо, за исключением своей горничной. Но если есть возможность передать одну из моих подопечных в надежные руки, я хотела бы хотя бы попытаться. И поэтому я сделаю исключение и отведу вас к ней.

– Прямо сейчас? – Виктор вдруг испытал такое чувство, что его сердце проделало путь от Штутгарта до Парижа.

– Да. А чего ждать? Но все же я должна вас предупредить, что последнее решение относительно будущего фройляйн Ротман за ней самой.

– Разумеется.

Юдит сидела на маленьком диване в квартире сестры Хенни и шила. Она уже занималась приданным для новорожденного, хотя сама все еще не могла в это поверить. У нее было такое ощущение, что она находится за пеленой тумана.

По крайней мере, ее ребенку хорошо. Сестра Хенни несколько дней назад отвела Юдит в школу акушеров, где ее еще раз осмотрели. И, несмотря на всю неопределенность ситуации, с каждым днем в ней все больше просыпалась любовь к маленькому нерожденному существу, которое она носила. По вечерам в постели Юдит постоянно укладывала руки на слегка округлившийся живот, подбадривала себя и маленького и иногда даже испытывала абсолютно неуместное ощущение счастья.

Сложно было планировать будущее. Сестра Хенни спрашивала, обладает ли она какими-то особенными умениями, и Юдит рассказала, что училась в женской коммерческой школе. Сестра Хенни одобрительно кивнула, потому что знания экономики открывали для нее возможность найти работу в офисе после того, как она родит. Юдит не совсем понимала, кто же будет смотреть за ребенком, если ее весь день не будет дома? К тому же было очевидно, что рано или поздно ей придется уехать из Штутгарта. Если она хотела найти свое место, то нужно было отправляться туда, где никто не знал ни ее, ни ее семью.

Юдит рассматривала тонкий белый батист у себя в руках, из которого должна была получиться крошечная рубашечка.

Она никогда особо не любила шить. Также она не особо любила вышивать, ей просто не хватало терпения. Но ей нужно было чем-то заняться, потому что насколько она была рада тому, что сестра Хенни

приютила ее, настолько же долго тянулись здесь дни.

Сотрудница полиции работала сутки напролет. Кроме Юдит она приютила у себя еще трех девушек, все они были в положении, но животы у них были уже такие большие, что Юдит боялась, что они в любой момент могут родить. Все они пережили что-то ужасное, так что Юдит, несмотря на все свои тревоги, была в привилегированном положении. Все же эти судьбы усиливали ее страх однажды точно так же опуститься, потому что ей нужно было содержать себя и ребенка. Но все еще было не так плохо. И пока есть такие люди, как сестра Хенни, она верила в то, что найдет силы хорошо устроить свою будущую жизнь.

Пока две ее соседки занимались покупками и их не было дома, третья сидела напротив нее в кресле. Она уснула и едва слышно посапывала.

В остальном было тихо, и когда Юдит услышала звук ключа в замке входной двери, то очень удивилась. Ни у кого из них не было ключа. Когда девушки возвращались с улицы, они звонили в звонок. Значит, это могла быть только сестра Хенни. Но почему она пришла домой днем?

Юдит опустила голову и сделала несколько стежков иглой, но, когда сотрудница полиции подошла прямо к ней, не сняв верхнюю одежду, она подняла глаза.

– Фройляйн Юдит! Здесь кое-кто хочет с вами поговорить.

Юдит испугалась.

– Дора? – нерешительно спросила она.

– Нет. Но кто-то, кто очень хорошо к вам относится. Можно я его впусти?

– Нет, лучше не надо... – Юдит сразу подумала об Альбрехте фон Брауне или об отце, но сестра Хенни была так спокойна, что она и сама немного успокоилась.

– Вы можете мне доверять, фройляйн Юдит, – сказала сестра Хенни, будто прочитала ее мысли. – Я бы никогда не привела сюда человека, если бы могла допустить, что он может причинить вред одной из моих девушек. Ну так что?

Юдит отложила в сторону свое шитье.

– Если вы так считаете...

В этот момент рядом с сестрой Хенни появился мужчина.

Юдит с трудом перевела дыхание.

– Виктор, – не веря глазам, прошептала она. – Что ты здесь делаешь?

Вместо ответа Виктор вдруг присел рядом с ней на диван и нежно обнял ее. Юдит чувствовала, как он дрожит, и ощущала собственную дрожь, затем она опустила голову ему на грудь и громко, безудержно

зарыдала.

– Тш-ш, любимая, все хорошо, – утешал ее Виктор и успокаивающе гладил по спине. Но по его приглушенному голосу Юдит поняла, что он так же нервничал, как и она.

Сестра Хенни стояла рядом и улыбалась: одна из ее подопечных вернулась в свою жизнь и станет признанной в обществе супругой и матерью. Это был звездный час ее профессии.

Виктору пришлось прибегнуть к искусству убеждения, чтобы уговорить Юдит пойти с ним. Она просто не могла поверить, что он говорит всерьез, зная о ее положении.

Виктор с облегчением вздохнул, когда Юдит наконец сдалась и начала собирать свои вещи.

Прощание с сестрой Хенни было трогательным и не обошлось без слез. Юдит пообещала оставаться на связи и обняла ее крепко и с благодарностью.

Под покровом ночи они вместе отправились на Хауптштеттерштрассе. Прохладный ночной воздух был приятным, и Виктор заметил, как Юдит глубоко дышит. Она снова и снова на него смотрела, как будто не могла понять, что происходит.

По пути Виктор объяснил ей, что хочет признать этого ребенка как своего. И что лучше всего будет никогда не упоминать о биологическом отце.

Юдит было сначала сложно это понять, и она говорила о том, что не хочет принуждать его к роли отца. Виктор пытался развеять ее сомнения и убедил ее, что это будет самое лучшее решение для всех. В конце концов, все зависело от того, как они воспринимают эту ситуацию, а не от биологических тонкостей.

Прежде чем Виктор остановился и сладко ее поцеловал, он увидел, что Юдит доверяет ему свою жизнь и жизнь ребенка. В эту же минуту он почувствовал огромную, безграничную любовь к своей маленькой семье. Речь шла о них троих и ни о ком больше. Только это имело значение.

Алоиз Эберле и Эдгар неслабо удивились, когда за ужином рядом с Виктором вдруг появилась Юдит.

– Фройляйн Ротман, чем обязаны такой чести? – спросил Эдгар. – Я должен рассказать Доротеа, что вы нашлись! Она очень волнуется.

– Пожалуйста, Эдгар, никому не говори. Юдит ждет ребенка, и, если ее отец узнает, где она, это может плохо для нее закончиться.

– Ребенка? – ошеломленно спросил Эдгар. – Скажи, Виктор...

Виктор кивнул, и Эдгар похлопал его по плечу:

– Ну ты и быстрый. Дело нужно довести до конца.

– Да, именно, – ответил Виктор.

Алоиз Эберле тихо усмехнулся сам себе, как он обычно это делал. Юдит в основном молчала, она держала Виктора за руку под столом и прижималась к нему.

– Знаешь что, Райнбергер, ходят слухи, что объявился Альбрехт. Его видели в Людвигсбурге, – сказал Эдгар и отрезал себе кусок копченого мяса, которое стояло в центре стола. – Банкир нанял частного детектива, чтобы разыскать сына и вернуть домой. И тогда, поверь мне, для Альбрехта начнется тяжелая жизнь.

Виктор почувствовал, что Юдит крепче сжимает его руку. Он успокаивающе провел большим пальцем по ее ладони.

– Доротеа ничего не говорила, Ротман и фон Браун что-то обсуждали?

– Она сказала, что отец все еще надеется благодаря женитьбе на Юдит избавиться от Альбрехта.

Юдит побледнела.

– Он опоздал. Юдит будет моей женой.

Виктор влюбленно посмотрел на нее. На ее щеках появился нежный румянец.

– Тогда поторопись со свадьбой, Виктор, – посоветовал Эдгар. – Не жди, пока Альбрехт уведет ее у тебя из-под носа!

– Прежде чем это случится, я сверну ему шею, – сказал Виктор, и он был настроен серьезно.

Позже они лежали на кровати Виктора. Виктор не снимал брюки и рубашку, Юдит была в льняной ночной рубашке, закупоренной до шеи.

Виктор тихо засмеялся.

– Я точно не так представлял себе нашу первую ночь!

– А я себе именно так ее и представляла.

К Юдит постепенно возвращалось чувство юмора, и Виктор был безмерно рад этому.

– Тебе не нужно застегиваться на все пуговицы, – сказал он.

– Я думала, тебе так нравится, – объяснила Юдит с наигранным разочарованием. – На вырезе даже есть кружево!

– Да, я вижу, но это не совсем то, что я себе представляю, когда думаю о тебе.

– А что ты себе представляешь?

Он нежно провел пальцами по ее шее, нежно поиграв ими у выреза сорочки.

– Немного больше кожи, – прошептал он и начал ее нежно целовать.

Какое-то время они исследовали друг друга, целуя губами и лаская руками.

Наконец, Виктор застегнул ночную рубашку на ее груди и крепко взял за руку.

– Теперь давай спать. Иначе я больше не смогу гарантировать свою сдержанность.

Юдит засмеялась и прижалась к нему.

– Я кое о чем подумала, – сказала она.

– О чем же?

– А ты меня так и не спросил, Виктор Райнбергер.

– О чем я тебя не спросил?

– Хочу ли я стать твоей женой, – сказала Юдит с улыбкой на устах.

Он нежно обнял ее, перевернул на спину и положил ногу ей на бедро.

– Итак, фройляйн Ротман. Значит, вы хотите, чтобы я спросил вас.

– Об этом мечтает каждая девушка.

Он поцеловал ее в губы, подбородок, шею. Затем она ощутила его дыхание прямо у своего уха.

– Ты выйдешь за меня, Юдит?

Она обняла его.

– Спасибо тебе, Виктор. За все! Твоя любовь – это невероятный дар!

Виктор опять поцеловал ее.

– Ты не ответила на мой вопрос.

Юдит улыбнулась.

– Ты прав, – прошептала она. – И я говорю «да». Тебе и нам.

Они лежали, крепко обнявшись. Наконец, Юдит тихо спросила:

– Виктор?

– Да?

– Что мы теперь будем делать? Я имею в виду, что теперь будет с шоколадной фабрикой? Если я не выйду замуж за Альбрехта, мой отец обанкротится.

– Я об этом уже думал. Давай завтра об этом поговорим?

Виктор еще долго не спал, после того как Юдит заснула в его объятиях. В голове Виктора оформился план, который пришел ему на ум еще в полицейском участке, когда он ждал сестру Хенни.

Юдит была беременна от Макса Эбингера. Он опять ушел от ответственности, и, если это всплывет, скандал значительно навредит репутации семьи Эбингер. Не говоря уже о сплетнях и слухах, которые будут распускаться повсюду и которые будут приукрашены теми или иными нежелательными деталями.

Старику Эбингеру было бы выгодно, чтобы это бесславное отцовство

его сына никогда не всплыло. И в этом Виктор увидел шанс.

Чтобы спасти шоколадную фабрику, обеспечить будущее Юдит и ребенка и, кроме того, защитить ее от Альбрехта фон Брауна, он должен был быть готов бороться. И пустить в ход свои козыри. И он это сделает.

Но прежде ему следовало рассказать Эдгару всю правду и назвать ему имя истинного отца ребенка Юдит, невзирая на опасность попасть под каскад насмешек в свой адрес.

Глава 57

– Ты на самом деле намерен шантажировать Эбингера? – спросила Юдит в ужасе, когда Виктор ближе к вечеру следующего дня рассказал ей о своих планах.

– Да, и я это сделаю. Кроме того, я не буду терять время. Юдит, у нас нет другого выхода. Потому что, хотя я на тебе женюсь, нам нужно будет на что-то жить. Поверь мне, я все хорошо продумал. Он будет упираться, но, в конце концов, у таких людей всегда одно больное место – их самолюбие и безграничное тщеславие.

Юдит была настроена скептически.

– А если тебя арестуют? Поверь мне, старик Эбингер не зря один из самых богатых предпринимателей Штутгарта.

– К счастью, он таким является, – с улыбкой сказал Виктор. – Иначе нам нечего было бы взять у него!

– Я никогда бы не подумала, что ты можешь быть таким бесцеремонным, – вздохнула Юдит.

– Если речь идет о моей семье, – серьезно произнес Виктор, – в случае необходимости я пойду по трупам.

Юдит сдержанно улыбнулась.

– Вероятно, мне не удастся тебя переубедить.

– Конечно, не удастся, – подтвердил Виктор и погладил ее по щеке. – Не переживай, Юдит. Мое преимущество в том, что я хорошо подготовился к этому разговору. Сравним это с боем. На стороне нападающего момент внезапности, в нашем случае точно так же. Прежде чем Эбингер сможет трезво мыслить, нож будет у горла. Образно выражаясь, разумеется.

Юдит кивнула. Конечно, она боялась за него, но вместе тем пришло время доверять ему и его способностям.

Она поцеловала его.

– Пообещай мне, что ты будешь осторожен!

Под вечер Виктор отправился в путь. Он исходил из того, что Эбингер в это время, скорее всего, будет дома, и он оказался прав. Служанкапустила его.

В роскошном вестибюле поместья он сразу обратил внимание на впечатляющую картину, написанную маслом, на которой, очевидно, был изображен старик Эбингер. Виктор вспомнил рассказы Юдит о бале семьи Эбингер и не мог не улыбнуться. У него было достаточно времени, чтобы детально рассмотреть картину, потому что пришлось ждать четверть часа, пока его примут. Такое типичное ожидание было знакомо Виктору,

особенно когда он посещал мужчин, считавших себя весьма значимыми персонами. Это время Виктор занял тем, что еще раз мысленно прокрутил план действий.

Наконец за Виктором пришли, его повели по коридорам и через двустворчатую дверь завели к Эбингеру.

Эта ситуация напомнила Виктору, как он несколько месяцев назад впервые встретился с Вильгельмом Ротманом. Мрачный кабинет с тяжелой мебелью и громко тикающими напольными часами. На первый взгляд, очень занятой магнат, который не мог потратить впустую ни секунды своего драгоценного времени и даже тогда продолжал подписывать важные документы, когда посетитель давно уже стоял перед ним. Первый взгляд слегка прищуренных глаз, за ним беглое приветствие, без предложения присесть. Смешные ритуалы жаждущего признания малодушия.

Виктора все это не смущало, даже наоборот. Он точно знал, что может надавить, чтобы снести все это показное тщеславие, и чувствовал определенный боевой задор, который поможет ему, это он знал точно.

– Ну, – с особой важностью начал Эбингер. – Чем могу быть вам полезен, господин... господин Райнбергер? – он сделал вид, будто задумался относительно имени.

– Собственно, Виктор Райнбергер.

– Пожалуйста, покороче, если можно, господин Райнбергер. Ко мне обычно просто так, без предварительной договоренности, не приходят, к тому же не на фирму. Как видите, – он широким жестом указал на массивный письменный стол, – у меня еще много работы.

– Я буду краток, господин Эбингер. Речь идет о вашем сыне Максе.

По лицу Эбингера пробежала тень.

– О Максе? О чем именно?

– Я все вам сейчас изложу, – многозначительно сказал Виктор и заметил, как старик Эбингер чуть выпрямился.

– Ваш сын Макс Эбингер, – начал Виктор, осознанно копируя при этом обвинение судебного заседания, – в ночь с субботы 29 сентября на воскресенье 30 сентября склонил Юдит Ротман, дочь Вильгельма Ротмана, к аморальному поведению.

– Это подлая ложь! – сразу же прошипел Эбингер. – Убирайтесь отсюда!

– Нет. Вы должны меня выслушать, господин Эбингер, иначе это может обернуться неприятными последствиями для вас, вашей семьи и вашего предприятия.

– Что вы хотите? Шантажировать меня?

– Скажем так, – Виктор ответил нарочито спокойно, – я хотел бы скорее вступить с вами в сделку.

– Какую сделку вы можете мне предложить? – ерничал Эбингер.

– Вы заявляете о себе как об основателе новой династии, – начал говорить Виктор, раскладывая свою ловушку. – При этом следовало бы иметь по возможности чистую совесть. Но не в вашем случае, Эбингер. Потому что ваш сын в ту ночь не просто соблазнил Юдит Ротман, но и сделал ее беременной.

– Немедленно покиньте мой дом, или я вызову полицию! Вы оскорбляете меня и мою семью. Это не сойдет вам с рук.

Виктор ответил не сразу, а выдержал паузу:

– ...есть свидетели.

Эбингер начал барабанить пальцами по столешнице своего письменного стола.

– Значит, свидетели. Кто мог бы пойти на то, чтобы участвовать в этом фарсе?

– Кучер семьи Ротман.

– Слово прислуги против слова предпринимателя. Не смешите меня!

– Горничная фройляйн Ротман.

– Не позорьтесь.

– И сама Юдит Ротман.

– Женщина, – презрительно сказал Эбингер. – Она не тому бросилась на шею и теперь хочет что-то от меня получить.

– У Юдит Ротман безупречная репутация. В ее случае речь идет не об одной из многочисленных служанок, которыми ваш сын в избытке наслаждался.

– Это все ложь, за которую я заставлю вас отвечать!

– Тогда я приведу двоих свидетелей, которые под присягой дадут показания, что Юдит Ротман соблазнил ваш сын и она теперь ждет ребенка. – Виктор внимательно посмотрел на Эбингера. – Вашего внука.

Уголки рта Эбингера дрогнули, и Виктор понял, что этим замечанием он пробил брешь в защите Эбингера.

– И что это за свидетели? – спросил предприниматель.

– Во-первых, горничная фройляйн Ротман.

– Как было сказано, служанка. У вас ничего не выйдет.

– И во-вторых, Эдгар Нольд. Сын мыловаренного предпринимателя и давний друг вашего сына.

– Эдгар Нольд? – недоверчиво спросил Эбингер. – Какой у него интерес

в том, чтобы вешать на Макса такое дело?

– Он знает правду и хочет предотвратить ситуацию, когда Юдит Ротман в одиночку вынуждена будет разбираться с последствиями этой встречи.

– Ха! – вдруг прокричал старик Эбингер. – 29 сентября – это была ночь большого бала в нашем доме. В этот вечер, – с триумфом объяснил он, – Юдит Ротман была помолвлена. А именно с Альбрехтом фон Брауном. Следовательно, если вы хотите предъявить претензии, то обратитесь к банкиру фон Брауну и оставьте мою семью в покое!

– Если вы помните, Юдит Ротман исчезла сразу после помолвки и больше на праздник не вернулась. Она блуждала по дому и встретила вашего сына Макса. В дальнейшем события развивались так, что они сблизились, что и привело к упомянутым последствиям. Кучер семьи абсолютно секретно в достойном сожаления состоянии привез ее домой.

– Почему, – настойчиво спросил Эбингер, – именно вы вызвались защищать Юдит Ротман?

Виктор ожидал услышать этот вопрос.

– Скажем так, я оказался в удачной ситуации, на которой могу нажить капитал. И при этом я ничего не теряю.

О своих личных отношениях с Юдит он промолчал. Чувства делают уязвимым.

Тем временем Виктор буквально увидел, как в голове Эбингера мелькали мысли.

– Ваш сын, которого вы в тот вечер назначили своим преемником, спустя несколько дней после этого случая испарился из города, Эбингер, – вызываяще добавил Виктор. – Возможно, таким образом он хотел избежать возможных последствий?

На какое-то мгновение воцарилась тишина, и Виктор заметил, что снова попал по больному месту.

– Я думаю, мне стоит привести обоих свидетелей, – сказал Виктор, когда Эбингер ничего не ответил и вышел из комнаты, не дожидаясь ответа. Вскоре после этого он вернулся в сопровождении Доры и Эдгара, которые по предварительной договоренности ждали перед домом.

Эбингеру ситуация явно была неприятна.

– Эдгар Нольд, – обратился он к Эдгару, – если я сообщу твоему отцу, что ты пошел на это, он лишит тебя наследства.

– Я так не думаю, господин Эбингер. Но даже если и так, то я на это наследство не претендую.

– Ах, да, – с иронией сказал Эбингер. – У тебя же теперь есть маленькая мастерская на задворках. От нее действительно так много прибыли? – Он

встал, вышел из-за своего письменного стола, подошел к Эдгару и угрожающе посмотрел на него. – Если ты сию же минуту не уйдешь отсюда, ты не получишь от меня ни единого заказа, слышишь меня? И я позабочусь о том, чтобы большинство твоих клиентов больше не обращались к тебе.

– Макс – отец ребенка Юдит Ротман. Мне очень жаль, господин Эбингер, но некоторые вещи нельзя замалчивать. Фройляйн Ротман всю жизнь придется отвечать за последствия. И она имеет право на надлежащее возмещение.

Эбингер фыркнул:

– Как ты можешь так говорить?

– Это правда. Какой смысл фройляйн Ротман такое придумывать? Ей нет никакой выгоды, даже наоборот.

– Она хочет получить деньги? Она в отчаянии? Да откуда я знаю... – Эбингер посмотрел на Дору, но не стал ничего у нее спрашивать. В его взгляде было презрение.

– А почему тогда, господин Эбингер, ваш сын сбежал после той ночи? – теперь этот вопрос задал и Эдгар.

– Ну... – начал говорить Эбингер, как вдруг услышал тихое покашливание.

– Я верю Юдит Ротман! – В помещении раздался женский голос, громкий и четкий, и все удивленно повернулись. В двери стояла госпожа Эбингер, и Виктору стало интересно, сколько она уже слышала.

– Моя дорогая, это очень деликатный вопрос, – сказал Эбингер. – Ты не могла бы вернуться к себе?

– Нет! – госпожа Эбингер медленно подошла к нему. – Я знаю Юдит Ротман уже давно, с момента ее обучения в женском училище. Она бы никогда не сделала заявление, которое бы не соответствовало истине. И... – Она стала возле мужа и положила ему руку на плечо. – ...я знаю нашего сына. В ночь нашего бала что-то произошло, я точно не знала что. Юдит Ротман в спешке забирали из дома. Позже Макс сделал замечание, незадолго до того, как уехал из Штутгарта, которое я тогда не смогла понять, но которое сейчас имеет смысл. – Она набрала воздуха. – Он сказал, что вернется лишь тогда, когда снова сможет всем смотреть в глаза.

Виктор буквально видел, как она, таким образом, связала ему руки.

Эбингер сделал глубокий вдох.

– Я не знаю, о чем думал Бог, когда создавал женщин, но, вероятно, какие-то причины у него были.

– Я в этом убеждена. Так же, как я убеждена в том, что ты найдешь

хорошее решение, – улыбнулась госпожа Эбингер и нежно поцеловала его в щеку. – В конце концов, речь идет о нашем внуке.

Затем она повернулась к Виктору и задумчиво на него посмотрела. И у него возникло такое ощущение, что она точно знала, что им двигало.

– Желаю вам всем хорошего вечера, – наконец сказала она и собралась уходить.

– Ну, нам уже пора.

Эдгар переглянулся с Виктором. Тот ему кивнул.

Они вышли вместе с госпожой Эбингер и Дорой. Виктор и старик Эбингер остались одни.

Тот опять покачал головой, так, словно не мог поверить в то, что только что на него обрушилось. Виктор молча ждал, пока Эбингер относительно упорядочит свои мысли.

Наконец фабрикант рассмеялся.

– Какой негодяй! Это, получается, правда. Макс – отец ребенка Юдит Ротман, – сдавшись, сказал Эбингер и провел рукой по густым седым волосам. – Но, что мешает ему жениться на ней и признать его своим? – Эбингер попытался повернуть разговор в другое русло. – Даже если я и не очень дружелюбно отношусь к старику Ротману, моя жена точно уж была бы счастлива.

– Что мешает? – Виктор повторил вопрос. – Ну, например, тот факт, что ваш сын несколько месяцев назад исчез. Или вы знаете, где его можно быстро найти? К тому же Юдит не дворянского происхождения, а для вашей династии точно уж нужна невестка дворянского происхождения, не так ли? Кроме того, что скажет ваш банкир на то, что именно Макс увел невесту из-под носа у его сына, после того как оставил ее в интересном положении?

Эбингер снова сел за свой письменный стол и некоторое время смотрел в пустоту. Виктор дал ему возможность подумать.

– Что вы предлагаете? – наконец спросил Эбингер.

– Пятьдесят тысяч марок в виде пожизненной ренты для ребенка. Для вас это небольшая сумма, Эбингер, мы оба об этом знаем.

– Ха! Пятьдесят тысяч марок! Да я смогу отдать ребенка на воспитание!

– Ваша жена этого никогда не допустит.

– Верно, – согласился Эбингер.

– Но это еще не все.

– Что?

– Вы предоставите фирме «Ротман» вливание капитала в размере ста тысяч марок. Только на имя Юдит Ротман.

– Да кто вы такой, господин Райнбергер? Рыцарь удачи?

– Нет. Поэтому я делаю вам предложение. За эти сто тысяч марок вы получите опцион на два процента акций шоколадной фабрики. Я проинформирован об экономическом положении фирмы Ротмана и могу вас уверить, что спрос на шоколад «Ротман» очень высок и предприятие получает хорошую прибыль. Все же есть временные финансовые трудности. Если удастся их преодолеть, то фабрика Ротмана – это золотой рудник, – заявил Виктор. – Благодаря вашему финансовому вложению будут сделаны важные инвестиции, и вы сможете получить от этого выгоду, господин Эбингер. Такое участие принесет вам в будущем действительно много денег.

– Я машиностроительный предприниматель, а не шоколадный фабрикант. Я с трудом могу оценить такое вложение.

– Я так не думаю, господин Эбингер. Но как бы там ни было, вы знаете, насколько важно хорошее машинное оборудование. И насколько можно увеличить обороты, если привести фирму в порядок. «Ротман» – очень прибыльное предприятие, но в настоящий момент неплатежеспособное.

Эбингер посмотрел на него.

– Какие гарантии вы можете дать?

– Мое слово. По истечении двух лет Ротман выкупит у вас обратно эти акции и, кроме того, за двести тысяч марок. Это предложение, которое вам делают не часто.

– Ваше слово? – Эбингер засмеялся и покачал головой. – Прежде я хотел бы посмотреть на баланс.

– Не получится.

– Ну, господин Райнбергер, вы же не думаете, что я пойду на такую сделку, не проявив осторожность.

– У меня есть копии, – сказал Виктор и, опережая контраргумент Эбингера, добавил: – Но их легко подделать. – Он положил на стол конверт. – Все же я оставлю их здесь. В конце концов, в этом случае речь идет о доверии.

Прошло четыре минуты, пока Эбингер не задал еще один вопрос:

– Допустим, я приму ваше предложение. Что я получу?

– Помимо возможности получить солидную прибыль? – отметил Виктор. – Я женюсь на Юдит Ротман и признаю ребенка своим. Никто никогда не узнает, что ваш сын является его отцом.

– Ага! Вот откуда ветер дует. Кто знает, возможно, вы сами это сделали! – выкрикнул Эбингер.

– Я могу поклясться честью Юдит Ротман, что это не так. Подумайте,

что наше соглашение выгодно для всех. Скандала не будет, и ребенок получит имя. И, ко всему прочему, интересная сделка для вас.

Виктор почувствовал, что Эбингер взвешивает его слова.

– Вы все-таки очень предприимчивы, господин Райнбергер. Я исхожу из того, что вы не предоставите мне много времени на размышления?

– Вы абсолютно правы.

Прошло несколько минут.

– Мы составим договор, – наконец объяснил Эбингер. – Сорок тысяч для ребенка в качестве ежемесячной ренты до достижения им 21-летнего возраста. И восемьдесят тысяч в качестве опциона под два процента фирмы.

В этот момент Виктор засмеялся.

– Сто тысяч.

– Девяносто.

– Сто тысяч под 2,5 процента акций. А в случае вашей смерти они перейдут вашим наследникам, если вы их не продадите.

Эбингер пристально посмотрел на него и некоторое время ничего не говорил.

– Вы умеете ловко вести переговоры, Райнбергер. Ваше предложение, учитывая все обстоятельства, довольно заманчиво. Выражаясь вашими словами, мы заключим сделку, – наконец сказал он, и у Виктора словно камень с души свалился.

Все вроде бы было улажено, и он просто сказал:

– Хорошо.

– Ротману известно о том, что вы здесь доли продаете? – поинтересовался Эбингер.

– У него не будет другого выхода, кроме как согласиться.

– Как и у меня, – сказал Эбингер. – Но у меня есть условие.

Теперь пришел черед Виктора вопросительно на него посмотреть.

– Моя жена сможет иногда видеться с внуком.

Виктор улыбнулся.

– Разумеется.

Виктор вернулся домой поздно ночью с предварительной версией договора в кармане, который регулировал детали соглашения и обязывал его никогда не выдавать тайну происхождения ребенка. Кроме того, он лично должен был позаботиться о том, чтобы все лица, которые знали о родстве Макса, хранили молчание.

Для того чтобы письменно зафиксировать все детали соглашения, у Эбингера было несколько дней, все необходимо было нотариально

заверить и подписать, но это уже была забота не Виктора. Эбингер выплатил ему три тысячи наличными. Относительно последующих выплат они разработали детальный план и обсудили также многие другие интересные вещи.

В конце Эбингер похлопал его по плечу и благосклонно сказал, что хотел бы иметь такого сына, как он. Этот жест удивил Виктора, он все-таки вел себя здесь как шантажист. Одновременно с этим Виктор почувствовал, насколько сильно Эбингер страдал из-за отречения своего собственного ребенка. Это снова напомнило ему о том, как он сам напрасно пытался завоевать признание своего отца, который никак не мог понять того, что сын не хотел идти по его стопам. Для Фридриха Райнбергера, старшего лейтенанта, это было глубоким разочарованием, потому что Виктор также был его единственным сыном. Отцам не следовало бы переносить свои мировоззренческие концепции на сыновей, подумал Виктор и решил, что позволит своим детям жить собственной жизнью, независимо от того, какой путь они выберут.

Но сначала необходимо было еще кое-что уладить. Благодаря этому шахматному ходу и определенной доли везения у него было достаточно средств, чтобы обеспечить своей семье хорошее будущее. И исполнить большую мечту Юдит.

Теперь ему еще нужно было поговорить с Вильгельмом Ротманом. А это будет самое сложное задание из всех.

Глава 58

Фабрика Роберта Боша, 14 января 1904 года

Здание фабрики из железобетона в Штутгарте на Хоппенлауштрассе имело огромный и могущественный вид. Вход в здание был сделан в виде башни, на фасаде которой большими буквами, идущими снизу вверх, было написано: «Электротехн. фабрика. РОБЕРТ БОШ». Пространство фабрики было очень оживленным, чувствовалось, что здесь расположилось процветающее производство.

– Они же нас не вышвырнут, – говорил Роберт, подбадривая таким образом самого себя.

– Нет, конечно же, нет, – ответил Фриц и с глубоким почтением посмотрел на фасад комплекса, построенного всего три года назад.

Уже полчаса Роберт и Фриц ходили по территории в нерешительности, стоит ли им спрашивать по поводу работы. Фирма «Бош» производила магнето и было очень успешной. Это очаровывало и привлекало парней. Кроме того, они слышали, что на фабрике «Бош» к сотрудникам относятся лучше, чем на многих других промышленных предприятиях.

– Иди вперед, – сказал Фриц Роберту.

Роберт, который не хотел показаться слабым перед младшим товарищем, кивнул и открыл дверь.

На удивление, они оба попали в светлую и легкую атмосферу, которую сразу ощутили внутри, и таким же дружелюбным казался мужчина, занимающийся приемом на работу. Он задавал парням вопросы относительно их происхождения, способностей и предыдущей деятельности. Наконец, он предложил Фрицу простые подсобные работы. Насчет Роберта он задумался и решил направить его на испытательный срок в мастерскую. Если он себя хорошо проявит, то для него найдется более серьезная работа.

– Если вы постараетесь, то сможете здесь чего-то добиться, – сказал мужчина им при прощании.

– Я не могу в это поверить! – выкрикнул Фриц, когда они вышли. – Я просто не могу поверить. Представь, Роберт, я уже завтра выхожу на работу!

– Это действительно отлично. Твоя мама в течение дня справится без тебя. Важно, что ты будешь зарабатывать деньги. Затем, возможно, найдешь другую квартиру и, прежде всего, сможешь покупать лекарства.

– Зарплата замечательная!

– Да, правда. Я даже и не думал.

Роберт, который уже подумывал о рабочем движении, был действительно впечатлен. Бош, его тезка, делал что-то для людей, с этим не поспоришь.

Все же точнее он все увидит, когда первого февраля начнет здесь работать. В конце концов, именно рабочие своим трудом зарабатывали деньги, на которые большие люди могли позволить себе прекрасную жизнь.

Не зря в последнее время он боролся с помощью брошюр «Принципы и требования социальной демократии». Хотя он и не все понимал, что там было написано, – в любом случае звучало это хорошо. Особенно ему нравилась формулировка, что поработенный класс должен завоевать государственную власть. Он обязательно хотел в этом участвовать.

Но прежде он, наконец, мог сделать то, о чем давно мечтал: сказать Вильгельму Ротману, что увольняется и что ему придется найти другого дурака, которым он будет командовать.

– Ну что, Фриц, я желаю тебе всего хорошего завтра! Увидимся позже, первого февраля! Или в «Им Берен», если ты туда придешь, – сказал Роберт, прощаясь.

В гостевом дворе «Цум Гольденен Берен» на Эсслингерштрассе, излюбленном месте встречи рабочих, Роберт объявлялся, как только у него выдавалась свободная минута. Там был бильярдный стол и кегельбан, а главное – множество единомышленников, которые за кружкой пива или бокалом «Троллингера» обсуждали свои идеи относительно нового справедливого общества.

– Ах, – сдержанно ответил Фриц, – у меня теперь будет мало времени, сейчас, когда я выхожу на работу. Мне же нужно заботиться о маме. Если меня весь день не будет.

– Жаль. Но я тебя понимаю, – сказал Роберт и подумал о том, что еще много нужно было сделать для рабочего класса. Вопреки всем пустым обещаниям благотворительных организаций.

Когда Роберт зашел в виллу Ротмана через вход для прислуги, он сразу почувствовал, что что-то не так. Атмосфера была странным образом напряжена. Сначала он испугался, что дело в его длительном отсутствии, которое вызвало гнев хозяина, но затем понял, что речь идет не о нем.

– Никогда этот человек больше не будет работать в семье Ротман, – раздавался голос экономки.

Роберт осторожно наблюдал из кухни за происходящим в прилегающем помещении, где стоял обеденный стол. И не мог поверить своим глазам.

С одной стороны сидела сестра Хенни, а рядом с ней, погрузившись в

свои мысли и с ожесточенным выражением лица, Бабетта. Его Бабетта.

Значит, она ее нашла!

Его тревога сменилась облегчением. Бабетта выглядела иначе: она была неестественно бледной и худой. Едва ли можно было в этой девушке разглядеть ее природное очарование, которое прежде так привлекало его. Роберт не мог поверить, что достаточно было всего лишь нескольких недель, чтобы девушка так изменилась.

Напротив двух женщин заняла место экономка. Перед ней лежала открытая тетрадь, вероятно учетная книга прислуги Бабетты. Ситуация напоминала заседание суда, и Роберту приходилось держать себя в руках, чтобы сразу не высказать все то отчаяние и разочарование, которые накопились у него за последние месяцы. Но, несмотря на все то, что он испытывал к Бабетте, – в конце концов, это было ее собственное решение: окунуться в якобы ослепительную жизнь и отказаться от любой помощи. В один миг ему стало ясно, что его прежние восхищение и любовь превратились в сострадание.

Поскольку ни одна из трех женщин его не заметила, Роберт оставался в тени и следил за разговором как скрытый слушатель.

– Бабетта Шустер плохо выполняла свою работу? – спросила сестра Хенни.

– Ну нет, работа, если она ее делала, была выполнена как следует. Чего нельзя сказать о ее морали. С известными последствиями.

– Разумеется, Бабетта допустила ошибку. Но разве каждый человек не заслуживает право начать жизнь заново?

Экономка растерянно посмотрела на сестру Хенни, будто не могла понять, что ее заставляет так усердно защищать проститутку.

– Каждый сам кузнец своего счастья, – холодно ответила Маргарет. – У Бабетты Шустер здесь была хорошая работа и крыша над головой. Если она была этим недовольна, то теперь ей придется отвечать за последствия.

– Вы здесь платили нищенскую зарплату! За каторжный труд с раннего утра до поздней ночи! – вдруг возмутилась Бабетта. – С любой тряпкой в доме обращались лучше, чем со мной.

В этом Роберт не мог с ней не согласиться. Если с горничной Дорой обращались хорошо, то Бабетта до поздней ночи выполняла всевозможную работу, и от нее требовалось на следующий день с самого утра быть наготове. Достаточно ли она спала или ела, никого не интересовало.

– Вот видите, госпожа Арентд, – сказала экономка, – вот ее благодарность.

– Надеюсь, вам известно, – возразила сестра Хенни, – что именно такие

обстоятельства толкают девушек в руки подозрительных особ, как это и произошло с Бабеттой.

– Всегда можно отказаться, – настаивала Маргарет. – И не смейте критиковать обстоятельства в этом доме. Это очень порядочный дом!

Скорее, очень лицемерный, подумал Роберт и мысленно представил, что экономка с хозяином находятся в более тесных отношениях, чем надлежало бы.

– Я в этом не сомневаюсь, – сестра Хенни попыталась еще раз. – Часто хозяева даже не знают, что девушки находятся на исходе своих сил. Они думают, что крыша над головой и двухразовое питание – это щедрое предложение для бедных девушек. Вместе с тем они наблюдают каждый день зажиточную жизнь. Это пробуждает желание.

– Каждый должен знать свое место, – презрительно сказала экономка.

– Не каждая обладает таким сильным характером противостоять своим желаниям и соблазнам, – ответила сестра Хенни. – Бедность и нужда достаточно часто заставляют людей свернуть с верного пути.

– Ваше милосердие делает вам честь, госпожа Арендт. – Было видно, что экономке надоел этот разговор. – Но в разговоре о работе в этом доме стыдно говорить о бедности и нужде.

– Тогда дайте, пожалуйста, Бабетте надлежащую характеристику. Чтобы я могла найти для нее другое место работы.

– Я не поставлю свое имя под фальшивой характеристикой, – возразила экономка, закрыла учетную книгу Бабетты и подвинула ее через стол. Теперь Бабетте будет сложно найти работу в качестве прислуги.

Бабетта взяла книгу.

– Я никогда не буду больше убирать грязь за уважаемыми господами, – нагло произнесла она, и Роберт увидел, как сестра Хенни вздрогнула.

Осторожно он попятился назад. Проходя через кухню, он посмотрел на кухарку Гerti и покачал головой. Она все слышала. Роберт пошел в коридор и оставался там, пока сестра Хенни и Бабетта прошли мимо него, чтобы через боковой выход покинуть виллу. Ему необходимо было последний раз посмотреть Бабетте в глаза. Когда она его заметила, то остановилась.

– Этот тоже постоянно за мной увивался, – презрительно сказала она. – Теперь я за это хотя бы деньги получаю.

– Бабетта! Пожалуйста, держите себя в руках! – сестра Хенни быстро повела ее дальше.

Потрясенный Роберт стоял молча.

Глава 59

Шоколадная фабрика Ротмана, в этот же день

Вильгельм Ротман чрезвычайно вежливо поприветствовал банкира и предложил ему присесть в своей конторе. Пока фон Браун отставлял трость и присаживался, Ротман подошел к сейфу, взял несколько бумаг и вернулся за письменный стол.

– Сигару?

– С удовольствием.

Вильгельм Ротман протянул фон Брауну благородный портсигар с изысканными сигарами, сам же не взял. Пока гость закуривал сигару, он просматривал документы, о которых хотел поговорить со своим банкиром.

А тот с наслаждением выпускал пряный дым в воздух.

– Превосходно, – похвалил он.

– Вы отправили мне извещение, – сказал Вильгельм Ротман.

– Да.

– В нем вы ставите под вопрос наши договоренности относительно кредита.

– Основа сделки изменилась. Об этом я и хотел поговорить.

– Вы имеете в виду вопрос со свадьбой?

– Именно. До меня дошла информация, что ваша дочь пропала.

– Юдит на некоторое время уехала. Это не значит, что она пропала.

– Тогда передайте ей, что в течение трех дней она должна дать о себе знать.

Вильгельм Ротман откашлялся.

– Хорошо.

До этого момента он надеялся разыскать свою дочь. Все указывало на то, что она еще была в Штутгарте. Кроме того, он был уверен, что горничная была в курсе ее местонахождения. С момента исчезновения Юдит она стала странно себя вести, это заметила и Маргарет. Сегодня вечером он настоятельно расспросит ее.

– Раз уж вы об этом заговорили, – продолжил Ротман. – Я могу сделать вывод, что ваш сын в скором времени возвращается из командировки?

– Эм, да. По крайней мере, планирует.

Фон Браун посмотрел на свою сигару.

До Ротмана дошли слухи, что Альбрехт фон Браун также пропал, однако он не хотел этому верить. Фон Браун же неоднократно уверял, что Альбрехт просто находится в командировке.

– И что касается вашей дочери, – добавил банкир. – Если она не даст о

себе знать в условленный срок, я буду вынужден потребовать назад выплаченные деньги.

Ротман возмущенно вскочил.

– Вы не сможете это сделать!

– Разумеется, смогу.

– Я уже инвестировал деньги, и у меня нет в наличии средств в таком размере. Вам это прекрасно известно!

– Очень жаль.

– Существует кредитный договор, которого я и буду придерживаться.

– Я могу его разорвать. В нем содержится соответствующая статья. Но если вы все же возьмете Альбрехта в правление, то я готов это обсудить.

– А сейчас послушайте меня внимательно, господин фон Браун! – Ротман на этот раз вскипел. – Мне вообще не понадобились бы ваши деньги, если бы я не ввязался в ту жалкую инвестицию в недвижимость. В ту сделку, которую вы мне порекомендовали!

– Вы были осведомлены о рисках.

– Вы об этом упоминали. Но охарактеризовали их как незначительные.

– Это ваши слова!

– Это было так. Я не игрок, фон Браун, я просто поверил, что вы знаете, что делаете.

– Вы вложили личные средства.

– Нет, средства я снял со счетов фирмы. Ведь сделка казалась такой надежной...

– Это было беспечно, Ротман. Хотя я делал эту рекомендацию из лучших побуждений. Мне все равно, откуда у вкладчика деньги. Но вам следовало бы знать, что сделки заключаются тогда, когда есть лишние средства, понимаете? Если вам пришлось взять средства из фонда вашей фирмы, вы совершили большую ошибку, и это не моя вина.

– Вы на этом заработали, фон Браун!

– Я всегда зарабатываю, Ротман! Каждый отвечает за себя.

В самый разгар этого диспута в дверь постучали.

– Не сейчас! – резко крикнул Ротман.

– Я ничего не могу сделать, – раздался голос сотрудника конторы, – здесь мужчина и настаивает на разговоре с вами. Немедленно. Речь идет о вашей дочери, как он утверждает.

Ротман посмотрел на фон Брауна, быстро подошел к двери и открыл ее.

– Вы! – выкрикнул он, узнав Виктора.

– И вам добрый день, господин Ротман, – сказал Виктор и прошел мимо него в помещение. – О, у вас посетитель. Как все удачно складывается,

господа.

– Что вы себе позволяете?! – прорычал Вильгельм Ротман.

– Пожалуйста, господин Ротман, давайте поговорим как разумные люди.

Ротман фыркнул, затем все же закрыл дверь, чтобы сотрудники не подслушивали.

– Что с моей дочерью? Вы ее похитили? – прокричал он.

– Пожалуйста, умерьте свой тон, господин Ротман, – попросил Виктор. – Разумеется, я ее не похищал.

– Тогда что вы можете мне рассказать о ней?

– Она приехала ко мне. Если вы уделите мне несколько минут, я расскажу вам все в деталях.

Фон Браун с любопытством выпрямился. Ротман вернулся за свой письменный стол и подпер голову руками. Несмотря на то что Ротман вел себя грубо, было видно, что он в отчаянии.

Виктор осмотрелся и сел за маленький стол, за которым он уже несколько раз обсуждал рабочие моменты с Вильгельмом Ротманом.

– Прежде чем разговор пойдет о Юдит, я хотел бы сделать вам предложение, господин Ротман. Я знаю, что ваша фирма на грани банкротства.

– Что!?

– Позвольте ему сказать, Ротман, это очень интересно, – перебил его банкир.

– Благодарю, – Виктор кивнул фон Брауну. – Для начала я хочу предложить вам сто тысяч марок в качестве взноса в обмен на соответствующее количество акций и право участия в принятии решений относительно всех вопросов шоколадной фабрики.

На этом фон Браун рассмеялся.

– Откуда у вас такие деньги? Это обман, причем дешевый!

Виктор встал и положил перед Ротманом документ. Тот удивленно на него посмотрел. Когда фон Браун тоже захотел взглянуть на бумагу, Виктор забрал ее у него из-под носа.

– Господин фон Браун, – обратился к нему Виктор. – А теперь я перейду к вам. Вы поможете фирме Ротмана справиться с ограничением ликвидности. Вы же к ней привели, после того как продали Ротману сомнительные акции на недвижимость – дома, которых никогда не было.

– Да как вы смеете! – Фон Браун покраснел.

– Вы обманули не только Ротмана, но также и машиностроительное предприятие Эбингера, – невозмутимо продолжал Виктор. – С той лишь

разницей, что Эбингер вложил значительно меньше, и поэтому ему удалось справиться с убытками.

– Для этого нужны доказательства!

– Будьте уверены, они у меня есть, господин банкир. И вам уж точно не понравится, если широкой и заинтересованной общественности также станет известно об аморальном образе жизни вашего сына Альбрехта.

– Что значит аморальном? Что вы себе позволяете?

– Есть заявление вашего сына, кстати письменное, в котором он сознается, что у него есть игровые долги. Об этом вы знаете, фон Браун. Вы достаточно часто погашали его долги. А в случаях, когда вы отказывались помочь ему, он брал деньги у сомнительных источников, влезая в новые долги, что могло в итоге плохо кончиться. К тому же он продолжительное время встречался с известной в городе дамой средних лет, которая доставляла ему достаточно дорогостоящие радости. Учитывая все обстоятельства, у Альбрехта было достаточно поводов покинуть Штутгарт.

– Командировка? – Ротман задал вопрос банкиру.

Фон Браун покачал головой. На какое-то мгновение показалось, что он окаменел. Затем он схватил свою трость, надел шляпу и быстро вышел из кабинета.

Ротман в замешательстве сидел за своим письменным столом.

– Это все правда? – наконец спросил он.

– Что именно?

– О бумагах. И об Альбрехте.

– О бумагах наполовину. Насколько мне удалось выяснить, фон Браун тоже не знал, что речь идет о мошенничестве. Однако когда он впоследствии узнал, то попытался замять это дело, вместо того чтобы помочь своим клиентам выйти из этой сделки.

– Я посажу его за решетку.

– Это будет не так просто. Для этого нужны доказательства, а это будет проблематично. Вы же покупали акции за свой счет.

Ротман кивнул.

– С другими инвесторами такая же история, – объяснил Виктор. – Банковский дом не фигурирует ни в одной деловой операции.

– Это же мошенничество.

– Это стало мошенничеством. Но фон Браун выплачивает проценты другим способом. Потому что все, что касается его сына, на самом деле так, как я рассказал.

Ротман покачал головой.

– Я бы никогда о нем такого не подумал. Согласен, он не идеален, но я думал, что его можно легко исправить. И в родительском доме...

– Иметь деньги не означает иметь честный характер. В случае с Альбрехтом фон Брауном это подтвердилось, к сожалению, самым печальным образом.

– Значит, я был несправедлив к своей дочери, – сокрушенно сказал Ротман.

– Вас оправдывает тот факт, что вы желали ей самого лучшего, – примирительно ответил Виктор, уловив его быструю смену настроения. – Но Юдит отлично чувствует людей. Я думаю, она не вышла бы замуж за Альбрехта даже под страхом адских мук.

– Вероятно, вы правы. – Ротман глубоко вздохнул. – Но сейчас я буду вынужден продать фирму. Без денег банкирского дома мне не удастся продолжать управлять фирмой «Ротман».

– Как уже говорил, я располагаю суммой в сто тысяч марок, – Виктор вернулся к своему предложению. – Но только деньги будут выплачены на имя Юдит, не на ваше имя.

– На имя Юдит?

– Юдит войдет в состав правления фирмы «Ротман».

– Кто это сказал? – В этот момент Ротман все же попытался оказать сопротивление.

– Она будет хорошо работать.

– Разумеется, у нее есть хорошие идеи и она умеет работать с сотрудниками, но этого недостаточно, чтобы управлять фирмой.

– Вы разделите задания. И я уверен, что Юдит будет рада, если вы постепенно будете вводить ее в курс дела. Ее очень интересует коммерческий аспект. Кроме того, вы сохраните акции в фирме.

– В каком размере?

– Сорок девять процентов.

– Чтобы Юдит могла все решать?

– Если будет получаться, то да.

– Но пятьдесят один процент акций фирмы стоит больше, чем сто тысяч марок.

– Я знаю. Остальное – это наследство Юдит. В данной ситуации у вас нет другого выбора. И речь идет о вашей дочери. Я все же думаю, что вам хотелось бы оставить предприятие во владении семьи, а не продавать его. И если бы вы стояли перед выбором, кому доверить фабрику, Юдит или Альбрехту фон Брауну, какое решение вы бы приняли?

Ротман тяжело вздохнул.

– Я опять возьму вас на работу, Райнбергер! Вы основательно будете вести переговоры с моими поставщиками.

– Я использую все свои знания и все свои силы, в этом можете не сомневаться!

– Ах, так это уже решенный вопрос? Кто же вас принял на работу?

– Юдит, – Виктор не мог не улыбнуться. – Но она не только взяла меня на работу на фабрике «Ротман». Я буду ее мужем.

Виктор вдоволь наслаждался озадаченным выражением лица Вильгельма Ротмана. От фабриканта сегодня действительно требовалось невозможное.

– Тысяча чертей, Райнбергер! Я вас очень недооценил. Есть еще что-то грандиозное, что вы должны мне сообщить? Раз уж мы об этом заговорили?

– Свадьба состоится в конце января. Также в будущем мы будем продавать лимитированные шоколадные автоматы, абсолютно эксклюзивные модели. И летом родится наш ребенок.

Глава 60

– Как все прошло? – спросил Эдгар, встретив Виктора у ворот фабрики. Улыбкой Виктора все было сказано.

– Хорошо.

– Насколько?

– Он со всем согласился. Теперь, разумеется, необходимо все юридически оформить. Но в конечном счете я думаю, что он устал сопротивляться и был рад, что ему пришлось признать себя побежденным. В конце это уже было исключительно дело дипломатии...

– Ты не оставил ему выхода. Как и Эбингеру.

– Можно и так сказать, никогда не нужно недооценивать эффект внезапности.

– Тогда пойдем пропустим по «Троллингеру» в кафе.

– Я лучше пойду к Юдит, она весь день переживала, как пройдет разговор. Мне нужно ей все рассказать.

– Тогда пойдем домой, у Эберле «Троллингер» точно еще есть...

– ...немного морса в бочке, я знаю.

Шутя и смеясь, они отправились домой.

Зима тем временем сделала небольшой перерыв, метели прекратились, и поэтому на улицах города было достаточно много людей.

Когда они повернули на Хауптштеттерштрассе, Виктор снова заметил того мужчину, который еще два дня назад показался ему подозрительным. Как и тогда, он прохаживался неподалеку от дома Эберле.

Виктор в ту же минуту забеспокоился о Юдит.

– Этот парень вон там, – тихо сказал он Эдгару, – какой-то подозрительный.

– Кто?

– Вон тот, в костюме и котелке. Он уже был здесь позавчера. Такое впечатление, как будто он что-то вынюхивает.

Эдгар кивнул.

– Давай возьмемся за него.

– Я думаю, это не повредит.

Они ускорили шаг, но на углу, на пересечении Софиенштрассе и Хауптштеттерштрассе, у них на пути встал незнакомец.

Виктор насторожился.

Он сразу же почувствовал большую опасность и инстинктивно сделал шаг назад.

– Виктор Райнбергер?

Незнакомец поднял руку.

Виктор смотрел непосредственно в дуло дуэльного пистолета.

Юдит услышала выстрел, когда отбирали плитки для автомата. Почувствовав неладное, она выронила шоколад, схватила шерстяной палантин и побежала ко входной двери. Алоиз Эберле, который в нескольких метрах от нее работал с металлом, положил инструмент и последовал за ней.

Выскочив на улицу, они увидели в нескольких метрах от дома толпу людей, некоторые зеваки подходили или выглядывали из окон соседних домов. Кто-то звал врача.

Юдит бросило в холодный пот. Девушка молилась, чтобы Виктор в этот момент не возвращался домой, но когда она пробралась сквозь толпу людей, то увидела Эдгара, стоявшего на коленях и склонившегося над кем-то.

– Виктор! – закричала она, находясь вне себя от страха и ужаса.

Эдгар посмотрел на нее и только покачал головой.

Юдит села возле него на корточки: мужчина на земле не был Виктором. Облегчение, которое она почувствовала, сразу сменилось новой волной беспокойства.

– Где он? – спросила она Эдгара.

– Я не знаю, все произошло слишком быстро.

Юдит вскочила и испуганно огляделась вокруг.

От Виктора и следа не осталось. Что же здесь происходило?

– Фройляйн Ротман! – это был голос Алоиза Эберле.

Юдит протиснулась в направлении, откуда раздался голос, и увидела Эберле, который ее высматривал. Когда она к нему подошла, он указал ей в сторону Софиенштрассе.

– Там!..

В тени домов Юдит увидела, как несколько человек дерутся. Но как только она бросилась туда, Эберле взял ее за руку.

– Он там. Но для вас это слишком опасно.

Юдит вся дрожала, беспомощно наблюдая, как Виктор в нескольких метрах от нее ведет жестокий бой.

В конце концов, кто-то упал на землю, и другие участники драки прижали его к мостовой. В наступающих сумерках Юдит все сложнее было рассмотреть детали, и она опять непроизвольно сделала шаг в сторону Виктора. Эберле снова ее остановил.

В этот момент на помощь поспешили несколько полицейских. Вместе им, наконец, удалось окончательно побороть человека на земле. Ему надели наручники и заставили встать. Остальные мужчины что-то

обсуждали.

Только сейчас Юдит удалось высмотреть Виктора, он разговаривал с одним из полицейских и показывал в ее сторону. Увидев ее, он сразу подошел к ней.

Эберле отпустил ее, и Юдит собралась было бежать к Виктору, но вдруг в глазах потемнело. Сразу после этого поле обзора сузилось, сердце начало быстро биться, руки и ноги стали холодными и ватными.

– Фройляйн Ротман? Вам нехорошо? – казалось, что голос Эберле доносится откуда-то издалека. Юдит смело сопротивлялась, чтобы не потерять сознание, но ноги не хотели ее больше держать.

Но упасть она не успела: девушку вдруг подхватили сильные руки, которые держали ее крепко и надежно.

– Со мной все в порядке, любимая, – она услышала тихий голос Виктора у своего уха.

– Хорошо, – прошептала Юдит и закрыла глаза.

– Нет же, – настойчиво говорил Виктор, – ты просто не можешь сейчас потерять сознание, Юдит. – Он поставил у ее рта руку, так, чтобы она могла вдыхать свой собственный воздух. – Старайся дышать спокойно и равномерно, – говорил он.

Юдит послушалась и почувствовала, как ей постепенно становится лучше.

– Лучше? – спросил Виктор.

Она кивнула.

– Я так испугалась!

– Все позади, – успокоил ее Виктор, и Юдит услышала изнеможение в его голосе.

– Что произошло? – шепотом спросила она.

– Кто-то, вероятно, решил свести со мной счеты, – ответил Виктор и взял ее за руку. – Ты себя достаточно хорошо чувствуешь, чтобы осмотреть раненого?

– Думаю, да.

Когда они приблизились к толпе зевак, которые все еще стояли на месте происшествия, врач уже был там и помогал потерпевшему.

Эдгар заметил Виктора и сразу же к нему подошел.

– Ранение серьезное, но не опасное для жизни, – сказал он.

Юдит обеспокоенно посмотрела на Виктора.

– Кто это? Ты его знаешь?

Виктор кивнул.

– Это мой отец.

Спустя час Фридрих Райнбергер был в мастерской Алоиза Эберле. Доктор был еще там, как и два полицейских. Эберле принес одеяла, на которые можно было уложить раненого.

– Виктор... – слабым голосом сказал пожилой мужчина.

– Отец?

– Он хотел тебя... – Фридриху Райнбергеру было сложно говорить.

– Я знаю.

– Сквозное ранение плеча, – перебил его врач. – Собственно говоря, я бы лучше отправил его в больницу Святой Марии, но его лучше как можно меньше двигать.

– Мы оставим его здесь, – решил Виктор.

– Я буду обрабатывать рану, – предложила Юдит, которая уже достаточно хорошо себя чувствовала.

– Договорились. На сегодня я все обработал. Но я оставлю вам компрессы и перевязочный материал на последующие дни. Перевязку нужно будет делать каждый день. Кроме того, я буду регулярно заходить, – сказал доктор и дал Юдит бутылочку с лизоформом. – Это дезинфицирующее средство, обрабатывайте им, пожалуйста, свои руки.

Виктор взял препарат.

– Я все сделаю.

Юдит хотела возразить, но Виктор покачал головой и быстро взглянул на ее живот. Она поняла. Он не хотел, чтобы ее ребенок пострадал.

– А ты сможешь его выхаживать, – сказал он в свое оправдание.

– Тогда я зайду завтра до обеда, – сказал врач и попрощался.

Юдит села к Фридриху Райнбергеру на одно из одеял. Он лежал с закрытыми глазами и спокойно дышал.

Виктор обратился к полицейским:

– Вы можете нас опросить. Мой отец даст сведения, как только позволит его самочувствие.

– Конечно, – ответил один из полицейских. – Не могли бы вы изложить свое видение произошедшего?

Виктор начал тихо рассказывать, что незнакомец пригрозил ему пистолетом и выстрелил, но он остался невредим только потому, что кто-то бросился между ними.

– Ваш отец?

– Верно, мой отец. Я успел увидеть тень, но все произошло очень быстро.

– Господин Нольд, вы тоже при этом присутствовали. Правильно?

– Да, – Эдгар подошел ближе. – У парня был дуэльный пистолет, он

прицелился в Виктора и нажал на курок. В этот момент кто-то оттолкнул Виктора в сторону, как сейчас выяснилось, это был его отец. Виктор устоял, а господин Райнбергер сразу же упал.

– Затем вы погнались за ним, господин Райнбергер?

– Да, вместе с другими людьми, которые случайно оказались рядом.

– Вы сможете описать нападавшего?

– Он был очень стройный и высокий, на его лицо была натянута шапка.

Я думаю, у него карие глаза, – попытался вспомнить Виктор.

– Подозреваемого мы допросим сегодня ночью. Вы сможете пойти с нами, господа? Нам очень помогло бы, если бы вы смогли его идентифицировать.

Тем временем Алоиз Эберле сделал кофе и каждому предложил кружку горячего напитка.

– Ты пока здесь справишься, Юдит? – обеспокоенно спросил Виктор.

– Да. Думаю, очень важно, чтобы вы установили, кто это.

– Это... Завецки, – пробормотал Фридрих Райнбергер, не открывая глаз.

– Завецки? Ты уверен? – удивленно спросил Виктор. – Откуда ему знать, где я?

– От Рокса, – тихо ответил отец.

– Рокс? Кто это?

– Детектив.

– Он нанял детектива? Откуда ты знаешь? И вообще – что ты делаешь в Штутгарте?

– Тоже Рокс, – Фридрих Райнбергер тяжело дышал.

– Он больше не может говорить, – сказала Юдит и с тревогой посмотрела на Фридриха Райнбергера. – Пусть он лучше отдохнет, прежде чем вы продолжите задавать вопросы.

– Я понял, – сказал Виктор. – Ты и Завецки, вы наняли одного детектива по имени Рокс, чтобы найти меня.

– Виктор, тот мужчина... – вмешался Эдгар.

– С котелком? – спросил Виктор.

– Да, – прошептал отец, – это был Рокс. – Он... ушел, когда Завецки с пистолетом...

– Но как же так получается, у тебя с Завецки общие дела, а потом ты спасаешь мне жизнь?

– Я не знал, что он для Завецки... ведет расследование. Я это понял, только когда сегодня... увидел Завецки.

– Он вел расследование для вас двоих и деньги получил от вас двоих, –

попытожил Виктор.

– Да, – Фридрих Райнбергер кашлянул.

– Виктор... – предупредила Юдит. – Пожалуйста, оставь его сейчас в покое.

– Этот Рокс, во всяком случае, предприимчив, – заметил Эдгар.

– Еще один вопрос, – сказал Виктор и виновато посмотрел на Юдит. – Рокс из Берлина?

Фридрих Райнбергер слегка кивнул.

– Эдгар... – сказал Виктор, но Эдгар уже вскочил.

– Я уже в пути.

– Гостиница... «Цур Пост», – добавил Фридрих Райнбергер.

– Что тогда с очной ставкой, господин Нольд? – спросил один из полицейских, с интересом следивших за разговором.

– Я позже приду в полицейский участок. Думаю, будет лучше, если один из вас сейчас пойдет со мной. Я предполагаю, что показания господина Рокса тоже будут весьма интересны.

Полицейские быстро договорились, и один из них подошел к Эдгару.

– Сначала в гостиницу, потом на вокзал? – спросил Эдгар.

– Я бы так и сделал, – ответил Виктор. – Я, конечно, не знаю, отправляется ли сегодня вообще дальний поезд из Штутгарта. Но он наверняка продумал альтернативу на случай, если ему придется быстро уезжать.

– Мы попытаемся, – сказал Эдгар и вместе с полицейским отправился в путь.

– Кто вообще этот Завецки? – поинтересовалась Юдит.

– Об этом я расскажу тебе позже, – ответил Виктор. – А сейчас я оставляю тебя с Алоизом, а сам поеду на очную ставку.

Юдит кивнула, и Виктор со вторым полицейским вышел из мастерской.

Как только он ушел, Фридрих Райнбергер открыл глаза.

– Вы... его любите.

– Да, очень.

– Ему... повезло... с вами.

Юдит улыбнулась.

– Мне с ним тоже.

– Я совершил... ошибку.

– Мы все ошибаемся, господин Райнбергер. Самое главное – признать ошибку, а если мы ее признаем, то пытаемся ее исправить. Если получается.

– Я... постараюсь...

– Вы сегодня все исправили. Если бы не вы, Виктора, скорее всего, не было бы в живых. А сейчас отдыхайте. Вы тяжело ранены, и вам нужны силы, чтобы поправиться. Когда вам станет лучше, вы сможете обо всем, что лежит у вас на душе, поговорить с сыном.

Райнбергер благодарно улыбнулся ей и, наконец, заснул.

– Я думаю, мне нужно объяснить тебе некоторые вещи, – тихо сказал Виктор, когда он далеко за полночь скользнул к Юдит в кровать.

– Я тоже так думаю, – сонно ответила она и повернулась к нему.

Он обнял ее.

– Как состояние отца?

– Я думаю, ему действительно повезло, но ближайшие часы еще, конечно, критические. Алоиз будет дежурить у него сегодня ночью.

– Я потом его сменю, – сказал Виктор. – Странно, не так ли? Я о нем даже не вспоминал, о своем отце, все это время. И вот, в ту секунду, когда речь шла о жизни и смерти, он вдруг появился.

– Слава Богу, – вздохнула Юдит. – Я даже не хочу думать, что могло произойти, если бы он не появился...

Виктор поцеловал ее.

– Чтобы немного отвлечь тебя, я сейчас расскажу тебе кое-что о моем прошлом. И ты сможешь решить, выйдешь ты замуж за такого мужчину или нет.

Юдит улыбнулась.

– Я внимательно слушаю!

– Прежде чем приехать в Штутгарт, я два года отбывал наказание в крепости Эренбрайтштайн, – начал Виктор.

Не скрывая ни малейшей детали, он шепотом рассказал ей свою историю. О своем детстве с любящей мамой и строгим отцом, ожиданиям которого он никогда не соответствовал. О времени, проведенном в военной академии, и о дуэли, которая повернула его жизнь абсолютно в другое русло.

– А этот Завецки? – переспросила Юдит, когда он закончил.

– Я узнал его во время очной ставки. Это брат того мужчины, который умер после дуэли. Он и утром был здесь, но я его не рассмотрел тогда. Я будто в тоннель попал.

Юдит чувствовала, что эта ситуация все еще очень волновала Виктора.

– Когда кто-то вызывает человека на дуэль, то с ним ведь тоже что-то может случиться. И ты же его не застрелил насмерть. Причиной смерти было заражение в результате ранения. Это могло точно так же и с тобой произойти.

– Могло. Но мне было бы гораздо легче, если бы он остался жив.

– А почему эта девушка вообще заявила, что ты к ней приставал?

– На самом деле это она при любой возможности пыталась ко мне приблизиться. Она вбила себе в голову, что хочет выйти за меня замуж, и намеренно подстроила компрометирующую ситуацию. Когда я отказался делать ей предложение, ее старший брат вызвал меня на дуэль.

– А младший захотел теперь отомстить за его смерть.

– Я сам с трудом в это верю. Но это, видимо, так.

Юдит начала пальцем рисовать контуры на груди Виктора.

– А этот Рокс сбежал? – спросила она.

– Похоже на то. Эдгару не удалось его найти.

– Ты оставишь это так?

– У меня нет никакого желания преследовать его до Берлина. Он просто ненасытный и поэтому вел двойную игру. Не для того, чтобы мне навредить.

– Но он понял, что произошло что-то неладное. Это плохо.

– Ну и что? Это уже в прошлом. А для нас начинается что-то абсолютно новое. Будущее. Если ты еще, конечно же, хочешь.

– Виктор...

– Да?

– Обними меня. Так, как мужчина обнимает свою женщину.

– Но ведь ребенок?

– С ребенком ничего не случится.

– Ты уверена?

– Да.

Он обнял ее сильнее и крепко поцеловал, проявив свое желание.

И бережно, но страстно сделал ее своей женщиной.

Глава 61

Вилла Ротмана, 24 января 1904 года

– Мы не можем это сделать! – в ужасе сказал Антон, когда увидел, что Карл подносит нож.

– Почему нет? – беспечно спросил Карл. – Это же, так сказать, свадебный подарок.

– Да, но это...

– Что уж там.

Для Карла дискуссия была окончена. С детским трепетом он опустил нож в пятиярусный свадебный торт, который стоял на столе в кухне и ждал своего торжественного выхода.

Кухарка приложила столько усилий, пекла его заранее днями напролет, и сегодня рано утром, пока весь дом еще спал, он уже был готов – ее кондитерский шедевр из песочного теста, бисквита, шоколадно-масляного крема и сливок.

– Ты же знаешь, Антон, я хорошо умею вырезать, – объяснил Карл своему брату. – Поэтому в конце все будет красиво. – Сосредоточившись, он в каждом ярусе торта вырезал несколько букв, пока Антон скептически стоял рядом.

– Но это же не забивание колышков, – сказал он. – Это торт.

– Какая разница?

Вырезанные куски отправлялись Карлу в рот, так что Антон вынужден был предъявить претензии.

– Оставь и мне немного!

Вымазанными в крем руками Карл дал кусочек брату.

– Это нечестно! – жаловался Антон.

– Ты ведь ничего не делаешь, – оправдывался Карл и продолжал работать.

Закончив, он сделал несколько шагов назад и посмотрел на результат.

– Я не могу ничего прочитать, – сказал Антон.

– Ну да! – возразил Карл с набитым ртом. – Нужно просто немного постараться.

Юдит проснулась очень рано, накануне она провела целую ночь дома одна, без Виктора. Это было для нее нелегко, но она хотела выполнить это желание ее отца. Он должен был кое-что с ней обсудить, а также поговорить о вещах, касающихся шоколадной фабрики. Виктор тем временем устроил мальчишник с Эдгаром и Алоизом Эберле. С сегодняшнего дня он будет жить с ней здесь, в доме ее отца. «Шоколадная

вилла», – так он шутя его назвал.

Сегодня утром, сразу после того как она проснулась, Юдит впервые почувствовала легкую пульсацию внизу живота. Ее ребенок. Новая жизнь. Счастливая и взволнованная, она встала.

Дора потратила особенно много времени на прическу. Бисерная лента была вплетена в искусно уложенные белые пряди, нежная фата обрамляла ее лицо. Когда пришло время, она надела свадебное платье, прекрасное бальное платье из украшенного вышивкой шелка цвета слоновой кости и кружева.

Это был день ее свадьбы.

Тео не мог не вычистить всех лошадей и сани, чтобы Виктор и Юдит первым делом сделали круг по деревне, несмотря на морозный зимний день.

После венчания в церкви Дегерлоха в виллу Ротмана были приглашены гости для празднования свадьбы. Когда Юдит под руку с Виктором вошли в вестибюль, все слуги выстроились и поприветствовали молодоженов. Кухарка вытерла слезы, и все начали сердечно их поздравлять.

Дом был красиво украшен зелеными ветками самшита и хвойных деревьев, а также бархатными лентами цвета слоновой кости, которые подходили под платье Юдит. На столе стояла красивая фарфоровая посуда, которая отлично сочеталась с серебряными приборами и бокалами из богемского хрусталя.

Дом наполняла радость, все присутствующие, конечно, включая молодоженов, были счастливы, даже старик Эбингер и его жена, которых Виктор пригласил, несмотря на сомнения отца Юдит, и которые с осторожностью приняли это приглашение. Доротеа пришла одна и сидела за столом между Эдгаром и Шарлоттой. Также присутствовали семья Нольд, родители Шарлотты, Веннингеры. Но Юдит особенно была рада видеть сестру Хенни, которая по причине большой загруженности зашла ненадолго, чтобы поздравить молодых.

Фридрих Райнбергер занял место рядом с Юдит. Он был еще слаб и бледен, но это не помешало ему в такой день подняться с постели. На случай, если ему станет плохо, в одной из гостевых комнат для него была подготовлена кровать.

Прежде чем свадебное застолье началось, Вильгельм Ротман встал и поднял бокал.

– Дорогая Юдит, моя дочь. Если бы мне четыре недели назад кто-то сказал, что ты сегодня выйдешь замуж за Виктора Райнбергера, я подумал бы, что этот человек спятил. Однако ты боец. Это то твое качество, которое

все эти годы доставляло мне много хлопот и седых волос. (Кто-то тихо засмеялся.) Как твой отец, я думал, что знаю путь, по которому тебе следует идти. И очень ошибался. Возможно, в будущем, когда ваши собственные дети вырастут, тебя постигнет подобный опыт. – Он откашлялся. – Ты боролась за свое счастье, Юдит. И я... горжусь женщиной, которой ты стала. И... твоя мать, разумеется, тоже. – Он смотрел на нее неуверенно, но преисполненный симпатии, и Юдит не могла сдержать слезы. Затем он обратился к Виктору. – Ну, Райнбергер. Вы обладаете не меньшей силой воли, чем моя дочь. Моя просьба как отца: следите за ней лучше, чем я.

Когда Вильгельм Ротман заканчивал произносить тост, его голос звучал более уверенно:

– Дорогие гости, давайте выпьем за будущее Юдит и Виктора Райнбергеров.

Бокалы зазвенели, раздались крики «ура», и Виктор нежно поцеловал Юдит. В этот момент по всему дому раздался пронзительный крик.

Все испуганно вздрогнули. Виктор и Вильгельм Ротман подскочили и быстро выбежали, чтобы посмотреть, что произошло.

– Это была Герти, – сказала Дора, которую Юдит сладкоречиво убедила быть подружкой невесты.

В течение нескольких минут были слышны жалобные крики, затем последовали успокаивающие мужские голоса, между тем было слышно, как ругается экономка. Посуда загремела, и Юдит в предвкушении перевела взгляд на своих братьев, сидевших в другом конце стола. В матросских костюмах, с аккуратно причесанными головками и чистыми лицами они выглядели так, будто были тише воды, ниже травы.

Наконец Виктор и ее отец вернулись, они открыли дверь для большого блюда, которое несли Роберт и Тео. За ними растерянно шла кухарка.

Когда Юдит увидела, что произошло, ее губы дрогнули. Она уловила взгляд Виктора и заметила, что он тоже еле сдерживает смех. Карл и Антон потупили глаза.

На фарфоровом блюде был роскошный свадебный торт, вернее, то, что от него осталось. В нем были вырезаны многочисленные дыры и пустоты, так что в одних местах он просел, а в других распался.

– О, сегодня утром он еще был прекрасен и цел, – причитала кухарка. – Я так старалась, это должен был быть свадебный подарок...

Дора, пытаясь утешить, обняла ее.

– Юдит, любимая, – спросил Виктор и подмигнул близнецам, – ты не хотела бы разрезать со мной этот свадебный торт?

Со слезами на глазах кухарка смотрела, как остатки ее кремово-шоколадной работы распределяются по тарелкам.

Пока гости были заняты тортом, отец Юдит отложил вилку в сторону и еще раз поднялся.

– Я думаю, – сказал он, – на вкус этот свадебный торт прекрасен. Незначительный эстетический недостаток мы все явно переживем. – Он быстро хлопнул в ладоши, так, будто подавал кому-то сигнал. – А этот шедевр предназначен исключительно для ваших глаз!

Двери снова распахнулись, и два работника шоколадной фабрики занесли еще одно блюдо.

Юдит не могла поверить своим глазам. Все гости были несказанно удивлены, казалось, что не будет конца «ахам» и «охам», Виктор тоже был очень впечатлен.

Это была вилла Ротмана, изготовленная полностью из шоколада. Каждый балкончик, все окна со ставнями, выступающий балкон и даже кровельная черепица были детально проработаны.

– Это творение создано не для лакомства, – усмехнулся Вильгельм Ротман, зная, что его сюрприз удался. – Но оно всегда вам будет напоминать, чтобы вы не забывали наслаждаться жизнью, дорогие молодожены!

Все восторженно зааплодировали. А глаза близнецов подозрительно заблестели.

Позже Виктор отвел в сторону Карла и Антона.

– А что, собственно, произошло со свадебным тортом? – спросил он.

– Это был наш подарок, – ответил Карл.

– Ваш подарок?

– Да. Торт стоял в кухне, и нам показалось, что он выглядел немного скучным.

– Тебе так показалось, – поправил его Антон.

– Словом, я вырезал «С наилучшими пожеланиями», – продолжил Карл. – Я вообще-то хорошо умею вырезать, – быстро добавил он.

– В таком случае я благодарю вас за этот подарок и от имени вашей сестры тоже. А вырезать мы еще потренируемся, согласны?

Эпилог

Мартин Фридрих Райнбергер родился рано утром 26 июня 1904 года, в воскресенье. Всю ночь Юдит испытывала родовые муки, но закончилось все благополучно.

Как только Виктор услышал первый крик ребенка, он ворвался в комнату Юдит, где акушерка еще занималась новорожденным.

Он осторожно обнял жену, которая, немного бледная и уставшая, лежала на подушке, и с нежностью убрал ей с лица пропитанные потом пряди волос.

Крошечного мальчика, которого Юдит вскоре приложила к груди, Виктор с первой секунды принял как собственного сына. Головка его была покрыта светлыми волосинками, и Виктор был уверен, что в будущем он будет похож на свою прекрасную маму. Он хотел бы показать его своему отцу, но Фридрих Райнбергер после выздоровления вернулся в Берлин.

Когда Юдит немного окрепла, она написала матери и сообщила ей, что та стала бабушкой. В ответном письме Хелена Ротман выразила большую радость относительно внука и пригласила маленькую семью навестить ее на озере Гарда. Юдит посоветовалась с Виктором, и он был в восторге от этой идеи. Они запланировали поездку на следующий год, не подозревая, что Макс Эбингер, как и прежде, поддерживал отношения с Хеленой Ротман, хотя и начал предпринимать все более продолжительные поездки в Италию, чтобы изучать архитектуру.

Шоколадная фабрика пережила тяжелые времена и начала процветать. Вильгельм Ротман принял Виктора и Юдит в правление и каждому поручил свою сферу деятельности. Со временем они возьмут на себя и другие задачи, но пока Ротман еще активно работал. Его опыт был незаменим.

Шоколадный автомат, который Виктор в марте, наконец, смог установить в зале вокзала в Штутгарте, пользовался большим успехом, и начали поступать первые заказы на следующие автоматы. Прежде всего, эксклюзивными моделями интересовались владельцы гостиниц и крупных торговых центров. К радости Виктора, старик Эбингер начал поддерживать их производство, так что в течение года они смогут значительно увеличить количество автоматов. Кроме того, Виктор занялся автомобилем для перевозки мороженого, узнав от итальянских производителей мороженого из Кельна, Лейпцига и Вены, что таким образом они продают в городах свои холодные десерты.

Среди клиентов были очень популярны экзотические плитки шоколада Юдит с различными специями, которые продавались в прелестных

эмалированных баночках. Мотивы, разработанные Эдгаром, очень скоро стали популярными предметами для коллекционирования.

Эдгар сделал предложение Доротеа, и они вдвоем решили после свадьбы переехать в Мюнхен, чтобы основать там эмалевую фабрику. Виктору, конечно, было жаль расставаться, но он знал, что баварская метрополия давно привлекала Эдгара.

Об Альбрехте никто ничего так больше и не услышал.

Карл и Антон баловались как и прежде, но Юдит сделала все для того, чтобы ее братьев не отдали в интернат, вместо этого они посещали начальную школу тети Ольги в Дегерлохе, чтобы затем, как они надеялись, перейти в гимназию. Сейчас, летом, занятия проходили в лесу, там стояли лавки, столы и стол учителя. Близнецам нравились такие уроки, их оценки значительно улучшились. Единственное, что им не нравилось, – это то, что их рассаживали, исходя из оценок за диктанты. Поскольку Антон всегда показывал намного лучшие результаты, чем его брат, они редко сидели вместе.

Вильгельм Ротман все еще очень тяжело переживал разлуку с женой. Он не стремился к разводу и примирился с решением Хелены остаться в Риве. Он очень любил своего внука и, как только предоставлялась возможность, уделял время маленькому Мартину, который рос и развивался. Утешение Вильгельм, как и прежде, находил у экономки Маргарет. С романом, о котором все в доме давно уже знали, просто безмолвно смирились.

Вскоре после свадьбы Юдит Роберт покинул виллу и начал работать на фирме «Бош». По слухам, он объединился с некоторыми «социалистами», даже вступил в Социал-демократическую партию Германии. О Бабетте не было никакой информации с тех пор, как она исчезла из исправительного заведения, куда ее направила сестра Хенни.

Дора, как и всегда, была самой близкой доверенной Юдит и взяла на себя роль няни, так как Юдит никому другому не хотела доверять своего сына. Часто Дора ездила с ребенком из Дегерлоха вниз в Штутгарт, когда Юдит была на шоколадной фабрике. Быть мамой и работать стало сложным испытанием для Юдит. Но поскольку Виктор ее безоговорочно поддерживал, ей блестяще удавалось совмещать несовместимое. Она любила свою жизнь. А жизнь любила ее. **Действующие лица**

Виктор Райнбергер: освобожденный заключенный из Берлина, остановившийся в Штутгарте в поисках своего счастья

Семья Ротман

Вильгельм Ротман: владелец шоколадной фабрики в Штутгарте. Родоначальник, окруженный множеством забот

Хелена Ротман: его жена, француженка, уехавшая в санаторий на озере Гарда в Риву в поисках новой жизни

Юдит Ротман: его дочь, уверенная в себе девушка с собственными планами и большой любовью к шоколаду

Карл и Антон Ротманы: его сыновья, близнецы, в чьих головах постоянно рождаются всевозможные озорные шалости

Прислуга

Маргарет: экономка

Дора: служанка, горничная

Бабетта: служанка

Герти: повариха

Роберт: дворový работник

Тео: кучер

Три друга

Макс Эбингер: сын машиностроительного предпринимателя. Красноречивый обольститель, испытывающий слабость к женщинам, абсенту и архитектуре

Альбрехт фон Браун: потомок богатой семьи банкира

Эдгар Нольд: художник, сын владельца мыловаренной фабрики, который по воле случая начинает делать карьеру

Подруги Юдит

Доротеа фон Браун: дочь банкира фон Брауна, сестра Альбрехта фон Брауна

Шарлотта Веннингер: дочь архитектора

В Риве

Георг Бахмайер: гость в санатории, проявляющий дружеский интерес к Хелене Ротман

Эгон Лейтц: владелец бумажного производства и гость в санатории

Госпожа и господин Клок-Зандер: супружеская пара, отдыхающая в санатории

В Берлине

Фридрих Райнбергер: отец Виктора, старший лейтенант прусской армии
Пауль Рокс (псевдоним: господин фон Траунтин): частный детектив, имеющий склонность к безделью и небольшому мошенничеству

Отто Завецки: брат студента военной академии в Берлине, которого Виктор ранил во время дуэли

Другие действующие лица

Августин Бальдус: писатель и поэт из Кобленца, родственник Эдгара Нольда, сокамерник Виктора в Эренбрайтштайне

Ребята Бёппле: три неугомонных брата из Дегерлоха

Банкир фон Браун: банкир Вильгельма Ротмана; отец Альбрехта и Доротеа

Старик Эбингер: очень богатый машиностроительный предприниматель с аристократическими амбициями, отец Макса

Госпожа Эбингер: его жена, женщина с большим добрым сердцем

Алоиз Эберле: швабский педант, любитель мастерить

Фриц: пятнадцатилетний рабочий, разделяющий амбициозные взгляды Роберта относительно классовой борьбы

Госпожа Лейтнер: хозяйка апартаментов Хелены в Риве

Владимир: рыжий пятнистый кот семьи Ротман

Исторические личности

Гермиона фон Пройшен: нестандартная художница и писательница, которая поистине жила увлекательной и беспокойной жизнью. Большая часть информации, использованной в романе, взята из ее биографии. Понятие «аутсайдер», которое в тексте кажется слишком современным, она применила к себе сама. Тот факт, что она в 1903 году отмечала Рождество в Риве, все же имеет драматургическую подоплеку.

Максимилиан Гарден: немецкий публицист и основатель еженедельника *Die Zukunft*, с которым в Берлине встречается (вымышленный) детектив Пауль Рокс. В 1906 году Гарден сдвинул с мертвой точки разоблачающую акцию против высокопоставленных представителей сексуальных меньшинств (среди которых в романе упомянут Филипп цу Эйленбург) из непосредственного окружения кайзера Вильгельма II, которая переросла в скандальную историю на государственном уровне и значительно испортила репутацию императорской династии. Начатые в ходе этой акции судебные процессы продолжались в течение многих лет.

Кристал (Кристоф) фон Гартунген: сын доктора фон Гартунгена, владельца одноименного санатория в Риве. Он действительно около года имел любовную связь с Гермией фон Пройшен, которая была намного старше его; пара во время своего романа пребывала в Берлине и в Риве, также они много путешествовали, в том числе и на Корфу. Кристал фон Гартунген разорвал эти отношения в письме, когда, как и предполагала Гермия, обручился с более молодой женщиной. Впоследствии он сожалел об отношениях с Гермией фон Пройшен.

Генриетта Арендт: тетя известного философа Ханны Арендт, которая была первой женщиной-полицейским в Германской империи Вильгельма и в феврале 1903 года поступила на службу в полицию Штутгарта. На тот момент двадцатидевятилетняя медсестра, которую чаще всего называли сестра Хенни, была представительницей женского движения и активно занималась вопросами падших женщин. Генриетта Арендт не отличалась на своей службе тихой преданностью, которую в то время ожидали от женщин. Напротив, она вскоре начала разоблачать нарушения в органах власти, в учреждениях и в самом аппарате полиции. Генриетта Арендт активно выступала против зарекомендовавших себя благотворительных организаций и таким образом нажила себе некоторых врагов. Ее бескомпромиссная и непреклонная позиция, в конце концов, вылилась в скандал, который привел к тому, что Генриетту уволили с должности, выдвинув ей необоснованные обвинения. Будучи униженной и оскорбленной, в 1910 году она изложила свои воспоминания в книге «Опыт помощника полицейского», где раздула скандал в Германской империи Вильгельма с полицией Штутгарта в эпицентре. В должности ее не восстановили и лишь спустя два года в немецкой империи вновь взяли на службу женщину-полицейского.

Источники информации о Генриетте Арендт дали мне возможность взглянуть на «окружение» в Штутгарте и позволили сделать выводы касательно образа мышления женщин того времени, которые находились на пороге нового самосознания.

Кстати, женщины на шоколадном производстве в Штутгарте действительно зарабатывали так мало, что некоторые из них вынуждены были заниматься проституцией, чтобы свести концы с концами.

Такие действующие лица из Дегерлоха, как доктор Кац, учитель или священник, не имеют ничего общего с действительно работавшими там в то время людьми. Это вымышленные персонажи, хотя я, конечно же, и собирала о них материал.

Также упоминаются:

Роберт Бош

Вильгельм Майбах

Готтлиб Даймлер

Вильгельм и Эмиль Файн

– все они успешные предприниматели Штутгарта.

Глоссарий

Аграф: украшение.

Панталоны: нижнее женское белье (широкое, до колен, внизу собиралось с помощью каймы или кружева).

«Цайт»: венская ежедневная газета.

Французская болезнь: сифилис, венерическое заболевание, которое было в то время достаточно распространено, особенно среди проституток.

Зеленая фея: абсент, цвет которого изменяется после добавления в него сахара и холодной воды.

Мамзель: экономка.

Мера: 1 дюйм – примерно 2,5 см.

Педераст: гомосексуалист в Германской империи.

Паста Джандуйя: национальное блюдо из Турина. Темная нуга, которая была получена, когда в период континентальной блокады Наполеоном при производстве шоколада часть какао заменяли жареным лесным орехом. Паста Джандуйя стала отдельным национальным блюдом. Она не имеет ничего общего со светлой нугой, которая не содержит какао.

Сидентикон: универсальный клей, широко распространенный примерно в 1900-х годах в Германии. Из-за входящих в состав компонентов издавал запах рыбы, так как производился из рыбьего клея.

Тока: плоская шляпа с развернутыми полями.

Бродяжничество: довольно частый состав преступления на рубеже столетий. Чаще всего под обвинение попадали девушки и женщины, которых задерживали в одиночестве на улицах городов, в том числе и в Штутгарте.

Валюта: марка (Германская империя), крона (Австрия), лира (Италия).

Исторические факты

Штутгарт на рубеже столетий

В Штутгарте индустриализация проходила гораздо позже, чем в других крупных городах Германской империи. Прежде всего, это связано с его неудобным расположением. Однако, когда город, наконец, начал преуспевать, он впечатлил своим изобретательским талантом и предпринимательской смелостью. На рубеже столетий были основаны крупные предприятия, известные и на сегодняшний день, среди которых «Роберт Бош». Наряду с развитием машиностроения и швейных фабрик Штутгарт был центром производства роялей и кондитерских изделий. Известные предприятия «Мозер-Рот», «Вальдбауэр», «Эсцет», «Риттер

Шпорт», по сей день существующие на рынке шоколада, были основаны в те времена.

О закулисье романа

В то время уже работала зубчатая железная дорога, ее и сегодня нежно называют Цаке («зубчик»).

Роскошные виллы, которые были для меня прообразом шоколадной виллы и других прекрасных особняков, находились в привлекающей внимание части города. «Колонией вилл» называли застроенный экстравагантными резиденциями населенный пункт, расположенный на лоне природы на окраине Дегерлоха. (В 1908 году Дегерлох вошел в состав Штутгарта.)

Описание шоколадной фабрики семьи Ротман связано с карамельно-шоколадной фабрикой «Мозер-Рот» того времени.

Универмаг «Бройнингер» описывался, исходя из нового здания 1903 года.

Электромеханическая фабрика C.&E. Fein действительно существовала в Штутгарте. Также документально подтверждена описанная в романе история изобретения первой электрической дрели. На сегодняшний день это предприятие расположено в Швебиш-Гмюнд.

Дороги Штутгарта описаны на основе старых изображений.

Зоопарк Нила существовал с 1871 года по 1906 год, все описания зданий и животных я нашла в источниках. Даже история о маленьком верблюде в конце главы о зоопарке взята из исторического источника (Юлиус Базлен «У Нила. Воспоминания о зоопарке», 1926 г.).

«Эльзасская таверна» на Эсслингерштрассе существовала на самом деле, однако ничего не известно о смежной комнате, в которой, невзирая на запреты, герои предавались игре. Гостевой дом был излюбленным местом встречи деятелей искусства и художников.

«Начальная школа тети Ольги» – частная школа, которая также была в Дегерлохе, а ее концепция проведения уроков на природе (летом) была в то время чрезвычайно прогрессивной.

Рождественский детский календарь «В стране Деда Мороза» мюнхенский издатель Герхард Ланг впервые выпустил в 1903 году. А в 1904 году он даже прилагался в качестве подарка к ежедневной газете *Stuttgarter Neues Tagblatt*.

Рабочее движение в Штутгарте, которое поддерживал Роберт, хотя и было более умеренным и менее радикальным, чем в других регионах империи, но проходило достаточно энергично. Гостевой дом «Цум

Гольденен Берен» был местом проведения их профсоюзных собраний.

Забавные истории. Во время дождя пассажиры трамваев в зависимости от обстоятельств действительно могли получить пару ударов электрическим током. Подтвержден и эпизод с королем, который просто мчался по городу на своей повозке. Так же, как и случай с Бранд-Якобом (Культура повседневности, Воспоминания Вильгельма Гампа, 1900).

Исторические погодные условия. Зима 1903/1904 принесла в ноябре много снега в Южную и Юго-Западную Германию.

О шоколаде

В 1890-х годах действительно существовали первые шоколадные автоматы фирмы «Штольверк» из Кельна, которые пользовались спросом во многих уголках мира, например в Нью-Йорке.

Идея с коровой, конечно же, связана с фирмой «Милка». В 1901 году на немецком рынке появился шоколад «Милка» («Милка» означает соединение слов «милх» (то есть молоко) и “какао”) в лиловой упаковке. Корова тогда была напечатана в черно-белом цвете. Лиловая корова, известная нам на сегодняшний день, появилась только в 1973 году.

Кстати, производились и шоколадные автоматы в виде животных. Так, например, была курица фирмы «Штольверк», которая даже кудахтала, когда «выдавала» шоколад (однако такой автомат появился спустя несколько лет после событий, описываемых в «Шоколадной вилле»).

Рива и озеро Гарда на рубеже столетий

В отличие от сдержанного Штутгарта, в Риве гении Центральной Европы подрывали узкие рамки и моральные представления того времени. Томас и Генрих Манн, Гермiona фон Пройшен, Кристиан Моргенштерн, Карл Май и его супруга, а позже и Франц Кафка – все они отправлялись туда в поисках здоровья и вдохновения, а также нового восприятия своего тела, и в случае с некоторыми из них – откровенной сексуальности. Санаторий Гартунгена действительно предоставлял для этого все условия. Очаровательной природой прямо на берегу озера Гарда можно насладиться и в наши дни, хотя здания санатория уже разрушены.

Рива в то время относилась к Тиролю, поэтому была территорией с немецкими и итальянскими нотками. Валютой была крона, частично лира. Ввиду пребывания там многих немецких гостей, я исходила из того, что не было никаких проблем при оплате марками.

О декорациях

Площадь Беначенсе – это сегодняшняя площадь Piazza Tre Novembre, башня Аппонале (построенная в XIII веке, в XVI веке надстроенная) и сегодня является символом Ривы.

Книжный магазин Г. Георги в начале XX века был «справочным бюро по всем вопросам иностранного туризма и путешествий».

Экскурсия в Венецию

Кафе «Флориан» в аркадах старых прокураций, служебных помещений венецианских строительных ведомств, было открыто в 1720 году и существует под руководством меняющихся владельцев и до сегодняшнего дня. Оно на себе испытало переменчивую историю Венеции. Кроме того, это было одно из немногих кафе, вход в которые был разрешен женщинам, следовательно, это было одно из любимых мест Казановы. «Флориан» может похвастаться такими известными посетителями, как Гете, лорд Байрон, Оноре де Бальзак, Марсель Пруст, Томас Манн, Рихард Вагнер, Хуго фон Гофмансталь и Жан Кокто. Биеннале в действительности был придуман именно там.

Не существует никаких исторических прообразов для членов семей Ротман, Райнбергер, фон Браун, Эбингер, Веннингер. Эти образы были разработаны, исходя из социальной структуры Штутгарта того времени.

Благодарности

«Шоколадная вилла» была написана в довольно беспокойный для меня период, который был отмечен большими переменами и нововведениями, а также требовал невероятной силы. Поэтому я от всего сердца хотела бы поблагодарить всех тех, кто мотивировал меня и помогал советом, и тех, кто во многих решающих моментах был рядом со мной.

Прежде всего, я крепко обнимаю своих детей. Вы все замечательно вынесли и поддержали маму, которую на протяжении множества часов вынуждены были делить с письменным столом.

Затем хочу поблагодарить своих родителей, брата и сестру, которые непоколебимо верили в меня и в идею книги. Мама, папа, Урсула, Мартин, вы столько раз меня выручали, когда написание книги переходило в «сложную» фазу. Вы самые лучшие!

Я также очень рада иметь таких невероятных друзей, которые остаются со мной даже тогда, когда я постоянно спешу и мыслями нахожусь где-то в другом месте.

В Земельной библиотеке Вюртемберга я, как и всегда, нашла огромную поддержку. И это, несмотря на период большой перестройки, которая в настоящий момент осложняет библиотечную деятельность. Меня очень радует тот факт, что отныне я смогу искать информацию в новых помещениях!

Огромная благодарность моему агенту доктору Уве Ноймару из команды агентства «Гофман» в Мюнхене, который благодаря своему опыту и превосходному чутью относительно предложенного материала открыл мне путь в издательство Penguin.

Там моя редактор доктор Бритта Клаус сразу же с любовью и огромным участием приняла «Шоколадную виллу» и помогла мне пройти этот путь, отмеченный большой спешкой, с огромным профессионализмом и невероятным умением хорошо чувствовать автора и текст. Фридерика Ахиллес, в конце концов, отшлифовала эту историю. Благодарю также всю команду издательств Penguin и Random House в Мюнхене. Каждый из них поспособствовал тому, чтобы «Шоколадная вилла» и ее персонажи стали такими реалистичными. И, в конце концов, именно они представили ее миру!

Я не могу назвать по имени всех тех, кто в этот период придумывал мне идеи, придавал сил и поддерживал своим необыкновенным оптимизмом. Но каждому, кто был связан со мной в этот момент, я искренне благодарна.

А сейчас, в конце книги, прожив длительное время с главными героями, прочувствовав их любовь, страдания, иногда даже борьбу, пришло время

отпустить их и надеяться, что дальше они сами пойдут своей дорогой. Я буду очень рада, если «Шоколадная вилла» принесет вам, моим дорогим читателям и читательницам, несколько прекрасных часов. Лучше всего их провести с кусочком вкусного шоколада.

*От души благодарю,
Мария Николаи*

Примечания

1

Heure verte – неформальное общение, обычно сопровождающееся предложением алкоголя, напитков и легких закусок. (Здесь и далее прим. пер.)

Вернуться

2

Цаке – так местные называют зубчатую железную дорогу.

Вернуться

3

Пфаффенвег – улица в Штутгарте.

Вернуться

4

Старый Вайнштайге – район в Штутгарте.

Вернуться

5

Illustrierte Frauenzeitung – женский журнал мод, популярный в начале XX века.

Вернуться

6

Panta rhei – в переводе с греческого: «Все течет, все меняется».

Вернуться

7

Миттербад – популярный курорт в Южном Тироле.

Вернуться

8

Айнтопф – блюдо немецкой кухни, густой суп.

Вернуться

9

Шампанская флейта – самая популярная форма бокала для шампанского.

Вернуться

10

Кёпеник – административный район Берлина на юго-востоке города.

Вернуться

11

«Берлинер Киндл» – самая известная и популярная марка пива в Берлине.

Вернуться

12

Айсбайн – блюдо немецкой кухни из маринованного окорока, обычно копчено-вареного.

Вернуться

13

Уккермарк – район в Германии.

Вернуться

14

La Serenissima (Серениссима, *итал.* «светлейшая») – торжественное название Венецианской республики.

Вернуться

15

Вапоретто – основной вид общественного транспорта в Венеции, представленный водными трамваями или теплоходами.

Вернуться

16

Гранд-канал – самая известная протока в Венеции между островами лагуны.

Вернуться

17

Пала д'Оро – алтарный образ в базилике Святого Марка; его также называют «золотым алтарем».

Вернуться

18

Дворец дождей – великий памятник итальянской готической архитектуры, одна из главных достопримечательностей города.

Вернуться

19

Миллефиори – разновидность мозаичного стекла, как правило, с цветочным узором.

Вернуться

20

Адвент – четырехнедельный период, предшествующий Рождеству.

Вернуться

21

Название улицы Зильбербургштрассе происходит от нем. *silbel* – серебро.

Вернуться

22

Замковая площадь – самая большая площадь в центре Штутгарта, где расположен Новый дворец.

[Вернуться](#)